

НЕВА

6
2018

ВЫХОДИТ С АПРЕЛЯ 1955 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Евгений КАМИНСКИЙ

Стихи • 3

Михаил ПЕРШИН

Небожитель. Уж полночь близилась. Сказки Венского леса.

Виртуальная жизнь офисного планктона. *Рассказы* • 7

Екатерина БЛЫНСКАЯ

Стихи • 103

Олег РЯБОВ

Африканский след. Как и все!

Я умел летать. *Рассказы* • 108

Наталья ЕЛИЗАРОВА

Стихи • 121

Михаил СТРИГИН

Рождение. Chuzhak. *Рассказы* • 124

Игорь МОЩИЦКИЙ

Пять писем Ильфа • 145

ПЕРЕВОДЫ

Эдгар Аллан ПО

Ворон. *Перевод Олега Тиходеева* • 175

Проблема сохранения структуры текста при переводе

«Ворона» Эдгара По. *Комментарий Олега Тиходеева* • 177

ПУБЛИЦИСТИКА

Виктор КОСТЕЦКИЙ

Философия религии: путь к реальности • 180

КРИТИКА И ЭССЕИСТИКА

Александр БАЛОД

Крузо в Московии: шпионская история • 189

ПЕТЕРБУРГСКИЙ КНИГОВИК

Искусство чтения. Елена Невзглядова. Ксения Дьяконова и ее Флорианополь. **Рецензии.** Людмила Агеева. Музыка времени. Ирина Чайковская. Теодор Рузвельт как президент и путешественник. Сергей Левин. Гений и злодейство в ужасный век. **Книжный остров.** Публикация Елены Зиновьевой • 211

ПИЛИГРИМ

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

Палестинские обитатели и Россия.
Часть 8 • 238

Издание журнала осуществляется при финансовой поддержке Министерства культуры и Федерального агентства по печати и массовой коммуникации.

*Перепечатка материалов без разрешения редакции «Невы» запрещена. Электронную распечатку рукописей присылать на почтовый адрес журнала (191186, Санкт-Петербург, а/я 9).
Рукописи не возвращаются и не рецензируются.*

Главный редактор
Наталья ГРАНЦЕВА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Александр Мелихов (зам. главного редактора). **Игорь Сухих** (шеф-редактор гуманитарных проектов). **Ольга Малышкина** (шеф-редактор молодежных проектов). **Елена Зиновьева** (редактор-библиограф). **Наталья Ламонт** (редактор-координатор).

Дизайн обложки **А. Панкевича**
Макет **С. Булачевой**
Корректор **Е. Рогозина**
Компьютерный набор **Л. Жуковой**
Верстка **Д. Зенченко**

Евгений КАМИНСКИЙ

* * *

С Луны упавший — вечно одинок,
пусть даже здесь найдут его в капусте...
Такого, если схватит осьминог
земной тоски — до смерти не отпустит.

В толпе их поведение таково:
все смотрят на часы, как ждут кого-то...
Но это — ложь! Здесь нет ни одного
готового понять их обормота.

Молчалиных везде — как прусаков,
и несть числа с трибун трубящим Чацким...
Где в мире взять обычных дураков,
чтоб о высоком было помолчать с кем?

Не жить им здесь, а маяться: сиречь
молчать о том, что правда жизни — враки,
ведь нету слов таких, чтоб то изречь,
что ясно на Луне любой собаке...

Им с птицами бы дружба подошла,
но гнезда в их берлогах вьют девицы...
Ах, без духовной жажды жизнь пошла,
но без плотской — для жизни не годится.

Уж лучше б им в капусте умереть!
Не вижу здесь ни инь для них, ни ян я...
А не умрут — на злых словечек медь
растратят ведь все золото молчанья.

Пока не проболтались — на Луну
вернуться б, блудным им — к Отцу с повинной.
Глядишь, и не вменится им в вину
зарытый в землю дар их соловьиный.

Евгений Юрьевич Каминский родился в 1957 году. Поэт, прозаик, переводчик. Автор десяти книг стихотворений и нескольких книг прозы. Публиковался в журналах «Октябрь», «Звезда», «Юность», «Литературная учеба», «Волга», «Урал», «Крещатик», «Дети Ра», «День и ночь», «Плавучий мост», «Зинзивер» и других, в альманахах «День поэзии», «Поэзия», в «Литературной газете». Участник поэтических антологий «Поздние петербуржцы», «Строфы века» и многих других. Лауреат премии Гоголя за 2007 год. Живет в Санкт-Петербурге.

* * *

Поэт все же мученик где-то,
читай: страстотерпец, но я
здесь вам про счастливец поэта —
влюбленного в жизнь соловья.

Без жалких душевных страданий,
подальше от русских полей,
все больше для Франций и Даний
свистит он из рощи своей.

Влюблен, как биолог, в природу
и в этих, в метро, без имен,
он льет без зазрения воду
на мельницу смутных времен.

Стоящий от власти ошую,
не бывший от власти в бегах,
умеет он славу большую
иметь при хороших деньгах.

Пусть он по-немецки прижимист
и к стонам Руси глуховат,
но жизни при всяком режиме
готов прокричать он: «Виват!»

И знаешь, так искренен, право,
крик этот, так празднично свеж,
что даже такая *отрава*
мне кажется правдой, хоть режь.

* * *

Если встал не с той ноги
и мрачнее тучи,
ты в галоши сапоги
сунь на всякий случай.

Ведь в галошах — хоть куда
через все невзгоды —
вплоть до Страшного суда,
не боясь погоды.

В них простуда не берет
и потоп не страшен,
в них шагай себе вперед
бесшабашно, рашен.

В них героев ты уже
записных не хуже,
даже если ты, Кижэ,
никому не нужен.

Здесь они тому нужны,
кто живуч, собака,
жизнь свою, как стан княжны,
бросив с полубака.

Здесь идут они тому,
кто никем не понят,
но не стонет здесь «тону!»,
даже если тонет.

Кто уж если и утоп
в день какой хороший,
наплевав на личный гроб,
предпочтет галоши.

ПТИЦА

Взлетела, и слов уже нету:
о, синее море вина!
Ну как синь пьянящую эту
не пить, даже если пьяна?!

И где-то там пятиться раком
иль кольца крутить, как змея,
когда, как соитие, лаком
здесь каждый глоток бытия?!

Как можно быть разумом трезвой,
когда вам позволил Творец,
теряя сознание над бездной,
себя обретать наконец?!

Бродягам, лишенным амбиций,
им собственных перьев не жаль:
им лишь бы к свободе пробиться
и крыльев раскинуть скрижаль.

Не нужно им знать и пытаться,
не важно им что и когда,
ушат ледяющих нотаций,
гляди, с них — как с гуся вода...

Не жизнь, а мечта идиота!
Не смыслит ни в чем эта дичь,
а все же таится в ней что-то,
чего, и вместив, не постичь.

ЦАРЬ ИУДЕЙСКИЙ

Он знает то, что будет наперед:
как с плеч, разбитых в кровь, сорвут одежды...
Когда не кесарь судит, а народ,
на справедливость нет уже надежды.

Врученную доигрывая роль,
весь там уже, в финале, поневоле,
Он знает — дальше боль и только боль...
Но что любой об этой знает боли?!

Стоит и все глазами ищет мать.
Все тверже дух в Нем, все бесплотней руки.
Душе, не дрогнув, муку принимать,
но плоти-то ведь — корчиться от муки...

Ему уже открыто, что теперь
Отец его в Нем стал бессильным эхом,
чтоб на кресте Он был лишь человеком,
в которого вцепился лютый зверь.

ИЗБИЕНИЕ МЛАДЕНЦЕВ В ВИФЛЕЕМЕ

Замкнулся круг... Смолкает стали звон,
под всадниками хрипло дышат кони.
Как мертвенно-бескровен небосклон —
ни птицы, ни звезды на небосклоне.

Скрип снега, с петель сорванных дверей...
Вот и разыгран — никуда не деться —
сюжет с надсадным криком матерей,
взирающих на кровь своих младенцев.

Ведь если Тот, кто где-то здесь рожден,
оставить может Ирода без шансов,
рожать — по сути, лезть тут на рожон.
Им может быть любой из этих агнцев!

Нет, в смерти их никто не виноват —
ни царь, ни меч, что выхвачен из ножен,
и, может быть, излишне грубоват,
но нежный здесь — едва ли не безбожен.

И стоит ли считать людьми всех тех,
в ком зла еще — ни капельки, ни крохи?!
Выходит, не велик и этот грех,
а кровь пустить — на пользу лишь эпохе?

РАССКАЗЫ

НЕБОЖИТЕЛЬ

Перед выходом из дому Дмитрий Михайлович Торошин сказал своей жене Анне Романовне:

- Если Леночку оставят, сразу мне звони.
- Почему *если*? Маревич сказала: «Во вторник приходи окончательно».
- Ага, а в четверг было не *окончательно*?

Леночкой звали дочь Дмитрия Михайловича и Анны Романовны, а Маревич была акушером-гинекологом из славного Московского института, соответственно, акушерства и гинекологии.

Торошины считали, что им чрезвычайно повезло, что именно к Людмиле Викторовне Маревич удалось попасть Леночке, чей срок беременности подходил к концу. Впрочем, удачей, сиречь случайным совпадением положительных факторов, это можно было назвать с некоторой натяжкой или, по крайней мере, оговорив, что она была результатом определенных усилий: сперва выяснить, кто считается лучшим врачом, а потом попасть к ней на прием и обаять настолько, чтобы она согласилась принять Леночку под свое крыло. Все это блестяще удалось Анне Романовне. Дмитрий же Михайлович в *обшивании* непосредственного участия не принимал: пока Леночка с мамой были в кабинете врача, он сидел в коридоре и трепеливо ждал результата. (Что это? Опечатка: *трепеливо* вместо *терпеливо*! Не претендуя на авторство неологизма, будем скромно считать ее опечаткой по Фрейду. Как говорили в те поры молодые и молодящиеся, Зигмунд жжот.)

Вот уже месяца полтора Леночка — то с мужем Вадиком, то с матерью, то, когда у Дмитрия Михайловича выдавался так называемый библиотечный день, с обоими родителями — посещала Людмилу Викторовну со все сокращающимися разрывами между визитами: сперва — раз в две недели, потом еженедельно, а в последнее время — и еще чаще: как можно понять из приведенного выше диалога, последняя «увольнительная» (как называл эти перерывы будущий дед) длилась с четверга до вторника.

Уже две недели Леночка являлась со всем необходимым в роддоме имуществом: халатиком, зубной щеткой и далее по списку, который понятен даже мужчине, потому что так собираются в любую больницу. Ну плюс еще прокладки какие-то, чулки специальные... В общем, все, что было перечислено на сайте института. И каждый раз после осмотра Маревич отпускала ее со словами: «Погуляй еще до...» В четверг уже точно ждали, что оставит, так нет — до вторника отложила.

Сегодня Леночку предстояло сопровождать Вадику. Это служило молчаливым и всеобщим признанием: уж теперь-то — решительно и окончательно.

И все же в голове Дмитрия Михайловича как-то не укладывалось, что вот оно на самом деле. То есть месяц назад он как раз был уверен в этом. А потом постепенно

Михаил Першин родился в 1955 году в Баку, там же окончил университет. Прозаик и драматург. Публиковался в журналах «Юность», «Огонек», «Урал» и др.

привык, что все откладывается, и хотя, с одной стороны, начал даже немного волноваться, как бы не *переходить*, с другой — ему казалось, что да, все непременно свершится, но вот только не сегодня. Тем не менее вслух он произнес:

- Не знаю, как ты, а я уверен, что сегодня все будет.
- Да должно бы. Куда уж дальше?
- Нет, не *должно бы*, а я *уверен*.

Ему хотелось, чтобы его предчувствие было весомей жениной умозрительной логичности. Она это поняла и вместо того, чтобы продолжать разговор, тем более что смысла в этом не было, сказала:

- Ну ладно, иди. Я позвоню, если что.

И он отправился на трудовые подвиги.

Дмитрий Михайлович работал в издательстве, где редактировал детские журналы для мальчиков. Ну еще книжки комиксов, в общем, всякую такую *литературу*. Основным его детищем были «Пионеры-бумси».

Те, у кого есть дети, хорошо знают серию игрушек, вокруг которой создан целый мир Бумсиландии: мультсериал, книжки с текстом и книжки-раскраски и несметное число самых разных товаров: от ластиков и обложек для тетрадей до детской мебели и самокатов. Немаловажное место среди этой продукции занимает журнал. Но даже самые заядлые фанаты Пионеров-бумси и внимательнейшие читатели журнала вряд ли обращают внимание на имена, указанные в его выходных данных. Те же немногие, кому довелось заглянуть в этот малоинтересный раздел, найдут там строку:

Главный редактор — Дмитрий Торошин

(У них по-западному даже генеральный директор издательства заявляется без отчества.)

Чтобы быть совсем точным, надо сказать, что Дмитрий Михайлович редактировал русскую версию журнала, выходившего в 23 странах на 16 языках. О чем мы и сообщаем тем, кто уже знаком с миром Пионеров-бумси. А те, кто в силу различных жизненных обстоятельств далек от круга детских интересов, очевидно, нуждаются в более подробных объяснениях.

Бумсиландия — космическая страна, населенными пунктами которой являются близлежащие планеты. Нет, к планете слово *лежать* не очень подходит. Ну пусть будет *близлежащие*. Впрочем, если сами авторы этой эпопеи не слишком-то задумывались об астрономической достоверности, то что уж нам-то проявлять излишний педантизм?

Надо сказать, что заселена весьма небольшая часть Бумсиландии. Как раз *освоены* необжитых планет и заняты Пионеры-бумси. И все было бы хорошо, если бы параллельно с ними *захватить* (чувствуете разницу?) эти космические объекты не пытались Пираты-керуки, злые, беспринципные и... В общем, пираты — что с них взять? Как Бумси, так и Керуки (без дополнений «Пионеры-» и «Пираты-» их следовало писать с заглавных букв) обладают широким спектром совершенно сказочных свойств и орудий. Впрочем, сказочность эта закамуфлирована под научно-фантастичность. Например, то, что в сказке было бы живой водой или молодильными яблоками, здесь оказывается, соответственно, эликсиром профессора Бауэра и плодами, полученными в результате селекции в Парафрут-лаб. Все попытки Дмитрия Михайловича перевести «Парафрут-лаб» как «Лаборатория фруктологии» или хотя бы «Лаборатория парафруктов» разбились о твердое желание партнеров сохранить в неприкосновенности оригинальные названия, как разбиваются волны Атлантики о рифы Карибского моря.

Нетрудно догадаться, что этот парафраз истории освоения американского континента, развернутый на миллиарды парсек, и придумали на том самом континенте правнуки пионеров прерий и остепенившиеся потомки карибских корсаров.

Кстати, насчет «пионеров». С ними тоже произошло *некоторое бодание*. Сразу после того, как издательство, в котором трудился Дмитрий Михайлович, заключило договор с Superwiller group — производителями игрушек и владельцами франшизы, он вместе с девочками из международного отдела стал бомбардировать правообладателей письмами о том, что «пионер» для русского читателя имеет совершенно иной смысл, чем для американского, предлагая замены: «первопроходцы», «открыватели», просто «герои». Но из-за океана твердо отрезали: во всем мире известен *бренд* «Пионеры-бумси», и любое, хотя бы малейшее, отклонение от канона недопустимо.

После первых месяцев взаимного непонимания русская сторона в лице Дмитрия Михайловича усвоила, что не стоит и предлагать, что подлежит обсуждению, а что можно спокойно менять, не опасаясь возмущения партнеров. И началась довольно ровная и довольно плодотворная работа.

Кроме «Пионеров-бумси», у Дмитрия Михайловича был еще журнал раскрасок «Раз краска, два краска», но с ним возни было немного: там работали главным образом верстальщики, а редактору оставалось только придумывать какие-то вступительные слова, вроде:

Вот и осень наступила, листья пожелтели, покраснели... А какими они еще стали? Быстро бери карандаш и выясни это.

Да к тому же еще и при верстке оказывалось, что места для такого многословия нет, и все сокращалось до:

Раскрась-ка деревья в осенние цвета!

И еще были книжки комиксов. То есть, по сути-то, они действительно были *книжками*, но по высшим издательским соображениям выпускались как периодическое издание, с соответствующей нумерацией. Несмотря на определение *периодическое*, никакой периодичности в их выпуске не соблюдалось, и как раз в описываемый нами период комиксы не намечались. К счастью. Потому что если бы ко всем срочным журнальным делам еще и они — так вообще бы труба!

Кстати, читатель! Увлеченный тонкостями детско-развлекательно-игрушечно-издательского процесса, вы не упустили из виду того, с чего мы начали, — грядущих родов дочери Дмитрия Михайловича? Вот видите, а ведь вас от начала рассказа отделяет всего несколько абзацев. Так что не стоит удивляться тому, что и Дмитрий Михайлович за час и семь минут, которые заняла у него дорога от дома до работы, — нет, конечно, не совсем забыл о том, что должно сегодня произойти, это и невозможно: он был внимательным, любящим отцом, — но перестал думать об этом непрерывно и обратился мыслью к делам рабочим. Конечно, Леночка все равно постоянно *была рядом*. Но именно рядом — как сосед, сидящий в метро на одном с тобой сиденье: ты помнишь, что он здесь, и можешь скосить глаз, чтобы посмотреть, что там он читает или во что играет, можешь даже перекинуться несколькими словами, спросив, который час, или посетовав на духоту в вагоне, но это не отвлекает от чтения своей газеты или размышлений о работе. Как это и было с Дмитрием Михайловичем.

Его ждал напряженный день. Предстояло сдать очередной номер «Пионеров», и уже пришел перевод следующего, который надо было срочно отредактировать и передать на верстку. К тому же его постоянная напарница Ира Грекова ушла в отпуск, так что могло внезапно *свалиться* что-то из ее работы. Конечно, Ира перед отъездом *все хвосты подчистила*, но в окончательности этой подчистки никогда не могло быть уверенности. На самом деле и тот номер, который предстояло сдавать самому Дмитрию

Михайловичу, пока не был окончательно утвержден американцами, и в последний момент они могли прислать еще какие-то исправления. А самое главное — могли возникнуть дела, о которых заранее даже и не догадываешься.

Так оно и вышло.

Дмитрий Михайлович сел за свой стол и включил компьютер. Ввел пароль, зашел первым делом в почту, и — опаньки! — три письма: от Нелли, секретарши, и два — от Кати Пораниной из международного отдела, той самой, что общалась с купервиллеровцами и служила передающим звеном между ними и главным редактором.

Тут мы вынуждены снова отвлечься от основной нити повествования. Так же как читателей, не растящих детей соответствующего возраста, пришлось ввести в мир Пионеров-бумси, так и тем, кто не имеет отношения к издательскому процессу, надо пояснить, что из себя представляет главный редактор журнала.

Образ Главного Редактора журнала складывается у большинства людей по аналогии с образом главного врача больницы, или главного режиссера театра, или, по крайней мере, главного технолога на фабрике. То есть он представляется либо самым большим начальником на предприятии (как главврач или главреж), либо руководителем крупного подразделения (как технолог). К тому же при словах «главный редактор» в памяти читающей публики всплывают имена Твардовского, чей «Новый мир» был властителем дум в давнишнюю «оттепель», или тех, кого, в пору ее ремейка тридцатью годами позже, называли прорабами перестройки. Да что там говорить! А Кольцов, а — копнем еще глубже — Некрасов? Какие фигуры! Что за имена! Вот это и есть главный редактор, не так ли?

Так-то оно так. Только ни к Дмитрию Михайловичу, ни к еще семи *главным редакторам журналов*, работавшим рядом с ним (об одной из них, Ире Грековой, мы уже упомянули), вышесказанное ни в малой степени не относится. В их подчинении не было не только *коллектива*, но и вовсе никого. Вообще, главный редактор журнала стоит в издательской иерархии на самой низшей ступени, он пролетарий, который пашет журнальную ниву, давая самому себе задания в качестве *главного* и выполняя их в качестве просто *редактора*. Конечно, не он один находится на этом уровне: тут и дизайнеры, и верстальщики, и — в других, не редакционных отделах — сотрудники какого угодно профиля: от менеджера складских помещений до айтишника, следящего за работой компьютеров. Единственная категория служащих, которые смотрят на всех них (в том числе и на главных редакторов) снизу вверх, — это уборщицы-среднеазиатки, да и то по причине традиционного пиетета людей, делающих что-то руками, к тем, кто работает головой, прикасаясь в лучшем случае к клавиатуре или карандашу.

Это, впрочем, относится лишь к формальной стороне дела. Неформально Дмитрий Михайлович пользовался большим авторитетом коллег. Ну примерно как на заводе космической техники уникальный фрезеровщик, который может выстрогать на своем токарном станке любую деталь для ракеты с точностью до микрона и к которому генеральный конструктор обращается на «вы». Но все же, как ни крути, фрезеровщик он и есть фрезеровщик.

Впрочем, представление широких народных масс о том, что такое главный редактор, иногда играло на руку Дмитрию Михайловичу и ему подобным. Например, когда звонил возмущенный родитель ребенка, пославшего в журнал свои каляки-маляки две недели назад, с вопросом, почему нет рисунка в накануне вышедшем номере. В этом случае Нелля, к которой поступали все входящие звонки, сперва уточняла, о каком журнале идет речь, а потом произносила магические слова: «Минуточку, я соединю

вас с главным редактором». Эта фраза действовала умиротворяюще: звонившему представлялась огромная организация, где-то на самой вершине которой сидит — нет, восседает! — почти недостижимый Главный, с кем его (Главного) личная секретарша его (звонившего) соединяет. А могла бы ведь и не соединить. После этого тон претензии менялся на просительный, что-то типа: «Не могли бы вы спросить у того, кто этим занимается, что там с рисунком Ксюши Перепонкиной». Да, и еще «Извините» — в самом начале: «Извините, не могли бы вы...» Но что небожитель (-ница), снисходя до личного общения с читателем, вальяжно отвечал (-а):

— Видите ли, к нам ежедневно приходят сотни писем, а в номере мы можем опубликовать десяток рисунков максимум. Так что, сами видите, вероятность, что рисунок вашей Ксюши попадет в печать, ну очень мала. Но я прослежу («Сам проследит! Не шутка!»), чтобы ее рисунок не пропал из нашего поля зрения. Так что мы его обязательно рассмотрим, ну а уж повезет или нет, я вам не могу сказать. Я с вами говорю как со взрослым человеком. Ребенка, конечно, не надо разочаровывать, но вы как-нибудь так мягко объясните ей, что вероятность практически нулевая. А кстати, когда вы послали?

— Да... недели две назад, — чувствуя себя почти виноватым в том, что отвлек такого важного человека от дел, отвечает родитель.

— Ну что вы! — с благодушным смешком говорит главный редактор. — Мы в печать сдаем номер месяца за два до выхода в продажу. Так что ни в ближайший, ни даже в следующий номер вы в принципе попасть не можете. Так что в лучшем случае — месяца через три. И то, повторяю, шансов — один из многих тысяч.

Так они и работали.

А мы возвращаемся к фразе «Так оно и вышло», последовавшей за словами «...могли возникнуть дела, о которых заранее даже и не догадываешься».

Дела, как и предполагалось, возникли. Они таились в трех полученных Дмитрием Михайловичем письмах. В первом (от Нелли), разосланном всем главредам, говорилось, что на выпусках должно стоять «Рекомендованная цена...» и дальше шла таблица цен.

Дмитрий Михайлович сохранил таблицу, стер строки, не относящиеся к его изданиям, распечатал и приклеил скотчем на стенку железного шкафа, в котором хранились вышедшие номера и прочее редакторское имущество.

Потом подошел к Жанне, верставшей «Пионеров», и попросил вставить «Рекомендованную цену». Оказалось, что она тоже получила письмо и уже вставила. Дмитрий Михайлович вспомнил об Ире Грековой, завещавшей ему свои издания. Один из Ириных журналов верстала Жанна, так что с ним проблем не было. По поводу двух других он пошел к верставшей их Алле.

Спросил у Кати Пораниной, надо ли отправлять на новое утверждение верстку с «Рекомендованной ценой». Она задумалась и пошла спросить у руководства.

Тем временем Дмитрий Михайлович открыл второе письмо. Оно было как раз от Кати. И как раз насчет Ириной «Риччиалии».

Этот журнал, переводившийся с итальянского и рассчитанный на девочек, был посвящен королевству Риччиалия, населенному ежами. Ежиками там были все: король, королева, принцы, принцессы, кухарки, генералы, конюхи, взнуздывающие лошадей, и даже сами лошади. В общем, все. Вплоть до бабочек, порхавших в дворцовом парке. Исключение составляли рыбы. Они имели вид обычных рыб, и благодаря этому принц Элоуэй мог заниматься рыбалкой — это было его хобби. Отрицательных героев в этом мире не было. Разве что кто-то из ежеиков, тот же принц Элоуэй или его кузина виконтесса Миллиара, решали устроить маскарад и переодеться в кого-то

стррррашного, но этот розыгрыш всегда своевременно раскрывался к общей радости и веселью. Впрочем, главной приманкой журнала было не содержание, а наличие игрушек, которые шли сериями: «Ежики-птички», «Ежики-эльфы», «Ежики-цветы», «Ежики-собачки», вплоть до «Ежики-посуда».

Катино письмо содержало указание просмотреть готовящийся номер и везде заменить Фонамею на Дуинию. Здесь же содержалась ссылка на скачивание изображений этой самой Дуинии в разных позах. Кто такие эти Фонамея с Дуинией, Дмитрий Михайлович не стал вникать, а просто переслал письмо со ссылкой Алле и пошел к ней, чтобы сказать о замене лично. Алла приняла это к сведению, сказала, что сейчас занята другим проектом и обязательно поменяет. При этом она сделала пометку на листке, исчерканном подобными автонапоминаниями.

Вернувшись к себе, чтобы уже покончить с Ириными делами, просмотрел верстку последней «Ричиналии». Как выглядит подлежащая удалению Фонамея, он не знал и не пытался узнать: внимательная Алла ни одного изображения не пропустит. А вот все упоминания о ней в тексте надо было проверить. Он листал пэдээфку и отмечал, где встречается слово «Фонамея». Все было просто, пока дело не дошло до кроссворда. К счастью, кроссворды в этих журналах традиционно составляются без какой бы то ни было симметрии, слова лепятся абы как и зачастую пересекаются только одной буквой. Именно такой случай был здесь: сама «Фонамея» имела два пересечения: на Н и на Е, но за Н цеплялся некий «Эгнор», который больше ни с кем не пересекался. Решение нашлось и тут: в слове «Принцесса» есть и Н, и Е. Правда, «Эгнора» пришлось немного подвинуть.

Дойдя до последней страницы, Дмитрий Михайлович снова отправился к Алле. Все объяснил и оставил список исправлений.

Посмотрел на часы. Начало двенадцатого. Почему ни Аня, ни Леночка с Вадимом не звонят? Может, опять отложили? Хорошо бы — на четверг. Тогда он сможет поехать вместе с ней. Решил, что прочтет третье письмо и позвонит сам. Даже если пришли еще письма, все равно — после третьего.

Больше писем не было. Ну и ладно. Открыл последнее из утренних, тоже от Кати. Она переслала ему комментарии от Линды Коул, их куратора из *Купервиллер групп*, с последними замечаниями по «Пионерам» и долгожданной строкой, гласившей, что после внесения этих исправлений номер утверждается. То есть его не надо посылать на дополнительную проверку. О радость!

Дмитрий Михайлович пошел к Жанне, чтобы изменить оставшиеся мелочи, и тут зазвонил его телефон. Точнее, это был не звонок, а мелодия Нино Рота из знаменитого фильма.

На определителе высветилось: «Аня». Не доходя до Жанниного стола, Дмитрий Михайлович свернул в коридор, чтобы говорить с женой в отдалении от чуткого, но излишне любознательного коллектива. Он шел, и ему казалось, что он невольно пританцовывает, как один из участников феллиниевского хора. Чтобы прервать звуковое сопровождение, нажал зеленую кнопку и буркнул в трубку:

— Сейчас, сейчас.

Зашел в туалет. Там никого не было. Правда, кто-то мог беззвучно таиться в кабинке. На всякий случай стал говорить общими фразами:

— Ну что?

Аня сказала, что Леночку сегодня *оставили*.

— И когда планируется? — спросил Дмитрий Михайлович.

— Что значит когда? Говорю же, сегодня.

— Нет, это я понял. Сегодня оставляют. А сами, — он понизил голос, — роды когда? Завтра? Послезавтра?

— Да нет же. Сегодня.

— Ничего не понимаю. Мы же договаривались, что ее положат за несколько дней, подготовят...

— Ну, договаривались так, а получилось этак.

Поняв, что от нее толку не добьешься, Дмитрий Михайлович дал отбой и стал застегиваться. Вода спустилась сама. Техника!

Вымыл руки, вышел в коридор и стал звонить Леночке. Ее телефон был отключен. Тогда он набрал Вадика. После четвертого гудка тот ответил:

— Слу-ушаю, Дмитрий Миха-айлович.

Сперва тестю показалось, что зять говорит неохотно, словно бы даже раздраженно. Но потом он сообразил, что у каждого волнение проявляется по-своему: Вадик был как будто оглушен всем свалившимся на него.

— Ну что там? Вы были у Маревич?

— Бы-ыли.

— И что?

Чем медленней говорил зять, тем больше волновался тесть.

— Мы пришли... Леночка зашла... А я остался... Потом Леночка вышла и сказала, что надо погулять.

— Как погулять? Где погулять?

— В сквере. Там рядом сквер...

— Может, лучше домой?

— Нет... Леночка сказала, что она у нее там... ну типа поковыряла... И сказала: «Погуляй часа два...»

— И что? Вы гуляете? Когда это было?

— Нет... Мы уже не гуляем...

«Все кишки вытянет! Гуляем, не гуляем!..»

Тут подошла Катя. Отыскав его наконец в коридоре, она сказала:

— Дим, ну где ты? Я все... А! Или ты говоришь? Ладно, я потом.

Она отошла, а Дмитрий Михайлович спросил:

— Так что? Прошли эти два часа, что ли? Когда это было?

— Нет... Один час прошел... И десять минут... А потом она захотела в туалет. И мы пошли назад. Обратно. В институт. И она пошла. В туалет, в смысле. А охранница увидела, что она пошла в туалет, и говорит мне: «Куда она пошла? Ей в отделение надо!» А я стал стучать, а охранница вскочила и сама туда заскочила. И вышла с Леночкой. И она ушла.

— То есть *окончательно* ушла?

— Вроде бы.

— Они же обещали ее заранее положить! Мы специально приходили и на той неделе, и раньше...

— Я не знаю, — проямлил Вадик.

— Ну понятно... То есть, конечно, ничего не понятно. Зачем тогда договариваться? Ладно, — хотел было закончить разговор Дмитрий Михайлович, но спохватился: — А ты сам-то сейчас где?

— Я? Я здесь... — ответил Вадик, и по голосу стало понятно, что он оглядывается, чтобы понять, где же находится.

— В институте еще, что ли?

— Да...

— Так а что тебе там делать, если она уже ушла? Она точно *окончательно* ушла?

— Ну да. Попрощалась, с вещами...
— Так уезжай. Домой или еще куда.
— А может... Что-то будет нужно...
— Вадим, ну что ты уже сейчас можешь? Если что, тебе позвонят. Поезжай... Знаешь что? Лучше всего к своей маме поезжай. Она сейчас дома?

— Да.

Сам Дмитрий Михайлович в свое время, и когда Аня рожала их старшего, Юру, и когда — Леночку, был на работе. Но после работы отправлялся к родителям. Поэтому он и зятю предложил тот же рецепт.

На этом разговор закончился.

Дмитрий Михайлович сдвинул брови: когда он говорил, кто-то подходил, чего-то хотел. Но кто? Наконец вспомнил и пошел к Кате, и та сообщила, что была у Веры Владимировны, и они решили: раз номер утвержден, ничего не менять, а начинать вставлять *рекомендованную цену* со следующего номера. Он сказал: «Ага» — и пошел к Жанне, чтобы ликвидировать только что вставленную строку. Сделав это несколькими легкими движениями, Жанна принялась возвращать на свои места другие элементы обложки, потеснившиеся ради фразы, в результате отмененной.

Дмитрий Михайлович сидел рядом, дожидаясь, когда обложка станет соответствовать высокому художественному вкусу требовательной верстальщицы, чтобы приступить наконец к внесению последних и окончательных изменений.

Перед его глазами стояло лицо Леночки, искаженное болью. Ведь ей, бедной, сейчас... Вот он тут сидит, что-то верстает, правит, практически развлекается, а она там... А в ней... Или уже — из нее... Нет, наверно, сейчас еще рано. Это ведь часами длится. Аня Юру двадцать часов рожала. Двадцать! А Леночка! Она не выдержит!..

Жанна закончила, и они стали вносить *американские* исправления. Собственно говоря, вносила она, а его роль состояла в том, чтобы переводить их пожелания с английского.

Булькнул телефон. Эсэмэска.

Привет папуль как дела?

Это она спрашивает! Он судорожно стал тыкать пальцами:

Как ты?

Хотел добавить еще что-нибудь вроде *Больно?* Но понял, что это глупо, добавил еще два вопросительных знака и отослал:

Как ты???

И тут же сообразил: как же это она пишет? Там ведь ничего нельзя. Стерильность. И вдруг — телефон.

Почему у тебя телеф

Не успел дописать вопрос, как пришел ответ на первый вопрос:

Реву как раненный олень.

Она — ревет! Леночка, которая в пять лет ошпарилась, и то не кричала. В пять! И вот теперь, почти взрослая — *как раненый олень!* Впрочем, несмотря на потрясение, редакторский глаз заметил тройное *н*, то ли напечатанное впопыхах, то ли рука у нее дрогнула, и от этого стало еще страшнее.

Стал набирать вопрос, почему ей не дают обезболивающего. Ведь врач обещала, что будут давать. Пока формулировал, пришло:

Ну пока целу.

Все же дописал и послал. Но дошел ли до Леночки его вопрос или нет, он так и не узнал.

— Дим, чего они тут хотят?

Пока он переписывался, Жанна сама разобрала несколько исправлений и внесла их, дошла почти до конца — до странички с ответами и анонсом следующего номера — и споткнулась на... Он вчитался. Не понял. Помотал головой и прочел снова. А, ну да, что тут неясного? Они хотят, чтобы мы точно указали дату, когда выйдет следующий номер. У них-то однозначно стоит — 22-го. А мы пишем обычно: «Не пропусти следующий номер!» Никогда это не вызывало нареканий, а вот заметили. Правда, не настаивают, пишут: *It would be great...* Ну так будет не совсем *great*.

— Пропустим.

Осталось последнее исправление — в ответе на одно из заданий. В английском варианте правильный ответ был В (то есть *В* — второй по счету), и так и осталось. Получилось русское *Вэ* и что правильный ответ — третий.

— Фу ты, это моя вина, не проверил ответы.

— Мне казалось, я исправила.

— Все равно я должен был проверить. А они-то все замечают. Молодцы, — редкая похвала русского редактора американским коллегам.

Наконец все было сделано, Жанна послала файл окончательно отписываться, а Дмитрий Михайлович смог приступить к своей обязанности в узком смысле — редактированию текста, полученного от Тони, его постоянной переводчицы.

Из головы не выходил *раненый олень*. Странно: договаривались же на обезболивание. Набрал жену, чтоб спросить, но у той было занято.

Собственно говоря, он переживал уже нечто подобное. Но именно *подобное* — когда рожала его невестка Таня, жена старшего сына. И даже еще два раза — когда появлялись на свет его собственные дети. Но тогда, больше двадцати лет назад, он был еще совсем молодым и как-то легко все воспринимал. А вот во время родов Тани было и правда похоже. Только, как известно, *похоже и одно и то же* — весьма разные вещи. Тогда он тоже бурно переживал и тоже очень сердился, что молодые легкомысленно относятся, и тоже страшно волновался, как все пройдет, и тоже просто до трепета боялся, что маленькому что-то повредят и — правда, без трепета, а просто боялся — что что-то повредят Танечке. Все это было тогда, и все это было сейчас. С одной только разницей — сейчас он еще и *страдал*.

Он страдал вместе с дочкой, он почти чувствовал ее боль. И он страдал сам по себе, представляя ее не такой, какая она сейчас, а какой была пятнадцать и двадцать лет назад, и при этом — что вот она лежит, раздвинув ноги... И сколько он ни твердил себе, что она же не в возрасте четырех или, там, девяти лет рождает, что все-таки сейчас она взрослая, но отогнать это жуткое видение не мог. *Как раненый олень!*

Отозвалась Аня:

— Ты мне звонил?

— Да. Мне казалось, что должны были дать наркоз. Или я что-то путаю?

— Какой наркоз?

— Ну, обезболивающее.

— А! Ну это еще не сейчас — это, наверно, когда уже сами роды пойдут. Я точно не знаю.

— А сейчас что, не роды?

— Сейчас схватки.

— Может, все равно можно обезболить?

- Не знаю, там, наверно, без нас знают что и как.
- Ладно, пока!

А на планете Курошанд тем временем прорастало растение бубуру, полудерево, полузмея. А сок его плодов... Кстати, в оригинале эти плоды никак не назывались: плоды и плоды, — а Дмитрий Михайлович в прошлом номере (том самом, который сейчас сдается: для редактора он уже стал *прошлым*) придумал им название — бубуруши, соединив *бубуру* с *грушами*, и Линда никак не отреагировала; правда, это не означает, что она не спохватится через месяц или еще позже и не придется отказаться от этой находки. Так вот, сок бубуруш... Сперва Дмитрий Михайлович писал: «бубурушей», но корректор Нина заметила, что раз это слово построено по модели *груш*, то и склонять надо — *бубуруш*; великое дело — хороший корректор! Так вот, сок бубуруш обладал тем свойством, что, попадая на электрические провода, превращал их в живых червей, которые могли заползти куда угодно и изрыгнуть (нет, конечно, в окончательном тексте этого неаппетитного слова не было, там использовалось нейтральное *выпустить*) разряд молнии. Но беда в том, что, напомним, бубуру было лишь отчасти растением, а отчасти — еще и змеей, поэтому добыть его плоды можно было только, загипнотизировав его игрой на... Думаете, свирели или флейте? Ну не надо же так банально мыслить! — на гитаре! Причем авторы первоначального английского варианта *оттягивались*, вкладывая в уста Пионеров-бумси несколько переделанные цитаты из известных рок-песен. Наши же переводчики, и в частности Тоня, напротив, не заморачивались и тупо переводили текст. Впрочем, при том, какие гроши им платят за перевод, невозможно требовать от них чего-то большего, чем подстрочник, который предстоит облагородить редактору.

В первых номерах он еще не сообразил, что к чему, и так оно и шло: Пионеры-бумси или Пираты-керуки (те тоже охотились за бубурушами) играли на гитаре и пели какую-то галиматю. Ну, мало ли что поют под гитару! Заметил неладное (или именно что *ладное?*) Дмитрий Михайлович на третьем номере журнала, когда в пузыре, выходящем изо рта певца, стояло:

Не торопись,
Стань хиппи!

Как-то это было совсем уж бессвязно: конечно, в Бумсиландии много земного, вплоть до англоязычных имен и фамилий, но неужели там и хиппи свои имеются? Он полез в английский текст на предмет опечатки. И увидев:

Don't hurry,
Be hippie! —

понял, что это парафраз «Don't worry, be happy!». Тогда-то ему и пришло в голову использовать цитаты из песен отечественного производства, никак не привязываясь к оригиналу. В результате вместо «Не торопись...» в русской версии журнала появилось:

Над бубуру горит
бумсийская звезда!..

Для ясности хотел еще добавить: «Пришелец не спешит, пришелец понимает...», — но на это уже места не было, и он решил обойтись без этой точки над *i*.

В дальнейшем, встречая текст, который отважные Бумси пели дереву-змее бумбуру, Дмитрий Михайлович, не обращая внимания на перевод, сразу заменял его на шуточно (а порой натужно) измененные цитаты из попсовой или рок-лирики, а песни кровожадных Керуков кроил из блатняка, разумеется, приличного (в смысле, без нецензурщины).

На этот раз никаких каламбуров на тему популярных мелодий в голову не приходило. *Раненого оленя* вытеснило кесарево сечение. Точнее, мысль о том, почему он не настоял, на том, чтобы его сделали!

Ну как же, в самом деле, мог Дмитрий Михайлович проявить такую мягкотелость! Ведь еще районный гинеколог, когда Леночка к ней пришла на третьем месяце, спросила: «А муж у вас высокий?» — и, узнав, что да, сказала: «Может быть, придется кесарить». «Может!» Да обязательно надо было! Еще и таз у нее... Ну да, да, сделали анализ... Не рентген, а как его? ...грамма какая-то. Чтоб таз проверить. Сказали, что ничего, нормальный — все и успокоились. Так ведь нормальный-то нормальный. Это он, может, для других такой — нормальный. А для Леночки... Мало ли что там бывает! Не то прилежание, да тысячи отклонений могут быть! А кесарево — раз, и надежно. Да еще с обезболиванием. Правда, теперь всем обезболивают, и без кесарева тоже. Черт знает что! Когда-то говорили, ни за что нельзя. Вот — он еще совсем молодым был — когда Аня первый раз рожала, он именно спросил у врача: «А почему нельзя под наркозом рожать? Уснула бы, проснулась — а тут ребеночек готовенький». Так тот на него как на дурачка посмотрел: «Вы что, не понимаете? Она же должна все чувствовать, реагировать!» А теперь оказывается... Ну пусть это не наркоз называется, а обезболивание. Велика разница!

Заиграл телефон, и Дмитрий Михайлович схватил трубку и почти закричал:

— Ну что?!

— Димуль, это я, что с тобой? — прощелбетал из трубки голос зав рекламным отделом Тамары.

— А, Тамарик, привет!

(У них давно установился такой нежно-воркующий стиль общения.)

— Димуль, у тебя найдется полполоски под барашка Бэки?

— Где?

— Ну где, где? В «Пионерах», конечно!

— Тамарик, ты что! Мы же сегодня сдаемся. Все утверждено! Ты бы хоть дня три назад сказала.

— Да они только сегодня прорезались. Ты же понимаешь: барашек Бэки!

Дмитрий Михайлович понимал: «Барашек Бэки» — новый бренд одного из их самых ценных партнеров. Но и хозяева «Пионеров-бумси» тоже были не последними в иерархии приоритетов.

— Ладно, я схожу к Верочке, — с придыханием сказала Тамара.

— Ага, я тоже подойду. Ты прямо сейчас?

Она дала отбой, не дослушав, но он и так понимал, что боевая пиарщица уже на пути к директору департамента периодических изданий. Они действительно столкнулись перед дверью Веры Владимировны.

В кабинете шло совещание с экономическими сотрудниками. Дмитрий Михайлович подождал бы, пока оно кончится, но Тамара, бронебойная при всей своей изысканной утонченности, ворвалась внутрь. Ну раз так, то и он просочился следом.

— Что-то случилось? — подняла на них взгляд Вера Владимировна.

— Верочка, — спокойно ответила Тамара, — «Барашек Бэки» объявился. Как мы договаривались, я им ни-ни, не звонила, не писала, и вот — сегодня... Сами... Здорово!

— Здорово-то оно здорово, но какие их условия?

— А это зависит от того, в какой номер.

— Понятно, — кивнула Вера Владимировна и обратилась к Олегу, главному технологу: — Олег, у нас что еще за этот месяц не сдано?

— Да только вот «Пионеры», — кивнул тот в сторону Дмитрия Михайловича. — Ну и чисто теоретически можно срочно послать полосу на замену в «Друзей динозавров». Хотя вряд ли. Скорей всего, они уже их печатают.

— И всё, да... — вслух помыслила Вера Владимировна.

— Нельзя их упускать, — подсказала ей Тамара.

— Да это понятно... А на сколько мы еще можем «Пионеров» задержать? — обратилась директор департамента к Олегу.

Тот стал что-то прикидывать в уме, невольно загибая пальцы, после чего изрек:

— До понедельника, но это уже полный...

И он добавил нецензурное слово, вполне описывающее, что будет, если они задержат печать до понедельника.

— М-да... Полный... — Вера Владимировна, хмурия брови, мыслила вслух: — П...!

Потом резко схватила телефон и стала набирать номер.

Пока она выясняла у Кати Пораниной, есть ли шанс, что американцы успеют переутвердить номер до понедельника, если их очень попросить, Дмитрий Михайлович мысленно возвращался к разговорам, которые многократно вел с Леночкой на протяжении предыдущих девяти месяцев, — о том, что ей обязательно надо ходить на специальный фитнес для беременных.

Наконец Вера Владимировна положила трубку и вынесла приговор:

— Дмитрий, срочнейше вставляете барашка, и новый файл — Кате! Попробуем до понедельника согласовать.

— Но ты понимаешь, что это крайний край? — уточнил Олег. — Дальше я ни на минуту не могу. Что будет на тот момент утверждено, то я и отошлю.

— Да понятно, понятно.

— Тогда уж мы и «Рекомендованную цену» вставим, — сказал Дмитрий Михайлович не потому, что был не уверен в этом решении, но просто чтобы как-то оправдать свое появление здесь.

Они вышли из кабинета.

— Димуль, а как там Ленка?

(«Откуда она знает? Все-то эти женщины пронюхают».)

— Пока неизвестно. Ее ведь только забрали.

— Забрали? Куда?

— Да в роддом же!

— Уже? Я думала, у нее еще месяцев семь — семь с половиной.

(«А, она, оказывается, не знала. Так, вообще спросила».)

— Нет, уже вроде как срок. Не знаю, что там будет...

— Да все будет нормально. Чего ты?!

(«Конечно, ей легко говорить. Не ее дочка там... Как раненый олень».)

— Ладно, спасибо.

Повернулся.

— Файл лежит в папке с рекламой, посмотри за сегодняшнее число! — крикнула ему вслед Тамара.

Открыли с Жанной файл. К счастью, рекламная картинка оказались не вертикальной: правые полстраницы, а горизонтальной — нижняя половина. Как раз в номере нашлась страничка с двумя заданиями. Условно они назывались головоломками, но, по правде сказать, были такими примитивными, что ломать голову там было не над чем. Ладно, головоломки и головоломки. Жанна поместила рекламу в низ полосы. Закрытая ею головоломка слегка выглядывала: первое задание занимало меньше места, чем второе, и не доходило до экватора страницы. Но растянуть его, сдвинув вниз картинку и чуток растянув текстовый блок, было делом нескольких минут.

(Растянуть... Вот именно об этом и думал все время Дмитрий Михайлович. «Растянуть — это же не просто так. Это в журнале легко: хоть растянуть, хоть поджать. А в организме! Надо же было специальные упражнения делать, на растяжку и на укрепление мышц. Ленивая бездельница! Талдычил, талдычил ей — всё как горох об стенку! Вот теперь и реви. Как олень».)

- Готово, — сказала Жанна.
- В ответах еще надо... — заметил Дмитрий Михайлович.
- Да, конечно, сейчас. Не волнуйся, я сама.
- А ты поставила слово РЕКЛАМА?
- А как же!
- Я что-то не вижу.
- Да вот же!
- Ловко!

Действительно, заветное слово было совсем незаметно: белым на светлом фоне. Но и обвинить их в том, что они его не поставили, было бы невозможно.

- Может, черным сделать?
- Не, так прикольной.
- Ну, ты ответ сама уберешь, я ведь тебе не нужен?
- Нет, Дим, не волнуйся. Ты же все равно перед отправкой еще будешь смотреть.

Вернулся к себе. Но работать не мог: его так и распирало. Взял телефон и направился к двери в коридор.

- Дим!
- Что?
- А там еще в содержании...

Он снова подсел к ней. В содержании эта страничка анонсировалась как «Кубики и молнии». Действительно, первое задание было про кубики, а второе — про молнии. Теперь молний не было.

— Ну давай напишем: «Волшебные кубики»... Нет, волшебные — плохо, мы ведь от сказочности как раз все время уходим.

Жанна терпеливо ждала его решения.

- Может, *фантастические*? Посмотри, там места хватит?
- Немного вылезает. А если в две строчки?
- Не-не-не, так все поползет.
- И что? Я подтяну.
- Не надо, я сейчас придумаю. Может... *необыкновенные*? Нет, еще длиннее.
- Супер? — предложила Жанна.
- Да с этим словом всегда проблемы.

В самом деле, все корректоры как один требовали, чтоб *супер* писалось слитно, но это совершенно не смотрелось. Например, *суперсамоделка* — ребенок с ума сойдет, читая это. Обычно Дмитрий Михайлович писал такие слова в две строчки, как бы перенося: знак переноса, тешащий принципиальность корректора, читался обычным человеком как простая черточка. То есть и так, и так можно его воспринимать, как

хочешь. Но здесь этот прием не годился: если в две строки, так и *фантастические* бы подошло.

— А если «Чудо-кубики»?

— О, это в самый раз! — согласилась Жанна. — Мне тебе послать файл, когда отпишется?

— Да нет, что там уже может быть? Посылай прямо Кате, чтоб она отправляла поскорей.

Наконец он оказался в коридоре. Набрал Аню.

— Ну что?

Он спрашивал с некоторым раздражением, будто жена была виновна в том, что сейчас переживает их дочь. Впрочем, как оказалось, в этом, хотя бы отчасти, действительно была ее вина. Потому что, услышав, что все по-прежнему, он сказал:

— Вот я так и знал!

— Что ты знал?

— Что она никогда до упражнений не дойдет. Это ведь элементарно. Я ей специальный комплекс дал! Гера что, зря старался?

Их друг Гера увлекался бодибилдингом и еще с полгода назад по просьбе Дмитрия Михайловича нашел в специальной литературе комплекс упражнений для беременных.

— Я ей дал его, и что? Пару раз сделала, и всё.

— Слушай, ты так говоришь, как будто я в этом виновата.

— А кто?! Я всю жизнь пытался ее к спорту приобщить, а ты ее расхолаживала.

— Да как это расхолаживала? Что, я мешала ей ходить на занятия?

— Не мешала, но и не помогала. И сейчас тоже. Девять месяцев я, как какой-то городской сумасшедший, бегаю и кричу...

В глубине души он знал, что если кого и винить, то в первую очередь самого себя. Да, он действительно попросил Геру подобрать комплекс. Да, время от времени он действительно произносил страстные монологи, доказывая очевидное — что важно укреплять мышцы, что ребенок не выскочит сам собой и прочее в том же духе. И даже да, действительно раза три за минувшие девять месяцев залезал в Интернет и находил спортивную группу вблизи от дома и с удобным расписанием. Но произнеся все эти правильные слова и передав дочери адрес группы и телефон тренера, он считал, что дело сделано, тем более что она смотрела на него понимающими глазами и кивала. Проходило несколько дней, и он спрашивал: как успехи? записалась на курсы? хотя бы позвонила тренеру? на худой конец, делает упражнения дома? И каждый раз находилась уважительная причина, по которой вот прямо сейчас это невозможно. То в спорт-центре карантин, и беременной к нему на версту приближаться нельзя, то Леночка принимала какие-то таблетки, которые не рекомендуется сочетать с физическими нагрузками, то еще что-то. «Ну так надо поискать другой центр», — говорил он. Или: «Но как только ты этот курс отпринимашь, так сразу, да?» И услышав в ответ: «Конечно», «Обязательно» или «Еще бы!», успокаивался на месяц-другой. После чего все повторялось с такими же результатами.

Собственно говоря, так оно было и во все прошлые годы: он записывал дочку в очередную секцию, водил раза три, потом передоверял это жене или теще и... спустя какое-то время узнавал, что этот вид спорта ребенку не подходит, или что расписание неудобное, или, наконец, что она не нашла общего языка с тренером и «не портить же ребенку нервы из-за этого». На рисование она ходила, в старших классах — в кружок по биологии. А вот со спортом никак не складывалось. О чем Дмитрий Михайлович вспомнил теперь, когда уже ничего нельзя было изменить, и его затрясло от бессилия.

Анна Романовна обычно давала мужу выплеснуть эмоции. Но на этот раз эмоций у нее самой хватало, и он получил неожиданный отпор:

— Что ты разоряешься?! Все идет нормально! Анализы все отличные...

— Ну о чем ты говоришь! Ты хоть сама слышишь, что говоришь? Анализы! А то, что она крошка, а Вадик дылда — это что, я придумал?

— Ну ты же знаешь, что Людмила Викторовна сказала: «Это роли не играет»?

— Да мало ли что сказала? Все это знают, это азбучная истина! Я в Интернете смотрел, все врачи — и наши, и европейские, и американские, и какие хочешь — в один голос: «Это фактор риска».

— Так фактор же. Мало ли факторов? Ну что тебе нужно? Врач от нее не отходит. И мышцы у нее в порядке. Нечего выдумывать всякие страсти!

— Нет, не в порядке! Я что, не могу понять? Там не мышцы, а каша. И с чего взяться мышцам, когда она двух часов за свою жизнь спортом не занималась? Главное — ты же сама из-за этого с Юркой так мучилась, едва родила! И теперь сама же... «В порядке»! Вот ты так всегда выдаешь желаемое за действительность!

— Слушай, если у нее что не в порядке, так это отец. С головой его, в смысле.

— Это у меня с головой не порядок? Да я...

— ...как городской сумасшедший, — закончила за него жена.

Тут он совсем взорвался:

— Тебе еще до каламбуров?! Я целый день с ума схожу...

— А я не схожу, да? Мне она не дочка, да?

Они еще немного покричали друг на друга, и это дало обоюдоуспокоительный эффект. Во всяком случае, простились они почти спокойно.

Сказался эффект от этого разговора и в том, что он смог вернуться к своим пионерам и пиратам. Не физически вернуться: для этого достаточно было сесть за стол. А — мысли собрать и сосредоточиться.

Сосредоточиться не удалось. Не успел на экране развернуться текстовый редактор с переводом, как подошла Лина Гальперина.

— Привет! Кофейку не хочешь?

— Можно.

Он как бы и не виноват, что не занимается переводом: не откажешь же коллеге.

Пошли в холл, где стоял аппарат, выдававший горячие напитки и всякие готовые закуски, от эфемерных пакетиков с орешками до довольно сытных сэндвичей. Взяли по чашечке кофе: он — с молоком и сахаром, она — без ничего.

— Ну, как тебе последняя игра? — спросила Лина.

Речь шла о «Что? Где? Когда?». Они каждый раз ее обсуждали. Вообще, от Лины можно было узнать что-то новое о театральной жизни, книгах и прочих *новостях культурной жизни*. Если она что-то хвалила, Дмитрий Михайлович загорался желанием прочесть или посмотреть то, о чем она с жаром рассказывала, но, как правило, этот порыв затухал прежде, чем он успевал сделать к его реализации какие-то шаги вроде покупки билетов или скачивания фильма, и он ограничивался той порцией информации, которую получил от Лины.

— Я про шляпу сразу ответил, — с гордостью сказал Дмитрий Михайлович.

— А я — про светофор и про «Мцыри».

— Ну про «Мцыри» легкий вопрос был. Это все угадали.

— А про флейту глупость какая-то.

— Да! Это никакой логикой невозможно вычислить, если не знаешь конкретно.

— Ну, вообще-то они знатоками называются. Значит, надо знать...

Они начали спорить, точнее, продолжили свой извечный спор: Дмитрий Михайлович считал, что вопросы на чистое знание не должны использоваться в программе, а Лина с ним не соглашалась.

— Ты же сама сказала: «Про флейту глупость».

— Этот конкретно вопрос — глупый. А вообще или не надо называться знатоками, или...

— Тогда давай зададим им: «Напишите формулу...» Ну я не знаю, химическую какую-нибудь, или «Теорему докажите».

Дмитрий Михайлович кипятился, доказывая свою правоту, и при этом у него было чувство, будто некая всепроникающая рука схватила его внутренности от желудка до горла, слегка, но ощутимо сжала их и не выпускает.

Он ждал, что она спросит, как Лена, но она не спросила.

Поспорили еще немного, допили кофе и разошлись по своим углам.

Перевод терпеливо ждал на экране. Оказалось, что, тихо-тихо, Дмитрий Михайлович уже одолел три вступительные страницы журнала и первую половину комикса, занимавшую пять страниц, и добрался до раздела «Досье». Эта рубрика всегда состояла из двух частей — по страничке, посвященной одному положительному и одному отрицательному персонажу. Первый, естественно, назывался героем, второй — злодеем. Вверху обеих страниц обозначалась их принадлежность к той или другой категории: «Пионер/герой» и «Пират/злодей». Это — в английском варианте. Но понятно, что первое определение было совершенно неприемлемо для бывшего члена Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина. И надо полагать, что если не родители юных читателей, так уж бабушки-дедушки точно были бы удивлены, не увидев под этой *вывеской* какого-нибудь Павлика Морозова или Володю Дубинина. И в очередной раз американцы уперлись. Дмитрий попытался заручиться поддержкой московского представительства Купервиллера, но там работали молодые люди, не обремененные грузом советского прошлого. В результате долгой и нудной переписки все же удалось добиться замены в данном разделе слов *Пионер* и *Пират* на *Бумси* и *Керуки*. «Бумси/Герой» — никаких ненужных ассоциаций!

«Нет, но почему обезболивание не делают? Ведь обещала же...»

И тут его поразила новая мысль: если не делают, то неспроста. Значит, что-то не так пошло. Может, аллергия на обезболивание или с сосудами что-то? Значит, любая реакция может быть: отек, кровотечение... А если отек горла!.. С другой стороны, если даже так, то хорошо хоть, вовремя заметили, не стали колоть. А если как раз *не* заметили: вкололи, и началось... Просто нам не сообщают?!

«Всё, всё. Леночке все равно я ничем помочь не могу. Надо сосредоточиться».

Итак, Роджер К. Макнауэлл. (Каждый раз, встречая этого персонажа, одного из главных Пионеров-бумси, Дмитрий Михайлович думал: «Специальная порода, бумсиландские шотландцы». Подумал он так и на этот раз.) Родился в форте Джимакари. Первое боевое крещение получил в битве за Пласхауз, что на планете Векос. Отличился, пробравшись в недра ядерного реактора... (Только не надо спрашивать, как он в этих недрах выжил, ясно же, что на нем был специальный комбинезон из анаидальской стали.) Да, значит, в недра пробравшись... И замкнув контакты верпатозащитного изолятора...

Далее в досье подробностей не было: на то и досье, чтоб — только сухие факты. Но Дмитрий Михайлович, благодаря комиксам поднаторевший в героической истории Бумсиландии, знал, что произошло далее: после этого замыкания изоляция раскалилась (большими буквами «ШШШШШПРХ») и пошла трещинами («KPPPAH TTPPPP

ГРМПС»), верпатоидная жидкость закипела («БУЛЬК-БУЛЬК ФШШШШ ГЛЮК-ГЛЮК-ГЛЮК») и залила рабочую полость реактора («ЦСССС ШУХ ШУХ ШУХ»), после чего, понятное дело, все там ядерно рвануло («БАБАБАБАХ БЭНЦ ТОНКЦ БУМЦ»), ну и заодно «АГРРХ», которое в ярости издал Ли Фумонг, командующий армией Инкантроидов, защищавших Пласхауз). Все, разумеется, разлетелось на мельчайшие ионы («Ионы! Да еще *мельчайшие!*»). И остались в живых только сам Роджер К. и Ли Фумонг. Ну, Роджер К. — понятно: в анаидальском комбинезончике любой бы спасся. А вот как это удалось коварному Ли? Очень просто: поначалу-то на мельчайшие ионы и он распался, но по случайности это ионное облачко попало в силовое биофреническое поле, излучаемое гипер... Дмитрий Михайлович подзабыл, как полностью это устройство назвалось, но *гипер-* и *-трансмиттер* там точно были. И под воздействием этого поля частицы обратно склеились, и Фу Лимонг... тьфу ты, Ли Фумонг снова стал почти как новенький. Почти — потому что у него ноги теперь росли от плеч, а руки... Ну, соответственно. Что, конечно, неприятно, но все же лучше, чем порхать ионным облачком. А главное, совершенно не мешает творить злодеяния и при всякой возможности пакостить Пионерам-бумси.

«Сколько уже она там? Часа три... — Посмотрел на часы. — Как? Не может быть! Уже четыре часа, пятый?! Чудеса! Мне казалось, еще где-то час-полвторого. Беденькая! Когда у нее началось? Где-то в одиннадцать. Это выходит, Леночка моя уже пять часов мучается. Скорей бы! Если бы кесарево, все уже было бы позади. Ну как же это я не настоял?! И никто, никто, кроме меня, не думал. Не могу же я один всех переубедить. “Надо чтоб естественно! Надо чтоб все своим путем!” Им бы самим так помучиться!»

Дмитрий Михайлович как-то упустил из виду, что и жена его, и обе их мамы, кто раз, а кто и дважды это переживал. То есть не то чтоб упустил, но — разве могли давнишние страдания этих взрослых женщин сравниться с мучениями, вот прямо сейчас переживаемыми его маленькой, беззащитной, безропотной, слабой дочечкой!..

Впрочем, эти мысли не помешали сообразить, что если сейчас уже позже четырех, то он давно пропустил время обеда. Ну, кофе выпил, но это вопроса не решало. Что-то проглотить надо же. Хотя какой тут аппетит... Кусок в горло, как говорится...

Он заставил себя подняться и понял, что *за всеми делами* не чувствовал, что давно пора было посетить туалет. Что уж тут говорить об аппетите!..

Зашел. Вышел с вымытыми руками. Наконец добрался до питательного автомата и... Что же выбрать? Сэндвич? Нет, его жевать... Никаких сил нет. Шоколадный батончик? Представив себе эту сладко-липкую массу во рту, он ощутил рвотный позыв. А, вот! Глазированные сырки. Это еще как-то можно. И — кофе? чай? Кофе уже пил. Вообще, да, к сырку чай лучше.

(Ну вот, он тут сырки жрет, еще и выбирает, что лучше — чай или кофе, а она там — *как раненый олень...*)

Запустил в щель сторублевую бумажку, набрал нужный номер и вынул сырок из поддона, куда его сбросила механическая рука. Не забыл и про сдачу. Включил чайник, дождался кипения, налил в чашку. Чайные пакетики лежали в коробке на столе.

Хоть и без желания проглоченный, но все-таки этот эрзац-полдник позволил Дмитрию Михайловичу в очередной раз вернуться к переводу.

Из шестнадцати пунктов, составлявших досье, пятнадцатым шла таблица, в которой перечислялись: 1) фантастические свойства Роджера К. Макнауэлла, 2) виды вооружений, которыми он владел (названия Тоня перевела неправильно, пришлось проверять по сайту), и 3) его личные особенности, а именно — любовь к говорящим

кактусам и способность внезапно засыпать в совершенно неподходящей ситуации, но зато видеть при этом вещие сны.

Расправившись с таблицей, Дмитрий Михайлович перешел к последнему пункту на этой странице — сердечным привязанностям. Бумси/герой был безответно влюблен в красавицу Ми Чан, принцессу со звезды (!) JQ-18/6. Ну, такая звезда, что тут скажешь? Разве что можно отметить политкорректность создателей *пионерской* эпопеи, скомпенсировавших наличие в ней злодея с ориентальным именем, аналогичным имени героини, обладающей всеми мыслимыми достоинствами.

Дмитрий Михайлович полез в Интернет, чтобы проверить название туманности, в которой произошло решающее объяснение Роджера К. и Ми, но тут снова зазвучал Нино Рота.

На сей раз звонила мама. Мама Дмитрия Михайловича.

— Митя, ты где?

— На работе.

— Я не понимаю, о чем ты вообще думаешь? Какая работа? Немедленно поезжай к Леночке!

(Лариса Сергеевна была в прошлом учительницей и даже завучем школы, и выработанный за многие годы тон общения с учениками не покидал ее и на пенсии.)

— А что мне там делать?

— Как что?! Договорись обо всем.

— О чем? Аня давно обо всем договорилась.

— Аня! О чем может договориться твоя Аня? Не смей меня. Тем более что мне не до смеха. Ребенок бог знает в чьих руках! Муж ее тоже еще ребенок, какой с него спрос? А родители ухом не ведут!

— Мама, ну все в порядке. Анализы все сделаны, они отличные.

— При чем тут анализы! Что, роды от анализов зависят? Не так повернется плод, запутается в пуповине! Наконец, инфекцию могут занести!

— Какая инфекция, мама? Это лучшая московская больница!

— Вот именно что *московская*! Как будто ты не знаешь наше здравоохранение! Все развалено, врачей нет, технике сто лет в обед, лекарства не покупаются!

— Успокойся, мама. Всё там есть. Там эта... Ну как ее? Аниной подруги племянница... Ну ты знаешь, она полгода назад родила...

— Что ты мне объясняешь! Я прекрасно помню, что эта Зоя («Да-да, точно! Зоя!») вам туда рекомендовала и что у ее племянницы все сошло благополучно. Но ведь тут — теория вероятности. У той — благополучно, та, может быть, спортсменка, за городом живет, на свежем воздухе, воду, может быть, чистую пьет, витаминами питается. А Лена? Сидит на вашей загазованной Варшавке, спортом не занимается. Что там может быть хорошего?

— Мама, она ходила на специальные занятия. Я ей нашел группу. Вадик купил абонемент.

(Кстати, абонемент действительно был куплен, хорошо еще, что не очень дорого стоил, хотя денег все равно жалко. Не в смысле *жалко*, а что впустую. А так-то — чего уж...)

— Ой, только не надо мне рассказывать, как она ходила. Ну, может, была там пару раз...

— Она и дома занималась... И фрукты я все время покупал... Вадик даже из фильтра ей воду не давал, в баллонах приносил...

— Митя, хватит болтать попусту. Если тебе твоя дочка безразлична, так и скажи...

Пауза.

— Мама...

— Тише, не кричи... — Пауза. — Ой, у меня от вас от всех давление... Я чувствую, прямо горю вся. Ладно, делайте что хотите, твоя дочка, твоя внучка...

Она дала отбой, а Дмитрий Михайлович погрузился в новые пучины ужаса. До сих пор он волновался за неродившуюся внучку (а они знали, что там девочка — УЗИ трижды показало), но слова Ларисы Сергеевны о возможной инфекции родили в его воображении картины еще более ужасные: вот Леночка лежит, неподвижная, со скрещенными руками, вот Вадик рыдает, вот Аня, обе их мамы, Юрина Таня — все в черных платках, они с Юрой в темных костюмах... Тут же старший внук Сережа вертит головой, ничего не понимает; да и что можно понять в три годика от роду? А Лена — такая красивая, такая спокойная, внезапно повзрослевшая, ручки на груди... Да, по сравнению с этим *раненый олень* — ерунда.

Он потряс головой: вот бред! С чего бы? Все будет нормально. Ну да, с маленьким — оно конечно, все может быть... Но с Леной...

И какая из нее, в сущности, мать? Что она может? Ребенок! Он буквально вчера только учил с ней «Уж небо осенью дышало, / Уж реже солнышко блистало...» Ну как там: сперва *солнышко*, потом *небо* или наоборот? Неважно.

С этими стихами произошла одна из их любимых семейных историй. Лена ни в какую не хотела их учить. Уже и Аня ругалась, и даже Юра вмешался на правах старшего брата — все без толку! И только он, Дмитрий Михайлович, понял, что если она так яростно сопротивляется, значит, неспроста, не из одного же упрямства. Начал с ней говорить, так-сяк, она молчит. И все-таки он от нее добился: «Не хочу про змей». Какие змеи?! Где? У Пушкина? Слово за слово — выяснилось, чего она боится: «Уж небо... Уж реже...» Конечно, он не удержался от смеха. А потом объяснил, что это не про *ужей*, а — то же самое, что *уже*. И ведь никто не понял, что ее напугало! Один отец Леночку всегда понимал. Они часто этот случай вспоминали, смеялись. Доведется ли еще посмеяться с ней вместе?

Или как в кино ходили — на Дисней, на наши мультики... Какое было счастье: вдвоем, на ранний сеанс. Иногда с Юрой втроем. А Аня — ни в какую: «Еще и в выходной рано вставать!» Она даже не понимает, какой это кайф. Вот — «мать»! Что ж удивляться всему остальному? А ведь он еще представлял, как через несколько лет пойдет с маленькой — в кино, на елку, в театр на утренник... Какое там! Хоть бы Леночка жива осталась!..

Керуки/злодеем в этом номере был как раз Ли Фумонг со своей рокировкой конечностей. Все было переведено довольно нормально. Только вот Пласхауз Тоня написала как Плюшоуз. В первый раз он сам прочел Plushouse именно так, и понадобилось зайти на официальный сайт игрушек, чтобы понять, что *s* и *h* надо читать не как *ш*, а отдельно, тогда и *хауз* прочтется. Конечно, вместо *Плас* лучше бы — по-русски *Плюс*, но тут изменить ничего было нельзя: во всех игрушечных магазинах страны уже несколько месяцев продавался набор «Битва за Пласхауз». Дмитрий Михайлович отметил на листочке, что надо будет объяснить Тоне на будущее, как это слово переводится. Можно было бы сразу написать, но вдруг еще встретится что-то такое, что же ее бомбардировать отдельными мэйлами?

Ого, оказывается, у этого Ли Фумонга есть брат! Пу Фумонг. Точнее, был. Или все-таки есть? Короче, он призрак, который может материализоваться раз в год на сутки, а остальное время — шпионит для брательника. Хорошая компания!

Рингтон мгновенно вернул его с небес на землю. Но, разумеется, не на залитый ярким солнцем берег италийского моря, для которого эта мелодия была предназна-

на, а в предвечернюю Москву, в которой где-то, в палате, залитой ярким искусственным светом, страдала его дочь.

Это снова была Аня. И по-прежнему никаких новостей. Разве что...

— Схватки стали чаще. Значит, уже скоро.

(И это *скоро* обрушилось на него так же, как утром — *сегодня*. Как ни страшно было все, что происходило до сих пор, но еще ничего не было окончательно, все было впереди. Надежда в любом случае предпочтительней, чем... И сразу поймал себя на эгоистической мысли: он что, предпочел бы, чтоб *это* тянулось и тянулось? «Что ж это я? О себе только думаю, чтоб мне было уютно со своей надеждой, а она ведь все это время бы мучилась». Дмитрий Михайлович так подумал это *бы*, словно от его желания или нежелания что-то зависело.

К счастью, от него уже теперь ничего не зависело. В отличие, кстати, от того времени, когда можно было настоять на кесаревом или, еще раньше, заставить ее делать упражнения.)

— Ты долго еще? — спросила Аня.

— Да нет. Должны были сегодня сдавать «Пионеров», но отложилось. Так что ровно в шесть двину. Все равно голова не работает.

— А что такое? Почему отложилось? Какие-то неприятности?

— Ну о чем ты говоришь! При чем тут неприятности! Никаких неприятностей! Просто...

И тут до него дошел смысл ее слов:

— Погоди! Что значит «схватки чаще»? Откуда ты знаешь?

— Да от Леночки же.

— Ничего не понимаю. Почему у нее там телефон? Это же полная антисанитария!

— Ну что ты волнуешься? Раз можно, значит, можно. Она, наверно, еще не в родилке.

— Ах, не в... Ну понятно. Ладно, пока.

— Пока!

— Эй, погоди!

Какое там! Вот так всегда: не дослушает — «Пока» — и сразу отбой. Набрал ее номер.

— Але!

— Что ты сразу бросаешь?

— Мы же попрощались.

— Ладно, неважно. Слушай. Я через час где-то поеду. В метро может связи не быть.

Если что — ты мне не звони, а сразу эсмэску. Понятно?

— Понятно.

— А если вдруг до шести — тогда звони.

— Ясно, ясно.

Вернулся к братьям Фумонг. Надо же, сколько у них на совести преступлений! И космолет «Заря Байдингара» они торпедировали. И базу пионеров в туманности Хломиона взорвали. И Джека Пиллоуна в симпернаталевый лед замуровали на девять лет, пока друзья его не освободили. А чего стоит порабощение всей поголовно расы шашмеков? (Здесь не говорилось, но Дмитрий-то Михайлович знал, что все же одной из шашмечианок, Габилее, удалось избежать плена, позже она примкнула к Пионерам-бумси, блестяще освоила их боевые приемы и стала одной... нет, одним — из самых непримиримых бойцов с Пиратами-керуки.) Мало того, что скаредные братья продали несчастных шашмеков вселенским работорговцам капитана Дюггера, они еще, когда тот вывез бедняг с их родины, превратили опустевшую Шашмею — целую планету! — в полигон для испытания бюрократического оружия...

(Смешно: сперва прочел: «бюрократического». И тут же одернул себя: «Смешно ему! Ну еще повеселись! Посмейся! Пойди, со всеми этой хохмой поделись! Там Леночка... Схватки... Раненый олень... А ему — *смешно!*»)

История с шашмеками отняла довольно много времени: каждое слово надо было проверить. А в сети кто так пишет, кто — сяк. Хорошо, если название есть на официальном сайте. А если нет, то надо самому выбрать, какой перевод больше соответствует. Да еще и непонятно, чему он должен соответствовать. Конечно, в обычное время можно мультик посмотреть. Как там произносят — это уже все, точка. У детей именно это на слуху. Но сегодня он был не в силах надевать наушники и наслаждаться задорной анимацией.

Посмотрел на часы. Ну, можно выключать комп. Пока в туалет сходишь, пока что — вот и шесть будет. Но тут...

— Дим, Дим! Они утвердили!

Катя. Он не сразу понял:

— Что? Кто?

— Представляешь? Видно, как Линда пришла на работу... Там у них сейчас сколько? Восемь или девять часов разницы? Ну неважно. Как раз рабочий день только начался. Ну, я, правда, в письме ее о-о-очень просила не затягивать. Она сразу и ответила. Посмотрела и ответила. Так что сдаемся!

Ну вот. Уход откладывается. Файл часа два может отписываться. Ладно, что делать? Все равно он ничем Леночке помочь не может.

— Жанн, когда отпишется, ты мне сразу скажи.

— Да понятно. Мне тоже неохота тут до ночи сидеть.

Нет, пионерами заниматься он сейчас не будет. Все. Рабочий день кончился. Он сидит, ждет — файл перед типографией проверить. И имеет полное моральное право лазать по Интернету, коротая время. Полное. Моральное.

Он и лазал. Новости, анекдоты, сам что-то прокомментировал, на чужой коммент ответил. И все это — руками, руками. Потому что в голове — схватки (да не бумсийско-керукианские, а Леночкины), ее аллергия, слабые мышцы, его собственная вина в том, что они такие слабые, упущенная возможность сделать кесарево, и снова — он, он главный виновник!..

— Жанн, ну как там дела?

— Сорок семь процентов отписалось.

Во рту пересохло, выгреб из кошелька горсть мелочи и пошел за кофе.

Снова автомат, монетки — по одной в щель, «Ждите. Напиток готовится» — «Напиток готов. Возьмите стакан».

Взял. Пошел к своему столу.

— Дим, у тебя что-то телефон звякал. Наверно, сообщение.

«Черт, стоит отойти на минутку!..»

Он смотрел на экран и не верил собственным глазам:

«В 18:23. 3 кг 890. 52 см».

Перечитал. И стал искать в списке Аню. Тьфу, что искать? Последний же разговор с ней был, вот он. Нажал.

— Дима! Поздравляю! Ты не в метро?

— Нет. Ну что? Как? И я тебя!

— Все нормально. Я говорила с Маревич. Она говорит, Леночка умничка. Все естественно прошло. Без уколов. В смысле, обезболивания. Потому что это... В общем, лучше всего. И для нее, и для маленького. Только в самом конце разрезала.

— Как разрезала?

— Ну чтоб разрывов не было.
— А-а-а!
— Она просила не звонить ей. В смысле, Леночке. Ей уже после родов дали снотворное.

— Так а ребенок?
— Отличный! Погоди!..

Отбой. Дмитрий Михайлович не понял, что произошло, и тут же услышал звук сообщения. Открыл — фотография.

На экране ладони в резиновых перчатках держали крошечное... Нет, не существо даже, а нечто безжизненное, висевшее, как марионетка без ниток. Все в пятнах... Это же кровь! А это? Господи, пуповина!

Зазвонил телефон.

— Что это?

Аня смеялась. Повторил:

— Что это?

— Не что, а кто.

— Ну я понимаю. А кто снимал?

— Да сама же Маревич! А руки, наверно, акушерки, санитарки, я не знаю.

— Как-то она висит...

— Ну она же только родилась. Ты пуповину-то видел?

— Да уж... Слушай, маме позвони, а? А то мне с работы неудобно.

— Ладно.

Он дал отбой и тут только, подняв голову, заметил, что около его стола стоят полукругом Жанна, Алла, третья верстальщица Даша, Тамара, Катя, три коллеги-редактора: Люба, Зина и Витя, Лера из распространения и еще четыре женщины, чьих имен он не помнил.

Все разом загалдели. На шум выскочил из своего закутка Олег. Он тоже не уходил, чтоб сразу, как файл будет готов, отправить его в типографию.

— Что за шум, а драки нету? — спросил Олег.

— Дима стал дедом, — ответили ему.

— Второй раз, — гордо уточнил Дмитрий Михайлович.

— Ну беги за бутылкой, — пошутил Олег.

— Завтра отметим, — всерьез ответил Дмитрий Михайлович.

Где-то в электронных глубинах компьютерного мозга продолжал собираться очередной номер журнала «Пионеры-бумси», на страницах которого вели непримиримую борьбу силы вселенского добра и не менее глобального зла. А его создатель сидел в окружении коллег и блаженно улыбался.

— Ну ты, Дим, даешь, — говорили коллеги. — Тихушник такой! Никому ни слова. И сам спокойный, как будто ничего не происходит.

— А что? Я должен был бегать, кричать всем: «Лена рожает! Лена рожает!» — так, что ли?

— Нет, но хотя бы волновался как-то. Сидит себе, правку вносит. Штирлиц прямо какой-то. Характер нордический, выдержанный.

— А что мне было волноваться? Все под контролем.

— Ну как все прошло-то?

— Отлично! Леночка молодцом держалась, эсэмэски слала, буквально репортаж вела с места, как говорится, событий.

Все повосхищались этим обстоятельством. И снова — Дмитрием Михайловичем. Но он опять скромно перевел разговор:

— Да все молодцы. Мамы, правда, моя и Анина, в смысле, бабушки, то есть прабабушки, психовали. Ну возраст, понятно. А остальные... Вадик ее отвел, еще погулял с ней перед тем, как все началось. Аня вообще с самого начала все контролировала, анализы, всякое такое. Врача нашла...

— Что за врач? — заинтересовались коллеги. — Хорошая? Если что, дашь координаты?

— Какое там «хорошая»! Фантастическая! Мы, например, сначала волновались, что Вадик длинный, а Леночка — ну вы знаете. И районная гинекологиня — тоже. Но она сразу сказала: «Это роли не играет». А то, как она ее *вела*, — это что-то невообразимое. Буквально ювелирная работа! Она отслеживала Леночкину... ну эту...

— Беременность, — подсказали дамы.

— Ну да. Она ее отслеживала буквально не по дням даже, а по часам. Знаете, как мы в школе учили: «Сегодня рано, послезавтра будет поздно». «Подождем... Подождем... Подождем...» Две недели... Неделю... Три дня... И потом — как снайпер в яблочко — минута в минуту, в самый идеальный момент! — поковыряла... ну, вы понимаете. И пошло-поехало. Все причем естественным путем, без уколов, без обезболивания! Это и для нее самой, и для малыша лучше всего.

— Порвалась? — участливо спросили дамы.

— Какое! Надрезала, все как по нотам.

— Ну знаешь, ноты нотами, а в этом деле все может быть. Никогда не узнаешь заранее. Как не волноваться?

— Ну не знаю, кто как. А я вот просто знал, что иначе быть не может.

Он с гордостью за свои проницательность и самообладание оглядел Олега, трех верстальщиц, трех редакторов, Тамару, Катю, Леру из распространения, четырех женщин, чьих имен он не помнил, и вдруг заметил за их спинами... Да это же отважный Роджер К. Макнауэлл! И с ним — задорный Джек Пиллоун, прекрасная Ми Чан, бесстрашная Габилея, а сбоку от них — коварные братья Ли и Пу Фумонги со злобным капитаном Дюггером, а еще дальше — десятки пионеров и пиратов и миллионы обитателей Бумсиландии, принадлежащие разным расам и даже биологическим видам. Вне зависимости от происхождения и моральных качеств, предписанных им буйной фантазией создателей, все они радовались появлению на свет будущего читателя, зрителя и разгадывателя пусть и не сложных, но все же каких-никаких головоломок.

УЖ ПОЛНОЧЬ БЛИЗИЛАСЬ

Вот именно, как в той опере поется: «Уж полночь близится, а Гремина все нет». Ну или, там, Гельмана, что-то в таком роде. Хотя про Гельмана вряд ли оперу напишут.

Тут можно бы блеснуть знанием устного народного творчества. Мол, как раз про Гельмана *оперу* и стоило бы написать. Кто понял — понял, кто не понял — проехали. Тем паче шуточка с душком опять же вышла. А мы выше этого.

И вообще, тут не в личности дело. А именно что в полночи. Точнее — в том, что она близилась.

Короче. Где-то в половине двенадцатого в квартире Гусевых зазвонил телефон. Им вообще иногда звонили друзья-полуночники, так что сам факт позднего звонка не вызвал волнения, как говорится, в рядах. Точнее, *не вызвал бы*, если бы позвонили на мобильник. А то в последнее время на городской если и звонили, то по большей

части или что-то предлагали или с опросом каким-то. Ну перед выборами еще напоминали, чтоб не забыть про гражданский долг. А тут — так поздно и по городскому.

Тем не менее хозяин дома взял трубку совершенно спокойно.

— Але?

— Лев Григорьевич Гусев? — спросил мужской голос.

— Георгиевич, если быть точным.

«Наверно, какая-то служба типа *Вы сейчас смотрите телевизор? А какой канал и т. п.?*»

— Извините, — безразличным тоном извинился голос. — Вы владелец «хюндай-солярис»...

Далее прозвучал госномер гусевского «хюндая», которого мы не сообщаем, дабы... Ну, в общем, не сообщаем, и все. Тайна личной жизни. Типа. Как бы.

— Да, — ответил Лев Георгиевич, смекнувший уже, что несколько ошибся в определении *службы*, и в его голосе появился некоторый трепет.

Зафиксировав изменение мужниной интонации, Галина Андреевна, соответственно, Гусева устремила на него, правда молча, вопрошающий взор. А он поднял брови и одновременно опустил углы рта (что означало *понятия не имею*) и пожал плечами.

— Ваш автомобиль стоит во дворе дома...

Адреса Гусевых мы тоже не будем приводить.

— Ну, еще два часа назад он был там, — попытался пошутить Лев Георгиевич.

Впрочем, какие уж тут шутки? В лучшем случае кто-то спяну, а то и стрезву *задел* его машину, а в худшем... Предел худшести не поддавался обозрению.

— Вы сейчас дома?

— Разумеется, — все с той же неуместной игривостью ответил хозяин «соляриса». — А с кем имею честь?..

— СтаршленантДэПэЭсБрбрбр, — невнятно представился голос; Впрочем, «ДПС» он произнес четко. — Мы сейчас стоим около вашей машины. Вы забыли поднять стекло. Выйдите, пожалуйста.

Дальнейшее походило на сон. Лев Георгиевич взял ключи от машины, обулся, спустился во двор и действительно увидел около своей *ласточки* патрульный автомобиль и рядом — двух дорожных полицейских. Стекло и правда было опущено.

Пока незадачливый автовладелец производил необходимые манипуляции, СтаршленантДэПэЭсБрбрбр назидательно и в то же время ласково, как-то по-отечески (хотя он и годелся ему в сыновья) объяснял, что не следует быть таким легкомысленным, что эта марка одна из наиболее угоняемых и что вообще «мало ли какие дураки бывают»: пройдет, увидит, что окно открыто, да и бросит окурок, всяко бывает».

Лев Георгиевич чувствовал себя очень неловко. Ему хотелось как-то отблагодарить ребят, но он не знал, как это сделать ловчее. Он множество раз за свою автолюбительскую жизнь *благодарил* дорожных полицейских, или, как он их звал по старинке, гаишников. Но не станешь же вот так, во дворе, совать деньги. Да и не захватил он кошелька. И не возьмут они. Вон они какие: ездят по району, следят за порядком, нерадивых автомобилистов наставляют на *правильный путь* (что в определенном смысле их прямая обязанность). И конечно же, они ничего общего не имеют с теми нечистыми на руку коллегами, которые или напрямую вымогали у него мзду («Думайте, вам думать надо, не нам! Но помните: скупой платит дважды...»), или с лицемерной скромностью соглашались на его уговоры *решить все на месте*. Нет, эти — были совсем другие, и сама мысль что-то *предлагать* казалась нелепой. Хотя смотря что. Если деньги, это конечно, а если...

И он сказал, не придумав ничего лучше:

— Ребят, может, подниметесь? Чайку, то-се...

И тут же отругал себя за «то-се». Ну, какое может быть то-се! Чайку — и точка.

Полицейские засмеялись:

— Что вы! Спасибо. Мы на службе.

И хотя он пробубнил еще что-то невразумительное, мол, я же не в том смысле, они как-то покровительственно пожали ему руку, старлей Брбрбр еще раз посоветовал быть внимательней, и на том они расстались.

Патрульная машина поползла по двору со скоростью, необходимой, чтобы не упустить ничего важного, а обескураженный Лев Георгиевич остался на месте, забыв погасить ненужную уже улыбку.

Галину Андреевну, которой он все подробно рассказал, вернувшись домой, эта история поразила не меньше, чем ее мужа.

Хотя, тихо-тихо, был уже первый час, он снова включил компьютер, выключенный незадолго до исторического звонка, вошел в фейсбук и описал то, что с ним произошло, хотя и более кратко, чем жене, но зато с использованием таких изящных оборотов, как «к моему вящему изумлению» и «вопреки досужему мнению».

Проснувшись, Лев Георгиевич первым делом побежал смотреть, как отреагировал народ на его *пост*. Народ реагировал довольно странно. Комментария не было ни единого. *Лайков* — всего два: от сестры и школьного друга (при том, что всего у общительного Льва Георгиевича было около полутора сотен *френдов*), зато количество *публикаций* равнялось семнадцати. Никогда ни одно его сообщение не перепубликовалось даже примерно столько раз: самое большее было — трижды, и до сих пор он считал это тем максимумом, на который способны его реальные и виртуальные друзья. А тут — прописью! — семнадцать.

Побежав по *репостам*, Лев Георгиевич изумился еще сильнее. Там картина оказалась совершенно иной. Огромное число *комментов*, причем все без исключения — в диапазоне от раздраженно-ироничных до таких, где слова *су...* (*сцу...*) и *б...* использовались как применительно к личности автора сообщения, так и в качестве междометий, а уж о прилагательных и говорить нечего, и тем более — о глаголах.

Большинство комментаторов попросту не поверили в эту, как написал один из них, голимую туфту. Поверивших возмущал сам факт какой бы то ни было похвалы в адрес дорожной полиции. В неприязни к ней сходились и те, кто скептически относился к властям как таковым, и те, кто *в целом* был им лоялен. В смысле: в целом — да, но вот что касается дорожной полиции, в сущности, тоже относящейся к власти, — ее они считали способной только и исключительно наживаться на *участниках дорожного движения*.

Некто *Igor Igorevitch* даже сочинил целый детектив для объяснения необъяснимого. По его версии выходило, что в шкафу Гусевых прятался любовник жены, который позвонил по мобильнику своему приятелю-*гайцу* и попросил отвлечь мужа; и Льву Георгиевичу, мол, еще повезло, что он действительно забыл поднять стекло, иначе *эти бандиты* просто это самое стекло разбили бы или, там, шину прокололи, а потом звали его: мол, вот какая неприятность у вас вышла.

И уж во что совершенно никто не верил, так это — что дело обошлось без денег. С точностью до: обошлось *бы* без денег, *если бы* в этом была хоть капля правды.

В некоторых обсуждениях дискуссия, слово за слово, ушла далеко от исходной темы, и там шли схватки за и против каких-то идей в области общей политики, музыки и сельского хозяйства. Принцип перехода от инцидента с гусевским «хюндаем» к, например, проблемам новейшей истории был прост: кто-то сообщал, что при Сталине

милиция взяток не брала; другой подхватывал, что тогда вообще можно было машину оставить открытой и никто бы на нее не покусился; на это им отвечали: первому — что энкавэдэшники («а никакая не милиция, к вашему сведению»), между прочим, тогда тоже среди ночи приезжали к гражданам, но совсем по другим поводам и что, мол, уж пусть лучше взятки берут, чем убивают, а второму — что недурно бы вспомнить, что тогда вообще у простых граждан своих машин не было; ну и пошло-поехало.

Но во всех случаях, о чем бы люди ни спорили, виноватым в том заряде ненависти, который они исторгали друг на друга, был, конечно же, первоисточник спора. То есть злосчастный Лев Георгиевич.

Лишь в одном случае дискуссия пошла по миролюбивому руслу — там, где разговор таинственным образом переключился на кулинарию. Но и тут Лев Георгиевич не мог чувствовать себя миротворцем, так как уж очень далеко было то, о чем он написал, от маринования мяса для шашлыка.

Он несколько раз начинал писать свой собственный комментарий, чтобы объяснить, что все было именно так, как он описал, и что вообще просто хотел поделиться случаем, произошедшим с ним, и не ставил перед собой никаких целей общего характера, ни про-, ни антиправительственных, ни каких-то еще. Но каждый раз, написав несколько слов, стирал их: глупо было оправдываться в том, в чем не виноват, да и если тогда не поверили, с какой стати поверят сейчас?

На работу Лев Георгиевич на машине не ездил: так выходило спокойней, да и быстрее.

Читая в вагоне метро газету, купленную в киоске у входа, он отвлекся от своих мыслей и если и вспоминал о ночном звонке, то только в том смысле, что, мол, собирался рассказать о нем на работе, но раз люди на это так *болезненно* реагируют, то и бог с ним.

Однако отмолчаться не удалось.

Первым, кого встретил Лев Георгиевич в коридоре их офиса, был Толя Ушкуев. Увидев его, Толя расплылся в улыбке и почти закричал:

— А, писатель! Ну ты даешь! Ну, Лев, не ожидал. Прямо не Лев, а Лев Толстой какой-то! Здорово придумал. Респект и уважуха! Фантазия у тебя!

Лев Георгиевич попытался объяснить, что все так и было, но Толя похлопал его — почему-то не по плечу, а по животу — и хохотнул:

— Ладно-ладно, пусть так и будет. Если ты так хочешь.

И повторил, уже почти вслед ему:

— Писа-атель!

Это оказалось самым благожелательным мнением. Например, Вова Струичкин при встрече прошел, вообще не поздоровавшись, а когда Лев Георгиевич растерянно сказал ему вслед: «Привет, Вов...», не оглядываясь, как-то вяло поднял руку, то ли в качестве символа приветствия, то ли брезгливо отмахиваясь.

Такое отношение Вовы по-настоящему огорчило Льва Георгиевича. Они были довольно близки, во всяком случае, настолько, насколько можно быть близким с коллегой, не переходя к дружбе *семьями*. Не раз они вели вполне душевные беседы, касавшиеся и личных проблем, и отношений с начальством, и более общих вещей, от спорта до международной и внутренней политики. Поэтому сев за стол и включив компьютер, Лев Георгиевич первым делом вошел в почту и написал письмо с коротким текстом: «Привет, Вова! Что-то не так?» И добавил смайлик, изображающий круглую рожу с поднятыми и слегка разведенными ручками — знак недоумения.

Ответа не последовало. Лев Георгиевич занялся своими рабочими делами и вскоре переписка с контрагентами, проверка пунктов присланных ими договоров и калькуляций совершенно заняли его сознание.

Часа через полтора появился Вовин ответ, еще более лаконичный, чем вопрос: «Со стукачами не общаюсь». И, разумеется, никакого смайлика, даже самого злобно-негативного, который предполагал бы готовность ругаться, но хоть с каким-то оттенком игривости. Нет, все всерьез, без оттенков. По-взрослому.

Вообще, многие сотрудники повели себя странно. Один остановил Льва Георгиевича на пороге туалета, взял за рукав и отрезал (не рукав, конечно, а — словами):

— И даже не говори мне про ГАИ! Я про них такое знаю, что тебе и не снилось, — так, будто они давно беседуют и он отвечает на только что произнесенную реплику Гусьева.

Самое интересное, что, хотя они были знакомы уже не первый год, Лев Георгиевич разговаривал с ним, кажется, впервые. Если, конечно, это можно считать разговором.

Другие высказывались более связно, но все — столь же неприязненно.

Приблизилось время обеда, но никто не окликнул Льва Георгиевича, как обычно, фразой вроде: «Ну ты как, Лева, созрел?» У них в офисе не было фиксированного перерыва, и в ответ на такой призыв могло прозвучать: «Да нет, мне еще надо тут кое-что дописать». И даже часто звали, отлично видя, что человек занят, но просто чтоб продемонстрировать, что *хотели бы* обедать в его обществе. А в этот раз... Ну, собственно, так оно и было — *не* хотели.

Лев Георгиевич не стал навязываться, а, наоборот, углубился в работу, чтоб схлынула основная волна обедающих. Его расчет оправдался. Войдя в кофе-рум (так называлось место для принятия пищи, либо принесенной из дома, либо купленной в ближайшем универсаме), он увидел три свободных стола и с облегчением сел за один из них.

Примерно в половине пятого зазвонил мобильник. Лев Георгиевич глянул на экран — номер был ему неизвестен.

— Слушаю, — с неожиданной для самого себя усталостью сказал он.

— Лев Григорьевич Гусьев?

(Ну хоть фамилию правильно произнесла — голос был женским.)

Лев Георгиевич уточнил отчество.

— Очень приятно. А я Оксана Подпевка.

Это было сказано так, будто он должен был знать ее фамилию. Поняв по отсутствию удивленно-радостной реакции, что это не так, Оксана уточнила:

— С ЭТВ.

(А, ну теперь ясно. Он не смотрел ЭТВ, он вообще мало смотрел телевизор.)

— Очень приятно, — откликнулся он.

— Вы можете быть у нас через час?

— Где это?

— Ну в Останкино, — слегка обиделась она: незнание ее лично журналистка еще могла простить, но не понимать, что ЭТВ может находиться только в главном телевизионном здании страны, — это было уж слишком.

Впрочем, сейчас было не до обид. И она повторила:

— Через час.

— Нет, вы знаете... — начал было он, но потом спохватился: — А в чем, вообще, дело? Может, вы меня с кем-то путаете?

— Да нет, что вы! Мы никогда ничего не путаем, — засмеялась она. — Так когда вас ждать?

— Я до шести работаю. Так что... Две пересадки... В общем, раньше чем в полвосьмого, ну в четверть, — никак.

— Нет, нас это не устраивает. Мы и так к вечерним новостям не успеваем... Знаете что? Я к вам подошлю оператора. А может, и сама подъеду.

Он несколько опешил от такого напора, тем более что все еще не был уверен, что его ни с кем не путают.

— Погодите! Куда подъедете?

Она правильно назвала адрес его работы.

— Но у нас пропускная система...

— Ну выйти-то на пару минут вы сможете? Мы прямо на улице и снимем. Даже лучше. Живее. В общем, будем подъезжать — позвоним.

Минут пять Лев Георгиевич сидел, не зная, за что братья. Цифры калькуляции, казалось, разбегаются от его взгляда в разные стороны. Да и буквы вели себя не намного лучше, вроде бы собираясь в слова, но не передавая их смысла.

Лев Георгиевич вздохнул и пошел к кабинету Винравова.

— Свободен? — спросил он у Танечки и мотнул головой в сторону закрытой двери.

— Вроде никого нет, сейчас спрошу.

Танечка скользнула в дверь и почти сразу вышла, на этот раз плавно, и сказала:

— Заходите!

Борис Максимович Винравов, конечно, не был *слугой царю*, да и царя нынче в России, как известно, не сыщешь. Но зато *отцом солдату* его вполне можно было назвать. Он не только требовал от подчиненных, но и был в курсе их жизни, может быть, не до самых интимных подробностей, но в целом представлял, что кого беспокоит.

Несмотря на Танечкино приглашение, Лев Георгиевич, войдя, спросил:

— Можно?

— Нужно, — довольно хмуро ответил Винравов.

Лев Георгиевич подошел к столу и начал:

— Борис, я...

Они давно работали вместе, и обходились без отчеств.

— Погоди!

Лев Георгиевич замолчал.

— Хорошо, что сам зашел. Я хотел тебя вызвать. Что там у тебя за хреномундия с ГАИ? Весь день никто не работает, все только твои дела обсуждают.

— Да ничего особенного. То есть... Вообще ничего.

И он очень коротко изложил все, что произошло накануне вечером или, как говорили в старину, вечер. Впрочем, используя уныло-информативное *вчера вечером* вместо игриво-претенциозного *вечер*, сам Лев Георгиевич невольно выразил сомнение в том, что действительно ничего особенного не случилось. Почувствовал это и опытный руководитель:

— Ты, знаешь, мне тут не это самое! Если бы, как ты говоришь, *вообще ничего*, ты бы среди ночи не стал фейсбучить. Так-нет?

— Ну...

— Вот именно. «Ну». В общем, ты мне тут работу не срывавай. Что хочешь делай, но чтоб эти разговоры прекратились. Нашел тоже о ком писать! Ведь соображать же надо! Гаишники — это же... Ну что я тебе рассказываю! Сам должен соображать, не мальчик.

— Да что я могу-то? Ведь как все было, так и... Ну, давайте я сотру свой *пост*.

Вообще-то Лев Георгиевич порой тоже говорил Борису Максимовичу *ты*. А порой — *вы*. В этот день была вторая *пора*, так что — *давайте*. Впрочем, это могло от-

носиться и к *вы* во множественном числе, включая и директора, и его подчиненных: мол, если всех вас это устроит, я и стереть могу.

Однако как раз директора это не устроило:

— Ну что ты дуручку валяешь?! Что ты сейчас удалишь? Это уже по всей сети разлетелось. Татьян!

— Да? — слышалось из-за двери.

— Сколько там *перепостов*, ты мне сказала? Сорок восемь?

— Было — да. А сейчас уже пятьдесят два.

Вот уж чего не ожидал Лев Георгиевич — чтобы сам директор следил за его «популярностью». А что тому оставалось делать? От этого зависела рабочая атмосфера к подчиненному ему коллективу.

— Ну что же мне теперь-то?..

— Не знаю! — Винравов пристукнул ладонью по столу. — Сам заварил, сам и расхлебывай! Ну скажи, что пошутил... Я не знаю, что хотел... Черт его знает что! Что это ирония такая тонкая. Мол, вот как бы должны были бы вести себя полицейские. Бы. Ну, дорожные, в смысле. А они вместо этого...

— Но они же в самом деле...

— А мне насрать, что на самом деле! — рывкнул уже по-настоящему начальник. — Маленькие дети знают, что они только и делают, что взятки берут. А ты тут со своей правдой!.. Все, иди!

— Борис, я...

— Ах да, ты же за чем-то приходил. Что?

— Мне тут надо будет выйти... Ну я не знаю, на минутку буквально... Но я на всякий случай, вдруг затянется... Ну, я думаю, полчаса максимум.

— Что такое?

— А кстати!.. — сообразил Лев Георгиевич. — Может, даже и к лучшему. Понимаешь, мне тут позвонили с ЭТВ. Чего-то хотят подъехать — со мной поговорить. Вот я и скажу, что это была шутка. Ну, как ты говоришь, ирония.

Винравов глянул на него так, как смотрит учитель на записного двоечника, сумевшего даже человека, уверенного в его никчемности, поразить новой кульминацией тупости. Наконец он нашел в себе силы разомкнуть губы:

— Ты что, вообще ничего?.. Ни бум-бум? Ты вообще соображаешь, что говоришь? Я ему: «Прекрати разговоры эти», а он: «С ЭТВ поговорю!»

— Ну хорошо, хорошо. Я никуда не пойду!

Тон директора напугал Льва Георгиевича. Он никогда не слышал, чтобы тот так говорил. А общались они... Ну, больше десяти лет точно.

— Слушай, Лева, — продолжил Борис Максимович. — Ты это... Как себя чувствуешь-то?

— Ну понял, понял. Ну дурака сваял.

Кажется, эти слова немного успокоили начальника, и Лев Георгиевич как-то по-детски вышмыгнул из его кабинета.

Через двадцать минут позвонила Подпевка. Лев Георгиевич сказал:

— Ой, извините, я не мог вам перезвонить. Набираю номер, который высветился, а там какой-то коммутатор.

— Да, это рабочий телефон. А что? Выходите, мы через три минуты подъедем.

— Вот в том-то и дело. Я не смогу.

— Как? Мы к вам через весь город мудохаемся, а вы... Не валяйте дурака, выходите.

— Ну я же говорю: звонил, хотел предупредить...

— А что такое? Вы заболели?

— Нет... Понимаете... Работа срочная... Ну никак, одним словом.

— Лев Георгиевич, — она, как видно, уточнила его отчество, — вы вообще понимаете, что несете? Какая, к еб...м, работа?! Мы уже подъезжаем!

— Извините, я не могу. Ну изви...

Гудки в трубке пошли прежде, чем он договорил.

Лев Георгиевич откинулся на стуле. Уффф... Это был если не самый тяжелый разговор в его жизни, то уж точно один из самых неприятных. Но, слава богу, все позади...

Минут десять спустя подошла Танечка. Сама подошла, просим заметить, не по телефону позвонила!

— Лев Георгиевич, Борис Максимович велел вам сказать, чтоб вы шли.

— Куда? — не понял Лев Георгиевич.

— Ну... Куда вы хотели. Он разрешил типа.

Что ж, такова жизнь. Над директором, зная, есть генеральный директор. Да и над тем, похоже, тоже кто-то есть. И в данном случае имеется в виду не Бог.

Первым на выступление отца отреагировал Вадик, точнее, семья его жены, в которую он естественным образом входил.

Как выяснилось, в новостях ЭТВ был раздел, в котором ежедневно сообщалась какая-то новость не общественного значения, а касавшаяся частной жизни простых людей. *Простым человеком* в тот день оказался Лев Георгиевич Гусьев.

Новостей ЭТВ Гусьевы не смотрели (за исключением, разумеется, того одного выпуска). Зато их не пропускала бабушка Вадикиной жены. Она была дамой с широким кругозором, смотрела все информационные программы на всех доступных каналах и, увидев на экране знакомое лицо, сразу позвонила дочке, сватье Льва Георгиевича. Понятное дело, родня была в единодушном восторге от его появления на всероссийском экране. Только Дмитрий Михайлович, тесть Вадика, засомневался в том, что все было именно так, как рассказано. Он взял у зятя трубку и переспросил:

— Что, и вот так все точно было?

А когда Лев Георгиевич подтвердил, что все было в точности как он рассказал, хмыкнул:

— Надо же! А я думал, что-то вырезали.

Все-таки вот она, разница между действительно близким человеком и теми, кого воля слепого случая сделала твоими сослуживцами: подтвердишь ему, что так все и было, — он и отбросит прочь сомнения.

На работе, конечно, тоже узнали о выступлении их коллеги по телевидению. Однако страсти вчерашнего дня уже уступили место новым переживаниям, да и, в самом деле, работа есть работа, нельзя же вечно мусолить одно и то же, отвлекаясь от насущных проблем. Так что опасения Винравова, что казус, произошедший со Львом Георгиевичем, роковым образом скажется на производительности труда, не оправдались.

Зато у самого Льва Георгиевича началась совершенно новая жизнь. Он стал чем-то вроде эталона *нашего простого человека*. Точнее, даже так: он стал Нашим простым человеком — с большой буквы. Не в смысле — Человеком с большой буквы. Точнее, это — само собой, иначе его бы не стали всюду приглашать и всем показывать, а с большой буквы — все целиком название этого персонажа, можно даже в одно слово — Нашпростойчеловек!

Оказалось, что Нашпростойчеловек нужен везде: в теле- и радиопередачах, в каких-то дискуссиях, на общественных форумах, а уж на церемониях открытий-закрытий и прочих презентациях — так это всенепременно. Лев Георгиевич и не подозревал, что в Москве постоянно происходит такое количество событий эпохальной важности. И пусть даже степень эпохальности каждого конкретного мероприятия несколько преувеличивалась выступавшими (что совершенно естественно и иначе и быть не может), все равно картина бурной и громокипящей общественной жизни, открывшаяся взору Гусевых, потрясала воображение. Мы не случайно использовали здесь множественное число их фамилии, потому что значительная часть приглашений была на два лица.

Порой от Льва Георгиевича требовалось только присутствие, но нередко приходилось и выступать. Нет, не с речью или хотя бы коротким спичем в официальной программе. Официоз — дело людей особых, в смысле, непростых. А Нашегопростогочеловека наугад выхватывали из толпы и просили сказать несколько слов о впечатлении, которое... Ну и так далее.

Поначалу Лев Георгиевич опасался, что ему придется втянуться в политическую жизнь. Хотя он и считал себя законопослушным и вполне лояльным гражданином, но все-таки как нормальный здравомыслящий человек видел определенные недостатки в устройстве окружающей жизни и зачастую давал себе волю поворчать в *их* адрес (под *ними* имелись в виду все, от кого зависело принятие более или менее серьезных решений в жизни города и даже страны). Такое ворчание не выходит за рамки *обычного* обывательского брюзжания и уже в силу этого должно быть присуще *нашемупростому*. Тем не менее Лев Георгиевич прекрасно понимал, что не затем его приглашают, чтобы он высказывал недовольство тем, что на месте вчерашнего парка будет строиться торговый центр или, наоборот, на месте рыночка, удобного для жителей микрорайона, появится никому не нужный сквер с асфальтовыми дорожками, пластмассовыми скульптурами и тем же уличным загазованным воздухом. С другой стороны, было бы неловко кривить душой и петь дифирамбы подобным рокировкам торговых точек и мест отдыха или другим непонятно откуда взявшимся *их* решениям. И это еще что! А вдруг бы пришлось высказываться насчет каких-нибудь кандидатов в депутаты или, там, мэры, не говоря уж о... Ну, вы сами понимаете. Или о чем-то еще в этом роде?

Все это весьма настораживало нашего героя. Ключевое слово в последней фразе — «нашего», то есть героя *нашего* рассказа, а не *героя* в прямом смысле этого слова, каковым Лев Георгиевич отнюдь не являлся.

Однако опасения оказались напрасными. Про большую политику у Льва Георгиевича вообще никогда не спрашивали и на соответствующие митинги, съезды и форумы не приглашали. Очевидно, он попал в какой-то неведомый список (или, как еще принято говорить, обойму) Нашихпростыхлюдей бытового плана, а уж существовали ли такие же обоймы политического направления, ему было неведомо. Что касается не всегда удачных решений по улучшению жизни горожан, то и тут Льву Георгиевичу не пришлось кривить душой, потому что профессионалы-журналисты умело ставили вопросы так, что глупо было отвечать отрицательно. Например: «Как вы относитесь к тому, что у нас появится еще одно прекрасное место, где можно и *отовариться*, и отдохнуть?» А как к этому можно относиться? Или: «Что вы можете пожелать жителям Дворцово-Хижина, получившим новое место для прогулок?» А что им можно пожелать?

Еще более серьезные опасения были у Льва Георгиевича в отношении его непосредственного начальства. Собственно говоря, даже не опасения, а уверенность, что общественная деятельность вызовет неодобрение руководства фирмы. Однако и тут

дело обернулось как нельзя лучше. То есть сперва недовольство было. Но как только физиономия Гусьева примелькалась на экране, интерес к нему проявил отдел рекламы и пиара, причем не только их ООО, а всего концерна, в которое это *ограниченное общество* входило. Лев Георгиевич стал непременным участником всех публичных мероприятий, организуемых концерном, которым придавало дополнительную солидность присутствие человека, которого «не помню где, но точно видел, не помнишь, кто это? — не соображу, но морда знакомая». Нередко он участвовал и в деловых переговорах. Собственно, это участие выражалось в безмолвном сидении, переводе глаз с одного говорящего на другого и движении бровями и губами, в общем, всем том, что классики называли *надуванием щек*. Разумеется, эффект от наличия Льва Георгиевича за столом не выражался в непосредственных уступках со стороны деловых партнеров или в чем-то столь же явном. Но они как-то начинали ощущать серьезность намерений *нашей* стороны, и дальнейшее обсуждение складывалось доброжелательно и в конечном счете к обоюдной выгоде. Правда, действовало это только на переговорах с соотечественниками: иностранцы естественным образом никак на присутствие Гусьева не реагировали.

Жизнь Льва Георгиевича стала интересной и полной событий. Как человек эмоциональный, он проникался радостью, насыщающей атмосферу праздников. А порой, хотя и реже, — торжественной скорбью событий печальных. Прежде он либо воспринимал окружающее, опираясь на свой, весьма ограниченный, опыт, либо видел мир через окошко блогов и чатов, в которых столь же приземленные субъекты делились своими неурядицами и сетовали на несовершенство как человечества в целом, так и отдельных его представителей. Но теперь ему довелось приобщиться к другой жизни — полной бодрой энергичности, неуклонного движения вперед, в которой что-то постоянно создавалось и менялось к лучшему.

Хотя случались и накладки. Вот как в тот раз.

В тот раз никто ни о чем Льва Георгиевича не предупредил, и он спокойно пошел на работу, зная, что сможет хотя бы отчасти выполнить ту часть трудовой деятельности, за которую, собственно, и получает зарплату.

Дел было, в самом деле, невпроворот. Одиннадцать таможенных деклараций — не шутка. Да еще каких! Ни одной стандартной, чтоб взять готовый образец, поменять адресата, название товара, сумму — и готово. Да еще языки какие-то все заковыристые. Только три договора надо было перевести с английского и два — с немецкого, а остальные... Самый простой — голландский. Нет, переводчики-то у них были. Но по-английски или немецки Лев Георгиевич и сам мог прочесть и, если что, подкорректировать перевод. А тут — по несколько фраз на контракт таких встречалось, что надо было вступать в переписку с переводчиком, уточняя и уточняя формулировку. Да и к своим коллегам было много вопросов...

В общем, с десяти до трех Лев Георгиевич был полностью погружен в тонкости таможенных перевозок. «Контракт, декларация, инвойс, с НДС, без НДС»... «Инвойс, декларация, контракт, без НДС, с НДС»... Снова «Инвойс»... Снова «Контракт»... Снова «НДС»... И бесконечные «... декларация... декларация... декларация...»

Только в полвторого перекусил, и то на скорую руку, не *рассиживаясь*.

А в три позвонил корреспондент:

— Лев Георгиевич?

Голос был незнакомый, и он ответил нейтральным:

— Я вас слушаю.

- Вы Лев Георгиевич?
- Да, да. Слушаю.
- Где вы?
- Как где... Я на работе.
- Какая, на х..., работа! Я вас жду на Круглом столе. Почему вас нет?!
- На каком еще Круглом столе?
- По ранней декларации!

О-па! Какая-то *ранняя декларация*, он и не слышал о такой.

— Что за «ранняя»...

— Лев Георгиевич, милый, что вы спрашиваете? Приезжайте — узнаете!

Выяснилось, что накануне должна была позвонить ассистентка. То ли она забыла, то ли не смогла дозвониться сразу, а потом закрутилась и... Правда, сама ассистентка твердо стояла на том, что именно дозвонилась и именно предупредила: в трубке слышался ее писклявый голос, невнятно бухтевший об этом.

Но что спорить впустую?

— Лев Георгиевич, я вас прошу, поскорее! Хватайте такси и — в Конгресс-центр, мы всё оплатим, — распорядился корреспондент.

Лев Георгиевич никогда не пользовался своим особым положением и каждый раз предупреждал начальника отдела Викторию Николаевну о своей отлучке и записывался в журнале для местных командировок. Да и Вика ему никогда не отказывала. На этот раз — тем более: он сказал о теме Круглого стола, и она тоже спросила:

— Что за ранние декларации?

И он ответил словами корреспондента:

— Вот как раз поеду — узнаю.

Так что все были довольны. Кроме, правда, тех сотрудников отдела, на чьи трудовые плечи легли семь договоров, недооформленных Львом Георгиевичем.

И он помчался.

Тут надо внести некоторое уточнение: Круглый стол проходил в рамках Международного форума по вопросам нравственного здоровья общества, и ни о каких декларациях там речь не шла, а посвящен он был *ранней дефлорации*, сиречь резкому снижению возраста, в котором девушки лишаются девственности. Корреспондент говорил из шумного холла Конгресс-центра, а пуще внешнего шума его речь заглушалась внутренним голосом, звучавшим в голове Льва Георгиевича в течение предыдущих пяти часов. Вот и вышла такая неразбериха.

Ассистентка ждала у входа в Конгресс-центр с пропуском в руках. Льву Георгиевичу не пришлось диктовать ей свои паспортные данные, так как они давно были в ее списке. По мордочке девушки явно читалось, что она прекрасно помнит, что не дозвонилась, но он не стал ее добивать, понимая, что, даже если бы причиной была его рассеянность, все равно досталось бы ей: почему не проследила, не напомнила и так далее.

Наконец Лев Георгиевич оказался перед корреспондентом. Тот уже бил копытом, спеша закончить наконец съемку и приступить к монтажу сюжета о Круглом столе. Он торопливо установил Льва Георгиевича посреди коридора, так, чтобы на заднем плане мелькали какие-то *деятели*. Вокруг было довольно шумно, и Лев Георгиевич спросил, почти крича, чтобы быть услышанным:

— Может, найдем более тихое место?

На что корреспондент тоже прокричал:

— Ничего! Мне картинка нужна, чтоб было видно, где мы. А микрофон у меня специальный, он выхватит из шума ваш голос, так что не форсируйте, говорите спокойно.

Лев Георгиевич кивнул, и они начали *работать*.

— Позвольте вас спросить как, тысьзять, простого человека: что лично вы думаете о столь распространенном ныне явлении ранней дефлорации.

«...Декларации», — расслышал Лев Георгиевич и начал отвечать так, как он подна-торел за последние месяцы, веско и неторопливо:

— Ну, во-первых, позвольте вас чуточку поправить. Так уж получилось, что в дан-ном вопросе я могу выступить не как, тысьзять, простой человек, а как профессионал: я уже более десяти лет занимаюсь разного рода декларациями...

Специальный микрофон, конечно, записал именно то, что он произнес, но это пред-стояло выяснить только по прибытии в студию. А пока корреспондент расслышал сквозь гомон Конгресс-центра то слово, которое несколько часов не сходило с уст участников Круглого стола, и его брови удивленно взлетели на лоб. Лев Георгиевич по-своему истолковал это удивление и улыбнулся:

— Да, бывают такие совпадения. Вы просто случайно попали на профессионала. И, кстати, я несколько удивлен, что вы говорите как об общераспространенном яв-лении о том, что для меня в каком-то смысле новость. Я, честно говоря, никогда не слышал такого термина — «ранняя декларация». Хотя, повторяю, уже ряд лет...

— Простите, — перебил его потрясенный корреспондент. — Вы хотите сказать, что профессионально занимаетесь... Этим?..

— Ну да. Вот только сегодня у меня по плану было одиннадцать штук. К сожалени-ю, я не со всеми успел разобраться. Добил, что называется, четвертую, а с остальны-ми попросил разобраться коллег.

— Одиннадцать за день?!

— А что вас удивляет? Бывает и больше.

— Вы их что, как-то технически?.. Потому что, так сказать, традиционным спосо-бом... Одиннадцать... Я не представляю!

— Ну конечно, не вручную же мы все делаем. Есть стандартные формы... Хотя, ко-нечно, в каждом конкретном случае надо учитывать свою специфику. Только вот что касается ранней... Я так понимаю, речь идет о предварительном оформлении?

— Ну, в каком-то смысле, можно и так сказать. Что вы думаете по этому поводу?

— Знаете, конечно, чем раньше начать, тем спокойней. Но слишком рано тоже ведь невозможно. Вы понимаете?

— Да, разумеется...

— Вот. Ну хотя бы надо иметь протокол о намерениях. Или что-то в этом роде. Опять же, язык играет роль.

— Язык?!

— Ну да. В некоторых случаях могут быть нестыковки. Именно из-за языка.

Эротическое воображение корреспондента разыгралось настолько, что он зажму-рился. Он, как и Лев Георгиевич, всю первую половину дня слышал разговоры на од-ну и ту же тему и так же, как он, настолько погрузился в нее, что все воспринимал под соответствующим углом зрения. Только вот *углы* эти у них были разные.

— Да вам не нужны эти профессиональные тонкости, — успокоил его Лев Георг-иевич. — Вам достаточно понимать, что в нашем деле предварительные контакты, еще до оформления собственно декларации, — это сложный и очень тонкий процесс, в котором надо учесть каждую мелочь. А как говорится, где тонко, там и рвется.

Ну уж такого цинизма корреспондент вынести не мог. Он выключил микрофон и обернулся к ассистентке:

— Ты кого мне привела?

— Я? Что я? — У девушки на глаза навернулись слезы. — Я по базе смотрела.

Она перевернула несколько листков на блокноте:

— Вот. Сотрудник...

Тут они начали разбираться, кто такой Лев Георгиевич, сотрудник чего, чем занимается и куда его пригласили, и дело пусть не сразу, но прояснилось.

Отсмеявшись и снова став серьезными, они записали несколько фраз Льва Георгиевича о том, что падение морали приводит не только к психологическим, но и к чисто социальным проблемам и что «всем нам, в первую очередь людям старшего поколения, имеющим жизненный опыт и понимающим последствия тех или иных поступков, надо объединить свои усилия, чтобы...» Ну и так далее.

В общем, несмотря на небольшую накладку, мероприятие прошло успешно. А на следующий день Лев Георгиевич все рассказал Вике, и они, с одной стороны, посмеялись, а с другой — порадовались, что никаких неизвестных им новшеств в декларировании не введено.

Случались и неприятные моменты другого рода. Даже не то чтоб неприятные, а... Ну, в общем, все вроде как нормально, однако осадок какой-то остался.

Должны были выписывать из роддома Леночку, Вадика жену. То есть, конечно, не ее одну, а — с новорожденной Тоней. Вся семья готовилась, и Гусьевы, и Торошины, родители Лены. В два часа дня они сговорились всем собраться у роддома, а на три была назначена выписка. Так утром позвонили и... В общем, какая разница, куда и все такое прочее? Главное, что новоявленному дедушке не пришлось принять участия в торжественном выносе внучки. Правда, в чем Лев Георгиевич проявил твердость, так это в том, чтобы Галина Андреевна поехала в роддом. Хотя организаторы очень настаивали на том, чтобы он был вместе с супругой, но он не сдался. Ну, с самом деле, куда это годится, что Тонечку не будет встречать никто *с их стороны*?

Вечером Галина Андреевна подробно рассказала ему, буквально по минутам, как только женщины могут, что и как происходило. И фотки показала, которые она на телефон сняла. Так что Лев Георгиевич получил полное представление о церемонии.

Вот приезжают Вадик с тестем и тещей. Выгружают пакеты с подгузниками, одеяльцем и всем прочим. Вот старший брат Лены, Юра, с женой и сыном. («Ну, это уже было совсем лишнее, — добавляет Галина Андреевна, — трехлетнему малышу там делать нечего, только под ногами вертелся».) Вот Леночка выходит. Уходит обратно с пакетами, и мама ее с ней. («Я тоже хотела пойти помочь, но там только одного человека пускают».) Вот Ленин племянник — с огромной связкой шариков, они их привезли с собой, и теперь Сережа стоит, переполненный ответственностью за доверенное ему имущество. Вот Леночка выходит со свертком в руках. Все смеются. А вот сама малышка. Рожица сморщенная, глазенки не поймешь какого цвета. Красавица!

Она показывала, комментировала кадры, он слушал, улыбался, а в голове вертелась непрощенная мысль. Что ни говори, а вся эта суета — не более чем мелкая внутрисемейная радость. Ну, приятно, конечно, но надо же не терять масштаба событий. Одно дело, если это какая-нибудь там царственная фамилия, типа родила царица в ночь то ли сына, то ли дочь. А совсем иное — ну еще одним Гусьевым, точнее, Гусевой на свете стало больше.

И это унижение было вовсе не проявлением какой-то чрезмерной скромности. Нет, наоборот: сам-то он, *один из Гусьевых*, в это самое время участвовал в событии совершенно иного масштаба — в открытии нового музейного комплекса с уникальной коллекцией современного искусства. И пусть даже Лев Георгиевич к современному, да и к любому другому искусству имеет весьма косвенное отношение, но масштаб событий, как ни крути, несравним, а?

Впрочем, вслух он, конечно, ничего не сказал и даже старался отгонять от себя эти мысли и искусственно возбуждать в себе радостный настрой, так что Галина Андреевна, кажется, ничего *такого* не заметила. Правда, когда он сказал после просмотра

фотографий: «Ну ты скачай на компьютер, я потом внимательно на большом экране посмотрю», — она ответила:

— Да ладно, так посмотрел, и достаточно. Ничего там особенного, сам видишь, не было.

И Лев Георгиевич не понял: соглашается ли она с тем, что он думал насчет *маштаба*, или заметила-таки его, как бы сказать точнее, спокойное отношение к операции «Выписка». Хотя не исключено, что и то, и другое.

У Льва Георгиевича (и Галины Андреевны, разумеется) появились новые знакомые. Среди них — люди довольно интересные, а кое-кто — интересный и без всякого «довольно». Правда, когда подошел день рождения Льва Георгиевича и они стали прикидывать, кого позвать, оказалось, что все-таки это не настолько близкие люди (Лев Георгиевич добавлял: «...еще не стали...»). Галина Андреевна обратила внимание на то, что никто из новых друзей, в свою очередь, не звал их на свой день рождения. Лев Георгиевич возразил:

— Надо быть выше таких счетов. Звали, не звали — это их дело. А мы должны поступать, как считаем нужным.

На что Галина Андреевна отвечала:

— Да, только не надо лезть к людям без мыла. Раз не звали, значит, ты им не особенно нужен.

— Но если так рассуждать, это какой-то замкнутый круг. Кто-то же должен позвать первым. Вот если они в ответ нас не позовут, тогда уже и будем делать выводы.

В конце концов сошлись на том, что те, кто сами, без напоминания, поздравят, тех надо позвать, а кто не вспомнит, так и не надо.

В результате позвонили и поздравили только старые друзья. Правда, несколько новых прислали поздравления по смс или в чате. Но Гусьевы решили, что виртуальные поздравления не тянут на реальное застолье.

Правда, застолья не получилось никакого. День рождения пришелся на среду. Лев Георгиевич, прощаясь с поздравлявшими, заканчивал разговор фразой: «Мы еще не определились с днем. Наверно, в эту субботу или в следующую. Ну, я или Галя еще позвоним». Но до субботы они так ничего и не решили, а в следующую — Лев-то Георгиевич был как раз свободен, но Галину Андреевну Леночка попросила посидеть с Тонечкой (к этому моменту малышке уже минуло три месяца). А потом как-то все *замылилось*.

На работу, правда, Лев Георгиевич принес две бутылки сухого вина и три пакета сока для непьющих да еще купил в ближайшем торговом центре несколько больших пицц с разной начинкой. Однако настоящих посиделок тоже не вышло. Все собрались у его стола, поздравили, вручили конверт с собранными тремя тысячами шестьюстами рублей (двенадцать на триста), подняли пластиковые стаканчики за здоровье и успехи, слопали по паре кусков пиццы и разошлись трудиться дальше.

В общем, все это можно подытожить следующей формулой: жизнь Льва Георгиевича стала другой. Именно *другой*: в чем-то богаче и интересней, а в чем-то... Ну так ведь за все приходится платить. Не бывает ведь, чтоб кругом — одни плюсы. Не так ли?

Лев Георгиевич возвращался с презентации нового альбома псевдонародного музыкального коллектива. Несмотря на лиричность собственного репертуара героев вечера, голова немного трещала, так как поздравить коллег пришли представители

более громогласных жанров. К тому же на фуршете он прибилсь в группке, окружившей известного драматического артиста и шоумена в одном лице, то есть к компании, в которой *мужику* было не к лицу пить какое-то легкое винцо. Эти музыкально-питейные комбинации привели к тому, что Лев Георгиевич вышел из Дворца культуры, где проходила презентация, в прекрасном, приподнятом настроении. Он спустился в метро, радуясь, что ехать можно по прямой, без пересадок. Но в поезде Льва Георгиевича растрясло, и на свою станцию он приехал уже *уставшим*. Нет, конечно, его не качало, и ноги тем более не заплетались. Но идти десять или пусть даже восемь минут до дома было не вмоготу, тем более что таксисты или бомбилы брали за этот крошечный отрезок всего сотню.

Было довольно поздно, и автомобили, обычно поджидавшие клиентов у выхода из метро, уже разъехались. Лев Георгиевич подошел к пустой автобусной остановке и спустился с тротуара.

Вдали появился и стал быстро приближаться свет фар. Лев Георгиевич сделал еще шаг вперед и поднял руку. Машина немного изменила направление движения, готовясь притормозить около него. Чтобы не мешать, он отступил, споткнулся о край тротуара и полетел назад.

Казалось, все окружающие предметы нарочно подставились под отдельные части его тела: столбик остановочного козырька — под спину, лавочка — под затылок, урна, стоявшая рядом, — под локоть. А уж ступня вывихнулась сама собой.

То ли проезжающий водитель и не собирался тормозить, то ли, увидев, что произошло со Львом Георгиевичем, побоялся оказаться виновником, то ли просто принял его за пьяного, но, так или иначе, он пронесся мимо.

Не будем описывать, как удалось нашему герою подняться и как долго никто не останавливался. Но все же когда-нибудь приходит конец, и минут сорок спустя, испачканный, в разорванном плаще и, самое главное, изломанный, он оказался дома на попечении взволнованной супруги.

Ушибы и растяжения поначалу показались не очень страшными. Лев Георгиевич рассчитывал посидеть несколько дней дома. Но наутро все разболелось, и особенно — спина. А с позвоночником, как известно, шутки плохи.

Короче говоря, через два дня после роковой презентации Лев Георгиевич Гусев оказался на больничной койке травматологического отделения.

Примерно за год до описываемых здесь событий всех подчиненных Б. М. Винравова пригласили в отдел кадров и попросили написать два заявления: одно — об увольнении, а второе — о приеме в новую компанию, названием почти не отличавшуюся от прежней. Это, разумеется, было чистой формальностью, ни должности, ни оклады не изменились. Разницу почувствовали первые захворавшие, когда им по больничным листам почти ничего не заплатили. Оказалось, что оплата болезни рассчитывается как средняя за три года, ну а поскольку их стаж на *этом* месте был ничтожен, такими же оказались и полученные суммы. После некоторого шума сотрудникам объявили, что больничные листы надо просто предъявлять, чтобы подтвердить, что болезнь действительно имела место, но дальше им хода давать не будут.

Попав в больницу, Лев Георгиевич, как он уже привык, позвонил Вике и предупредил о том, что с ним произошло. Виктория Николаевна смутилась: одно дело день-два, ну неделя. А совсем другое — несколько месяцев в больнице. Если бы все зависело только от нее и Винравова, то вопросов бы не было. Но ведь над ними есть руководство концерна. Ну как проверка или что-нибудь в этом роде? Тут какой-нибудь местной командировкой не отговоришься. Опять же, и отдел кадров не слепой... В общем, она обещала перезвонить.

И действительно позвонила через два часа и сказала, что переговорила с Борисом Максимовичем и тот сказал: «Нет, пусть оформляет официально. А мы как-нибудь найдем способ компенсировать». Ничего себе! Как-нибудь!..

Через два дня позвонил с телевидения знакомый корреспондент и сказал, что четырнадцатого числа в Центре всероссийских...

Лев Георгиевич перебил его:

— Антон, не тратьте перлов своего красноречия. Я, к сожалению, не смогу.

— А что такое? Что-то случилось?

Лев Георгиевич в нескольких словах рассказал, что именно случилось.

После небольшой, но все же заметной паузы Антон спросил:

— И что? Что-нибудь серьезное? Что врачи говорят?

— Пока ничего определенного. В худшем случае... Ну, в худшем все может быть. Нет, не смертельно, конечно, но прихрамывать... Да нет, все, все! Что это я разжаловался! Это вам вовсе не интересно. И не нужно.

Однако оказалось, что именно это Антону и нужно, и интересно. Особенно когда Лев Георгиевич упомянул, что с позвоночником еще все под вопросом и возможно даже... Он замялся и добавил:

— ...искривление.

— Горб, что ли? — бесцеремонно уточнил служитель СМИ.

— Да нет... Это маловероятно. То есть практически невероятно. Но чисто гипотетически...

— Гипотетически! — хмуро отрезал Антон. — А мы так хорошо сработались...

— Ну... что значит «сработались»? Мы еще много... Ведь это вопрос нескольких недель.

— Ну недель или не недель — видно будет. Тут дело ведь не в этом. Ты что думаешь, мы любого так вот снимаем, приглашаем? Ты даже не представляешь, какие проверки были.

— Проверки? В смысле...

По тону Льва Георгиевича Антон понял, какой *смысл* он имел в виду, и засмеялся:

— Вот вы, люди своего поколения, только об одном думаете. Нет, *это* — само собой. Но ведь по тебе видно невооруженным глазом, что что бы ты там про себя ни думал, а на камеру скажешь что надо. Это само собой. Но слова — что! Главное — картинка. Вот это проверялось. Под разными ракурсами, прочее такое: нос, там, подбородок, разрез глаз. Фигура: чтоб не Шварценеггер, конечно, но и не инвалид какой-нибудь. Опять же голос, чтоб никакого акцента, фифекта фифекции, так сказать. Ну все, в общем. А если ты... Хе-хе... Так сказать, товарный вид потеряешь, так тогда что уж? Ногу там подволакивать или тем более горб...

Лев Георгиевич изумленно молчал: он и не догадывался, что секрет популярности — в его не то благообразной, не то среднестатистической внешности. Поняв, что перегнул палку, чуткий знаток хомо сапиенсов сменил тон:

— Что, Лев, я тебя огорчил? Ну так что ж, жизнь такая. На войне как на войне. Ладно, не кисни. Все будет тип-топ. Ты лучше скажи, могу я тебе чем-то помочь?

— Да нет, чем тут поможешь? — вяло начал Лев Георгиевич и вдруг сообразил: — Ах да! Тут такое дело...

И он объяснил всю бухгалтерскую механику с больничными листами.

— Может, если с телевидения позвонят... — закончил он с надеждой.

— Конечно, *во-оше* не вопрос! — бодро успокоил Антон. — Я тебе через пару дней позвоню что и как. Ну или не я, а ассистентка. Если закручусь типа.

Когда они попрощались и Лев Георгиевич положил трубку на тумбочку, его сосед по палате Игорь Вячеславович сказал:

— Даже и не жди. Никто никуда звонить не будет.

— Да нет, — не слишком уверенно возразил Лев Георгиевич, — у меня с ними не просто деловые отношения. Я бы сказал, товарищеские.

— Охолонись, Лева. Нет, мое дело, конечно, сторона. Просто чтоб ты зря не надеялся.

И действительно, ни через пару дней, ни через неделю ни сам корреспондент, ни кто другой из их команды не позвонил. Закрутились типа.

А еще через неделю Льва Георгиевича выписали. В смысле, перевели на амбулаторное. А так-то он еще с месяц проболел. Можно бы и дольше, но не сидеть же столько времени без зарплаты. А на физиотерапию, которую ему прописали, он договорился с Викой, что или будет приходить попозже, когда сеанс утренний, или раньше уходить, чтоб до семи успеть.

Больничная койка вообще способствует размышлениям и даже порой переосмыслению каких-то жизненных устоев. Да, собственно, необязательно больничная. Когда, например, целый день дома валяешься, только пару раз Галя позвонит с работы: «Как ты? Суп нашел? Ну пока, я еще звякну», — так тоже кое о чем подумывать начинаешь.

Конечно, мы не можем точно сказать, какая именно мыслительная работа происходила в голове Льва Георгиевича, да и не точно тоже: как туда залезешь? Но что-то, видно, все же изменилось. О чем можно судить по некоторым его поступкам. Вот, к примеру, по следующему.

Буквально на следующий день после того, как Лев Георгиевич перебрался на свой диван, ему позвонила администратор не суть важно чего, Инночка, с очередным приглашением на открытие...

— Ижвиниче, но я вджяд ли шмогу пджишучковать, — шепеляво ответил он.

— Ой, Лев Георгиевич! Что с вами?! — заверещала Инночка.

— Да вот влип что наживаеця. Под машину попал.

— Ой, какой ужас! Что-нибудь сломали? Что у вас с этой... Как ее? А, речью!

— Да речь вджоде как нормальная, — как бы всполошился он. — Что с джечью? Вы что-то сжышите не то?

— А... нет, мне так... показалось, — ушла от ответа деликатная девушка. — А что вообще?

Лев Георгиевич перечислил все, чем его пугали врачи как самым худшим: будто у него уже и горб вырос, и ногу он подволакивает, и пальцы на руке на гнутся. А заодно добавил, что щеку немного перекосило, «но шамую малощь, буквально совершенно нежаметно». Инночка охала, ахала, и даже по телефону было слышно, как она всплескивает свободной от трубки рукой. Такое искреннее участие было, прямо скажем, приятно Льву Георгиевичу. Попрощались они со взаимными уверениями в том, что все обойдется и они еще долго будут сотрудничать.

Аналогичных разговоров было еще два. Лев Георгиевич ожидал больше звонков, но, очевидно, информация о его болезни и практически безнадежном состоянии распространилась в соответствующих кругах, и остальные пользователи образа Нашего простого человека не стали его беспокоить.

Прошел год. Время от времени друзья еще шутят, называя Льва Георгиевича *символом эпохи, выразителем народных чаяний* или, скажем, *мастером ораторского искусства*.

ства. Он не обижается и даже добавляет что-нибудь вроде: «А еще пионер, всем ребятам пример», — чем повышает, как говорится, градус веселья.

Недавно состоялся его очередной день рождения. Именно что — состоялся, а не просто обозначился в календаре. В пять часов кофе-рум заполнили сотрудники отдела и еще несколько человек из других подразделений, с которыми у него сложились отношения чуть более теплые, чем с остальными. Заглянул и Борис Максимович, поздравил и даже посидел с полчаса.

Подарок, правда, был вполне традиционный, с той только разницей, что на сей раз в конверте было пять тысяч четыреста: сдали на шесть человек больше.

Засиделись до одиннадцати часов, когда уже и охранники пришли проверить, почему свет на этаже горит. И хотя они ничего не сказали, убедившись, что дело не в том, что уходившие забыли выключить, но Лев Георгиевич и его гости поняли намек и стали собираться. Конечно, до этого момента досидели не все, а только четверка самых близких друзей, которые, кстати, в том же составе посетили в ближайшую субботу и квартиру Гусевых, где Галина Андреевна накрыла стол, достойный и повода, и собравшейся компании.

В общем, жизнь вошла в свою колею, и хотя она не тянет ни на оперное либретто, ни даже на сюжет в соответствующем разделе новостей ЭТВ, но, думается, любой трагический Гремин или, как его там, Гольдман... Ну ладно-ладно, Герман, помним. Пошутить уже нельзя? В общем, любой из этих героев с удовольствием поменялся бы ролями со Львом Георгиевичем Гусевым. Вот только он, испытавший вкус славы, вряд ли согласился бы на такой обмен.

В чем, собственно говоря, и состоит мораль данной истории.

СКАЗКИ ВЕНСКОГО ЛЕСА

10 августа Валентин Семенович увидел в коридоре Юру Торошина, остановил его и сказал:

— Ты собираешься заявление писать? А то рискуешь остаться без отпускных.

— Ага, спасибо, — кивнул Юра и пошел писать заявление.

Он и позабыл, что еще в декабре, когда составлялся список отпусков, выбрал две недели в марте и две — в августе. Это было обусловлено не тем, что он на самом деле собирался отдыхать в это время, а тем, что в этих месяцах не было праздников, поэтому средний рабочий день был самый дешевый и при расчете отпускных почти ничего не терялось. Маленькие хитрости.

В марте они с Таней действительно съездили в обзорную поездку по Испании. А вот вторую часть отпуска собирались использовать ближе к зиме. Куда именно, чтобы и, как они шутили, *кости погреть*, и что-то необычное увидеть, еще не решили, хотя пора было бы и определиться.

Заполняя пустые места в стандартном бланке заявления, Юра подумал: «Надо наконец сесть с Танькой за компьютер и определиться. Ну и с тетей Ритой посоветоваться. А то потом поздно будет».

Подруга Таниных родителей тетя Рита работала в турбюро. Благодаря чему Торошины всегда могли не только выбрать *оптимальный вариант* (то есть наиболее дешевый при приличном отеле и прочем), но и платить по частям: один месяц — за отель, второй — за самолет, третий — за экскурсии и так далее. Но чтобы так сделать, надо было уже сейчас решить хотя бы, в каких краях этот отель должен находиться и в каком аэропорту этому самолету предстоит приземлиться.

Подписывая заявление, Валентин Семенович спросил:

- А ты все дела успеешь за две недели подогнать?
- Так а чего их подгонять? Я же здесь буду.
- Ты что, куда не собираешься? — поднял брови шеф.

Юру Торошина знали как заядлого путешественника, выбиравшего какие-то необыкновенно изысканные, во всяком случае нетривиальные, маршруты, то с посещением малоизвестных замков, то с неожиданными природными достопримечательностями, о которых слухом не слыхал никто из потребителей стандартных туристических услуг, то с богатой театрально-концертной программой. Особенно сильное впечатление производило то, что, где бы он ни был, он не пропускал зоопарков и театров кукол: ну музеи или, там, соборы — понятно, но чтоб зоопарк!..

Юра был женат уже больше семи лет, из которых они здорово так вот поехали первые года четыре — пока Танин живот не стал виден невооруженным глазом. Тут уж все старшие: и Торошины, и Долгославцевы — им категорически запретили отлучаться из Москвы. Пока Сережка был маленький, конечно, тоже дальше родительской дачи не высывались. А полгода назад, когда ему исполнилось три, решились возобновить поездки, благодаря все тем же родителям, которые взяли на себя заботу о внуке. Точнее, *взяли* главным образом Долгославцевы. А Юрины родители, надо признать, здорово помогавшие в первое время, теперь были больше заняты его новорожденным племянником, сыном сестры Лены. Правда, хотя трое из четырех дедушек-бабушек достигли пенсионного возраста, все они работали, так что полностью освободить *детей* от забот о *ребенке* не могли. Собственно говоря, и март для Испании был выбран потому, что у Таниного отца, Николая Александровича, учителя, были каникулы.

Испанский тур был первым после перерыва, так сказать, пробным и вполне стандартным, без экспериментов. Но тем более в следующей поездке надо было поддержать репутацию. И вдруг — *на тебе, «здесь буду»!*

— Так а я же *реально* отпуск не собираюсь брать, — легкомысленно ответил Юра.

— Да?

— Ну да. Мы где-то на декабрь или февраль планируем.

— Погоди-погоди. А ты договорился с ребятами? Мне-то, сам понимаешь, по барабану. Но чтоб кто-то за тебя был.

Об этом Юра как-то не подумал. Обычно заявление на отпуск было само собой, а отсутствие на рабочем месте — само собой.

— А не посмотрите, у кого зимой отпуск?

— Да *на* вот, сам смотри!

Шеф достал из ящика разграфленный лист.

— Можно я его возьму?

— *Отксерь* и верни.

— Так а заявление... Может, пока не подписывать?

— Да нет уж. Отпуск тебе сейчас по-любому взять надо. А там — как договоритесь. Только *мне* скажите, я помечу, кого когда реально не будет.

Юра сделал копию списка, вернул Валентину Семеновичу оригинал и пошел договариваться.

Но тут его ждало полное фиаско или, как он сам позже сформулировал, рассказывая жене, *облом*. Оказалось, что никто не может перенести отпуск. Все Юрины коллеги, в отличие от него, записались на то время, когда на самом деле намеревались уехать. Женя Садовченко уже оплатил тур, да и недешевый, то ли две с половиной, то ли все три тысячи евро. Инна Макарушкина собиралась на юбилей к своей тетушке в Иерусалим (Юра и подумать не мог, что у *Макарушкиной* может быть родня в Из-

раиле). У Вити Сурикова на середину декабря было намечено свадебное путешествие, к нему соваться и вовсе не было смысла. Причем все их отпускные пары недель распределялись по календарю так коварно, что, как ни выбери свои две, обязательно с кем-то пересечешься.

На худой конец можно было уехать и в ноябре, но оказалось, что у Геннадия Владимировича в конце октября операция, а потом нужна серьезная реабилитация, и он договорился с Валентином Семеновичем на весь месяц, не разбивая, как все, отпуск на две половинки.

На январь рассчитывать не приходилось. Шеф ни за что не отпустит: там и так полмесяца из-за праздников пропадают. В общем, оставалось только *отгулять* в официально выделенное время.

Обо всем этом Юра вечером поведал Тане в том самом разговоре, в котором и прозвучало цитированное выше слово «облом». Они уложили спать Сережу и сели на кухне. На столе стояли открытый ноутбук и три телефона: городской и два мобильных. Мобильные, впрочем, лежали. В общем, с технической стороны они подготовились к делу основательно. Но, увы, этим основательность их подготовки и исчерпывалась.

— У тебя на карте сколько? — спросил Юра.

— На зарплатной чуть больше десятки и на кредитной тысяч двадцать.

— У меня в сумме что-то около двадцати. Ну, отпускные получу, это дела не решает.

Дело в том, что одной, и немаловажной, из причин переноса второго отпуска на конец года был расчет основательно пополнить кредитные карты, опустошенные во время мартовской поездки. За прошедшие после этого четыре месяца они ничего толком положить не успели, только минимальные обязательные платежи. Все казалось, до декабря еще успеется.

— Ладно, давай тете Рите звонить, может, она что-нибудь придумает.

— А что можно придумать за сорок тысяч?

— Ну вдруг.

Тетя Рита обрадовалась их звонку, но удивилась, услышав, что речь идет не о заблаговременной подготовке к зимней поездке, а о том, что «нет ли чего-нибудь горящего?».

— Погодите, у вас же *Шенген* есть! — она держала в голове все детали прошлых и намечающихся поездок своих клиентов, тем более личных знакомых.

Действительно, в марте испанцы дали Торошиным визу на полгода. Они сами этому значения не придали, так как собирались в следующую поездку, во-первых, не в Европу, а во-вторых, не в течение полугода. А она помнила.

— Ну я не знаю, в Европу... — замялась Таня. — Мы думали, что-нибудь... попроще.

— Так а Греция — что проще-то? Имея визу...

Тетя Рита была типичным образцом специалиста, подобного флюсу: в сознании работника туриндустрии не укладывалось, как это — иметь визу и не воспользоваться ею хоть разок, пусть даже это выйдет дороже.

— А сколько может стоить Греция?

— Вот смотри, в сентябре...

— Нет, тетя Рит, сентябрь нам не подходит.

— Да ты послушай и сравни: на сентябрь неделю на двоих можно найти за сто тысяч, может быть, даже восемьдесят пять. А в конце августа...

Она пощелкала клавишами компьютера по ту сторону телефонной линии.

— ...Вот, самое дешевое — сто тридцать шесть. Есть разница?

— А горящего ничего...

— Что ты, Танечка, какое там горящее! Ну самое неудобное время выбрали — с возвратом перед первым сентября. Все с детьми возвращаются, потом — педагоги... Может, на недельку все-таки сдвинуть?

Таня спросила мужа, можно ли сдвинуть на недельку. Юра вспомнил выражение лица Валентина, явно настроенного на соблюдение формальностей, и сказал, что вряд ли. Впрочем, у них и восьмидесяти пяти тысяч не было...

— Почти все отели *на сто́пе*, — сообщила тетя Рита. — Ну а билеты — чартеры все битком, а за *регулярку* вы сто-олько выложите! А чего это такая срочность? Вы же говорили о декабре или феврале.

— Так получилось. У Юрочки отпуск пропадает.

Саму Таню отпустили бы когда угодно: для инструктора по лечебной физкультуре, связанного только со своими пациентами, любое время одинаково удобно и одинаково неудобно. Даже летом лучше: больных меньше.

— Понятно. Тогда я не спрашиваю даже, куда бы вы хотели. А кстати, куда бы вы хотели?

— Да все равно. Но не на Северный полюс, конечно.

— А на какую сумму вы все-таки рассчитываете?

Таня понимала, что назвать сумму, которой они располагали на данный момент, значило положить конец разговору, и ответила обтекаемо:

— Ну... Юра еще должен получить отпускные.

— Ладно, я поищу, — пообещала тетя Рита, — но учтите: самый минимум это будет восемьдесят тысяч на неделю. И это, конечно, не Греция, а какая-нибудь безвизовая страна. Хотя иметь визу и... А между прочим, две недели будет выгодней. В смысле, в сумме, конечно, больше, но не вдвое, а всего раза в полтора.

— Спасибо, — ответила Таня.

Зная тетю Риту, они понимали, что та будет полночи шарить по ей одной известным сайтам туроператоров, авиакомпаний и отелей, пытаясь найти что-то подходящее. Им было страшно неудобно перед ней, и Юра даже хотел позвонить и сказать, что не надо искать, но более оптимистичная Таня остановила его:

— Погоди. Сперва надо понять, сколько всего денег понадобится. А там — у родителей одолжим. Полсотни у нас есть...

— Ну мы же не можем под ноль кредитки опустошить.

— Ну хорошо, по десятке оставим. Тридцать будет. Плюс отпускные...

— На них рассчитывать не приходится: если и дадут, то в последний момент, я уж это проходил.

— Ладно, их на дорогу оставим. Все равно какой-то *налик* надо иметь. Если по двадцать пять у твоих и моих одолжить, все сложится.

— А ты помнишь, что мы твоим еще двести баксов должны?

Они долго прикидывали что́ и как. Читателю нет нужды вникать в эти грошовые расчеты, поэтому мы опустим продолжение разговора. Скажем только, что часам к двум ночи некоторая уверенность, что как-нибудь удастся выкрутиться, появилась и у Юры. Таня-то с самого начала знала, что безвыходных положений не бывает.

Бедной Тане в эту ночь почти совсем не удалось поспать. Ее рабочий день начинался в половине восьмого утра, и вставала она в шесть. Вот и считайте, сколько ей осталось на сон. Юрино положение было куда выигрышней: он мог появиться в офисе к одиннадцати. Конечно, он старался, чтоб — в десять, пусть с какими-то минутами, но до одиннадцати *не считалось криминалом*.

Зато Таня рано освобождалась. В тот день она смогла уйти с работы в три часа. И сразу поехала к родителям договариваться о «спонсорской помощи».

Однако начать разговор о деньгах оказалось не так-то просто. Первое, что услышала Таня от матери, была жалоба на бабушку.

Танина бабушка, не такая уж старая по нынешним временам (ей еще не было восьмидесяти), все же нередко допускала ошибки, свойственные старикам. Она жила отдельно, и накануне ей позвонили какие-то вежливые молодые люди и убедили в необходимости провести ряд работ, связанных с заменой водяных счетчиков. Они называли для сравнения цены других фирм, и по всем расчетам выходило, что если она не воспользуется их услугами, то потеряет очень много. Да к тому же срок замены оборудования подходил к концу, и, пропустив его, пришлось бы платить огромный штраф. А просрочить можно было очень легко, так как официальные службы сейчас завалены работой, и вряд ли у них руки дойдут... И так далее. Совершенно убежденная, Маргарита Андреевна согласилась, чтобы к ней пришел «специалист», на первый раз просто так, для контрольной поверки, которая стоила, кстати, сущие пустяки — меньше тысячи. К счастью, между этим разговором и визитом *поверщика* она сообразила позвонить дочери, и та ей категорически запретила впускать кого бы то ни было. В результате теперь ей звонят и запугивают судом и огромными штрафами за ложный вызов. А между прочим, по бумагам до штатной поверки счетчика горячей воды — еще полтора года, а холодной — так и все два с лишним.

— Ну что с ней делать? — жаловалась дочери Валерия Павловна. — Ведь сколько раз предупреждали...

— А о какой сумме идет речь? — неосторожно спросила Таня.

— Да разве дело в деньгах? Сумма — что-то около четырех тысяч, это еще — они сказали — со скидкой для пенсионеров. Но не в этом дело! Ничего мы, конечно, менять не будем. Но надо ругаться и ругаться. А она уже готова на замену счетчиков и что угодно, только бы не попасть под суд.

Таня попыталась заступиться за бабушку, однако это намерение оказалось хотя и благородным, но весьма неосмотрительным: она предстала в глазах матери легкомысленной девчонкой, готовой связаться с первыми попавшимися аферистами и не знающей цены деньгам. В этой ситуации было совершенно невозможно рассказывать о том, что они с Юрой на мели да еще и собираются в дорогостоящую поездку. То есть каждое из этих сообщений по отдельности было бы приемлемым, но вместе...

Таня решила отложить разговор на денек-другой, когда, во-первых, мама немного остынет, а во-вторых, дома будет более снисходительный папа.

Но все в этот день складывалось против нее.

Во время приятного чаепития, когда Валерия Павловна наконец отвлеклась и разговор перешел на безобидные темы, на Танин мобильный позвонила тетя Рита.

— Танечка! Я нашла! — радостно сообщила она, да еще так громко, что ее слышала мама. — Прекрасный вариант! Буквально только что Аэрофлот объявил об акции. Билеты до Вены — всего десять тысяч! Даже девять восемьсот пятьдесят!

— Туда и обратно? — растерянно спросила Таня.

— Ну конечно! Только надо сразу покупать. Хочешь, я куплю, а ты мне потом перекинешь деньги? А можешь сама, онлайн.

— Спасибо. А могу я с Юрой посоветоваться?

— Нет, ну конечно, такой уж срочности нет. Перезвони мне.

— Что такое? Что такое? — спросила мама, когда Таня дала отбой.

— Сейчас услышишь, — она стала набирать Юру.

И тут между супругами произошло роковое недопонимание. Услышав пересказ тети-Ритино сообщения и зная, что Таня у родителей, Юра решил, что она обо всем договорилась, денег на поездку им одолжат, и радостно ответил: «Конечно, надо брать!» Мало того, он сразу же рассветил всем сотрудицам, что через десять дней летит в прекрасную Австрию.

Валерия Павловна, услышав этот разговор, пришла в радостное возбуждение, мгновенно забыла собственные недавние упреки и принялась расхваливать детей (имея в виду, разумеется, и зятя) за умение вести хозяйство так, что и на поездки хватает.

— Вот только не слишком часто вы ездите? Ведь недавно вернулись. Может, лучше бы через несколько месяцев?

— Да Юрке сейчас буквально навязали отпуск, — с деланным безразличием ответила Таня, так, будто перенос отпуска на полгода в ту или другую сторону был для них самым обычным делом.

Понятно, что этот разговор поставил на их финансовых надеждах, по крайней мере в отношении этой пары родителей, жирный крест.

Таня, правда, проявила минимальную предусмотрительность, перезвонив тете Рите и попросив не покупать им билетов, а переслать адрес сайта. Та легко согласилась и еще раз посоветовала не затягивать.

Самое занятное во всей этой истории — то, что молодым (да, собственно говоря, не таким уж и молодым) в голову не пришло, что те или другие родители могут сами оказаться в стесненном положении.

Вечером оптимизм развеялся окончательно. До этого Тане казалось, что Юра что-то может придумать, а он думал так же про нее, но теперь они увидели всю беспочвенность этих надежд. Если даже старшие Торошины что-то и подкинут, то на поездку этого не хватит.

С другой стороны, и объявить во всеуслышание, что они никуда не едут, было совершенно невозможно. Более того, невообразимо! Ну как Юра придет на работу и сообщит сотрудникам, что... Нет, можно было, конечно, сказать, что умер кто-то из близких и поездку пришлось отменить. Ну предположим. Но ведь с родителями и тетей Ритой такой трюк не пройдет. Сказать, что на работе что-то возникло срочное, аврал какой-то? Можно, конечно, но... Но! Юра сам, собственными, что называется, руками привел в свою контору год назад школьного друга Антона. И тут уж точно где-то что-то проколется: либо Антошка начнет выражать родителям соболезнование, либо они у него спросят, не коснулся ли его аврал.

То есть оставалось только сказать правду. Но тогда какими же лохами и недотепами они окажутся! Причем строго дифференцированно: в глазах коллег — лохами, а родственников — недотепами.

И когда обоим незадачливым туристам стало окончательно ясно, что ситуация абсолютно безвыходная, Таня посмотрела на мужа и сказала:

— А-а-а?..

И Юра на это ответил:

— Ну-у-у...

И больше они ничего не сказали. Просто у них взаимопонимание было такое. Большое, короче, было взаимопонимание.

Они легли спать. Но к обоим сон не шел. В ночной темноте каждый представлял себе, как классно будет провести две недели в пустой квартире, вдвоем, как будто второй медовый месяц (ну ладно, полмесяца, разве это принципиально?). Никто не знает, где они. Сережа — с дедушкой и бабушкой на даче. Телефон звонит — они не берут: их нет. Телевизор не включают: они за границей. Новостей принципиально даже в Интернете не читают: приедут — успеют узнать. Сколько у них фильмов скачано и не просмотрено! А не захотят смотреть — целый день валяйся себе в постели! И никто, никто на всем белом свете не знает, где они, что с ними! Это ли не рай? Десятидневный скромный рай на два лица. Или даже двенадцати-

Следующие полторы недели прошли в приятных хлопотах. Чтобы не вызвать ни малейшего подозрения ни у соседей, часто заглядывавших к ним, ни у родителей, они даже чемоданы собирали по-настоящему. К тому же эти сборы проходили на глазах Сережи: о малейшей фальши он мог проговориться дедушкам с бабушками.

Распахнутые чемоданы стояли посреди комнаты и потихоньку заполнялись по мере: а) воспоминания (ой, а детскую присыпку-то, вдруг натрешь что-то!) и б) стирки. Таня методично запускала в стиральную машину партиями то все футболки, то все нижнее белье, то все джинсовое, то сорочки и полувечерние платья на случай полужесточного выхода в театр или на концерт: как-никак, они в Вену собирались, а не в какую-нибудь дыру. Кроме всего этого, надо было собрать ребенка, чтоб Валерии Павловне не возиться со стиркой на даче.

Параллельно с бытовыми были и проблемы более приятного свойства — составление программы поездки. Вообще-то они в Австрии уже однажды были. Зимой, на горнолыжном курорте. Больших спортивных успехов не достигли, но представление о стране получили, правда, однобокое — только о красотах альпийских пейзажей: они тогда летели прямым рейсом в Зальцбург и оставались в пределах горной части страны. Теперь им предстояло познакомиться с австрийскими долинами и увидеть прославленную столицу. Ну не увидеть, а — как бы предстояло как бы увидеть. А вот слово *познакомиться*, в каком-то широком смысле, более или менее соответствует, да?

Они начали знакомство с австрийской культурной жизнью. И сразу же обнаружили, что в Вене один театрально-концертный сезон уже закончился, а новый — еще не начался. После легкого огорчения наткнулись на театр в венском пригороде Бадене. Как раз во время их отпуска там шла «Летучая мышь». Первый пункт культурной программы обозначился. Зашли на сайт театра и узнали, какую сумму в евро они экономят на непосещении этого спектакля.

Еще пошарили по сети. Обнаружили сайт с перечнем всех музыкально-театральных событий мира. Информация делилась по странам. Картина, которая открылась перед их глазами при заходе в австрийский раздел, потрясла: оказалось, что летом вся страна превращается огромную фестивальную площадку. В одном городке — фестиваль церковной музыки, в соседнем — оперетты, дальше — мюзикл, еще в паре десятков километров — целых два месяца три раза в неделю идет какая-нибудь опера, а в четвертом месте посреди еще одного опереточного фестиваля — концерт стареющей поп-звезды мирового масштаба, рассчитанный на ту категорию зрителей, которая и «Веселой вдовой» или «Сильвой» готова насладиться и чьи ноги помнят зажигательные пляски на дискотеках тридцатилетней давности. Хотя Юра с Таней принадлежали к другому поколению, но такие имена, как Том Дуддлиген или Дина Хэмпсон, звучали и для них притягательно, так как эти артисты уже стали настоящей рок-, ну в крайнем случае поп-классикой.

Кроме «Летучей мыши», они остановились на «Марице», мюзикле «Хэлло, Долли!» и концерте Дины Хэмпсон. Оставалось только составить маршрут таким образом, чтобы спектакли и концерты выстроились в логичную замкнутую цепочку, выходящую из столицы страны и туда же возвращающуюся, так как билеты по акции предполагали один аэропорт прилета и вылета.

Зная, что в тамошних краях весьма вероятны дожди, а три мероприятия (кроме баденского) проходили на открытых сценах, они выбрали дни представлений не подряд, с тем, чтобы в случае срыва спектакля из-за разгула стихии можно было поменять билеты на завтра. Порой они так увлекались, что забывали, что все это понарошку. И даже начинали спорить из-за билетов. Юра считал, что раз уж они тратят столько

денег на поездку, то лишние двадцать или даже полсотни евро за пару билетов не играют роли, а более рачительная Таня настаивала на экономии хотя бы здесь.

— Прекрасно ты можешь слушать из пятнадцатого ряда, — говорила она.

— А смотреть? — возражал муж. — Вот сравни: твой пятнадцатый ряд стоит шестьдесят пять за билет, а восьмой — восемьдесят. Ну согласись, что тридцатка в этих масштабах погоды не делает!

Действительно, цена билетов составляла только малую часть от, к примеру сказать, проката автомобиля. Общественный транспорт им бы не помог: объехать мелкие городки, где проходят фестивали, на автобусах — и тяжело, и в сумме ненамного дешевле!

На *прокатном* сайте дешевых машин уже не осталось: надо было бронировать гораздо раньше. Самый дешевый вариант машины с автоматической коробкой на неделю вместе со страховкой (а брать надо было только полную страховку: мало ли что!) выходил под тысячу семьсот евро. Таня предложила было взять машину с механикой, но Юра категорически отказался.

— Если хочешь, — сказал он, — едь сама.

— У меня же нет заграничных прав, — резонно возразила Таня.

— Ну тогда я и выбираю.

Пришлось ей согласиться на этот несуразно большой расход.

Ползая по гугловским картам и исчисляя, сколько часов займет переезд из одного пункта в другой, Таня вдруг заметила знакомое слово — «Зальцбург».

— Юр! Мы про Зальцбургский-то фестиваль совсем забыли!

Надо же! А ведь именно там уже побывали. Точнее, как раз поэтому: в сознании невольно сложился образ двух Австрий: одна, альпийская, спортивная, со столицей в Зальцбурге и вторая — Австрия вальсов и оперетт, венская.

От Вены, вернее, озера Зее, где был последний из уже выбранных спектаклей, до Зальцбурга оказалось около четырехсот километров.

— Нет, не поедем, — вздохнула Таня. — Ты столько за рулем не выдержишь.

— Я не выдержу? Да что такое четыре часа езды! К тому же мы по дороге можем остановиться, перекусить. Это ерунда! Лучше посмотри, что там в Зальцбурге идет.

Там в Зальцбурге шло одновременно много спектаклей. На то и фестиваль. Они остановились на «Дон Жуане» со звездами мировой оперы. Зашли на сайт, обнаружили, что билетов нет и в помине. Но это не могло стать помехой: преимущество выбранного ими способа путешествия состоит в том, что некоторыми мелочами вроде аншлага можно пренебречь.

Стали искать, что там еще есть, и обнаружили Зальцбургский театр марионеток, где в тот же день, что и «Дон Жуан», только дневным спектаклем, шли «Звуки музыки». Мимо этого они пройти уж точно не могли.

Таня снова запротестовала: два спектакля подряд, да еще после долгой дороги! Но Юре уже попала зрительская вожжа под хвост. С точностью до: просто вожжа — под зрительский хвост.

— Ты посмотри, сколько билеты там стоят! (Действительно, марионеточные билеты были в несколько раз дешевле оперных.) И где ты еще такое увидишь? Нет, это упускать нельзя!

Визит на родину Моцарта увеличивал срок поездки с десяти дней до тринадцати, да и то при условии, что они вернутся в Вену буквально впритык к самолету. Таню это не устроило:

— Вдруг по дороге что-то случится? Шина спустит, да мало ли что! Ты будешь гнать, нервничать. Нет, обойдемся без «Дон Жуана».

— Ну Тань, что ты говоришь! Мы выедем из Зальцбурга не утром, а сразу после спектакля, и времени у нас будет сколько угодно.

— Ехать ночью?! Ты с ума сошел! Я не позволю. Такое расстояние — в темноте!

— Какая темнота, какая темнота! Это же Австрия, там все дороги отлично освещены! К тому же, если ехать ночью, можно сэкономить на отеле — минус одна ночь.

Они еще поспорили и решили рискнуть, но при условии выехать рано утром: Таня сказала, что экономить на ночевке и расплачиваться здоровьем мужа она не намерена.

Был и еще один немаловажный пункт программы, причем такой, что его метафизическими способами выполнить никак невозможно, — подарки. Однако и тут все решилось: несколько запросов в Яндексe — и они нашли в Москве и онлайн-магазин сувениров из всех стран (из австрийских там были магнитики, тарелки, бюстики Моцарта и Штрауса и карикатурная фигурка вечного объекта насмешек — злосчастливого императора Франца-Иосифа), и компанию, изготавливающую футболки с любыми логотипами, и место, где продавался настоящий австрийский шнапс. Вот только торта «Захер» нигде не было, зато нашлось множество рецептов его изготовления. Таня принялась было списывать ингредиенты, но Юра ее остановил:

— Даже если получится, все равно нужна фирменная упаковка.

Решили обойтись без торта.

Отели — единственное, о чем они не стали заботиться заранее: приедут — найдут какой-нибудь мотель или пансион. Захотят — задержатся на день, захотят — раньше выедут в следующий пункт. Так они решили.

Наконец настал день отъезда. Верней сказать, день перед ночью отъезда. Сочельник типа.

Влетать предстояло ранним рейсом — в шесть часов утра. Такси надо было заказать часов на полтретьего. Еще накануне вечером позвонила тетя Рита и напомнила, что регистрация на сайте Аэрофлота начинается ровно за сутки и что если не зарегистрироваться в числе первых, то можно оказаться и в разных рядах.

— Сами сумеете?

— Да конечно! Ну, если что, позвоним проконсультируемся, — успокоила ее Таня и тут же оговорила: — Нет, конечно, не в шесть утра, а чуть попозже. Думаю, до девяти все места не разберут.

— Как знать, как знать, — проявила разумный скепсис опытный турагент. — Я бы не стала откладывать.

Нетрудно догадаться, что проблем с регистрацией у наших туристов не возникло, хотя они и не проснулись ради этого посреди ночи.

Днем приехали за внуком старшие Долгославцевы. Им вручили ребенка и большую сумку с его вещами. Состоялась серия двухъярусных наставлений: старших старших — просто старшим, и просто старших — совсем юному. После чего, а также ряда перекрестно-последовательных объятий и рукопожатий дед Коля и бабушка Валя отбыли вместе с любимым внуком.

Дверь захлопнулась.

Юра и Таня посмотрели друг на друга... Отпуск! Отпуск начался! Они свободны! Все обязательства скрылись за невидимой, но явно ощутимой гранью времени. Почти две недели без забот, без обязанностей, практически без проблем!

Первую пару часов они не знали, за что взяться. Так, бродили по квартире, говорили друг другу что-то бессмысленное и смеялись над им одним понятными нелепостями.

Наконец Таня спохватилась:

— Да! Чемоданы! Их надо убрать.

— А кому они мешают?

— Мали ли что! Родители зайдут. Хорошо еще, у Зины ключей нет.

Зина была их соседкой, обладавшей тремя качествами, имевшими в ее душе примерно одинаковый удельный вес: общительностью, любознательностью и услужливостью. Избежать ее добровольной помощи иной раз бывало очень непросто. К тому же она была старше Юры с Таней и хотя еще не достигла пенсионного возраста, но уже вышла на пенсию, видимо, по причине вредной работы в прошлом и могла выплескивать на окружающих свою неумную энергию в любое время суток.

— А куда их?

Этот вопрос относился, естественно, уже к чемоданам.

— Ну на антресоль, куда еще?

Юра защелкнул замок на одном из чемоданов и приподнял его. Представил себе, как, стоя на стремянке, пытается взгромоздить эту махину на антресоль, и понял, что ничем хорошим это не кончится. К тому же:

— А если что-то понадобится? Снова снимать?

Они открыли диван, на котором спали, и стали перекладывать все, что так тщательно собрали в дорогу, в ящик для постельного белья. Одним из первых им в руки попал пакет с зубными щетками, бритвой и прочими предметами туалета. Хороши б они были, если б отправили все это под потолок!

Забросив наверх вновь опустевшие чемоданы, они вернулись в недоуменно-блаженное состояние, словно не зная, как воспользоваться выпавшей свободой. Хотелось хвататься и за то, и за другое, и за третье. В результате они так ни за что и не *схватились*, рано поужинали и легли спать, поставив будильник на половину пятого, чтобы сообщить родителям, что у них все в порядке.

Около двух их разбудил телефонный звонок. Таня схватила трубку и сказала сонным голосом:

— Але?..

— Вы что, спите? — возмутилась ее свекровь. — У вас же такси сейчас должно приехать!

— Нет, что вы, Галина Андреевна! Какое там спим! Юра как раз такси заказывает.

— Не поздно? Хотя они сейчас сразу подадут, — спросила и ответила сама себе Юрина мама, после чего на всякий случай проникательно посоветовала: — Ну смотрите, снова не засните! Позвоните после паспортного контроля. Нет, лучше эсмэску дайте.

Таня легла и буркнула мужу:

— Твоя мама, мог бы и сам подойти.

На что тот несколько невпопад ответил:

— Спасибо.

Что, впрочем, не помешало Юре, когда зазвонил-таки будильник, пробормотать:

— Моим тоже позвони, а?

А что Тане оставалось? Она взяла телефон, вышла в коридор и плотно затворила дверь, чтоб не мешать ему, зажгла свет и послала сообщения обоим парам родителей.

Вернулась в комнату. Небо за коробками домов на противоположной стороне улицы розовело. Подошла к окну. Она каждый день вставала примерно в это время и могла видеть эту картину. Но обычно ей было не до красот урбанистического пейзажа.

Таня стояла у по-летнему открытого окна и смотрела на спящий город. Мысль, что ей одной открывается эта неброская красота, была очень приятна. Она знала, что даже те немногие, кто уже проснулся, не разделяют с ней этого удовольствия, потому что

одни еще толком не продрали глаза, а другие, те, кто проснулся по-настоящему и даже приступил к работе, как, например, водители троллейбусов, уж подавно озабочены чем-то более важным, чем пялиться в пустоту. И как же было приятно не только смотреть на оживающее небо над и не думающим вставать городом, но знать, что сейчас можно лечь обратно в постель и еще до-о-олго *дрыхнуть!*

Надышавшись воздухом, еще свободным от дневных выхлопов, она задернула шторы, чтобы поднявшееся солнце не мешало... — она с наслаждением повторила про себя это малолитературное слово: «...дрыхнуть». И легла. Как хоро...

Запел телефон. Ну, этого можно было ожидать: кто-то из четырех, конечно же, не спал и, дождавшись сообщения, решил осведомиться, как у них дела.

Но она ошиблась. Звонили не родители.

— Тань, ты? — услышала она в трубке звонкий Зинин голос.

— А, Зинуль! Привет! Что не спишь?

— Тань, по-моему, в вашей квартире сейчас свет горел.

Дом, в котором они жили, состоял из двух перпендикулярных крыльев, и от Зины просматривалась их кухня, куда с другой стороны попадал свет из коридора.

— Да? Ну... может быть... Может быть, мы в суматохе где-то забыли свет выключить. Я позвоню маме, попрошу ее зайти проверить.

— Да нет, Тань, в том-то и дело! Прикинь: он вдруг реально загорелся и потом погас. А до этого не горел. Там кто-то реально есть!

— Ну, Зин, кто там может быть? Это на просвет, наверно.

— А-а-а... Ну это да, может быть.

Квартира Торошиных выходила на две стороны, и иногда яркий свет за домом, где проходила никогда не засыпающая Профсоюзная улица, *пробивал* через всю квартиру, отражаясь к коридорным зеркалах.

— Ну ты все-таки попроси маму зайти проверить, все там в порядке или как, — посоветовала заботливая подруга.

— Обязательно. Спасибо. Вот Юра тебе привет передает.

— И ему! Как вы там?

— Да вот прошли паспортный контроль. Теперь бродим по дьюти-фри.

— Молодцы!.. — с завистью в голосе вздохнула Зина.

Она, конечно, была рада за друзей, но ей самой тоже хотелось пройти паспортный контроль, побродить по дьюти-фри, пусть даже ничего не купив, а потом сесть в откидывающееся кресло и услышать, что откидывать его, равно как расстегивать привязные ремни, нельзя до полного набора высоты, а потом снова — паспортный контроль, но уже под другим флагом, и... что дальше, она представляла совсем смутно, но ей так этого хотелось!

Тем временем рассвело. Но свет едва-едва сочился между шторами. Этого *едва-едва* было ровно столько, чтобы таинственно и соблазнительно осветить два молодых здоровых тела. Цвета получались блеклые, и они лежали как персонажи слегка оттозированной черно-белой фотографии в жанре *винтаж*.

— Погладь... — начала Таня и могла бы не заканчивать, да, впрочем, и не начинать эту фразу, потому что за долю мига до того, как она приоткрыла губы, Юрина рука потянулась к ее груди.

Но она все же договорила по инерции:

— ...меня.

Ну, чем заканчиваются эти поглажки в утреннем туманном... дурманном полумраке, всем известно. И так оно бы и закончилось, во всяком случае, к этому все шло: уже и губы их влажно слились друг с другом, и руки заскользили — пока по просто неж-

ным участкам кожного покрова, но несомненно дошли бы и до сладострастно увлажненных мест... Как вдруг:

— Телефоны! — вскрикнула Таня.

— Что? — не понял уже отлетевший мыслью из тленного мира Юра.

— Дай, я их отключу!

— Ну что ты! Кто будет звонить?

— Вот именно что будут!

И Таня соскользнула с дивана.

Обычно после посадки самолета они получали сообщения о непринятых вызовах. А родители примерно в это время узнавали, что «абонент в сети». После чего следовали звонки с совершенно излишним вопросом:

— Ну вы долетели?

Иногда звонок даже опережал сообщение, но, так или иначе, набирали их номера беспокоящиеся родственники, еще когда они находились в воздухе. Ох и всполошились бы все, если бы звонок *прошел* в тот момент, когда *дети* должны были находиться на недоступной для связи высоте!

Таня перевела оба телефона в режим «Полет», что метафорически вполне соответствовало ситуации, и легла обратно.

Юра ее ждал в нетерпении, и этот небольшой эксцесс ничуть не помешал им достойно завершить то, что они так замечательно начали.

Конечно, они проспали. По всем расчетам, их самолет давно приземлился в аэропорту города Вены. Таня схватилась за телефоны, но Юра крикнул:

— Погоди! Надо посмотреть, мы долетели или...

— А что, если не долетели?

— Во-первых, — ответил Юра, включая компьютер, — *не долетели* еще не значит, что самолет разбился. Нас могли посадить в другом аэропорту. Хороши мы будем, если скажем: «У нас все ок», — а они уже знают, что самолет где-нибудь в Мюнхене.

— А если правда разбился?

— Соврем, что опоздали на рейс. Вернулись домой и заснули. При таком раскладе вряд ли нас будут *сильно* ругать.

— Да, тогда бы нам не пришлось дальше выкручиваться, — едва ли не мечтательно заметила Таня и тут же сама одернула себя: — Нет, конечно, не дай бог!

Но все было в порядке. Самолет совершил посадку даже на семь минут раньше, чем по расписанию, и, значит, родители уже третий час волновались.

Таня включила телефоны и не успела положить их на стол, как они сразу ожили. Понятное дело, Торошины звонили сыну, а Долгославцевы — дочке. Впрочем, их вполне удовлетворило сообщение, что долго не ловилась мобильная сеть.

Первая сложность возникла с завтраком. Зайти на кухню было опасно: Зина — чисто из дружеской заботы, к тому же обеспокоенная странной ночной вспышкой — могла приглядывать за их квартирой. Правда, не вся кухня просматривалась из ее окна. Например, холодильник стоял в таком углу, что точно не был виден. Несколько пакетов с хлебом, яблоками, чесноком и еще чем-то висели на спинках стульев, и их она тоже вряд ли могла углядеть. Но плита, микроволновка и тумбочка, на которой стоял чайник, были прямо напротив окна — смотри не хочю.

Юра лег на пол и вполз на кухню. Таня смотрела на его «поползновение» и хохотала. Оказавшись за стульями, он приподнялся и стал сдергивать висевшие на них пакеты. Что в каком, он мог определить, только сняв. По закону подлости главный пакет — с хлебом — оказался последним.

Ну, вот завтрак: хлеб, яблоки, чеснок... К этому добавились масло и сыр из холодильника.

— Да... — задумчиво произнес Юра, встав на ноги по возвращении в коридор. — Негусто. Особенно с учетом того, что, пока не стемнеет, придется ограничиться этим.

— А в холодильнике еще сосиски лежат, — мечтательно произнесла Таня.

— Что с того! Там и яиц полно. Ну, десятка полтора — так наверняка, — уточнил Юра.

— Яйца сырыми можно есть. Говорят, даже вкусно.

— Я пробовал. Мне не понравилось. Но если вопрос встанет о жизни и смерти...

— Нет, так, конечно, не встанет, на бутербродах с сыром мы день продержимся. Но как-то грустно это будет.

— И уж совсем на Австрию не похоже.

— А еще, говорят, гречку можно не варить, а залить холодной водой, прямо из крана — и она через несколько часов разбухнет и станет как вареная.

— Положим, из крана можно — и горячей. Быстрее, наверно, будет.

Но это рацпредложение вызвало у обоих не больше энтузиазма, чем идея есть сырые яйца. К тому же шкафчик с крупами тоже был виден снаружи.

Они с вожделием смотрели на чайник из коридора. Вот уж воистину «видит око...».

— А, была не была! — махнул рукой Юра и снова опустился на пол.

Он подполз к тумбочке и стал тянуть за провод, пытаясь пододвинуть к краю чайник на подставке. В последний момент он рассчитывал поднять руку и одним виртуозным молниеносным движением сдернуть всю конструкцию. Однако с такого ракурса ориентироваться весьма трудно. Подтянуть-то чайник он подтянул, и молниеносное движение было, но вот виртуозности чуток не хватило, и чайник с водой обрушился на голову распластанного Юры. То есть сам чайник — на голову, а вода — на все остальное.

Таня взвизгнула и не могла не расхохотаться. Юре и так было больно: чайником-то по башке! А тут еще она издевается! Разъяренный, он вскочил на ноги... Вода потекла в тапочки... Подставка от чайника болтается на проводе, как дохлая крыса. А сам чайник валяется под ногами. В бессильной злобе Юра пихнул его, чайник вылетел в коридор и задел Танино колено.

— Ой, ты что! — закричала она, схватившись за ногу.

Оттого, что теперь было больно обоим, он сразу успокоился и, застигнутый врасплох угрызениями совести, подскочил к раненой жене и стал объяснять, что вовсе не целился в нее. Ну и целовать, конечно, от чего она поначалу увертывалась. Но только поначалу, впрочем.

Обе травмы не представляли опасности и через несколько минут перестали болеть. Юра переоделся в сухое, они успокоились и развеселились. Повод для этого сразу нашелся: войти на кухню, чтобы убрать воду, они, естественно, не могли, и Юра предложил обмотаться старыми тряпками, вползти и, вращаясь всем телом в луже, промокнуть ее. Все это он так живо описал, что довел Таню до слез. На сей раз в комическом плане.

Отсмеявшись, она предприняла более практический шаг: стоя в коридоре, довольно метко набросала в лужу уже и так мокрые Юрины вещи, чтобы вода впиталась.

Теперь можно было приготовить полноценный завтрак. Яйца вымыли и сварили в чайнике. Доставая их, Юра предложил так же сварить сосиски.

— Ну ты представляешь, что после этого будет с чайником? — скривилась Таня.

Но мужская мысль уже заработала в конструктивном направлении: он взял пакет от хлеба, вытряхнул из него все крошки и надул для проверки герметичности. Пакет был совершенно целым. Тогда Юра положил в него сосиски, завязал и опустил в чайник.

Не прошло и десяти минут, как на компьютерном столе был сервирован завтрак — пусть не такой, как в венском отеле, но вполне достойный первого дня отпуска: сосиски, яйца, хлеб, сыр. К чаю в одном из пакетов нашлись вафли. Чего еще надо? Правда, вместо тарелок пришлось использовать листы бумаги для принтера. Хотя... Виртуальное путешествие — виртуальная посуда.

После завтрака занялись собственно туристическими делами. Таня, еще только встав и убедившись, что самолет долетел, вошла в твиттер и написала:

Вот мы и в Вене. Здравствуй, Европа!

Перед завтраком она сообщила всем интересующимся, что они благополучно взяли напрокат машину и направляются искать отель. Теперь можно было добавить, что они устроились и гуляют по... Она долго выбирала по карте, где бы им погулять, и выбрала Штадтпарк.

Юре предстояло дать более подробное описание их успехов. Для этой цели служил фейсбук. Он дал волю своей фантазии и в красках описал солнечный день в Вене (о том, какая там сейчас погода, он, разумеется, осведомился на соответствующем сайте). Поделится он впечатлениями и от завтрака в кафе на Ринге, пояснив заодно, что Ринг — это что-то среднее между нашими Бульварным и Садовым кольцами. Чтобы не сильно отклоняться от истины, он написал, что на завтрак они взяли настоящие немецкие сосиски (метафоры оставляем на совести писавшего) и сырную тарелку с дюжиной разных кусочков сыра (можно ведь и так назвать лист бумаги с кусочками московского «Масдама», которые действительно были разными: одни побольше, другие поменьше). Покривить душой пришлось, назвав чай из пакетиков кофе по-венски. Никто бы просто не поверил, что сразу по приезду они не попробовали знаменитый напиток на его родине. А вот то, что этим чаем-кофе они запивали вафли, было святой правдой.

Покончив с общественно значимыми делами, супруги предались тому, что классик называл блаженным *far niente*, то есть ничегонеделанием.

Ничего не делать им помогали тот же компьютер, хранивший несколько непросмотренных фильмов, и телевизор, на большой экран которого они выводились.

В три часа дня раздался звук вставляемого в скважину ключа.

Очевидно, несмотря на всю свою расслабленность, они в глубине души — точнее, в глубинах душ — ждали от судьбы какой-то подлянки. Потому что реакция была мгновенной: Юра нажал на кнопку пульта, телевизор вырубился, и они метнулись к балкону. И, только притворив за собой дверь, поняли, что изображение-то исчезло, а звук остался: когда телевизор используется как монитор, аудио все равно идет через колонки компьютера.

Впрочем, был не менее важный вопрос: кто пришел? Плохо, если свои: псевдо-туристы сейчас же будут разоблачены. Но еще хуже, если — воры. Тут вообще непонятно, что делать: выскочить и, опять же, разоблачить себя, потому что — полиция, крик, шум — факт грабежа скрыть не удастся, или, что уж совсем глупо, дать им спокойно грабить.

Из коридора донеслись голоса Валерии Павловны и Сережи. Может, все же лучше бы воры?..

Юра притянул балконную дверь. Снаружи у нее не было ручки. Да и зачем, казалось бы, наружная ручка? Кто будет закрываться на балконе? Ан вот, оказалось, что и это бывает нужно.

Даже при закрытой двери они могли слышать, что делается в квартире: створка окна была открыта на второе деление фиксатора.

— Тише! — цыкнула на внука бабушка, помолчала и крикнула:

— Кто дома?

Не дождавшись ответа, она вошла в комнату и всплеснула руками:

— Ну что у тебя за родители такие? Оставили компьютер включенным на полную силу!

Хорошо, что она еще телевизор не успела застать! Дальнейшее знакомство с обстановкой еще больше возмутило ее:

— Со стола не прибрали! Как ужинали, так все и бросили! Ну я им позвоню, задам жару! По австриям они катаются! Да им в детский садик надо...

Ворча, она принялась собирать остатки ужина, не догадываясь, что на самом деле это был завтрак.

Таня и Юра в ужасе смотрели друг на друга. «Позвоню» — а их телефоны лежат на подголовнике дивана!

Валерия Павловна собрала все со стола и понесла на кухню. Юра открыл дверь, высунулся — или, верней сказать, сунулся — в комнату, но она уже шла назад, и он нырнул обратно.

— Ба-аб, я приставку не могу найти! — донеслось из маленькой комнаты.

Так вот зачем они пришли! Надо было дать ему эту дурацкую игровую приставку, и ничего бы не было. Так нет же, воспитатели хреновы, решили: пусть ребенок пару недель без нее проведет. А он у деда с бабкой выклянчил. Хорошо еще, что перед мнимым отъездом они отключили ее от телевизора и положили в шкаф в маленькой комнате! Бабушка пошла на помощь внуку, и это дало Юре возможность метнуться к дивану, схватить телефоны и юркнуть на балкон.

Но второпях он чуть хлопнул дверь. Чуткий слух Таниной мамы не только уловил звук, но и идентифицировал его. Вернувшись, она подошла к балкону и обнаружила, что дверь не заперта.

Последовал новый взрыв возмущения легкомыслием дочери и зятя. Она попыталась закрыть балкон, но это не удалось: нижняя и средняя задвижки были такие тугие, что даже Таня не справлялась с ними и звала мужа, когда он был дома, а когда была одна, вставала на цыпочки и закрывала верхнюю.

Мать Тани была ниже и даже на цыпочках не дотягивалась до верха двери. Представить ее влезавшей на стул, было трудно. Появилась надежда на то, что дверь останется открытой, по крайней мере до следующего визита родственников, уже с подкреплением в лице Николая Александровича. Но они недооценили целеустремленности своей мамы и тещи.

— Сереженька! Иди сюда, мне нужна твоя помощь!

— А где моя приставка?

Милый мальчик! Отвлекай, отвлекай бабулю!

— Сейчас...

Она снова вышла.

Лежа на полу, Юра судорожными движениями отключал телефоны: не хватало еще, чтоб они заиграли в ответ на звонок разъяренной тещи. Таня в это время стащила с хранившихся на балконе запасных колес покрывавший их старый брезент, и они укрылись им, тесно прижавшись друг к другу. Если кому-то доводилось сидеть под годами не вытряхивавшимся пыльным брезентом, да еще со следами масла и тосола, он поймет их состояние. Те же, кому этого удовольствия не выпало, могут не напрягать фантазию, все равно полного представления они не получат.

Послышались шаги: чуть шаркающие взрослые и легкие детские.

— Сереженька, я тебя подниму, а ты попытайся повернуть верхнюю ручку.

Слава, слава брезенту! Без него сын точно увидел бы сверху папу с мамой. Но пронесло. Хотя как сказать. Судя по бабушкиной фразе «Вот умница!», внуку удалось-таки запереть родителей.

Выждав несколько минут, Таня с Юрой откинули брезент. Хоть дышать можно. Уффф... Но то, что они услышали в этот момент, повергло их в новую пучину ужаса. Валерия Павловна сказала:

— Сейчас-сейчас, милый. Вот уберу постель за твоими мамочкой и папочкой — и пойдем.

Ну все, это конец. Сейчас она откроет диван и увидит все спрятанное внутри.

Тук-тук... Тук-тук... — бились сердца. Секунда, другая... Вот она складывает одеяло, простыню... Сейчас откроет... Сейчас... Что ж она тянет? Уж скорей бы.

— Ну все. Пойдем!

Опять повезло: она ограничилась тем, что аккуратно постелила разбросанное белье.

— А можно еще эти диски взять?

— Конечно, дорогой.

Еще пара мучительных минут, и *хлоп* двери в совокупности со *щелк* замка возвестили, что квартира опустела. Увы, она была свободна не только от бабушки с внуком, но и от среднего поколения.

Выбраться с балкона не представляло большого труда: створка окна была приоткрыта, и нужно было только найти, чем поддеть фиксатор снаружи. Юра порылся в ящике со старыми инструментами — ненужными, но не настолько, чтобы их совсем выбросить. Вот, по крайней мере, два подходящих — погнутая отвертка и подржавевший складной метр. Первой пошла в дело отвертка, но она совсем не пролезла в щель. Тонкая лента метра представлялась более подходящим орудием. Однако и она не помогла. Если бы фиксатор был установлен хотя бы на третье деление, а еще лучше на четвертое, то все было бы в порядке. На последнее, пятое, — так и отвертка бы пролезла. Но, увы, деление было второе, и в щель между створкой и рамой ничего невозможно было пропихнуть.

Юра стал гнуть складной метр, и ему это удалось, но от изогнутого толку оказалось еще меньше.

Ряд тщетных попыток поднять фиксатор убедили... Ну, собственно, слово *тщетных* говорит о том, в чем именно.

Таня предложила:

— Вечером придут Новиковы, — это были соседи, их балконы стыковались друг с другом, — перелезем к ним.

— Да ты что! Даже если мы решим ввести их в курс дела, все равно — чем они помогут? У тебя что, тут ключи от квартиры? А без ключей... Вскрыть дверь? Так это мы и сами можем позвонить в МЧС и сказать, что так, мол, и так.

— А что нам остается? — Таня стала включать телефон.

— Стой-стой-стой! Что ты! Во-первых, все тогда пойдет прахом. Представляешь, МЧС, шум-грохот? А во-вторых, сама прикинь — дверь ремонтировать или...

Он постучал согнутым пальцем по стеклу.

Теперь она его остановила:

— Ну давай еще подумаем.

Они подумали еще, но ничего лучшего не надумали.

Юра сказал: «Отойди», обмотал руку тряпкой, валявшейся в углу балкона, и ручкой все той же отвертки разбил стекло.

Просунул руку и поднял фиксатор, затем забрался в комнату и наконец освободил жену.

— Ну и что теперь? Все равно стекольщика вызывать. Ну или две недели все так простоит.

— По крайней мере, торопиться сейчас некуда. Первым делом надо вымыться, — сказал Юра.

Действительно, после брезента они даже сесть на диван или мягкий стул не могли без риска их испортить.

Первой пошла мыться Таня, а Юра тем временем взял деревянный стул, который потом можно было протереть, и врубил компьютер, выключенный бдительной тещей. Зашел в фейсбук и во всех подробностях описал посещение дворца Хофбург, используя для этого информацию, почерпнутую на сайте «Добро пожаловать в страну озер и эдельвейсов!»

К тому моменту, когда послышалось жужжание Таниного фена, ее муж чувствовал себя едва ли не другом семьи императора Франца-Иосифа и императрицы Сисси и был готов по-приятельски попенять старику Франци на недостаточно деликатное обращение с супругой, а также со всей искренностью разделить с ними горе по поводу самоубийства принца Рудольфа.

— А чего это мы в музей отправились? Лучше бы погуляли по городу, подышали, так сказать, воздухом, которым дышал Штраус...

Под душем Таня явно продумывала свой текст для твиттера.

— Э нет, — хитро усмехнулся Юра, — в городе снимать надо. А в музее фотографировать — *ферботен!* Мы же законопослушные, вот и ограничиваемся одним текстом. А так бы — что город! Мы и в зоопарк поехать могли. Тиргартен *по-ихнему*. Или на колесе обозрения прокатиться.

— Может, ты и *колесо обозрения* знаешь как по-немецки?

— Нет, как по-немецки, не знаю. Зато знаю, что оно в Пратере. Это тамошний парк культуры и отдыха.

Таня оценила как его свежееобретенную эрудицию, так и врожденную предусмотрительность, и Юра гордо отправился под душ.

Поделившись в твиттере шуткой про ВЦПКиО (Венский ЦП и т. д.), она стала думать, что делать дальше. Кое-что придумала и, обсудив детали с вышедшим из ванной мужем, включила телефон, набрала номер Валерии Павловны и тут же отключилась, дав понять, что ждет звонка. Телефон зазвонил почти сразу.

— Привет, мамуль! — беззаботно сказала Таня.

Но *мамуля* была настроена не так игриво:

— Привет! Они себе гуляют. И ни о чем не думают!

— А... О чем мы должны думать? Что случилось? С Сережей? — забеспокоилась дочь.

— Да вы *вообще* ни о чем не думаете. Посуду вон оставили на столе, ошметки от завтрака. Или ужина, я уж не знаю...

— А! Ну так там же, кажется, ничего портящегося не было. Мы даже посуду не брали, на бумаге...

— Ладно, посуда — бог с ней! А компьютер-то надо выключать или нет?

— Так вот ты о чем! Ну, мамуль, мы же его специально оставили.

— Специально? Со звуком?! Что ты мне сказки рассказываешь!

— Ну да. Именно со звуком. Это на случай воров. Чтоб слышно было, что в квартире кто-то есть.

— А-а-а!.. — протянула мать. — А я его выключила...

Она явно расстроилась, и дочь проявила чуткость:

— Ну выключила, и ладно. Не включать же обратно.

— Нет, я могу. Мне не трудно.

— Да нет, мам, ни к чему. Там все равно надо настраивать, все такое. Выключила и выключила. А что ты к нам приходила?

— Сереженька просил зайти за игровой приставкой.

О-па! Вот и проговорилась: все время она капала дочке и зятю, что ребенку вредно в таком возрасте столько времени играть в электронные игры, а как осталась с ним сама, тут же стала ему потакать. Таня не удержалась, чтоб не спросить:

— А не вредно ему это будет?

— Ну если немножко... Как вы-то гуляете?

— Гулять не работать!

Эта глубокая мысль всегда выручает в подобных случаях, позволяя избежать дальнейших расспросов. На всякий случай Таня добавила:

— В Хофбурге были.

— Это далеко от Вены?

— Да нет, здесь, прямо в центре, дворец так называется.

Они еще немного поговорили, и тут Таня вспомнила, зачем, собственно, звонила:

— Да, мам, у меня к тебе просьба. Ты сможешь завтра еще раз зайти к нам?

— Мы, вообще-то, завтра собирались на дачу переезжать. А что, что-то срочное? Может, мне сегодня зайти?

Такого поворота Таня не ожидала.

— Н-нет, именно завтра надо. Потому что мы сегодня... Мне надо, чтоб ты продиктовала кое-что...

— Так я сегодня продиктую.

Наконец Таня сообразила:

— Понимаешь, мне должны завтра с утра прислать на скайп сообщение. Сегодня его еще не будет. А у меня здесь на планшете что-то скайп не берет.

— А на почту не могут послать?

— Да там... Мама одного ребенка... — Таня работала в детской больнице. — Она совсем темная. Из глубинки. Ей скайп на телефон установили, она ничем другим пользоваться не умеет. И должна мне диагноз сообщить, чтоб я ей перезвонила и указания дала, как и что делать. Они у нас лежали, потом выписались, и ребенку уже дома опять стало плохо. А она только мне верит, говорит, я ее сына на ноги поставила.

Между прочим, это почти соответствовало действительности, за исключением разве что темноты мамы из-под Тюмени. И произошло это несколько месяцев назад.

Таня сыграла одновременно на нескольких струнах материнской души: во-первых, жалость к больному ребенку, во-вторых, гордость за дочь, чей авторитет среди больных столь велик, и, в-третьих, сочувствие к темной женщине, чуждой достижениям высоких технологий.

— А когда она придет? — спросила мама. — Когда мне прийти?

— Да завтра в любое время можно. У них же разница во времени, так что, я думаю, у нас еще ночь будет, когда она пошлет. Так что с утра забежишь, а потом поедете. Ладно?

— Ну конечно.

— И, мам, у меня еще одна просьба. Если бы ты все равно не заходила, то и ничего, но раз ты все равно... В общем, задерни, пожалуйста, на кухне занавески.

— А в чем дело?

— Да эта Зина. Взялась следить за нашей квартирой. Вроде как под охрану взяла. И чуть с улицы кто-то фарами посветит, звонит: «У вас кто-то есть, свет зажигает». И все такое прочее. Сделаешь, а?

— О чем речь!

Еще несколько ласковых фраз с той и другой стороны — и разговор закончился.

Единственное серьезное дело, которое им оставалось, это сообщение от тюменской пациентки. Таня зарегистрировалась в скайпе под ни к чему не обязывающим ником Shura1987, отправила самой себе приглашение, ответила на него и послала от имени Shur'ы диагноз, который действительно был в свое время у тюменского мальчика.

Легли рано, установив будильник на шесть часов.

В половине седьмого с соблюдением конспирации они вышли из дома, предварительно убедившись, что квартира находится в таком же состоянии, в каком ее оставила Валерия Павловна. За исключением, разумеется, разбитого стекла.

Подъезд Торошиных был как будто специально создан для незаметного исчезновения: сразу после выхода — нырк в арку, и ты уже на улице, где, в отличие от двора, даже в самое малолюдное время нетрудно раствориться.

От мысли завести машину они сразу отказались: не хватало еще, чтоб Зина сообщила об угоне и их перехватили на какой-нибудь подмосковной дороге. А уж в том, что бдительная соседка точно знает, где они оставили свою «Октавию», сомнений не было.

Назавтра предстояло покинуть Вену. Последний день они решили посвятить поездке в Венский лес. Помимо того, что это было не так банально, как хождение от одного знаменитого собора к другому или от оперы к «Золотому Штраусу», такой маршрут давал возможность поделиться реальными фотографиями.

Несколько кадров в подмосковном лесу с сияющими лицами и, разумеется, подписями, извещающими, что это те самые места, которым посвящен знаменитый вальс, вызвали среди их друзей в инстаграме и фейсбуке заметное оживление: если на вчерашние текстовые сообщения реагировало по семь-восемь, максимум десять друзей, то тут уже счет пошел на второй десяток, а кадр, в котором они как бы вальсировали в самом настоящем Венском лесу, набрал аж двадцать три «Нравится», не говоря уж о словесных комментариях.

В одиннадцать позвонила Валерия Павловна. Она продиктовала диагноз и на вопрос дочери «Ну как там, дома, все в порядке?» ответила:

— Да. Все отлично. Не волнуйтесь, гуляйте на здоровье.

После чего начала расспрашивать, как у них дела, и, зайдя в инстаграм прямо с их компьютера, полюбовалась фотографиями.

О разбитом стекле — ни слова.

Поскольку они были без машины, приходилось держаться недалеко от железнодорожной станции. Нагулявшись в лесу, отправились в ближайший город. С двух сторон привокзальной площади стояли две весьма помпезные *едальни*, которые язык не повернулся бы назвать пивными, хотя именно ими они, по сути, и были. Одна имела замысловатое название, включающее в себя *бир*, *хоф* и *штрассе*, в общем, все то, что хозяин посчитал обязательными атрибутами заведения в немецком духе. Название второй выгодно отличалось лаконизмом: она звалась «Ахтунг».

По здравом размышлении туристы выбрали более претенциозный вариант. И не прогадали. Возможно, в «Ахтунге» было бы не менее вкусно и уж наверняка дешевле, однако с инстаграмно-фейсбучной точки зрения им гораздо больше подходила «Бирхоф нойе штрассе». (Ну конечно, как же без *нойе*-то?)

Обстановка, а главное — посуда, особенно пивные бокалы, и сервировка блюд были вполне на уровне европейской столицы.

Выложенные в сеть фотографии вызвали ажиотаж. В масштабе, разумеется, круга Юриных френдов. Кадры с едой набрали в среднем по тридцать лайков, а у тех, на

которых были еще и бокалы с пивом, уж и к пятидесяти дело подходило. Общая тональность комментариев была: «Молодцы! Время не теряете! Так держать!»

За обедом, да и в течение всего дня они не раз вернулись к вопросу: почему мама (теща) не сказала, что у них разбито стекло? Может, не заметила? Тогда дело плохо: они ведь ее специально вызвали, чтоб *заметила*.

Вернулись домой в двенадцатом часу. Им удалось прошмыгнуть, ни с кем не встретившись.

Первым делом кинулись к окну. Осколков не было, даже острые кусочки стекла были вынуты из рамы. Юра в недоумении смотрел на все это, а Таню осенило:

— Ну конечно! Как я сразу не сообразила! Она решила, что мы забыли закрыть окно, и его захлопнуло ветром. Но ведь она была здесь, на балконную дверь обратила внимание, а на окно — нет. Вот и чувствует себя виноватой.

— И что?

— Ох, мужчины! Неужели непонятно? Она хочет потихоньку вставить стекло, чтоб мы не узнали.

За этим разговором они чуть не забыли про «Летучую мышь». Вспомнили за полночь и сели писать восторженные отзывы о спектакле. Фразы типа «Вот кто умеет играть оперетту, так это австрийцы», «С каким все вкусом! И игра, и музыка, и пение!» или «Ты сидишь и чувствуешь, что просто растворяешься в музыке» вызвали отклики, суть которых сводилась к тому, что они так чудесно все описывают — будто сам побывал там.

По карте они увидели, что театр Бадена находится то ли рядом, то ли в одном здании с казино. Юра хотел написать, что они и там побывали перед спектаклем, но Таня не разрешила: не надо перегибать палку. И вообще, в театрах они бывали и представляют, как там все происходит, а с казино можно и впросак попасть.

Назавтра им предстоял переезд в небольшой «фестивальный» город. Как и накануне, в половине седьмого они уже были на улице, а с одиннадцати часов вели репортаж об австрийских автобанах.

День решили провести в Москве. Таня предлагала поехать на окраину, равноудаленную и от дома, и от обеих работ. Но Юра сказал:

— Нет, на любой окраине можно кого-то встретить, кто отгул взял или заболел. Ты что, всех своих сотрудников и знакомых знаешь — кто где живет? А вот как раз в самом центре можно спрятаться. Только в музее не надо соваться, потому что туда кто-то может ребенка повести.

Им действительно никто не встретился. А вечером, вернувшись домой, они нашли окно совершенно целым. Таня тут же позвонила маме, и та ей сообщила, что у них все в порядке; правда, ей самой пришлось *по кое-каким делам* на денек задержаться, а завтра она прямо с утра поедет на дачу; но Танечка с Юрочкой чтоб не волновались: это она задержалась, а папа с Сереженькой еще со вчерашнего дня на даче дышат свежим воздухом.

Посмеялись и сели писать отчеты о спектакле. Восторженные отчеты, разумеется.

И покатился отпуск своим ходом. Бывали дни, которые они с утра до вечера проводили за городом, бывало и так, что они из дома носу не казали. Валерия Павловна не забыла задернуть занавески, и днем можно было свободно пользоваться кухней. Да и вечером тоже. Если свет не зажигать.

Оставаясь дома, они до полудня, а то и позже валялись в постели. Посмотрели много старых фильмов: что-то новое *осваивать* не было никакого желания. Когда в очередной раз стали выбирать, что бы еще посмотреть, и Юра предложил «Новых

амазонок», как в советском прокате переименовали польскую «Секс-миссию», Таня заметила:

— А тебе что, своей *миссии* недостаточно?

И они начали хохотать.

Действительно, что греха таить: фраза про долгое лежание в постели помогла рассказчику уйти от уточнения того, чем они там занимались, — так же как «амазонки» дали нашим целомудренным прокатчикам возможность обойти опасное слово «секс». Ну а словосочетание «что греха таить» позволило хоть косвенно, но все же намекнуть на утаенную от читателя информацию.

Время от времени туристы отрывались от своих занятий и публиковали сообщения о поездке. Но обойтись одними словами было невозможно. А откуда взять фотографии? Нельзя же одной едой обойтись, да и питаться каждый день в заведениях соответствующего уровня — никаких отпускных бы не хватило.

Юра попытался с помощью фотошопа вписывать их фигуры в австрийские пейзажи, найденные в сети. Но его мастерства не хватало, чтобы подделка была незаметна.

Однако решение нашлось и тут. Роясь в интернетовском фотомусоре, Юра обнаружил множество селфи. Прежде он не обращал внимания на их специфику. А теперь понял: вот оно! Искаженные из-за близости к объективу физиономии почти заслоняли фон.

Юра вывел на экран телевизора Штефансдом — собор Святого Стефана. Они встали спиной к нему, расплылись в улыбках, Юра вытянул руки и сфотографировал счастливую пару. Им действительно было смешно, и они расхохотались, так что вышло в точности то, что нужно: вытянутые куда-то в бесконечность руки, и между ними — идиотически-счастливые рожи с микроскопическим просветом между ушами, в котором виднелся кусочек прекрасной колокольни. Остаток этого дня они селфились по всему маршруту, сохраняя фотки в папках, названных именами городов и областей (по-немецки земель), чтобы потом выкладывать их по мере своих разъездов.

Кое-где в кадр попадало что-то вроде рамки, но то, что это корпус телевизора, понять было невозможно, вполне могло сойти за оконную раму. Такие снимки впоследствии снабжались девизом «В кофейне», «В ресторане» или просто «На веранде».

Так они коротали время дома. Но все же в основном уезжали из города. Первые два раза, как в описанной прогулке по Венскому лесу, просто болтались по ближнему Подмосквью, а потом сообразили, что ничто не мешает составить если не центрально-, то хотя бы восточноевропейскую культурную программу. Для начала съездили в Сергиев Посад. Потом догадались обратиться к профессионалам. Найти экскурсионное бюро оказалось несложно. Цены были вполне доступными, и они осуществили наконец то, о чем не раз говорили: «Надо бы...», «Хорошо бы...» или «А почему это мы не...». Для начала отправились в Архангельское, потом — в Шахматово и Тараканово, к Менделееву и Блоку. Войдя во вкус, сообразили, что им вовсе не обязательно каждый раз возвращаться домой, и купили путевку на два дня с ночевкой — на Оку, к Чехову и Полену, и в Тарусу, тоже связанную со многими славными именами.

Эти поездки сопровождались пламенными публикациями в социальных сетях, рассказывающими о красотах альпийских горных дорог, шедеврах австрийской барочной архитектуры и, конечно же, о музыкальных впечатлениях.

Понравилась им «Марица». Они отыскивали на ютьюбе отрывки из этой постановки и могли даже рассуждать о деталях. Там же нашлись и «Звуки музыки» в марионетках, они досмотрели весь спектакль до конца, благо он был не длинным. «Дон Жуан» оказался *просто великолепным*: понятно, что исполняли его звезды мировой оперы, то есть голоса — выше всяких похвал, жаль только, что билеты нашим героям доста-

лись не самые лучшие (они решили, что эта деталь придаст реалистичности сообщению). Поскольку это была премьера и в сети появилось только несколько фотографий, свое мнение о спектакле в целом они выразили словами: «Ну, современная постановка, что с нее взять?»

И, конечно, Дина Хэмпсон *отожгла по полной*. Такие ее хиты, как «Never, Never, Never and once more Never» и «Oley-Holey-Diggi-Don», буквально взорвали огромный зал, размером сравнимый с небольшим стадионом. Привести названия песен они могли не сомневаясь: ясно, что без этих старых хитов Дину бы не отпустили со сцены.

Но вернемся из мира воображаемого в мир реальный. «Золотое кольцо» оказалось Торошиным не по карману. В смысле — взять экскурсию. А вот самим прокатиться на электричке во Владимир, Суздаль или, скажем, Ярославль — в самый раз. Это поездка должна была стать последней: шла уже вторая неделя их отпуска, в виртуальном мире они давно перебрались в горную часть Австрии и колесили по *Зальцбургщине*. Да еще надо было оставить день на подарки.

Ранним утром Татьяна и Юрий Торошины подошли к кассам Ярославского вокзала и принялись изучать расписание.

— Извините, у вас не найдется... чего-нибудь?

Они одновременно оглянулись и одновременно, еще не повернувшись до конца, сказали: «Нет!»

— Извините...

Перед ними стоял мальчик... Не в смысле *мальчик*, а юноша — такой, каких люди от тридцати и старше называют *ну совсем мальчик*. На нем была военная форма без погон.

Ох уж эта военная форма! Кто только ею не прикрывается! Главным образом, инвалиды, как бы говоря, что потеряли свою конечность, а то и две на службе Родине. И, главное, находятся же олухи, которые верят этому дешевому маскараду!

Примерно так подумал Юра, хотя и в не столь пространных оборотах. Уж он-то себя олухом никак не считал. А вот Тане что-то показалось необычным в этом пареньке, чем-то он отличался от привычных глазу попрошаек в стиле *милитари*.

— Что случилось-то? — спросила она.

— В смысле, где? — не понял тот.

— Ну, с тобой что случилось?

— А-а-а, — протянул он и начал свое повествование, с характерным оканьем и уныло-безнадежным тоном: он уже привык, что ему не верят.

Суть незамысловатой истории сводилась к тому, что он отслужил свой год и возвращался после дембеля домой. Это еще в июле было. Здесь — пересадка, до поезда оставалось часов шесть. Он сидел, сидел на лавке, да и закемарил. Проснулся, а — ни вещей, ни денег, ни документов. Сунулся было к военному коменданту, но тот даже слушать не стал. Тогда он попробовал обратиться к сердобольным пассажирам и даже немного собрал, пока очередной «такой добрый дяденька» не сказал ему: «Пойдем, я тебе все дам, сколько нужно на билет. Чего тебе по копейкам клянчить?» Он и пошел. А когда они завернули за угол, на него набросились, отколотили, все отняли и сказали *Мотай отсюда пока цел*. А он сказал, что *мотать* ему некуда. Они обо всем расспросили и объяснили, что он дурак, потому что без документов никуда все равно уехать нельзя, а если он сунется, тут же сдадут военному патрулю, арестуют как дезертира и в тюрьму посадят, и ничего не докажешь. А если он хочет домой попасть, то должен на них немного поработать, а когда он отработает дорогу домой, они знают, как его туда отправить. И вот он около месяца тут побирается, вечером им все отдает, а они его за это кормят и поят. Он сперва от водки отказывался, но они го-

ворят, что у них так не положено, что типа он их не уважает, и заставляют выпить. А ему от этого плохо. Но он скоро заработает на дорогу, и это все кончится.

Если в начале голос паренька звучал вяло и монотонно, то по мере рассказа перед его глазами начали вживе вставать картины пережитого, он сам увлекся, и к финалу голос окреп и зазвучал так искренне, что ироничный Юра воскликнул, обращаясь, впрочем, главным образом к Тане:

— «Верю!»

Паренек, очевидно, ничего не слышал ни о Станиславском, ни о его системе и обрадовался:

— Вы мне правда верите?

У него даже слезы на глазах выступили.

— Это что, в самом деле так и было? — недоверчиво переспросил Юра.

Тут уж бедняга совсем растерялся: то «верю», то опять какое-то сомнение.

— Ну... да... Я ж и говорю...

Они начали расспрашивать уже совсем по-иному, по-настоящему вникая в его рассказ.

Оказалось, что он из северного совхоза (вот откуда это оканье). Ему бы только до Череповца добраться или хоть до Вологды, а там уж... Но это невозможно: в одном негодяи, поработившие парня, были правы — в том, что ему нельзя высовываться, если он не хочет угодить в руки патруля.

— Садись, сиди и не дергайся, — сказал Юра. — Да тебя как звать-то?

— Генкой.

— Ну садись, Генка.

Они стали совещаться и выработали план действий. Первым делом парня надо было переодеть.

Юра вызвал по мобильному такси. Они подождали семь обещанных телефоном минут и направились к выходу из здания.

— Э! Куда? — раздалось сзади них.

Похоже, за ними наблюдали.

Юра оглянулся. К ним направлялся парень спортивной комплекции с малоинтеллектуальным лицом.

Они были уже около вращающейся двери.

— Быстро в машину и ждите меня где-нибудь, — бросил Юра.

Таня с Генкой вошли в крутящуюся дверь, состоящую из четырех отсеков, а он задержался. Дождавшись, когда преследователь будет совсем рядом, он тоже вступил в движущийся стеклянный квадрант. Спортивно-малоинтеллектуальный парень — в следующий...

И тогда Юра сделал то, что делают многие неопытные и спешащие люди, пытаясь ускорить движение: он толкнул дверь. И она заблокировалась. Тыр-пыр, пыр-тыр... Балбес в соседнем отсеке от злости стал тоже толкать стекло, но, разумеется, безрезультатно. Те, кто не успел войти в стеклянную карусель, закричали:

— Да что вы толкаетесь? Опустите руки! Она сама пойдет!

Наконец и до спортсмена дошло. Но Юра оказался не столь сообразительным и продолжал попытки сдвинуть дверь с места, пока не увидел, как желтое авто отъехало от вокзала.

Наконец они оказались на свободе. Парень схватил Юру за плечо и закричал:

— Вы куда его повезли?..

Он добавил пару нецензурных междометий. Впрочем, и дальнейшая его речь изобилвала образчиками ненормативной лексики, которые мы цитировать не будем.

— Кого? — переспросил Юра.

В общем-то, и нормативную часть их диалога приводить здесь нет смысла, так как вся содержащаяся в ней информация сводилась к простой формуле: Юра строил из себя дурачка, а его собеседник понимал это, но ничего не мог сделать. Точнее сказать, именно *сделать* он кое-что мог. И весьма неприятное для Юры, хотя и не имеющее юридической силы. Почувствовав, что беседа вот-вот перейдет в невербальную стадию, Юра, до сих пор старавшийся быть крайне вежливым, что, собственно, и придавало собеседнику уверенности в его слабости, решил, что пора *раскрыть варежку*. И он ее раскрыл:

— Ты что, б... — он тоже не погнушался неэнциклопедическим словом, — думаешь, если человек с тобой спокойно разговаривает, так ему уже и обратиться не к кому? Что ты тут на меня наезжаешь... — Он повторил то же самое слово, не считая нужным разнообразить лексикон. — Хочешь, чтоб я *своих* вызвал? Да? Так я могу. Мне просто беспокоить дядю не хотелось. Я не к вашим вокзальным полицейским обращаюсь, прикормленным... — И в третий раз то же слово. — Полковник УБОП по Москве тебя устроит?

Теоретически Юра, конечно, мог дотянуться до такого полковника, даже не через классические шесть, а всего через четыре рукопожатия, но, по сути, он, конечно, блефовал. Тем не менее блеф сработал: парень продолжал все так же нецензурно угрожать, но уже менее напористо, и явно отказался от использования силовых приемов. Тогда Юра тоже изменил тон и сказал почти примирительно:

— Ну че ты на меня наезжаешь? Откуда я знаю, куда этот твой парень поперся? Ну подсел он к нам, ну мы поговорили, а потом мы пошли, и он тоже. Мы его с собой не звали. Но и не гнать же. Откуда я знаю, может, он поесть пошел.

Разговор завершился оборотом «Ладно, проехали», хмуро брошенным бригадиром попрошаек, как называлась бы его должность, будь она прописана в некоем несуществующем штатном расписании. Избавившись от его общества, Юра позвонил Тане, и она сказала, где они стоят. Водитель уже знал историю Гены и с готовностью подключился к попытке «спасти парня».

Сначала поехали домой. Впервые за неделю с лишним им предстояло появиться во дворе при свете дня. Риск был велик.

Они не стали объяснять, почему им нельзя показываться соседям, а просто попросили водителя остановиться у аптеки, чтобы купить респираторы.

— У тебя есть головной убор? Ну, форменный, — спросил Юра у Гены.

— Нет, он в сумке был, которую... — Гена вздохнул.

— Это пойдет? — спросил водитель, протягивая бейсболку.

Юра примерил.

— Отлично, — оценила Таня.

Хотя, конечно, вид был странноватый: бейсболка характеризовала его если не как мачо, то, по крайней мере, как претендента на роль мачо, а респиратор придавал вид хилака, зацикленного на своем здоровье.

Остановились у самого подъезда. Юра с Геней вышли. Юра сутулился и прихрамывал. Они нырнули в дверь, а водитель отъехал и буквально втиснулся в узкое пространство между двумя высокими машинами, чтобы снаружи нельзя было разглядеть, кто находится в салоне. На всякий случай Таня немного сползла.

Через десять минут Юра позвонил и сказал, что они спускаются. Такси снова подъехало к подъезду. Дверь открылась, и из нее вышел сосед с пятого этажа со своей миттельшнауцерихой. Спустя минуту Юра вывел Гену, одетого в его старые джинсы и футболку.

— Голубинского не встретили? — спросила Таня, когда все расселись и машина тронулась. — Я боялась, что вы с ним пересечетесь.

В отличие от нее, Юра не всех соседей знал по фамилии, но догадался, что речь идет о собачнике. Ведь вот интересно: что миттель — девочка, он знал, а как звать хозяйна — нет.

— Конечно, пересеклись, — махнул рукой Юра. — Закон подлости! И, главное, если бы он ехал сверху, я бы сказал: «Мы еще ждем, поезжайте», — и все. А так — он вошел, и куда нам? Гена молодец, сразу собакой занялся: «Какой песик, как его зовут?» Тот на него переключился, и на меня не глянул.

— Отвлекающий маневр! — хохотнул таксист.

Гена с удивлением узнал, что он молодец: на самом деле он просто любил животных и ни о каких маневрах не думал.

Пока они занимались маскировкой, водитель продумал маршрут. Пересекши Московку с юго-запада на север, они выбрались на МКАД и вскоре заметили площадку для большегрузов. Заехали, и водитель спросил у своих дальнбойных коллег, здесь ли стоят машины, которым дальше — по Ярославке. Те ответили, что здесь, и, узнав, что они ищут, кто направляется в сторону Вологды или Чепеповца, единогласно решили:

— Это вам надо к Михалычу. Вон его машина!

Юра попытался отпустить таксиста, но тот сказал, что хочет довести дело до конца. При этом он благородно остановил счетчик, и звук эсэмэски известил Юру, что деньги за поездку сняты.

Михалыч, точнее, Иван Михайлович, оказался высоким, немолодым, возраста родителей Юры и Тани, начинающим сесть человеком с высоким, чуть сиплым голосом и южным выговором. От его верхней губы к подбородку спускалось некое подобие усов, которое усиливало мимику рта, превращая легкую усмешку в радушную улыбку.

Поздоровались, и Иван Михайлович сказал:

— Ну рассказывайте!

Таня рассказала.

— Какие проблемы! — улыбнулся Иван Михайлович. — Доставим в лучшем виде.

Вообще, при одном взгляде на этого человека становилось ясно, что для него любой вопрос — *какая проблема!*

— Если будут какие-то проверки документов... Придется откупаться... Это сколько ориентировочно может стоить?

— Та нисколько! Раньше, да, бывало. А теперь уже вон сколько лет — никому ничего не нужно. Едешь себе, ну и ехай. Какие проблемы!

Торошины попытались все же дать немного денег «на всякий случай». Много у них и не было, но тысяча на пять они могли раскошелиться. Однако Иван Михайлович отказался. Они все же дали Гене тысячу на дорогу и заплатили за душ: стоянка была оборудована всем необходимым для тех, кто долго не был дома. Гена в эту категорию входил безусловно.

Понятно, что ни в какой Суздаль они в этот день уже не поехали. Зато отправились за подарками, и к вечеру у них собрался довольно большой пакет с тремя бутылками шнапса и сувенирными тарелками, завернутыми в сувенирные же майки. На тарелках были представлены виды Вены и портреты композиторов, а шнапс предназначался для обоих дедушек и мужа Юриной сестры, Вадика. Лежали в пакете и магнитики, но они в этом объеме занимали совсем незначительное место. В отдельной упаковке была небольшая марионетка для Сережи. Правда, в магазине она шла как чешский сувенир, но об этом никто бы не догадался: марионетка изображала все того же многострадального Франца-Иосифа. Там же, где шнапс, они купили две коробки конфет «Моцарт». В общем, никакой комар не смог бы подточить носа, изучая этот джентльменский (как-то не хочется использовать слово *херрский*, хотя оно бы тут было всего точнее) набор.

Вечером позвонил Николай Александрович:

— Танечка, ты нам эсэмэсни номер рейса и точное время прилета.

— Зачем, пап? Мы как прилетим, вам позвоним.

— Нет-нет, я вас встречу.

— Ну вот еще! Не надо совершенно!

— Ну Тань, ты что думаешь, это я такой энтузиазм сáм проявляю? Ты ж меня знаешь!

Конечно, отец кокетничал: сколько раз он с готовностью отвозил и их, и многих других на вокзалы и в аэропорты, а еще чаще — в обратном направлении! Правда, каждый раз по возвращении ворчал, жалуясь на *эксплуатацию человека человеком*. Таня попыталась на этом сыграть:

— Ну вот, я и не хочу эксплуатировать человека человеком!

— Да ты-то при чем? Это Сережа хочет вас встретить, — объяснил он. — А ему, сама понимаешь, я отказать не могу.

— Папа, это очень неудобно!

— Чем неудобно? Никакого неудобства.

— Вы же на даче.

— И что? Бешеной собаке семь верст... — сама знаешь.

— Вы нас лучше прямо дома встретьте.

— Ты считаешь? Ну ладно... Сережа, может, не поедет в аэропорт, а лучше встретим папу с мамой дома? — и снова в трубку: — Нет, он именно в аэропорт хочет. Ну что тебе не нравится, я не понимаю! Встретим, отвезем, ребенка на час раньше увидите.

Она — и так, и этак, но как же можно отвертеться от подобной любезности?

— Ладно, я тебе сейчас кину эсэмэску. Пока, целую!

Они смотрели друг на друга. Никакого выхода из этой ситуации не было. Если б можно было приехать в аэропорт за час до самолета, пробраться в зону выхода и дожидаться пассажиров со «своего» рейса. Но кто их пустит за красную черту, в зону таможного досмотра?

Главное, когда они выбирали рейс, там было два: с прибытием в Москву в четыре утра и в пять дня. Чтó бы на первый рейс «взять билеты»! Нет, видите ли, «слишком рано» — как будто в самом деле предстояло всю ночь в пути провести! Вот и вляпались. Хотя кто мог такое предвидеть?

— Может, просто сказать, что рейс перенесли?

— Нет, если бы чартер был... И потом, они у Риты спросят.

— Да уж, эта Рита еще...

— Все просто! — сообразил Юра. — Надо спрятаться где-нибудь за колонной, пока Сережка попросится пisać (а рано или поздно он обязательно попросится), и когда они вернутся, мы уже будем их ждать.

— А если они втроем поедут? Папа с ним пойдет в туалет, а мама останется встречать.

И все же, если долго искать решение, оно найдется. Довольно жестокое по отношению к встречающим, но что ж делать? Сами напросились!

Она послала отцу сообщение. Через полчаса тот перезвонил:

— Тань, ты ничего не спутала? На сайте в расписании вы в Шереметьево прилетаете.

Ох как тяжело иметь дело с этим папой! Ну написали тебе: «Домодедово», — что ж по сайтам-то лазать?

«Хотя нет, это не он. Это точно мама, я ее знаю», — подумала Таня.

— Ну я же поэтому специально указала. Нам сообщили, что именно наш рейс будет садиться в Домодедово. Чтób мы встречающим передали, потому что по расписанию... Ну, в общем, ты сам видел.

— Кто это вам сообщил? Вы же вроде не в группе.

И это они сообразили! Ужас, что за люди!

— А мы летели сюда вместе с группой, в самолете познакомились. И несколько человек из них в нашей гостинице живет. Вот они нас и предупредили.

Конечно, это проверить тоже ничего не стоит. Но, может, не станут?

По счастью, последнее объяснение прозвучало достаточно убедительно, хотя все же в голосе Николая Александровича еще слышалось сомнение:

— Ты точно уверена? Может, у них какой-то другой рейс? Может, Рите позвонить?

— Нет, па, мы уж все проверили-перепроверили. А тете Рите, я тебя прошу, не звони ни в коем случае: она и так немного обиделась, что мы не через нее все сделали.

— Рита обиделась?! На вас?

Это действительно было на нее не очень похоже.

— Ну, мне так показалось, когда я с ней говорила. И теперь ты нас в глупое положение поставишь: всё — сами, сами, а как какое-то сомнение — снова к ней.

Короче, удалось его уболтать.

Вечером пришлось собирать чемоданы. Если бы они действительно были за границей, им бы пришлось туго. Причем *туго* в прямом смысле слова: чемоданы отказывались вмещать в себя все приготовленное для поездки плюс подарки. Но с учетом специфики этой поездки они смогли задним числом взять из Москвы поменьше багажа.

Кстати, к моменту повторной упаковки вещи выглядели вполне соответствующе: не стирать же во время отпуска. Еще если бы по-настоящему за границей, когда запас ограничен, так, может, и пришлось бы. А так... Еще один плюс!

Как и в предыдущие дни, вышли из дома ни свет ни заря. Необычным было то, что они тащили чемоданы. Вообще-то, чемоданы могли катиться, но при этом колеса так дребезжали, что от их конспирации ничего бы не осталось. Нырнули в арку, опустили чемоданы, и стало полегче. Дошли под шум колесиков до перекрестка и уже оттуда вызвали такси. Так что одно отклонение от привычного порядка повлекло за собой другое: налегке они довольствовались метро.

Оставалось одно важное мероприятие. Дело в том, что они все время следили за погодой в тех местах, где якобы находились. И, как назло, метеосайт упорно показывал солнечные дни. Конечно, они много времени проводили в автомобиле и в помещениях, но все равно не могли не загореть. А как Юра с Таней ни старались использовать августовское подмосковное солнце, эффект был не сравним с тем, какой должно было дать солнце альпийское. Поэтому они нашли косметический салон с солярием, расположенный подальше от дома, и даже записались на сеанс. Однако в продуманный план вмешалась необходимость посетить аэропорт, да еще с чемоданами в руках, и нарушила их планы. Но они здраво рассудили, что в Химках, лежащих прямо на пути в Шереметьево, уж точно какой-нибудь солярий найдется.

По утренней Москве долетели в Химки за полчаса, немного поколесили по городу и действительно вскоре увидели заведение с завлекательными «эпиляцией», «татуажем» и «солярием» над пятиоконной витриной, вытянувшейся вдоль всего дома.

Вид двух людей, сидящих на чемоданах перед входом в салон красоты, показался бы весьма странным стороннему зрителю. К счастью, прямо перед домом зеленел сквер, на лавочках которого наши путешественники и скоротали время до открытия. Позавтракали яйцами и бутербродами, взятыми из дома. Чемоданы оказались как нельзя кстати: сразу было видно, что это не бомжи, единственной мебелью которым служат садовые скамейки, а туристы, заброшенные судьбой в такое не слишком туристическое место. Но мало ли куда любознательные безденежные автостопщики из старушки Европы, а то и из-за океана направляют свои *стопы*?

Наконец часы показали, что салон вот-вот откроется, и Юра пошел на разведку, оставив жену стеречь багаж.

На вопрос, можно ли пройти процедуру в солярии, любезная администратор салона ответила:

— Конечно, можно. У нас сейчас как раз свободно. Первая запись на одиннадцать.

Она спросила, есть ли у Юры крем от загара и шапочка, и, поскольку их не было, предложила купить. Что Юра и сделал, сказав, что после него подойдет его жена.

Проблемы начались, когда надо было раздеться. Юра заявил, что хочет принять сеанс одетым. Действительно, для подлинности ему надо было загореть так, как он загорел (бы) в поездке, а там он все время ходил (бы) одетым.

— Нет, это не положено, — отрезала раздатчица солнечных лучей.

— Почему? У вас же вертикальный солярий, я ни к чему не буду прикасаться. А обувь, конечно, сниму.

Перед визитом сюда он познакомился с азами процедуры и знал, что солярий бывает горизонтальный, где действительно было бы негигиенично лежать в верхней одежде, и вертикальный, где это никому не мешало.

Однако администратор и мастер загара в одном лице продолжала твердить свое «не положено». Он в свою очередь заявлял о готовности разуться и напоминал о вертикальности солярия. Новых аргументов ни с той, ни с другой стороны не звучало, и вскоре дискуссия зашла в тупик.

Вернувшись в сквер, Юра шваркнул тубик с кремом и две шапочки на лавку и сердито буркнул:

— Ну вас всех к черту!

Жена в его глазах была ответственна как за всех женщин, так и за косметические процедуры как часть их мира.

Таня начала расспрашивать, что произошло, он дулся, дулся, но потом нехотя рассказал. Она взяла крем и шапочку и пошла разбираться.

Увидев Таню и услышав, что им нужен именно такой загар, как будто они вернулись из поездки в солнечные, но не так чтобы совсем тропические края, работница красоты вмиг смекнула, что «жена», как ее назвал *тот придурок*, никакая не жена, что они любовники, супруги которых уверены, что они отправились на юга, тогда как их благоверные проводят время в соответствующих утехах гораздо ближе. О том, что изменники оба, свидетельствовала необходимость загореть и ему, и ей. Однако она ничего не сказала вслух. Точнее, сказала:

— Ну так а чего ж он не объяснил толком? «Буду одетым, буду одетым!» Сказал бы, что к чему, — мы что, не люди? Конечно, помогли бы.

Она понимающе ухмыльнулась поганенькой ухмылкой. Тане это было не очень-то приятно, но она предпочла ничего не заметить и не вдаваться в подробности: не паспорт же показывать!

В результате они получили по пять минут облучения плюс профессиональное объяснение, что на первый раз достаточно, чтоб не обгореть, хоть в одежде, хоть без одежды. А надо повторно прийти через несколько дней и уже тогда загорать по-настоящему. А так у них — только легкий загар. Но их как раз легкий и устраивал. По правде сказать, получился цвет кожи, совершенно соответствовавший тому отпуску, который они якобы провели.

Поочередно позвонили родители. Торошины — просто узнать, все ли у них в порядке, готовы ли они к полету, и выразить уверенность в скорой встрече. А Долгославцевы — те еще раз попытались разобраться в путанице с аэропортами. Они спросили-таки у Риты, и та сказала, что по расписанию... Ну, что по расписанию, все и без нее знали. Зато она еще и добавила: «Впрочем, все бывает. Хотя я с таким не сталки-

валась», что благотворно подействовало на неугомонных Валерию Павловну и Николая Александровича. Хотя и не помешало задать дочери вопрос:

— Может, нам все же в Шереметьево поехать?

Что ее вывело из себя — настолько, что она взорвалась:

— Ну поезжай! Кто тебе не дает? Счастливого пути! Ребенка еще потаскай туда-сюда!

И под родительское «Ладно, ладно, что ты так волнуешься?» разговор завершился.

Пока пообедали, пока что, пришло время ехать в аэропорт. На этот раз воспользовались автобусом, который мигом домчал их из Химок до терминала Е.

Зашли в здание, уточнили в справочной, что задержки нет, отключили телефоны и сели ждать. А когда через три часа услышали: «Внимание встречающих...» — и номер своего рейса, снова включили.

Они приготовились к лавине упреков, что у них все всегда так; что они не могут все толком проверить; что надо как-то бороться со своей несобранностью...

И тут раздался звук эсэмэски.

Таня даже не собиралась читать: и так ясно, что это родители набирали ее, пока мобильный был отключен. Но в этот момент пришло второе сообщение. Два подряд — это уже интересно.

Одно сообщение действительно было о том, что им звонили. Во втором говорилось: «Немного задержались. Не уезжает без нас». Таня поняла, что мама (сообщение было от нее) имела в виду, да скорей всего и написала, «уезжайте», но текстовый редактор автоматически подставил слово, которое ему показалось более привлекательным.

Пока она разбиралась, позвонила сама мама:

— С приездом!

— Ой, — не очень правдоподобно расстроилась дочь, — мама, мы все-таки в Шереметьево прилетели.

— Ну кто бы сомневался! — обрадовалась своей правоте Валерия Павловна и закричала мужу: — Коля, Коля! Не туда! Они в Шереметьево!

Очевидно, родители как раз подъехали к МКАД, и Николай Александрович начал поворачивать в сторону Домодедова.

Раздалось невнятное ворчание водителя, который уже перестроился и не мог не свернуть. Но до разворота было всего километра три, так что этот крюк отнял у них минут пять-семь.

В общем, все обошлось. На них даже не очень сильно ворчали, потому что практически никакой серьезной путаницы допущенная ошибка не создала.

Ну, дальше уже не очень интересно. Во всяком случае, никакого авантюрного элемента в продолжении нашего рассказа не предвидится. Просто, чтобы не прерывать его на полуслове, сообщим несколько фактов, как бы завершающих определенные сюжетные линии предыдущего повествования. Как бы эпилог. Типа того.

Через день позвонил Генка из своего поселка и сообщил, что добрался благополучно и что дядя Ваня (Иван Михайлович) даже дал небольшого крюка, чтоб довести его прямо до дома.

Фотографии, рассказы, подарки и загар прошли на ура. Причем что касается рассказов, то от неоднократного повторения они стали казаться самим Юре с Таней пережитыми въяве.

Ну и, в самом деле, когда все позади, так ли уж важно, сжигал ты литры топлива на центральноевропейских автобанах или с гораздо меньшим уроном для экологии перемещался по картам гугла? На самом деле ты слушал придуманную нами Дину Хэмпсон под открытым небом Мербиш-ам-Зее, а реального Штрауса — в реальном Бадене или ограничился пиратским дивиди-рипом, стянутым с торрент-хостинга?

Когда, повторим, все позади. И уж совсем не имеет значения, какой валютой и в каком магазине ты расплачивался за австрийскую самогонку, гордо именуемую марилленшнапсом, особенно если бутылка как следует, до инея, остужена в морозильнике. А уж о конфетах и говорить нечего: всем известно, что настоящие «Моцарт» — только в кафе Фюрста, а все, что в красивых коробках, будь оно куплено хоть в центре Вены, на Кернтнерштрассе, хоть в дьюти-фри, хоть и в самом обычном российском продмаге, — не более чем *вариация на моцартовскую тему*.

Так есть ли принципиальная разница между? Не знаем, как на чей взгляд, а на наш — так нет.

Упомянем только о двух *косяках*, которые все же допустили наши путешественники.

Первый — отсутствие театральные программки. Но это обстоятельство нашло следующее объяснение. Как выяснилось уже по приезде в Москву, Юра сказал, что нужно сложить их отдельно от всяких буклетов, карт и рекламных листовок, на которые так щедрый зарубежные отели, а Таня, то ли не расслышав, то ли забыв выполнить указание главы семьи, сложила всю бумажную продукцию в один пакет, в результате чего он благополучно все и оставил в номере вместе с двумя евро для горничной. Войдя в свои роли, они вполне искренне обвиняли друг друга:

— Ну что, неужели нельзя послушать, что тебе умный человек говорит и все так сделать?

— А что, умному человеку в лом посмотреть, что он выбрасывает?

Понятно, тут уж они получили в полном объеме «Всегда у вас все так», советы быть собранней и прочие руководящие указания, недоданные по поводу путаницы с аэропортами.

Куда серьезней был прокол номер два: в их загранпаспортах не появилось штампов о пересечении границ. Виза-то визой, но все равно отметки о въездах и выездах должны быть. Попади такой паспорт в руки тете Рите — и вся детально продуманная и тщательно выстроенная конструкция распадется в пыль. Паспортный контроль — это вам не гид, который в самом деле может что-то перепутать с рейсами. Тем более четыре контроля: два выезда и два въезда! А в двух паспортах — так и все восемь. Шутите?

Но и тут дело обернулось наилучшим образом. Потому что до декабря все равно им отпуск не полагался. А начиная с весны опять родители им запретили далеко уезжать. Потому что... Ну вы догадались: супружеские игрища во время отпуска дали свои плоды. Верней, один плод.

А там — время побежало, туда-сюда, срок действия паспортов закончился, они получили новые, и все — шито-крыто! В общем, как было сказано, наилучшим образом дело обернулось. Потому что девочка вышла — прелесть! Наташей назвали... Но это уже совершенно другая история.

ВИРТУАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ОФИСНОГО ПЛАНКТОНА

Но сперва — что-то вроде вступления.

Мы ленивы и нелюбопытны, как заметил классик. И как любое мы, особенно мы классика, это страдает излишней обобщенностью. Кто спорит: большинство нас именно что ленивы и именно что нелюбопытны! Но ведь есть и меньшинство, пренебрегать чьими правами... Ну и так далее. В общем, нехорошо.

Будучи склонными к строго логическому анализу, осмелимся утверждать, что поскольку количество сочетаний из двух по два равно четырем, обобщенное «мы» состоит из следующих неравных по количеству групп:

1. Неленивые и любопытные.

Эти могут набрать в сети адрес `tsar_gory` — точка — ну и имя провайдера, разумеется, и ознакомиться с сетевым дневником, как нетрудно догадаться, Царя горы. А можно просто зайти на сайт провайдера, там — в раздел «Дневники» — «Поиск» — и уже по имени, хотя бы даже прямо кириллицей: «Царь горы».

2. Неленивые и нелюбопытные.

В силу нелюбопытства им вряд ли интересны бредни очередной жертвы мании величия; так не лучше ли направить свою неленивость на что-то более продуктивное?

3. Ленивые и нелюбопытные.

Классическим третьим (наиболее многочисленным) вряд ли вообще попадетя на глаза данный текст, в силу чего они не нуждаются в наших советах.

И, наконец, 4. Ленивые и любопытные.

Для них мы приводим копию того, что в течение нескольких месяцев размещал во всемирной сети человек, выбравший себе вышеупомянутый ник («Царь», просим заметить, с заглавной, а «горы», напротив, с маленькой).

Мы лишь позволили себе исправить явные опечатки и подкорректировать знаки препинания. Что хотя и лишило текст свежести набранных на скорую руку заметок, но в целом мало изменило его.

28 декабря, понедельник, 23:14

Давно уже задумывал это. Останавливало, по правде сказать, отсутствие ника. По имени — глупо. Император, там, Владыка мира или, как один самодовольный тип называл себя на одном форуме, Александр IV — мелко как-то. Четвертый — тоже мне титул! Саваоф или, наоборот, Мефисто — хорошо, но какая-то в этом есть претензия.

И вообще, что там бог или дьявол! Я выше! Один все это сотворил, другой за нитки дергает. Кукольный театр какой-то. А я — Зритель. Тот, ради которого мастер лепит кукол из папье-маше или, фигурально говоря, праха земного, а другой — спектакли с ними разыгрывает. Шоу, так сказать. А я не вмешиваюсь, рук не мараю. Из партера, сидя к мягком кресле, наблюдаю. Или если уж начистоту, то сверху. Не просто сверху, а с высот, что называется. Горних. И усмехаюсь.

Сегодня было общее собрание. Итоги года, пятое-двадцатое. Все радостные, улыбаются, успехами своими хвастают. Ну, я, конечно, тоже сказал. Так, без эмоций. Что все мои проекты на взлете. Клиенты... В общем, это неинтересно. Но, очевидно, все-таки, как ни притворялся, а свое истинное отношение проявил. Да наплевать! В общем, смотрю на них всех, внутренне усмехаюсь. Но, видать, не только внутренне. Потому что Шеф... Да, пусть он так называется: невелика честь, ведь есть и: «Шеф, до Кузьминок довезешь?»

Вот, значит, Шеф и говорит:

— Все вы тут о достижениях своих докладываете, а один... — имя мое назвал, — смотрит на нас всех, как какой-то царь горы.

Все заржали, типа он такой остроумный, прямо «Наша Раша» и Марк Твен в одном лице. А я себе думаю: «О-па! Вот оно, имечко! Всем именам имя! Ай, спасибо, Шеф Иваныч, и от тебя иной раз толк может быть!» Но и на ус намотал: как легко себя выдать! Никогда Штирлиц не был так близок к провалу.

Ну ладно, на сегодня хватит. Познакомились, и будет.

29 декабря, вторник, 22:45

Теперь — толком, что тут такое. А тут — не что иное, как весь мир в одном окошке. И не в том смысле, что, мол, наша контора — это мой, как пишут, мирок. Нет, имен-

но Мир, без дураков. А контора — да, она как бы есть, но — вроде подзорной трубы, через которую все видать. А я, соответственно, в эту трубу гляжу. Капитан Кук такой. И путевой дневник веду.

Ладно, не буду говорить намеками.

Контора — буду так ее звать, потому что не в наших интересах, чтобы меня вычислили. Не потому, что я кого-то боюсь. Вот еще! Это же очевидно: узнают — будут как-то подстраиваться, чтоб получше выглядеть. А мне они нужны тепленькие. Голенькие. Натуральненькие. Потому я и их глупости цитировать тоже не буду. В смысле дословно. А или передавать общий смысл, или своими словами излагать.

А суть в том, что это они на работе такие скромные пчелки. А как до компов своих добираются, если знают, что никто их не видит, — куда там! Наполеоны, македонские, доктора споки, гарри поттеры, кто там еще? Супермены, человеки-пауки, а кто и фредди крюгеры с малефисентами. Ну вы поняли. И общаются они с такими же. И бьются с такими же. Грызутся до последнего зуба. А эти «такие же» — по всему миру, на всех континентах и, как говорится, во всех природных зонах. И тоже где-то там, в своих огайях и сан-сальвадорах, не говоря про дюссельдорфы и воркуты, в такие же конторы ходят, так же свои гроши зарабатывают, а на досуге... Вот и скажите: ошибся ли я хоть на миллиметр, говоря, что вижу весь Мир через эту подзорную трубу?

Ладно, завтра у нас новогодняя тусня. Корпоратив так называемый. Вот уж посмеюсь. Только бы себя не выдать.

30 декабря, среда, 14:18

Еще не началось. То есть мероприятие не началось. А то, что никто не работает, все ходят радостные, в ожидании — это само собой. Чего — ожидании? Деда Мороза с мешком? Смеяться некому, взрослые люди! Хотя почему некому? Есть один такой, кто смотрит и смеется. А они ничего не понимают: думают, я щерюсь тоже от радости, что вот, здравствуй, попа, новый год! Ладно, пусть. Мне же лучше.

Так, пока есть время, немного — про нашу контору. Мы тут в прошлом году праздновали пятнадцатилетие. Ну, шуму было! Пятнадцать лет! Великая дата! Хотя премию дали, один толк. А что мы эти пятнадцать лет делаем? Да какая разница? Турбины для электростанций, газонокосилки или ночные горшки? Все одно, можно считать, что и горшки. Потому что турбины для чего? Чтоб в конечном счете они же могли в Интернет выходить и выкладывать дебилные фотки своих шести соток, по которым эта самая газонокосилка прошла, или радостно постить: «Ура! У нас (НАС, прошу заметить!) животик налачился!» — после того, как ее паценок в этот самый горшок наложит. Так что принципиальной разницы — ни на грош.

И ведь таких — большинство. Кто ничего дальше своих газонов и детских кашек не видит. Ну это уж, я считаю, вообще растения. Живут, по сути, так же, как двести лет назад. Да что там двести! Все две тыщи! Вот у нас один есть, Нет, не из растений. Любитель путешествовать. Так его и назовем — Магеллан. Был в Иерусалиме — радостно выложил фотку маслин, под которыми Христа арестовали. И что? Маслины и маслины. Чем они от нынешних отличаются? Только покорявей. Ну еще бы, две тыщи-то! А практически одно и то же. Ну вот так — и большинство моих «коллег». Да наплевать на них! МОИ «герои» хоть чем-то глобальным занимаются. Одни за демократию борются, другие — за величие России, третьи экологию защищают, четвертые — культурное наследие... Другое дело, что это все тоже — буря в стакане воды. Со своих «горшков» они пытаются мир изменить. Но хоть пытаются.

Кстати, о горшках. Если бы мы хоть их делали! А то — там покупаем, тут продаем. Мой бывший тесть... Вот проговорился, что был женат. Ну и что? Нас, разведенных, миллионы, все равно не вычислите.

Так вот, тесть мой, этот выживший из ума комсомолец семидесятых, все долбил: «Ты спекулянт, делом надо заниматься». Осел старый! Мои, правда, чуть попродавнугей. Но у них другая песня. Ты же учился на... Э, нет, вот тут я колоться не буду, мало ли на кого я учился! Так вот, «ты учился на... если бы еще ты был экономистом по профессии...» Ну, хоть понимают: экономист, говорят, не спекулянт.

Ладно, уже дважды звали. Все там накрыто, молодцы, постарались. Пойду вливаться в коллектив.

2 января, суббота, 23:36

Два дня пропустил, каюсь. Вчера совсем сил не было чем-то заниматься. А все из-за идиотской традиции пить шампанское. Ну я понимаю, под звон курантов. Это даже как-то мощно. Там — бом-бом, тут — пфшшш! Но на корпоративе-то! И главное, или бы приготовили пару бутылочек на всех, чокнулись бы символически, и дальше — по водочке. Или уж закупили бы море шампанского, чтоб на весь вечер хватило. Так нет же, ни туда, ни сюда. Вроде, думаешь, его много, не буду ничего крепче. И пьешь себе. А потом глядь, оно и кончилось. Потому что все так решили, кроме уж самых крутых, которые сразу — по виски или водке. Раньше я в этот момент потихоньку смывался, и дело с концом. Но теперь я, как-никак, Царь. Не могу свою «гору» бросить, тем более в таком состоянии, что их можно голыми руками брать. Ну и пришлось из себя тоже крутого изображать. А водку на шипучку...

Но это все мелочи. Издержки, так сказать. Зато основной улов — просто класс!

Сперва неофициальная официальная часть. Хи-хи, ха-ха, а слово все же — Шефу. «Поздравляю всех, мы добились, мы надеемся, мы уверены, мы... мы... мы...» Почокались, погордились самими собой, разбились на кружки.

Первый персонаж. Назовем ее Маргариткой. Цветок тут ни при чем. Маргариткой звали, да и сейчас еще, наверно, зовут (что ей делается?) нашу историчку, Маргариту Владиславовну. Вот и эта точно вылитая она. Обо всем у нее какие-то твердые понятия, идиотские в основном, но спорить с ней бесполезно. Вот я сперва к ней и подвалил. Чокнулись, пятое-десятое. С Новым этим, с новым тем, с новым сем. Ну чего мы, мол, вдвоем? Пойдем к народу. И подвожу ее к столику, вокруг которого стоят человек пять, и среди них Даля. Это я ее так в честь Даля назвал. Типичная граммарица. И чуть что, в грамоту-ру лезет.

Ну, я же знаю, на что их поддеть, момента только жду. Стоим сперва, бла-бла-бла. Разговор про кино зашел. И все больше — о фильмах, которые все онлайн смотрели. В кинотеатр-то идти — от кресла задницу лень отрывать.

Я и говорю:

— Даль, — говорю, — а когда ты вообще в настоящем кино в последний раз была?

Она только начала:

— В последний...

Тут Маргаритка и встряла:

— Не в последний, а в крайний.

Ну, Даля тоже на своего конька садится и — вперед! Начинает толковать, что нет такого оборота в русском языке и что «последний» вовсе не означает последний в жизни. А та в ответ начинает ей всякую мистическую хрень нести. Что слово — оно несет в себе энергию, а энергия может быть черная, а может — белая. Эта не унимается: да, мол, несет энергию, только в другом смысле; что слово — это наше богатство, история, предки... И пошло-поехало. Все их унимают, я тоже как бы пытаюсь успокоить. А сам-то в точности знаю, на каких форумах и одна, и другая идей нахваталась.

Нет, я разве против? Ну высказывай ты свои идеи. Но только если — свои! А так — начитались, что другие попки твердят, тоже, кстати, с чужих слов, и несут свет в массы!

Ладно, тут повеселился, и как раз шампанское закончилось. Налил себе стопочку, пошел к мужчинам. С ними мне даже не пришлось стараться. Разве что самую малость. Наколот кусочек селедки на вилку и говорю, типа рассуждаю вслух:

— Вот раньше я рыбу не любил: кости и кости. А теперь одно удовольствие — ни одной косточки. Здорово ее очищать научились!

И в самую точку попал. Поп-Гапон (так его назовем) прямо взорвался:

— Очищать?! Ты что, не знаешь, как рыбу от костей очищают? Ее же кислотой обрабатывают, и все кости растворяются. Так что ты не селедку ешь, а чистую кислоту.

Смотрю, у «Мичурина» глаз загорелся. «Ага, — думаю, — сейчас и тебе слово предоставим».

Потому что я же их как облупленных знаю.

— Ну, — говорю, — это ведь специалисты разработали. Эти методы, наверно, всякие проверки прошли. Так что ничего страшного.

А Поп-Гапону только этого и надо. Начал меня убеждать, что надо здоровую пищу есть, натуральную. Ну и, НАТУРАЛЬНО, на ГМО съехал. Тут и Мичурин встрял:

— А что? Генная инженерия — это та же селекция, только на другом уровне.

И понеслось! Один кричит, что это надругательство над природой, что мы не представляем себе, какие мутации в поколениях это может вызвать, что это требует десятилетий наблюдений, что... Все, в общем, понятно, ничего нового. А второй — что миллионы на планете от голода умирают, что какие еще там мутации будут, неизвестно, а если не развивать новейшие технологии, то и мутировать некому будет, все от голода передохнут... Тоже песня известная.

Короче, сцепились не по-детски. И ведь тоже все, что они талдычат, я слово в слово уже читал и у них, и у их братьев по разуму. Точней, по его отсутствию.

Но с другой стороны, эти хоть что-то отстаивают. Пусть с чужих слов, пусть. Но их хоть какие-то ПРОБЛЕМЫ волнуют. А других?

Ладно, возьмем этих других. Я им даже имен придумывать не хочу. Не стоят они того. Безымянная масса, так сказать. Я и к ним, между прочим, подошел, послушал. И о чем у них беседа? Дискуссия, так сказать. К дачному сезону готовятся! Разве что только о навозе не поговорили. И то не факт. Скорей всего, они его до моего прихода обсудили. И даже наверняка. Без навоза как же?

И ведь тоже без мировой паутины не обходятся. Все там вычитывают: как что проращивать, что когда, как, на какую глубину садить. (Так и говорят: «садить». Жаль, Дали рядом не было.) Нет, потрясающе просто: эти клуши думают, что Интернет специально придумали, чтоб их корнеплоды лучше корнеплодились.

Пошел дальше. Столик Шефа. Стоят кружком, делают вид, что даже в такой момент только о работе думают. Ну я тоже такой вид сделал. Чок-чок! За новые достижения!

В других компаниях споров особо не было. Любители кошек-собак хвастались своими гениальными питомцами. Любящие родители занимались, в сущности, тем же самым. Другие обсуждали изменение климата. «Вот, помню...» Да, были в свое время зимы как зимы, а теперь ни то ни се, слякоть одна; нет, по мне — так морозец бы градусов под двадцать, чтоб на лыжах... И так далее. Кто бы говорил! Зачем далеко ходить, две недели назад снегу навалило! Это потом все развезло, а тогда — кататься не хочу. И что? О чем он сам же писал? О том, как два дня (сб, вс) мотался по городу — кухню искал. Как будто ее нельзя в слякоть купить, раз ты такой спортсмен!

Вот где интересно было, так это у патриотов. Хотел было я им имена дать, да зачем? Они все на одно лицо. Думал, может, держимордами? Да какие из них держиморды? Кишка тонка. Они, скорей, те самые морды, которых он — «держи».

В каком смысле «интересно»? То, что они болтали, как раз скучно. Одно и то же: какие мы крутые, как весь мир нас обижает, никто не любит, а мы такие миролюбивые, никого не трогаем, если нас не тронуть, и вообще, если захотим, завтра наши танки... Ну и так далее.

Нет, интересно другое — что среди них Манилов торчал. Он, правда, ничем от них не отличается, кроме, так сказать, знака (плюс — на минус, минус — на плюс), но он хоть один, так ему и имя можно дать. Правда, тот Манилов, книжный, мечтал, что его государь — в генералы, а этот, наоборот, оппозиционер и «государя» свергнуть хочет. Ну так и что? Большая разница? Этому до свержения — как тому до генерала! Так вот, я за ним наблюдал и наслаждался. Я ведь все его мысли знаю, все доводы сто раз читал. А тут — стоит, помалкивает. Только угол губы подергивается. И в глазенках все прочесть можно: и его «веские» возражения, и как он думает, что нечего бисер метать. А на самом-то деле просто трусит.

И вот тут я едва не сказал: мол, что ж ты молчишь, мил-человек? Ты же то-то и то-то думаешь и так-то и так-то считаешь. Рот даже открыл. Но вовремя остановился. Нет, думаю, это я теряю контроль над собой.

В общем, мне уже и так ясно стало, что ничего нового не будет. Я и пошел потихоньку. Тем более танцы начались, а я был не в том состоянии, чтоб в них участвовать.

8 января, пятница, 21:42

Как-то праздники пролетели незаметно. Думал, уж в эти дни как раз будет время за ними понаблюдать. А оно как-то промелькнуло. Время, в смысле.

Опять же, дела какие-то. Один день с родителями на кладбище ездил... Ну, это все, в общем, не в тему.

А что в тему — тоже как-то вяло было. Нет, я к ним заходил, читал, что пишут. Но и там все было ни то ни се, больше про ерунду домашнюю.

Да и я — почитаю-почитаю, да и отвлекусь. В чем-то их понять можно: этот Интернет такая заразная вещь. Начнешь читать, а там — ссылка, там — другая. Глядь, а уже вечер. Ладно, на каникулах можно и расслабиться. Тем более что ничего интересного ни у кого не происходило.

9 января, суббота, 23:02

Я вот что подумал: у кого-то из них наверняка еще аккаунты есть, о которых я не знаю. А как узнать? Какие-то кодированные имена, о которых я не догадываюсь. Где-то они ошиваются, где имена свои скрывают, и уж там-то все, что думают, выкладывают по полной. Может, даже IP кодируют. А без этого какой же я «Царь»? Вот бы туда пробраться! Тогда вся картина, весь «горный пейзаж» откроется.

13 января, среда, 01:14

Ну, сегодня и улов был! Правильно я про другие аккаунты догадался. Я потому несколько дней и пропустил, что обдумывал, как их найти. Потому что в открытых форумах и сетях только верхушку айсберга можно увидеть, а вот чтоб настоящие их мысли просечь...

В общем, я дождался своего часа.

Сидим, работаем. Вдруг по громкой связи объявляют: «Внимание, тра-та-та. В здании задымление, всем покинуть места». У нас это время от времени бывает.

Никто и ухом не повел. Учебная тревога, через полчаса скажут: «Ложное срабатывание сигнализации».

Но на этот раз — нет. То есть учебная-то она учебная. Но остаться на местах не дали. Через секретаря, через начальников отделов объявили, что надо на самом деле покинуть. Все и поперлись. Причем лифтом пользоваться нельзя: правила безопасности! Так с нашего этажа (какого — неважно, но не первого и не второго) все и потащились цепочкой. Идут, галдят, ха-ха, хи-хи, как дети прямо.

А я втихаря в туалет — шмыг. Кто видел, решил: ну, понадобится. А кто не видел, тот и не видел. Закрылся в кабинке на всякий случай, но никто не вошел.

В общем, у меня был почти час! Они потом рассказали, что их не просто выгнали из здания, а надо было еще найти кого-то, прикрепленного к определенной организации, и у него отметить. Ну а я не отметился. Не нашел этого человека. У нас в здании организаций чертова прорва! И что? Расстреляйте меня!

Так вот, за этот час. Я спокойно так обошел все компы и много интересного обнаружил. Они, конечно, заблокированы были. У нас так: если несколько минут комп не трогаешь, он блокируется, и без пароля в него не войдешь. Да что ж я, с паролями не разберусь, что ли? Мой, скажем, пароль — первая буква имени, три — фамилии и число 23. Прошелся, смотрю: под клавиатурой бумажка. Опаньки! — первая буква имени, три — фамилии и 23. Хитрость невелика, айтишники свою фантазию особо напирать не хотят. Попробовал у остальных — все работает!

И не зря я этим занялся. Потому что много интересного узнал. Обычные их аккаунты, где они под своими именами домашние фотки выкладывают, с днями рождения друг друга поздравляют, ну и какими-то секретами домашнего хозяйства обмениваются, я и так знал. Конечно, кто только домхозяйством интересуется, у тех, во-первых, других и нет, а во-вторых, не очень-то они мне и интересны. В смысле, совсем не интересны. А вот кто «общими вопросами» интересуется, хоть политическими, хоть экологическими, хоть спиритическими, то есть самые что ни есть объекты моих наблюдений, у этих — еще по несколько ников. Да и даже если они на каком-то форуме под своим именем ошиваются, откуда ж мне было знать, что это за форум? А так — открыл в браузере историю, и за милую душу все страницы, на которые он лазит после работы, а то и втихаря в рабочее время, тут как тут. Главное — потом все это позакрывать. А если что-то и оставил, тоже беда невелика: хозяин решит, что в суматохе забыл выйти.

Вот они, все у меня тут, на листочке, один к одному: имя — сайт — ник, имя — форум — ник, имя — чат — ник...

Наконец слышу: «...ложное срабатывание». Я — раз! — обратно в туалет. Стою себе над писсуаром, тут и наши набежали. Час-то на морозце — не шутки!

Один только Магеллан (наблюдательный, зараза!) заметил:

— Ты что, так налегке и выходил?

— Нет, говорю, я просто одним из первых поднялся, раздеться успел.

Конечно, какой-нибудь лейтенант Коломбо по секундам бы меня на чистую воду вывел. И потом: если я так писать хотел, что первым примчался на свой этаж, что ж я раздеваться отправился? Но так то — Коломбо, откуда ж у нас коломба взяться? Хотя Магеллан... Да, смешно.

Короче, у меня сейчас отличный список тех мест, где мои «подданные» свои истинные взгляды высказывают и за человечество радеют. Пусть неполный (все-таки за час все не обшаришь, да и не на все сайты они с работы заходят), но все же очень широкий.

15 января, пятница, 22:07

Есть у нас Фемида Иванна. Фемида — потому что она за законность любого готова порвать. Ну а Иванна — как же еще? Не просто же Фемидой ее величать, много чести. Только вот насчет «у нас» я малость погорячился. Потому что Фемида она как раз не у нас, а на общественной ниве. Там она чуть увидит какое-то сообщение в новостях или в чьей-то ленте, что где-то закон нарушается, взятку, например, вымогают или, скажем, природоохранные нормы нарушают, — тут же постит это, да еще со своим комментарием на тыщу слов. Это — когда не «у нас». А у нас, то есть на работе... Ну, сами судите.

Сегодня был очередной тарарам. Таможня не пропустила партию... Ну, скажем так, ручек для горшков. Потому что мы не просто — «купил-продал». Наши поставщики оборудование на части разбирают, и мы сборы платим как за комплектующие, а тут нам их собирают (тоже не мы своими руками, понятное дело). И все тип-топ. Так вот, таможенник уперся: никакие это не комплектующие, а самостоятельный товар, потому что эти ручки можно и к горшкам, и к кастрюлям, и даже, к примеру сказать, к чайникам присобачить. А раз нет конкретного товара, к которому они бы комплектующими были, значит, это и не комплектующие вовсе.

Ну, Шеф, ясное дело, беснуется. Вызывает ответственных. А это Фемида Ванна и один из патриотов. Ладно, так и быть, дадим и ему имя собственное. Пусть будет Благодетель: его любимая тема — как мы «этих чурок» или «этих хохлов», ну, в общем, всех «этих», облагодетельствовали, в люди вывели, у них же до нас своей грамоты не было, а они теперь нам в рожу плюют, а пиндосам задницу целуют, свиньи неблагодарные. И вторая его тема — что в Гейропе и Пиндостане только и думают, как бы сбagrить нам свое дерьмо и отбросы, ядовитые и радиоактивные. А нам никто вообще не нужен, они без нас все передохнут, а мы, если б они вообще провалились, наоборот, передохнули бы спокойно и зажили припеваючи. Это, кстати говоря, не его, а мой каламбурчик. Он бы до такого не допер.

И этих-то двоих Шеф посылает к таможенникам. И она, вся такая честная и законопослушная, как миленькая едет «договариваться», а он — вызволять гейропейское дерьмо. И прекрасно с этой задачей справились, между прочим.

23 января, суббота, 02:17

Сегодня был реальный концерт без заявок слушателей, как говорит моя мама. Все выступили, все себя показали. Верней сказать, уже вчера. Что-то я припозднился. Ну ничего, завтра выходной.

Тут два обстоятельства сошлись. Первое — некоторое время назад один олух подал иск, что его атеистическое чувство оскорбляется религиозной пропагандой. В иске ему, ясное дело, отказали. И все бы ничего, но по ТВ устроили передачу: этого чувствительного пригласили, а с другой стороны — попа, и с каждым — его сторонники. Ну и, как всегда, зрители голосуют. Как и следовало ожидать, большинство оказалось за то, что никаких чувств у атеиста быть не может.

Это — одно. А второе обстоятельство — что у нас день рождения был. И тоже сам по себе д. р. — ничего. Но важно — у кого! Пусть будет Марфа-посадница. В общем, одно к одному.

Чего у Марфы не отнимешь, это — жарка. Один пирог с капустой чего стоит! Грибочки, огурчики, сальце домашнее, рыбка. Ну, «Оливье» — своим чередом, как без него! Но главное, конечно, печеное. И пирог этот, и пирожки, и сладкое. Ясное дело, и бухло соответствующее.

Языки, конечно, развязались. И, конечно, про вчерашнюю передачу. На правах именинницы Марфуша начала вещать. Кто ж решится ей праздник омрачать? Вот она и разошлась. Я думал, что уже меня ничто удивить не может, но она смогла: я впервые встретился с человеком, на вид вполне современным, который бы на полном серьезе воспринимал, к примеру, библейские семь дней как реальные наши дни, в смысле — двадцать четыре часа по шестьдесят минут. И прочие байки: про змея, который яблочко поднес, про ковчег, в который все звери набились.

Но это-то ладно. Если мозги не включать, еще и не в то поверишь. А каковы те, кто вроде бы их включает, — интеллигенты наши! Ну видишь, что перед тобой такой человек, тем более у нее праздник, — так помолчи. Нет, встали на дыбы, начали ей излагать «с научной точки». А раз так, то включились и интеллектуалы с другой стороны, те, кто в семь дней взаправдашних не верит, но «как философскую метафору» их признает да еще вычитал, что происхождение глазной сетчатки или, там, хрусталика дарвиновская теория объяснить не может. И не успел я глазом моргнуть, как они с происхождения видов перескочили на моральные ценности. Ну какая связь между Ноевым ковчегом или несгорающим кустом — и гей-парадами? Оказывается, есть. Причем ведь у нас как? Если ты в куст веришь, то обязательно должен быть против парадов. Ну ладно, это хоть как-то объяснить можно: содом, гоморра, пятое-десятое. Но почему если ты, наоборот, за Дарвина, то надо и за эти парады выступать? По-моему, как раз по Дарвину они естественному отбору противоречат. И так — по любому вопросу. Если быть точным, то — по любому, кроме ЕГЭ. ЕГЭ все дружно ругали. Но в остальном — еще бы немного, и до мордобоя бы дошло.

Но это все только первая серия была. А вторая началась вечером. Я еще почему так поздно пишу? Не мог оторваться — читал, как все рассказывают об этом споре. И каждый, оказывается, блестящую победу одержал, от оппонентов рожки да ножки оставил! Жаль, что один я могу в полной мере насладиться этим. Даже если я их посты сюда скопирую, все равно для полного кайфа надо было их днем видеть.

28 января, четверг, 22:43

Шел с работы вместе с Феней. Феня — потому что она на фэншуе подвинулась. Погода хорошая, я говорю:

— Пройдемся до метро пешком!

У нас там минут пятнадцать ходу, но все равно мало кто ходит, разве что летом, а зимой маршрутку ждут. А тут — хорошо подпорошило, даже можно сказать, засыпало снежком, так что не скользко и без ветра не холодно.

Она говорит:

— А я всегда пешком хожу.

Ну да, мог бы и сам догадаться.

Я знаю, с кем имею дело. И так это наивненько:

— Что-то я плохо засыпать стал. И сны все какие-то неприятные.

Она, как собака, нос направила:

— А ты кровать свою не передвигал в последнее время?

— Передвигал, — говорю. — А что?

— Как что?!

Тут она мне целую лекцию прочла. Про энергетические линии, про число гуа (если вы думаете, что я это «гуа» запомнил, так нет — сейчас в Яндексе набрал «фэншуй число», а он мне уже сам подсказывает: «гуа»).

В общем, она вещает, я слушаю и киваю. А дошли до метро — говорю:

— Как ты все это знаешь! А мы, люди темные, и понятия не имеем ни о чем. Тебе бы надо просветить нас. Или группу собрать из сотрудников, или, еще лучше, на сайте конторы завести страничку.

У нее прямо глаза загорелись.

Посмотрим, что из этого выйдет.

2 февраля, вторник, 22:54

Еще как вышло! Я даже не предполагал, что у нас такое количество олухов. Это я еще деликатно выразился. Хорошо, что она предпочла не в реале группу собирать, а страничку создать. Иначе мне бы пришлось либо самому торчать на их «занятиях», либо лишиться удовольствия наблюдать за ними.

Кажется, не осталось ни одного человека, который бы не обратился к Фене за советом. И что интересно, каждому у нее нашлось, что порекомендовать. Каждому! Нет такой проблемы, которая не решилась бы за счет, например, перестановки кресла, из которого ты телевизор смотришь, или изменения «привычного порядка действий».

Скажем, человек привык по утрам сперва побриться, а потом в туалет по-большому сходить. Оказывается, это роковым образом сказывается на его кармическом поле!

Я, конечно, тоже обратился. А то что ж это? Все туда, а я — нет? Спросил: как мне личную жизнь устроить? Я не размениваюсь: уж спрашивать, так о чем-то судьбоносном. Она у меня всю информацию выяснила, посчитала мое число, это самое гуа, и вывела, что мое судьбоносное время — между 18:00 и 18:30. А вот если б я момент своего рождения с точностью до минуты знал, она бы точнее сказала. Но скорей всего, между восемнадцатой и двадцать третьей минутами. Во как!

А кстати, между шестью и полседьмого я с работы ухожу и до метро добираюсь. И вся тут судьбоносность — если я до 18:21 успеваю в вагон заскочить, то на своей линии попадаю на пустой поезд, который из депо идет, и еду с комфортом. А нет — стою семь остановок. Можно, конечно, и это судьбой звать, но как-то для судьбы хиловато, да? Я тем не менее ей написал, что буду в этот отрезок времени особо напрягаться. А она мне на это — на полном серьезе! — ответила, что напрягаться мне совершенно нет необходимости, потому что кармические волны сами меня вынесут куда надо!

5 февраля, пятница, 23:07

Феня торжествует: этот, который какал не вовремя, написал, что как только он изменил утренний туалет по ее совету, сразу у него дела пошли на лад! Так и написал.

Я встретил его в коридоре, разыграл из себя дурачка, говорю:

— Ты что, правда веришь, что все из-за этого?

А он:

— Кто его знает. Все-таки тут что-то такое есть.

«Что-то такое!» Смех один. А с другой стороны, стало человеку легче жить — ну и на здоровье.

8 февраля, понедельник, 15:34

Цирк продолжается! Секретарша наша (пусть будет Ахеджакова, тут и думать особо не надо) спросила у Фени, что делать для финансового благополучия. Вопрос как вопрос. После тщательного выяснения всех деталей укротительница энергий вынесла

решение: беда в том, что у Ахеджаковой входная дверь открывается на правую сторону, поэтому все деньги налево улетают.

Это на той неделе было, но сегодня...

Когда я увидел, что перед кабинетом Шефа плотники возятся — дверь перевешивают — я угорел! Главное, сам не захотел светиться — ей поручил спросить!

12 февраля, пятница, 01:42

Долго сомневался, наконец решился.

Кому не известно, какая тема в сети — самая популярная? Каких запросов на поисковиках больше всего? А у меня о сексе — ни слова!

Ну, конечно, как и кого на клубничке подловишь? Никто же на соответствующих сайтах не регистрируется под своим именем, если вообще регистрируется. И с работы никто туда не заходит, поэтому хоть сто учебных тревог будет — их не выследишь. Хотя ясней ясного, что кто-то обязательно по таким сайтам ходит. Но втихаря. А открыто — все ангелочки.

А с другой стороны, тут ведь как? Это все мои трудности, никого они не должны волновать. Не можешь эту важную тему осветить, так и нечего было браться.

Вот это я себе сказал и решился.

Как я вытащил из него его ники и адреса, это секрет. Зачем человека подставлять, тем более что он мне помог? Правда, сам того не подозревая.

В общем, опуская подробности, скажу: мне его удалось выследить.

Назовем его Эстет. Потому что он по каким-то совсем помойкам не лазает. Свой вкус соблюдает. Кому-то, конечно, и этот вкус покажется извращением. Но ведь тут единого мнения не может быть.

На работе — тихий, скромный. Ну в фейсбук что-то напишет, прикольным роликом с друзьями обменяется. И не подумаешь, что он такой шустрый. А шустрить он начинает вечером, точнее даже — ночью. Потому что живет с родителями. Комната, правда, отдельная, так что когда старики отправляются на боковую, он дверь прикрывает, чтоб они свет не заметили, наушники надевает — и понеслась душа... Ну, не в рай, конечно, но что-то в этом роде.

Понятно, он мне это все не сам доложил. Но насчет квартиры и родителей — информация, так сказать, открытая. А остальное нетрудно вычислить.

Так вот, о его вкусах. Девушка там или взрослая женщина, это ему все равно. И даже не то чтоб все равно, а та, которую он ищет, может быть любой: блондинка или брюнетка, помоложе или постарше, с короткой стрижкой или длинноволосая — без разницы. Зато что обязательно должно быть — чтоб у нее какой-то недостаток имелся. Или толстуха, или, наоборот, тощая. Например, глаза чтоб косили, или если в очках — очень даже неплохо. Для него, конечно, неплохо, для Эстета, я ведь о нем говорю. Одну нашел — без пальца на руке, так листал-листал ее фотки, никак закрыть не мог. Но чтоб при этом все симпатично было: от грязи (в прямом смысле слова) или прямого уродства (например, если зубы кривые) его так и воротит. В общем, эстетика чистой воды.

Как, спросите, я это все узнал? Да просто проанализировал, что он смотрит, что лайкает, какой комментарий изредка оставляет, а что и скачивает себе на комп. Все это изучив, я могу сделать главный вывод: ему надо, чтоб она — та, которая по ту сторону экрана — была как бы с ним наедине. Чтоб она как бы ему одному свои прелести показывала и вместе с ним наслаждение испытывала.

Вот такой кадр у меня в списке появился. Ну посмотрим, что дальше будет.

16 февраля, вторник, 22:43

Наши массовики-затейники не могли пропустить святого Валентина. Приходим сегодня утром — на стене огромное сердце из красного картона со стишками. Жаль, не могу привести этот шедевр идиотизма, с рифмами типа «валентинку» — «блондинку», а также «брюнет» и «от коллектива тайны нет». Это оказалось не просто сердце, а большой конверт, и в него надо бросить валентинку своему избраннику или избраннице.

Рядом, на столике — вырезанные сердечки: на одной стороне — «Кому», а на другой — «От кого (можно псевдоним)».

Потом, в пять часов все высыпали и начали объявлять. Многие написали. Причем не только молодые, про которых и так все знают, кто с кем парочкой обедает и вообще. Но и взрослые — как бы в шутку, но ясно же, что за шуткой что-то «такое» всегда есть.

Я, конечно, не мог в стороне остаться. Бросил под псевдонимами послания для тех, кто всегда проклинает разлагающее влияние и требует заменить «ихнего» Валентина на «наших» Февронию и Петра. Таких патриотов у нас — четверо, по двое мужского и женского пола. (Хоть тут равенство!) Из них никто, конечно, в этом «шабаше» участия не принял. Но никто и не возмутился, когда их объявили. Патриот не патриот, а нравиться все хотят. Только скромно так глазки выкатывают и плечами пожимают: мол, кто бы это мог скрываться под именем... Под четырьмя именами, точнее. А какими — не скажу.

Мне, конечно, никто ничего не послал. Я очень доволен. Просто было интересно, найдется ли среди всех хоть одна, понимающая, кто есть кто. Как и следовало ожидать, нет. Кто бы сомневался! Просто порадовали меня. Низкий вам поклон, дуры вы набитые!

19 февраля, пятница, 00:41

Ну не удержался, извините! Но уж больно руки чесались.

Сегодня опять тревога была. Я как по маслу все провернул. Туалет, то-се. И не удержался, чтоб с их же компов на их форумах не порезвиться. А что тут написать можно? Если патриот, то: «Обдумал я нашу жизнь, дорогие товарищи, и пришел к выводу: ничего в этой стране хорошего быть не может; мы ленивы, русский человек по сути своей раб, и власть наша такая же, ну и все в таком роде». А если патриот к тому же еще и коммунист, то добавил про Сталина: «усатый карлик, безграмотный кровопийца» и прочее такое. У демократа-либерала — наоборот: «Как ни крути, а лучше нынешней власти для нашей страны быть не может, потому что она одна Россию может защитить, чтоб западные злодеи не превратили нас в своих холоуев, и дать им достойный отпор», ну и про ракеты-танки и прочие духовные ценности, ясное дело. А вначале опять же: «Я все обдумал и...». Кто на мистике помешан, тот якобы одумался и понял, что все это бред лошади соответствующей масти. А до реалиста-атеиста вдруг дошло, что без религии и возврата к идеалам предков мы пропадем и гореть будем в геенне. Ну и так — со всеми. Кто за просвещение стоит, те своим друзьям написали, что от лишних знаний («лишние знания» — удачная формула!) только раздрай и в душах, и в целом народе (главное, не забыть народ упомянуть). Закоренелый вегетарианец признался наконец, что на самом деле он всегда мечтал поохотиться, освежевать убитого зверя, распотрошить его истекающую свежей кровушкой тушку, жарить свеженькое мясо и вгрызаться в него зубами. Конечно, не забыл и борцов за права. И их противников тоже. Первые признались, что терпеть не могут ни баб, ко-

торые лезут в науку и политику, ни проклятых голубых, которые все искусство и ТВ захватили. А вторые, соответственно, вдруг поняли, что каждый человек имеет право на особость, что надо быть терпимыми и — вот словцо, которое их друзей должно довести до белого каления — толерантными.

Не думал, что все успею. Но успел. Во-первых, я очень хорошо знаю, какой у кого больной вопрос, а во-вторых, я за грамотностью особо не следил, лепил что в голову придет, только бы побыстрее. И даже так — еще лучше.

И вот сейчас вторая серия. Ого, уже завтра наступило! Три часа веселюсь, переходя от сайта к сайту, читаю, как они оправдываются и не могут отмыться. Только бы в голос не расхохотаться, а то весь дом перебуду!

19 февраля, пятница, 15:03

Третья серия. Утром получаю письмо от Ахеджаковой. Рассылка по всей конторе: «Срочно всем просканировать антивирусом свои компьютеры. Вчера была массовая атака на внутреннюю сеть. Проверить свою входящую и исходящую почту. При малейшем подозрении обращаться в отдел ИТ». Ну, я, конечно, сразу к айтишникам побежал: я нашел в «Отправленных» письмо, которого не отправлял.

— А где письмо?

— Ой, а я его сразу удалил!

В общем, сегодня контора не работает, все друг другу жалуются на вирус. А «вирус» ходит между ними и тоже изображает волнение. Главное, переживает, «как бы это не отразилось на работе конторы в целом».

Ого, Шеф объявил общее собрание. Пойду послушаю, а потом отпишусь.

20 февраля, суббота, 00:32

Только сейчас пишу, что было. На работе не мог. Вот почему.

Шеф рвал и метал. Все, говорит, из-за того, что вы лазаете по Интернету черт знает где по нерабочим делам! Вот у меня отчет отдела ай-ти, куда вы заходите.

Когда-то у нас похожий разнос уже был. Только тогда — из-за того, что трафик зашкаливал. Проверили, оказалось, что народ и фильмы скачивает, и музыку, и тяжелые картинки. Несколько человек даже оштрафовали, вычли из зарплаты за скачанное. Но теперь-то дело посерьезней: тут не пару лишних тысяч заплатить провайдеру, а коммерческие секреты могут утечь, если кто-то получил доступ к внутренней сети.

Итог: запретили пользоваться любой почтой кроме корпоративной, а также — в социальные сети заходить и вообще всюду, кроме тех мест, куда непосредственно по работе требуется.

И что? Все покивали и чинно-мирно разошлись по своим местам. А дальше — смотрю: тот в телефон уставился, этот — в планшет. А телефоны-то и планшеты через что работают? Через тот же конторский Wi-Fi! Ну, положим, кое-какой резон все равно есть: если вирус в твоём личном гаджете, то в сеть ему труднее попасть.

Хотя тоже большой вопрос. Вот мне не далее как сегодня надо было партнеру... В общем, одну деталь сфоткать и послать. Ясное дело, я на телефон ее снял, через USB перекинул на комп и послал. По корпоративной, конечно, почте. Но ведь пока я файл копировал, по тому же проводочку вирус как миленький мог...

Тьфу! Я уже сам начинаю искать способы обезопасить сеть! От себя, что ли? Стадный инстинкт посильней любого вируса действует.

21 февраля, воскресенье, 22:52

Два дня читаю их ленты. Одно удовольствие: чтобы доказать дружбанам свою лояльность, они начали отстаивать свои принципы в два раза рьяней. Так что те их даже стали малость охлаждать. А у кого-то — вот где цирк-то главный! — зародилось подозрение: уж не провокаторы ли они?

А что, в самом деле: выдал человек свои истинные мысли, по пьяни, там, в обмороке или по какой-то другой причине. Тут, кстати, опечатки, которые я второпях наляпал, тоже сыграли свою роль: явно человек не в себе был. Но ведь что у трезвого на уме... Так ведь! А когда протрезвел, понял, что прокололся, и давай отнекиваться. Нет, братцы, так себя только провокаторы ведут! Во всяком случае, очень это подозрительно. Так кое-кто подумал и в ленте своими соображениями поделился. Ну, понятно, мои начали еще сильнее оправдываться, доказывать, что они верные, стойкие и все такое прочее. И про вирусную атаку рассказывать.

Три дня из-за всего этого я ложился черт-те когда: читаю и оторваться не могу. Ладно, сегодня не буду. Ну их! Так и последнее здоровье потерять можно.

Зайду сейчас, посмотрю, как дела у Эстета, и — на боковую.

25 февраля, четверг, 19:47

Вчера очередная гулянка была. Дамы нас поздравляли. Хоть раз в году почувствовать себя защитником Отечества.

Ничего лучше не придумали, как лотерею устроить. Каждому мужчине — по «рабыне». Надели платки, типа «Гюльчатай, покажи личико», нацепили номера и — тяни билетик! Женщин у нас, как водится, больше, чем мужчин. Те, которые никому не достались, — «общие» рабыни.

Я вытянул одну. Конечно, я в лицо ее видел и, если бы на улице встретил, узнал бы, что с работы. А как зовут, только вчера узнал. Ну раз все не под своими именами, пусть и эта будет Изаура. Она — из тех, кто фотки своей ляльки тоннами выкладывает. Кажется, у нее дочка.

Да нет, сейчас зашел на ее страничку — не такая уж и лялька. В четвертый класс ходит. Да хоть бы написала, как звать ее. Вот дуреха: только — «моя красавица», «моя умница»!

Весь вечер рядом со мной просидела. А что мне оставалось делать? Что-то болтал. Тоска! Зато она, чувствовалось, просто счастлива. В глаза заглядывает: «Чего мой господин пожелает?» Как бы и шутит, а ясно ведь, что только и думает, как бы шутку всерьез повернуть. Потому что красавица-умница там есть, а мужиком, похоже, и не пахнет. Только я-то тут при чем?

Честное слово, не хотел ее, что называется, подавлять интеллектом. Но что поделаться, если о чем ни спросишь — она не читала, не видела, не знает? Не буду же я нарочно до ее уровня опускаться!

Родители отправились в театр. Так что вечер в моем распоряжении. Поглядим, что там у Эстета.

26 февраля, пятница, 00:18

Что-то мои загуляли. Только что вернулись, довольные жизнью. После театра по Тверской прогулялись, в кафе посидели, в общем, прожигали жизнь, как могли. «Как ты вечер провел?» — и, не слушая ответа, завалились спать. Молодцы!

А вот Эстету что-то нынче не везло. Один ролик нашел — сперва все хорошо было, а потом камера вдруг поехала ее со всех сторон показывать. Значит, кто-то снимает. Третий лишний. Отключился, поискал-поискал, вроде как нашел. Она перед ним — и так, и этак! И тут в кадр вваливается мужик... Снова закрыл. Потом нашлись какие-то видео, нормальные по содержанию: явно она сама себя снимает (и, конечно, персонально для него!). Но качество — из рук вон. («Из рук вон» в данном контексте — это смешно.) А ему ведь, подлецу, надо, чтоб все было видно, как в натуре. Вот же проблемы у бедняги: качество — там, где профессиональная съемка, но тогда и дамы — профессионалки. В общем, непростые требования у человека. Одно слово — эстет!

Худо-бедно, отыскал, что нужно. И качество вроде приличное, не HD, конечно, но на уровне обычного телевизора. И она ничего себе: во времена Бальзака это считалось бальзаковским возрастом, то есть лет на двадцать моложе, чем бальзаковским называют сейчас. А главное — она мнется, стесняется, то откроется, то прикроется да еще хихикает как-то глупо, явно от смущения. В общем, то, что Эстет любит как бы: «Я вообще-то этим никогда не занималась, но для тебя, мой незнакомый дружок, сделаю исключение».

Конечно, и за другими подданными проследил, не забыл свои царские обязанности. Так, ничего интересного. Все как всегда.

А мои-то, мои! Я мог даже дверь не закрывать. Сами закрылись. И значит... Интересно, я в пятьдесят с хвостиком буду таким?

1 марта, вторник, 21:20

Обсуждали, как праздновать 8 Марта. Первая мысль была — цветов закупить, и — каждой. Не какой-нибудь хиленький букетик, а прямо осыпать. Ну и, там, коробку шоколада, например. Но такие идеи сразу отпали. После того как они придумали историю с рабынями, всем тоже потребовалось что-то необычное. На мой-то взгляд, это была ерунда полная. Про рабынь, я имею в виду. Но остальные — в восторге. Много ли людям надо?

После долгих споров и прикидок, сколько что будет стоить, договорились пригласить ансамбль. Какой — не решили, но у нас есть несколько молодых парней, которые разберутся. Чем это лучше цветов и конфет? Они считают, что лучше. Пусть так.

А угощение, Шеф сказал, из кассы оплатит.

2 марта, четверг, 22:43

Наконец выяснилось, как «мою красавицу, мою умницу» зовут. Изаура решила похвастать ее успехами и выложила скан дневника. Понятное дело, одни пятерки, кто б сомневался! Правда, что там на других страницах, неизвестно. Но на этих — как на подбор. Заодно и имя в дневнике засветилось. Как на самом деле — неважно, а здесь пусть будет Белоснежка.

Кстати, фамилии у них — разные. Я-то думал, может, она ребенка так прижила, но нет: значит, был муж. А уж сразу она не брала его фамилию или после развода свою вернула, это вопрос десятый. А впрочем, мне-то что до всего этого! Была она замужем, нет ли, ушел от нее мужик или загнулся по пьянке? Да наплевать!

4 марта, пятница, 00:12

Как всегда, перед 8 Марта все возбудились. Но не в том смысле, в каком они придумывали, чем женщин порадовать, а в общественном.

Либералы на форумах кричат: «Это пережиток совка! Что за праздник по гендерному принципу?!» Православные тоже не отстают, опять двадцать пять: «Это происки Клары Цеткин и Розы Люксембург! У нас своя Феврония есть!» Но это — ТАМ. Зато ТУТ — распрекраснейшим образом вместе со всеми голову ломали, что бы такое придумать «для девочек». И на подарок, между прочим, скинутся, никуда не денутся.

Интересно, что у теток — то же самое. Продвинутые — носами вертят. Феминизм не позволяет признать, что женщина чем-то отличается от мужчины. А значит, и праздника такого быть не может. И тоже поминают Клару Цеткин. Далась им эта Клара! Хотя праздник и правда она придумала. Проверил сейчас — точно, она.

А кто попроще, охают: опять мужики поздравят, потом напьются, а нам — им же еще застолье устраивать! Но ведь устроят же! И будут радостно поздравления и цветы принимать. Причем и продвинутые, и недвинутые — одинаково.

5 марта, суббота, 01:42

Допоздна гуляли. Но черт с ним, с праздником! Нет, сперва я, как обычно, начал свои наблюдения. Просто сейчас не до них. Да и ничего нового я не наблюдаю.

Когда объявили, кого наши ребята пригласили играть, все тетки прямо завизжали. Ну еще бы, знали бы они, по скольку нам пришлось скидываться! Шутка с рабынями им хоть бесплатно обошлась. Ну или почти бесплатно. Ладно, не в деньгах дело. Хотя и в них тоже.

В общем, музыканты играют, мы ликуем. Время от времени им дают знак, чтоб замолчали: кто-то из начальства хочет слово сказать. Скажет — все выпьют, и пошелось дальше!

Все, кому положено, отвыступались, остальные напились. Ну так, в меру, для разгона. Наконец самое высокое начальство отбыло другие подразделения поздравлять. Тут главное веселье началось. В общем, все по обычному плану. До этого примерно места.

Сию я в одной группке, слушаю чушь, которую они несут, сам время от времени какую-нибудь благоглупость вставляю. В общем, что называется, праздник удался.

И вижу так, боковым зрением (и какого лешего я в ту сторону повернулся?), что моя Изаура сидит такая, вся из себя одна, и на меня смотрит. Если б она не смотрела, так и ничего. А тут мы взглядами встретились. Да еще один из наших остолопов начал мне возражать, и надо было ему в ответ что-то брехать, изображая живое участие в споре. Ну, я и говорю: «Извиняйте, это, мол, все очень интересно и важно, но у нас сегодня тема несколько другая». И пошел к ней.

А она уже сама мне навстречу поднимается. Если б не поднималась, может, я бы просто подсел: то-се, как дела, пятое-десятое. И потихоньку бы после нескольких фраз к другой компании переехал. А тут — что остается? И, как назло, медленный танец. Быстрый — мы друг перед другом потоптались бы — и привет! А тут пришлось руки протягивать, ее за бока брать, ну и так далее.

Я было попытался: как дела, то-се? А она на меня глаза поднимает... Ведь вроде бы мы примерно одного роста, а тут как-то так получается, что она ниже, и даже если не ниже, то все равно взгляд откуда-то снизу вверх. И ничего не отвечает. Я опять, как будто не понимаю: как дочка, пятое-десятое? А она так улыбнулась: типа спасибо, конечно, за интерес к моей семье, но сейчас типа не до этого. И голову — мне на плечо. А волосы ее — прямо мне в нос.

Да еще музыка — такая, как будто в болото затягивает. Как-то я тут расслабился, стал ладонью по ее спине водить. Она прижимается...

Естественно, все кончилось в ее комнате. Кабинете, в смысле. Они там втроем сидят. Вот бы интересно было, если бы кто-то из двух других решил зайти на рабочее место. Но нет, никто не зашел.

О-па! Это я только сейчас сообразил, когда стал все с начала прокручивать. Может, те-то за нами и следили, и все у них было расписано? Бабы ведь такие дружные, когда их интересы не пересекаются! Заманили человека и рады.

Нет-нет, ничего ТАКОГО! И, кстати, она сама не захотела. Мне-то, по большому счету, что? Она не девочка, ну и ничего страшного. Праздник на то и праздник. А начнутся будни, и — ничего не было. Так что я как раз был готов. Раз уж на то пошло. Но она в последний момент то ли испугалась (чего?!), то ли что-то еще и обратный ход дала.

Оно и к лучшему. Ведь завязать легко, раз-два. А развязать-то... Это просто говорится: «Ничего не было». А на самом деле: скажи так — и начнется! Слезы, упреки, «я же тебе же», «ты же мне же»! Бррр, пронесло!

5 марта, суббота, 10:22

Первая мысль, когда проснулся: какой же я болван! Все ведь очевидно. У нее просто месячные! Представляю, как она сама злится: праздник, я буквально сам в сети полез, а тут — такое дело. Ладно, впредь буду бдительней.

Закругляюсь. Мы собираемся к дедушке с бабушкой, папиным родителям. Чинчином, семейный выезд. Папа хотел меня за руль посадить, чтоб самому выпить. Но я его «опередил». После вчерашнего — какой руль? Ничего, перебьется.

8 марта, вторник, 14:42

Дописал предыдущий пост и стал собираться. Хвать — а телефона-то нет. Где я его мог оставить? Выронил? Хорошо, если на работе, а вдруг — в метро или на улице?

Тут я, конечно, маху дал. Ну оставил телефон — подожди до конца праздников, приди на работу и посмотри, там он или нет. Так нет же, приспичило проверить! Взял и набрал свой номер.

Ну и что выяснилось? Конечно, я у нее в кабинете выронил. Мы там и правда немного рассупонились, пока она не стала из себя невинность строить. Вот он и выпал. И, конечно, только я позвонил, она тут же — цап:

— Ах, это вы? Ну наконец! Как я рада! Вы только ушли, я его и нашла. Кинулась — а вас уже нет. И — вот дурочка! — стала вас набирать! А он у меня в руках как зазвонит!

Смеется еще! Ха-ха-ха, ха-ха-ха! Ну правда, дурочка. Понятное дело, и «звонит» с ударением на О!

Предложила встретиться, передать. Я говорю, сегодня никак, родственные дела, то-се, давайте завтра я к вам подъеду.

В общем, на завтра поехал к ней. То есть уже позавчера. (Вот время-то как летит!)

Почему-то она назначила на пять часов. Это теперь я понимаю почему. А тогда удивился: выходной день, можно днем, а она: «Нет, пожалуйста, не раньше пяти». А что делать? Тут она мне услугу оказывает: могла бы телефон и на работе оставить до после праздников. Так что хочешь не хочешь, надо соглашаться.

Сам бы я просто заехал на минутку, взял телефон, спасибо и пока! Но есть же родители со своими понятиями. Все из меня вытянули: куда иду, к кому, зачем, — и началось! Как так? К даме (тоже мне, дама!), да еще как бы в праздник, спасибо Кларе Цеткин! Без цветов нельзя! Опять же, ребенок в доме — надо хоть конфетки принести, тортик.

Ну купил букетик. Недорогой, чисто символически. Торт, правда, хороший, с розочками. Для ребенка, как-никак.

Как назло, оказалось, что именно этот день — когда Белоснежка с отцом проводит. Они действительно в разводе.

Я еще обрадовался (тоже болван тот еще!): не придется талантами юного дарования восхищаться. Даже подумал: хорошо, у нас детей не было, а то так же, по праздникам или, там, раз в месяц надо было бы изображать любящего папашу. (Палец ткнул в соседнюю клавишу — вышло «парашу». А может, так и надо было оставить? :) Точней бы было.)

А она-то приготовилась к моему приходу. И стол накрыла, и бутылочку вина выставляла. Еще спросила, что я предпочитаю. Но я был настороже: ничего крепкого!

Хотя все предосторожности ничего не дали. Как ни крути, а оказались мы в постели.

Сперва сидели, говорили. Она, оказывается из смоленска. Нет, не настоящего. Это я такое название придумал: «small-Энск». В общем, из дыры, по сравнению с которой Смоленск — центр цивилизации. У нее там родители, дедушки, бабушки, тетушки всякие. Ну, я не стал вникать. Короче, эту квартиру они с дочкой снимают.

И как-то незаметно, слово за слово, рука на руку легла, потом пожимать стала. Руку, в смысле. А потом так же плавно, тихо-тихо, ее рука опустилась и... Тут я точно решил, что у нее месячные и она собирает меня так вот, влекую. А мне что? Еще лучше, меньше возни.

Однако нет, смотрю, дело к раздеванию идет. Ладно, поглядим, чем все кончится.

И главное: когда я пришел, уже смеркаться начинало. Она говорит: «Что мы будем во мраке сидеть?» И зажгла свет. А чтоб снаружи ничего видно не было, задернула шторы. Причем шторы у нее тяжелые, плотные. Я тогда этому значения не придал. Потом, когда мы стали ложиться, еще не до конца раздевшись, она свет погасила, только бра над кроватью оставила. А легли окончательно — шелк! — и тут-то оказалось, что темень в комнате крошечная.

В общем, что говорить? Повозились-повозились, месячных у нее не оказалось, или они как раз вчера закончились (тогда все вообще логично). Только ничего у меня не вышло. Из-за темноты этой проклятой. Ну не могу я на ощупь. А когда она мне «помогать» стала, я только разозлился. Тоже мне, ассистент режиссера! Я бы, если б она не вмешалась, может, и сам бы... А так — вообще ничего. Еще если б, наоборот, я ее погладил, может, что и было, но она почему-то руку мою все время отводила. Ну как тут что-то получится?!

Лежим, я злой, она меня типа утешает, говорит, что ей и так очень приятно. Я от этого еще сильнее злюсь. «И так»!

Полежали-полежали, я понял, что надо с этой дурью кончать. Хорошего понемножку, пора сваливать.

Лишних слов не говоря, поднимаю руку, шелкаю кнопкой бра...

И такая тут мне картина открылась! Вся ее правая нога и половина живота, бок, в общем, все, что рядом с ногой, — в жутких шрамах, каких-то извилистых, заскорузлых. Она: «Ой!» — и мгновенно одеяло до подбородка. Но я-то уже все видел.

И, главное, сразу жутко возбудился. Буквально в один миг все во мне загорелось. Я пытаюсь одеяло дернуть, она на себя тянет. В общем, смех один! Хотя тогда нам не до смеха было.

Ну, я, как-никак, посильнее. Содрал одеяло к чертовой матери, она лицо ладонями закрыла и чуть не плачет. А я на эти шрамы смотрю, оторваться не могу. Потом губами к ним...

В общем, все получилось.

Потом мы опять лежали, но уже совсем по-другому. Я говорю: «Надо вставать, дочка вернется». Оказывается, она у отца с ночевкой.

Все мне о себе рассказала. Она в аварию попала, думали ногу совсем отрезать, но врач нашелся хороший. Причем в этом самом small-Энске. Зачем, говорит, молодую женщину инвалидом делать, шанс есть, попробуем, а отрезать всегда успеем. Буквально по осколочкам собрал, ну там не только нога была. В общем, удалось. А о красоте, понятное дело, в тот момент не думали, шрамы так шрамы, калекой бы не остаться. Белоснежке тогда года не было.

А муж ее тем временем бросил. Она полгода лежала, потом разрабатывала, на костылях едва ковыляла, он и слинял, целую себе нашел.

Вот такая история. А теперь все трое в Москве, и он из себя заботливого отца строит.

В общем, позвонил я своим, сказал, чтоб меня не ждали. Они не особо огорчились. Тоже небось времени не теряли. Даже им и лучше: не надо от меня закрываться.

И все седьмое число у нее провел. Давно у меня такого приключения не было. Надо же когда-то... Тем более женский день. Как для кого, а для меня — так точно.

Сегодня наконец «на базу» вернулся. Она за дочкой поехала, а я — домой.

10 марта, четверг, 23:14

Перечитал свою ленту и вдруг вспомнил. Вот же ирония судьбы! Я даже расхохотался: ведь Изауру-то я «выиграл» как раз между шестью и полседьмого. Нет, понятно, все, что эта Феня «определяет», «высчитывает», конечно, полное фуфло. Но забавно — такое совпадение! А ведь рассказать ей — скажет: «Конечно, так и должно быть».

Только тут вот какие два момента.

1. Никаких чисел гуа или, там, муа не существует. То есть числа как числа есть, но ни на что они не влияют.

И 2. Ничего судьбоносного в тот вечер не было. Ну потанцевал с одинокой теткой. Ну еще потом пообжимались. Ну даже и переспал с ней разок. И что из этого следует? Ничего ровным счетом.

И нечего болтать про «что-то в этом, может быть, есть».

26 марта, суббота, 00:16

Начались каникулы, они утром едут в смоленск. Так что и у меня отпуск вроде как.

Теперь новое дело! Только пришел, мама вместо того, чтоб обрадоваться, что сын в лоно семьи вернулся, пилить меня принялась: почему я их не провожаю? Я объясняю: я предложил, она сама отказалась. Ну что я, навязываться буду, что ли? А она: «Ты не должен был соглашаться, ты мужчина или кто?»

Интересно, все матери такие? Надо будет почитать, что моя гора пишет по этому поводу.

Кстати, я свой дневник что-то совсем забросил. Нет, наблюдения я продолжаю вести. Просто не публиковал. Сейчас только заметил: больше двух недель пропустил. Поздно домой прихожу. Если прихожу. В смысле, обычно-то я прихожу. Разве что по выходным остаюсь.

Нет, ничего серьезного, конечно, нет. И быть не может. Но почему бы не расслабиться изредка? Ну вроде как султан инкогнито выходит в город. Изаура счастлива, меня буквально облизывает. В переносном смысле, конечно. Хотя иной раз и... Ладно, такие детали Эстету оставим.

В общем, предаюсь простым человеческим радостям.

А Белоснежка, между прочим, и впрямь толковая. Меня зовет «дядя...». В общем, по имени. Взялся я как-то, шутки ради, ее уроки проверять. Вижу: в самом деле все не просто тупо выполнила, а понимает что и почему. Я даже Изауру отругал. В шутку, конечно, не мое это дело, но все-таки. «Вот, — говорю, — ты с ней занималась, время ей уделяла — и результат! А в последнее время совсем ребенка забросила, любовника завела и голову потеряла». А она: «Ты же, — говорит, — с ней занимаешься». Ерунда какая! Что я занимаюсь? Так, изредка проверю, что-то объясню, подскажу, где можно прочесть. Интернетом ее пользоваться научил. Пусть информацию впитывает.

31 марта, четверг, 20:17

Я эти дни тоже попусту не терял. Обновил матчасть — купил ноутбук. Прежде-то я планшетом обходился, а дома — обычным компом. И всегда у нас с родителями борьба за него шла, еще и потому я допоздна не мог спокойно ничего написать. А теперь — хозяин-барин. Вот сейчас — сижу себе на кухне, и никто меня не трогает. Поглядим, что там мои подданные подельывают.

2 апреля, суббота, 23:22

Завтра приезжают. Все, кончились мои каникулы. Как-то они незаметно пролетели. Да с каникулами всегда так.

И опять я за своим царством не следил. Ведь вот же, была возможность, так нет. Каждый день казалось: завтра успеется. А с другой стороны, ну что нового я бы нашел? Все равно они изо дня в день одно и то же пишут. Только Эстет меня развлекал. Так на этом поле всегда одно и то же и всегда все как бы заново.

Завтра поеду их встречать, а то мать совсем запилит. Поезд в три часа дня, так что можно поспать. Хоть напоследок полазаю по сети.

5 апреля, вторник, 22:16

Живу у Изауры. А что? Ноут со мной, бритву и зубную щетку я тут уже давно завел. Кажется, я писал об этом. Ну или не писал. Вот только с бельем проблема. Ей ведь тоже мало радости — каждый вечер руками стирать и на батарею вешать, чтоб к утру высохло. А с другой стороны, на то и Изаура. Шутки шутками, надо будет парочку смен принести, чтоб, если что, она могла их в машину запустить.

У них тут дисциплина. Ровно в десять ребенок в постели. А мамаша — по хозяйству: посуда, там, белье мое. Ну и у меня свободная минутка.

17 апреля, воскресенье, 22:14

Оказывается, и в ящике что-то любопытное бывает. Изаура политикой не интересуется. И то хорошо. А вот всякие познавательные каналы смотрит. И меня в это дело втягивает. Природа, путешествия...

Смотрим вчера, как леопард охотится. Бегали-бегали, наконец завалил антилопу. Я говорю: «Финита ля комедия». А она чуть не со слезами:

— Что ты такое говоришь? Какая же это комедия?

Я засмеялся, говорю: «Это просто такая фраза. На старопортугальском». И обнял ее. Поверила, дурочка! Еще говорит, какой я умный и откуда я знаю этот старо... она даже выговорить не смогла.

Она в последнее время перестала меня стесняться. То все в толстых колготках или трениках ходила до самого укладывания. А недели две назад стала — в одном халатике.

В общем, обнял я ее и рукой как раз на бедро попал. На самые шрамы! Ну и все. Эти там, на экране, бегают по саванне, друг друга жрут, а мы — прямо при свете, под их рычание — на диван и...

Все, закругляюсь. Пришла на батарею мои носки вешать.

23 апреля, суббота, 22:31

Я тут ей разнос устроил. Ребенку десять лет, а он ни разу на балете не был. Да что там балет! В цирк ни разу ходили. «Мы зато на елке были». Тоже мне, оправдание — «зато»!

В общем, пошли на «Конька-горбунка». Между прочим, билеты я купил.

Самому-то мне, понятно, это не особо нужно. Но, думаю, пойду, вдруг они чего-то не поймут, объяснить надо будет. Так я не знал, куда глядеть: на сцену или на них. Что девчонка, что мать — рты разинули, как зачарованные, на сцену уставились и под музыку раскачиваются.

Потом, после спектакля, в «Макдональдс» зашли. Праздник так праздник.

1 мая, воскресенье, 22:07

Завтра придут гости.

Магеллан с женой нас к себе звали: она вроде бы на сносях. Но Изаура настояла, чтоб у нас. Очень ей хочется хозяйку дома изображать. Меня, конечно, тоже к делу пристроила: соки, воду, вино купить. Ну и сладкое, конечно. Но в основном я с ребенком. Она нас отправила гулять, «чтоб не мешались». Сама целый день от плиты не отходит. Видно, что устала, а — прямо светится.

2 мая, понедельник, 23:02

Мероприятие прошло «на высшем уровне». Закуски, горячее, все как полагается. Магелланы с сыном пришли. У Магелланши пузо торчит, в любой момент может разродиться. Вот же люди! Один от горшка два вершка, а уже нового заклепали. Белоснежка с мальчиком отлично играла, типа старшая сестра. Ей бы, конечно, братика или сестричку. Но только без меня! Нет-нет, меня не уговорить.

Магелланы стали распространяться о своих поездках. Я слушал и диву давался. Охота же людям тратить время! И деньги, между прочим.

Я даже могу понять тех, кто едет на пляже валяться, пузо греть и нажираться на халяву (в смысле, на ол инклюзив). Тут все просто и ясно — хоть на недельку, но почувствовать себя таким буржуем, вокруг которого лакеи бегают и только спрашивают: «Вот ду ю вонт, масса?»

А эти! Даже не знаю, что глупее: ходить, как в детском садике, гуськом за экскурсоводом: «Посмотрите направо, посмотрите налево», — или за безумные деньги взять машину напрокат и угрохать свой отпуск на то, чтоб проехать пару тысяч километров. При этом что он, вообще, видит, кроме дорожных знаков? А она тоже в окошко ничего разглядеть не может, на скорости сто километров, а то и больше. Еще восторгаются: «В Германии сто шестьдесят выжимали, и то нас все местные обгоняли». Ну и что? Да походи в любой торговый центр, на автосимуляторе то же удовольствие получишь. Даже больше: там еще и на самолете, и в космос «слетать» можно.

И вообще, что за идея — жить в большом городе и ехать смотреть такой же город! Ну в Греции или Италии развалины посетили, что, у нас своих развалин мало? Ну посмотрели пару спектаклей — за этим тоже далеко ездить не надо. Ну на горы полюбовались. Да горы-то — тоже цивилизные. Это у них называется «путешествовать»!

А кто-то ведь — в настоящие горы лезет. Вот вроде как вчера мы смотрели. Ладно, альпинизм это, может, и перебор, но куда-нибудь в Африку, к диким зверям, или на Амазонку — это же можно. И не туристом. Туристом-то что! Купил путевку — тебя в джипе по саванне туда-сюда покатали. Это тоже ерунда. А вот по-настоящему отправиться туда — другое дело.

Нет, конечно, каким-нибудь лесничим, или как там они называются, не возьмут, там образование какое-то нужно, опыт работы. Но ведь можно и волонтером, что-нибудь такое на свежем воздухе делать, помогать, в общем. Есть-пить обеспечат, а что еще там, в заповеднике, нужно?

Когда они ушли, я этими мыслями поделился с Изаурой. Оказывается, ей это тоже в голову пришло.

Черт-те что! Мы уже начинаем думать одинаково. Может, и впрямь в этом фэншуйе дурачком что-то есть?

6 мая, пятница, 22:15

Патриоты и либералы сцепились сегодня из-за георгиевских ленточек! Главное, им это кажется так важно, принципиально. А мне даже в лом переписывать, что те и другие говорят.

Кажется, пора Царю горы в отставку подавать. Как это у нас, царей, называется — отречься?

9 мая, понедельник, 22:43

Посещали моих. Девятое — это у нас святое. Еще когда мамин папа был жив. Ленточки, конечно, глупость, но они этот день всегда как-то отмечают. А главное — повод нас к себе зазвать. Они вообще в Белоснежке души не чают.

Я был уверен, что Изаура им совершенно не понравится. Она ведь явно не в их вкусе. Ну, в смысле не вкусе, а вообще — простая такая, «финита ля комедия» не знает. Так нет же, отец: «Познакомь, познакомь!» Мама-то более разумная: «Зачем тебе это надо?» Не мне, а ему, в смысле. Ну ладно, настоял. Я пару недель назад их познакомил. И тут же нашли общий язык! А уж про девочку и вообще говорить нечего.

В общем, сегодня, как настоящая семья, пошли навещать «старших».

Я им говорю, как бы между прочим:

— Когда советская власть кончилась, вы же еще довольно молодые были. Примерно как я сейчас. Что же вы не отправились мир смотреть? Ведь сами же говорите, что самым большим счастьем вам казались путешествия.

Мама начала: «Ты маленький был, как бы мы поехали и куда?» А папа честно признался: «Нам это и в голову не приходило». Для них же тогда не то что Бразилия, а и Европа, Голландия какая-нибудь, — что туда попасть, что на Марс — одно и то же.

— А теперь, — говорит, — мы бы и рады, но для нас это уже сложно.

И на меня разговор перевел: мол, сам-то сидишь на месте, что же нас упрекаешь?

Как с ними просто! Даже неинтересно наводить на нужные вопросы, прямо без наживки крючки глотают.

Я и говорю:

— А мы, между прочим, именно подумываем бросить эту Москву и куда-нибудь в Кению или на Амазонку податься.

Мама, конечно, принялась квохтать, что это, мол, глупости, и опасно, и все такое прочее. А папа — нет, только говорит: «Завидую вам». А что завидовать? Пятьдесят три — что за возраст! Я это сказал, а он на маму рукой показывает. Ну, я и не ждал, что они с места сдвинутся, так, подначиваю.

10 мая, вторник, 23:03

Вчера уложили Белоснежку, Изаура говорит: «Ты что, в самом деле готов ехать?» Понятно, да? Не «собрался», не «хочешь», а «готов». Типа что я-то сама точно готова.

Ну и начался конкретный разговор.

А что? Это ведь только кажется, что там какие-то особые люди. Ведь такие же, как мы. Так что нам мешает? Ровным счетом ничего! Ну, какие-то формальности, несколько прививок, пусть даже с десятком. Все это не проблема.

Я представил себе наше будущее и стал ей рассказывать.

Африка. Какая-нибудь ферма помощи раненым животным. Мы кормим из соски львенка, оставшегося без матери. Большой такой котенок. Белоснежка со страусенком наперегонки бегают. Вдруг мартышка соскакивает с ветки, цап у Изауры с головы панаму — и на дерево. Весь лагерь за ней гоняется, пока я не догадываюсь банан на панаму сменять.

Привозят антилопу со сломанной ногой. Ветеринар накладывает гипс, мы ему бинты подаем, держим раненую, она дергается, но все кончается хорошо.

Вдруг прибежали из соседней деревни: у них в озере завелся крокодил, который таскает овец, а может и ребенка утащить.

Весь лагерь отправляется на операцию: среди нас есть профессиональный охотник именно для таких случаев. Мы все ему ассистируем. Кто палку подаст, кто сетку держит, кто просто в оцеплении стоит, чтоб крокодил не уплыл на середину озера. Поодаль — жители деревни, что-то восхищенно на своем наречии обсуждают.

Наконец зверь пойман, и в нашу честь негры устраивают праздник. Громыхают тамтамы, босые ноги отбивают ритм дикого танца. Нас украшают ожерельями из клыков диких зверей. Дарят амулеты, освященные деревенским шаманом. Все пьют напиток, который местные жители издревле варят из плодов окружающей растительности.

А назавтра — опять будни защитников дикой природы. Мы ходим в шортах, загорелые дочерна. Изаура не скрывает своих шрамов, все их принимают за следы львиных зубов. Это здесь не в диковинку, у каждого не один такой шрам на теле. Думаю, не будет большой беды, если мы чуточку приврем — расскажем, как на нее зверь напал, а я ее спас. Меня за это все называют Lion King. Неплохо, да? Уж точно не хуже, чем Царь горы.

Я рассказываю, а она сидит, рот приоткрыла, на глаза слезы навернулись. Волшебная сила красноречия! И, главное, ничего в этом нет невозможного, нереального, фантастического. Надо просто глянуть, как это все организовать.

12 мая, четверг, 22:43

Черт знает что такое! Первое, что я сделал, — набрал «африка животные волонтерство». Казалось бы, однозначно ясно, что требуется. Так эти поисковики совершенно игнорируют «животных» и выдают уйму ссылок на волонтерство в каких-то госпиталях, лагерях голодающих детей, жертв эпидемий, местных войн и всякого та-

кого. Нет, я все брошу и попрусь на край света бульончиком черномазых детишек кормить! Тоже мне, доктора Айболита нашли. И ставит, и ставит им градусники. Давайте уж и клизмы до кучи!

Еще и фотографии помещают, от которых вообще жить не хочется, а не то чтоб ехать туда. Вспухшие животы, ходячие скелеты, раны, по которым мухи ползают...

Нет, я понимаю, кто-то туда именно за этим поедет. Честь ему и хвала, он большой молодец, памятник ему из золота надо поставить. Я не спорю и восхищаюсь такими людьми. Но я, простите, не такой. Обойдусь без памятника.

И, главное, Изаура:

— А что? Может, поедем?

Я уж и не рад, что ей рассказал. С нее станет — ехать к этим «жертвам конфликтов». Говорю:

— А сама жертвой конфликта стать не хочешь? Там ведь мало что стреляют, так еще и болезни всякие, зараза прямо так и летает. Ты еще ребенка с собой возьми, чтоб она какую-нибудь холеру или тропическую лихорадку подцепила!

— А ее можно на время к моим родителям.

Что за человек! Мать называется! Я-то хочу как раз, чтоб девочка не в вонючем городе росла, а на природе, под солнышком, среди свободных зверюшек. А тут — «к родителям».

13 мая, пятница, 14:46

Изаура отличилась. На этот раз в хорошую сторону. Утром завтракали, параллельно телевизор бубнил. Очередных талантливых детей показывали, лауреатов какого-то там конкурса юных музыкантов. Вдруг она говорит: «Все-таки когда знаешь мелодию, приятней слушать, да?» А там девочка играла «Аве Марию». Заметила мое удивление и говорит: «Я же в музыкальной школе училась шесть классов». Надо же, в small-Энске музыкальная школа есть!

15 мая, воскресенье, 23:02

Все выходные тыркался по Интернету, и все безрезультатно.

Что слова «волонтер» надо избегать, это я сразу понял. Поискал-поискал — немножко ближе к теме пошли ссылки. Помощь Фонду дикой природы, еще каким-то таким организациям.

Только вот — что за помощь? Перечислите сумму на счет такой-то. Не знаю, смеяться или что. Это я еще буду платить, чтобы кто-то мог прокатиться туда, на природу!

Уйма просто туристических поездок, это я сразу отмечаю.

Потом пошли предложения: «Всего \$1790 за три незабываемых месяца!» Ничего, а? Это не они мне за работу (тогда бы небось не написали «всего» — написали бы «целых»), а я им должен заплатить за то, чтоб мне разрешили поработать! Дело даже не в сумме. Но ведь тут вопрос принципа! Наверняка это еще без билетов. Да и вряд ли этим все ограничится. За питание точно возьмут дополнительно. Я не стал вникать, все равно это не мой вариант.

Даже ей не рассказал. Поищу еще, хотя, кажется, все уже ясно.

А интересно, если бы я хотел записаться наемником на тот самый «конфликт», от которого «жертвы», это легче было бы? Так и чешутся руки поискать. Но стремно: небось такие запросы отслеживаются. А потом поедешь действительно волонтером

или просто за границу, а тебя — под белы руки: делал такой-то запрос, как докажешь теперь, что не завербовался?

Что-то у меня фантазия разыгралась...

18 мая, среда, 22:34

Смотрели морского путешественника. На надувной лодке переплыл из Австралии в Азию. Вьетнам, Бирма, куда-то в те края.

Вдруг Изаура говорит:

— Как же он не боялся? Один, посреди моря. А если что-то случится?

Я на нее смотрю: то ли шутит, то ли как? Нет, вроде не шутит. Говорю:

— Как же один? А кто его снимает? И откуда?

Удивилась:

— А впрямь! Кто? Откуда?

Она, оказывается, и не задумывалась, что раз это снимается, значит, там параллельно кто-то на чем-то плывет, причем не на надувном, а на самом настоящем, как минимум, катере. И вряд ли там один человек — и за оператора, и за капитана, и за всех. Я ей растолковал, она говорит: «Какой ты умный! А я и не догадывалась». Умный-то я умный, это само собой. Но она!..

Мало того, через полчаса спрашивает:

— А как ты думаешь, это во всех фильмах так? Ну, где он на змей охотится в одиночку, например, или только где путешествия?

Чистая душа!

25 мая, среда, 21:56

У Белоснежки кончился учебный год. Неожиданно! Я думал, они до конца мая учатся, а оказывается, младшие классы раньше отпускают.

Изаура собирается отвезти ее к родителям на все лето. Ну и правильно, нечего ребенку в Москве торчать. Не Африка, конечно, но все же воздух там, надо полагать, почище.

Звала меня с собой. Но что я поеду? С ее родителями знакомиться? С какими-нибудь соседями или «дядьями» квасить? Нет уж, как-нибудь обойдусь без «хождения в народ».

28 мая, суббота, 21:17

Снова дома. Обещала через две недели вернуться.

Кто бы видел, как мы прощались! Ну прямо заправские муж и жена. На чемоданах посидели — «на дорожку». Тоже наш доморощенный фэншуй. Я их на вокзал повез, чин чином. Платформу не сразу нашли, указатели там по-дурацки написаны. Перед вагоном целовались. Белоснежка меня все теребила:

— Ты когда к нам приедешь?

Что мне оставалось? Говорю:

— На работе дел много. Как все переделаю, приеду.

Может, это возрастное? Никогда мне такие нежности не были нужны, и вот — на, пожалуйста! Нет-нет, не надо поддаваться. Одно дело — когда такая большая девочка, с которой и поговорить можно, и пойти куда-нибудь. А другое — пеленки, горшки, соски, витаминчики. Это не говоря про всякие сыпи, поносы и диатезы. Нет, не зря

я за своим царством следил — там обо всем этом в подробностях узнать можно. Отличная, между прочим, прививка от глупости.

Ну и потом — от кого заводить ребенка? Все-таки не надо забывать, кто она. Аж шесть классов музыкальной школы, куда там!

Еще и мама. Только я приехал после вокзала, первое, что сказала:

— Дурак ты! Почему с ними не поехал?

Нет, все-таки женщина есть женщина. Даже самая умная, все равно... Хоть отец поддержал.

— Ничего, — говорит, — мальчик уже большой, сам разберется.

— Большой, да дурной.

Ничего не скажешь, любящая мамаша!

Ладно, так или иначе, на две недели я свободен. Посмотрим, чем там мои подопечные занимаются. Распустились небось без монаршего пригляда.

3 июня, пятница, 22:04

Что-то от Изауры — никакого сигнала. Ну понятно, глушь, связь кое-как работает. Но могла бы на почту, что ли, пойти, позвонить, открытку написать.

Может, завтра взять и на выходные к ним махнуть? А с другой стороны, глупо как-то. Как будто мне больше всех надо.

9 июня, четверг, 20:35

Она меня бросила! Нет, это что такое? Она! Меня! Дура! Идиотка! Кретинка!!!

Кому рассказать! Ну, собственно, я и рассказываю. Прочтет кто-нибудь? Да черта мне в этом! Что я, для других пишу, что ли?

Прихожу с работы, мама улыбается:

— Тебе письмо. Скучает, видно.

Скучает, как же!

Я ничего не подозреваю, обрадовался даже. То есть не обрадовался, а так, немного приятно было. Ну неважно.

И — вот! Ладно, пусть с именами, к черту конспирацию. Не перепечатывать же.

Далее следует скан листка, вырванного из тетрадки в линейку, со следующим текстом:

Дорогой Саша!

Прости меня за то, что я сейчас напишу. Я сама знаю, что плохо поступаю, но так будет лучше.

Я когда приехала, в первый же день встретила своего одноклассника. Вообще-то, я с ним встречалась и раньше. То есть, я имею в виду, после школы. Не в том смысле встречалась, а просто на улице.

Он отсюда никуда не уезжал. Он тоже был женат, а теперь в разводе. Но раньше я сама была другая. Мы тогда встречались, здарсьте — как дела? — и всё. А теперь вдруг остановились, стали вспоминать прошлые годы.

И ну зачем я тебе это всё рассказываю? Это тебе не интересно. Короче, я всю ночь не спала, плакала, то так думаю, то сяд, а утром всё-таки поняла, что он — тот человек, с которым мне надо связать свою жизнь. И он говорит, что тоже про меня это понял. Вот сколько раз мы встречались, а только теперь это поняли.

А что удивляться, когда я — какая была, а какая стала?

Ты не можешь себе представить, как я тебе благодарна и как мне перед тобой стыдно. Я тебе благодарна, потому что я много-много лет как бы не жила. А ты меня вернул жить. Как в сказке про мёртвую царевну.

Только какая из меня царевна? Ты же сам знаешь, что я тебе совершенно не подхожу. Тебе нужна культурная, чтоб в театр ходила, в цирк, книжки читала, кроссворды гадала. А я всё время себя чувствовала дура душой. Но если бы не ты, я бы так и жила, как во сне, боясь кому-то на глаза показаться, какая я есть.

А он здесь хорошо устроен, зам главного инженера ЖКХ, и меня оформит экономистом. С моим опытом меня, конечно, возьмут.

Пишу и плачу, как дура. Я даже в Москву боюсь ехать, потому что тебя увижу и всё могу передумать. А от этого ни тебе, ни мне хорошо не будет.

Хотя иной раз думаю: ну и пусть я ему не подхожу, просто буду рядом, от него Галка моя столько подчерпуть может! И от родителей твоих. А потом думаю: ему-то это зачем?

Да что я говорю! Как будто после этого письма что-то можно изменить? Ты меня, конечно, какой-то шалапутной считаешь. Как я тебе после этого вообще в глаза посмотрю? И что твои папа и мама скажут про меня? Они такие замечательные! И ты замечательный. Добрый, умный. Ты обязательно найдёшь себе достойную, а не такую, как я.

Поэтому я договорилась с Верой Матвеевной, что я ей заявление пришлю и она моё увольнение оформит. И то же самое — с хозяйкой квартиры. И Галкины документы из школы заберёт и сюда вышлет. Потому что я боюсь с тобой встретиться и в глаза тебе посмотреть.

Всё, кончаю. Прости меня! Прости, прости, если можешь!!!

Вечно тебе благодарная Надежда.

P. S. Я только жалею, что мы в цирк не успели сходить. Я, когда время пройдёт, обещаю Галочку в Москву свозить и пойти в цирк! Только не сейчас, а потом как-нибудь.

Прощай, мой милый, драгоценный, единственный, целую тебя, хотя я и не достойна тебя даже целовать.

10 июня, пятница, 15:31

Сижу на работе и ничего делать не могу. Дура! Дура проклятая! Что она творит? Кто ей позволил решать, что мне надо и кто мне нужен? И на кого она меня променяла? Зам — даже не главный инженер. И чего? ЖКХ! Шишка местная! Старший водопроводчик. Еще наверняка пьяница. Они там все пьяницы. Что им еще делать?

А ребенок? Она же обрекает ее на интеллектуальную гибель! Ей в Москве надо учиться, посещать музеи, концерты! Я бы ей все это дал!

Или мы бы все-таки уехали в ту же Африку. Черт с ним, пусть хоть больных негров лечить! С чего она взяла, что я отказался? Да, я, конечно, предпочел бы в каком-нибудь заповеднике работать. Но раз уж не получается, то я и так согласен. Мало ли что эпидемии, зараза! Прививки бы сделали и поехали. С ней бы. Мы бы так жили! Хоть в Африке, хоть в Москве!

Дура, дура, дура!!!

10 июня, пятница, 23:12

Родителям пока ничего не сказал. Зачем? Завтра суббота. С утра — прямо на вокзал, и к вечеру уже на месте буду. Адреса, правда, не знаю. Но что я, в этом городиш-

ке не найду человека? Да там три улицы и полтора переулочка! К тому же этот ее ка-
бальеро — местная знаменитость. Если не его, так главного инженера точно найду.
А уж от него — совсем просто.

И все, привезу ее и уже не отпущу. Разве что вместе иногда к родителям съездим.

11 июня, суббота, 11:09

Вот фэншуй так фэншуй.

После того как закончил предыдущий пост, стал выключать, чтоб утром пораньше встать. Вдруг вижу — сообщение: «Умер Мохаммед Али». Ну что мне Мохаммед Али?! Ну боксер, так он даже выступать закончил до моего рождения. Но разве можно удержаться, чтоб не открыть сообщение. И как всегда, ссылка за ссылкой... А потом думаю, напоследок загляну к Эстету, а выспаться в поезде успею.

В общем, часа в три выключил. Поставил будильник на семь.

Просыпаюсь — десять! Все я сделал правильно, только кнопку будильника не отжал, он и не прозвонил.

А поезд в 11:15. Конечно, можно было успеть. Но я понял, что не надо этого. Не судьба, как говорится.

Она права. Мы разные. Мы не смогли бы жить вместе. Про Африку — вообще детские фантазии, бред!

Как она написала: «Я как во сне была». Вот и я с марта как во сне был. Но теперь проснулся.

Финита ля комедия.

А до поезда шесть минут...

Это последняя запись в блоге Царя горы, или, как мы теперь знаем, Александра.

Екатерина БЛЫНСКАЯ

* * *

Когда ты лишь вилай-река,
петлиста и безрыбна,
и ломаного лозняка
нисколечко не стыдно,

и выеденным берегам
ты древняя сестра лишь,
когда ни здесь, когда ни там,
нигде своей не станешь,

когда ты отражаешь свет,
но далеко не синий,
когда на дне лишь вторчермет
да гнутый алюминий,

когда ты дрянь, а не река
и умерла для мира
и горько плачут облака
в твои гнилые виры,

когда ты вытравлена вся,
смертельна рыбам донным
и километров пятьдесят
в коллекторе зловонном

течешь под городом-костром
слепая, но живая
и роет алчный Метрострой
тебя перерывая,

ты все равно родник струишь
из каждой новой раны.
Ты все равно себя стремишь
навстречу океану.

Екатерина Николаевна Блынская родилась в Москве в 1979 году. Поэт и писатель. В 1998 году окончила Театральную мастерскую Ролана Быкова, работала в театре. Окончила Экономико-гуманитарный институт (юридический факультет) и Высшие литературные курсы. Член Союза писателей XXI века и Союза кузбасских писателей. Публиковалась в журналах «День и ночь» (Красноярск), «Зинзивер», «Сибирские огни», в газетах «Поэтоград» (Москва), «Литературные известия», «Литературная Россия». Автор четырех поэтических книг.

* * *

Слова из другого века: гарнитур, габардин,
водоэмульсионка... да что с тобою?
С мамой ходил в хозяйственный магазин
и покупал обои.
В садике плохо ел овсяный кисель
и ненавидел подмокший слегка лапшевник.
Ах, вот что ты помнишь! Да ты, вообще, отсель,
абориген? Кочевник?
Волшебник обезлюдевшего двора,
румынской стенки восторженный добыватель...
Ты спекулировал у «Будапешта» с утра,
а вечером шел подстригаться к Ладе.
Выкуривали пачку «Родопи» напополам
и выпивали, закусывая на шару,
и было неясно, было неважно вам,
что там поет Ротару.
В столе заказов крабы на Новый год,
икорка килограммовая в банке плоской.
А ты одевался тогда в заграничный шмот
и часто стоял в «Березке».
Ты не представлял себе современный кич...
Был бы на завтрак сырок и стакан кефира.
И как ты рыдал, когда Леонид Ильич
кончился для эфира?..

* * *

Мы прощались под дубочком, под дубком.
Ты утер слезу скупую кулаком.
Ты меня легко подкинул над травой
и к щеке моей прижался головой.
И была она шальна и нетрезва,
твоя юная, лихая голова.

Пролетали одинокие деньки,
и немного подросли мои дубки.
Полюбил ты больше звезды-ордена,
причесала тебе голову война.
И не думал ты про мирное житье,
и не верил ты в бессмертие свое.

Ты не думал. Ты тогда не понимал.
Где ты только, с кем ты не повоевал...
Просыпая папиросы на окоп,
от досады окаянной морщил лоб.

Опрокинув флягу горькую, глотком,
отбивался от противника штыком.

А дубки стремились к солнцу и теплу.
И Бессмертие играло на полу.
Ты не знал, что я ночами не спала...
Вот идет оно, от стула до стола,
вот впервые под зеленые дубки
направляет свои робкие шажки...

А вернувшись, не узнал ни дом, ни сад.
Не узнал моей косы тяжелый ряд.
Не узнал моих испитых горем глаз.
Лишь Бессмертие соединяло нас.
Потрепала твою голову война...
Голова твоя седа, а не юна.

И единственное, что я сберегла,
только пропасть неизбытого тепла.
Все, на что теперь годна моя душа,
подвести к тебе за ручку малыша,
чтоб сказал ты мне, забыв про столько зим:
«Познакомь меня с Бессмертием моим».

* * *

В простоте без обид, если дом твой бумагой набит.
Но сними с языка раскаленное олово слова,
и поймешь, что кипишь, словно брошенный в лужу карбид,
и уже ничего, ничего не осталось иного.
Томный зяблым мерцанием инистый свет фонаря,
на который слетаются жадные белые мухи,
и дыханье тошнотного, праздничного января,
из которого если и выйдешь, то только не в духе.
Шитый бисером город сияет в канун торжества,
освежая московское небо сияньем нездешним...
А тебя не позвали, тебя будто видно едва
из годами не мытых окон и квартир надоевших.
Погуляют и хватятся, мало им. Мало забот
удержаться в опущенном времени жизни короткой.
И когда тебя снова о жесткий асфальт юзанет,
Ты не жалуйся больше, а просто заканчивай с водкой.

* * *

То ходит над гиблой мелью шайтан-вода,
и рыбы мерцают серебряные, как срезни.
И кто-то все чаще и глуше зовет туда,
то окликом долгим, то заунывной песней.

Но ты же меня не отпустишь на тот песок,
где дрогнет любой, неродную росу потрогав...
Сияет пространство, и плавится дня виссон,
и в небе несколько аистов белолобых.
А скоро, о, как же скоро случится вдруг
лишь помнить туманно о чем-то случайно данном!
Кадильный угар полыни и острый дух
цветущего рапса на плетеве полотняном.

* * *

И с каждым днем становится спокойней.
Что ты на месте — чувствуешь хребтом.
Ты поднимаешь время, как подойник,
несешь его наполненным ведром.
Ни от кого не пряча суверенно
свои морщины, как свои труды,
ты рад, что наконец у края сцены,
недалеко от неба, от воды.
И ничего, что, чувствуя бескрылость,
любую жертву можешь ты принести.
Хотя тоскуешь по тому, что было,
безудержней, чем по тому, что есть.
И вот причины выжить стали вески,
Но ты в себя как будто бы ушел,
где стынет тень твоя под переплески
забвенных лет и невозвратных волн.

* * *

О, как долог путь к золотому дну!
Я уже напраслины не верну,
дурачка дурацкого не включу,
мотыля шипастого не схвачу.
Обметали озеро рыбаки...
И горят стрельчатые плавники,
лишь бы Бог упас, а потом держись:
обещай икринкам другую жизнь.

О, как долог путь к золотому дну!
Шепчутся вверх: «Доставай блесну!»
Еле-еле слышится: «Подсекай!»
И смердит от чадного косяка...
Даром нас водиченька не отдаст!
Но бывает зимородок клюваст...
Ходят шуки старые в камышах,
стебельки подводные шелуша.

Спинку я скругляю, ерша плавник,
то, что братец мой вдругоря поник,
выпуклыми глазками поводя —
это от давления,от дождя...
Ну, а мне, так, видимо, суждено
отыскать свое золотое дно.
Все-таки я верю... Моя взяла!
Ухожу со скоростью в полузла.
Ни живца не трогаю, ни блесну...
К своему плыву золотому дну...

РАССКАЗЫ

АФРИКАНСКИЙ СЛЕД

Александр Ильич Ниточкин считал себя мордвином, представлялся всем по-модному автохтоном и очень гордился этим. Потому что мордва — самый что ни на есть коренной народ, который живет на своих землях с незапамятных времен, можно сказать, народ-aborigen. Александр Ильич мог бы вспомнить период своего повышенного политического интереса к жизни, это в начале девяностых, когда в Казани стали поговаривать о суверенитете и независимости Татарстана. Ниточкин стал внимательно следить, как к такому мероприятию отнесется Саранск, но там почему-то замолчали эту важную инициативу татар. Он даже сходил в районную библиотеку и осторожно выяснил в энциклопедическом словаре, что такое суверенитет. Идея была простая, понятная и понравилась Александру Ильичу, хотя, когда он выступал на последнем колхозном собрании, ума у него хватило про суверенитет не заикаться.

По всем параметрам Александр Ильич был самым обыкновенным деревенским мужиком. С грехом пополам он окончил сельскую школу, потом — армия, после армии тридцать лет в колхозе на тракторе. А как колхоз развалился, устроили его по благу сторожем в районный музей-заповедник. Работа — не бей лежачего.

Музей-заповедник — это приличная по размерам огороженная территория с барской усадьбой, подсобными помещениями, парком и с прудами. Дежурит ночным сторожем он посменно с Петей, научным сотрудником музея из городских, который так подрабатывает, а живет в общежитии. Дел у Ниточкина как у сторожа немного: вечером проверить, все ли ключи сданы и все ли службы на территории под замком; помещений этих, под замком, семь. Позднее надо обойти территорию и посмотреть, не забрались ли пацаны карасей в господских прудах половить и не развели ли костра где, на ночь включить сигнализацию да дремать около телефона, а утром сдать объект дежурному экскурсоводу — все просто.

Дома тоже забот у него немного: жену давно похоронил, зять недавно в тюрьму сел за пьяную драку, и живет Ниточкин теперь с дочкой да с внучкой в пятистенке крепком, участок пятнадцать соток с огородом и садом, да еще пятьдесят соток есть под картошку.

Первый год Ниточкин очень гордился, что работает в усадьбе, где жил великий поэт Пушкин. Придет утром со смены домой и рассказывает дочери: «Вчера японцы

Олег Алексеевич Рябов родился в 1948 году в г. Горький. Окончил Политехнический институт по специальности «радиоинженер». Первая публикация состоялась в 1968 году. Первая книга — повесть о войне «Письма отца» — вышла в издательстве «Молодая гвардия» в 1988 году. С тех пор вышли пятнадцать книг стихов и прозы. Печатался в журналах «Наш современник», «Нева», «Север» и др. Лауреат конкурсов «Ясная Поляна» и «Болдинская премия». Член Союза писателей России, российского ПЕН-центра, Национального союза библиофилов. Главный редактор журнала «Нижний Новгород».

приезжали, маленькие такие, лопочут что-то веселое, но ничего не понять». На следующий день с утра приходит и рассказывает: «Теперь индусы приезжали, маленькие такие, меньше японцев». На второй год он освоился и стал с Пушкиным как бы на «ты». Стал Ниточкин по вечерам подходить к портрету поэта, висящему в коридоре, и разговаривать с ним: «Ну и урод ты, братец! И что на тебя девки вешались? А я бы тебя, наверное, тоже убил, если бы ты к моей стал подкатываться». Он не очень хорошо понимал, за что убили Пушкина, и именно так трактовал его гибель. Потом он шел в кабинет, где висело зеркало, вставал напротив и разговаривал с собой: «А ведь ты, братец, тоже урод приличный. И даже похож на хозяина усадьбы, если пальцами оттопырить уши и высунуть язык». Он оттопыривал себе уши руками, высовывал язык и вытаращивал глаза. «Похож, похож!» — приговаривал он вполголоса, потом вспоминал, что ему уже скоро шестьдесят, становилось стыдно, и шел спать.

Надо сказать, что Ниточкин — мужик сручный: и когда при тракторах был, все у него всегда крутилось и работало, и на ферме переделал доильные аппараты так, что коровы только что в очередь к ним не вставали. Конечно, мышеловку в телевизор он переделать не смог бы, но дома у него чудеса встречались. Над керосиновой лампой крыльчатку, вертушек такой, поставил, и тот у него как динамо-машина работает, мобильник заряжает.

И к себе, и к людям он без особых фанаберий относился: мог и в грязном ватнике по селу пройти, руки в солидоле, гаечный ключ из кармана торчит. Мог пьяненький под кустом заснуть: летом никто не потревожит, а зимой люди добрые растолкают и до дому помогут добраться.

В общем, много было качеств, по которым Юрий Александрович, директор музея, взял его к себе на работу сторожем. Не брать же отдельно электрика, отдельно плотника и особо слесаря-сантехника, каждый день неполадки в хозяйстве, а тут все в одном лице. К тому же Ниточкин звал директора просто Юркой, потому что знал его Александр Ильич с бесштанного возраста и приходился он ему каким-то троюродным племянником по сватовству. Опять же, не мог директор выпивать с научным персоналом или с экскурсоводами, а со сторожем — пожалуйста. Это Юрий Александрович зарубил у себя на носу с комсомольско-райкомовских времен, где он начинал свою карьеру, а потому и предпочитал выпивать в подсобке, в сарае или в гараже.

Год работает сторожем Александр Ильич, два работает — социальный статус его не меняется: выпивает, рукодельничает, с мужиками спорит, с бабами ругается. Только вдруг стал он замечать, что по вечерам, а уж ночью-то и говорить нечего, стал он плохо видеть. Слабнуть, что ли, зрение начало — просто физически стал он чувствовать, что устает что-нибудь разглядывать подолгу в темноте. Посоветовался он со сменщиком своим Петром — вроде человек и образованный, и городской, и не заинтересованный в гадостях, — Петр сказал, что надо обратиться к врачу. Посоветовался он с дочкой, посоветовался с директором Юрием Александровичем, и те в один голос говорят: езжай к врачу.

Директор сам дозволился до областного Министерства здравоохранения и договорился о приеме Ниточкина в определенный день в специальной больнице, где лучшие врачи-офтальмологи работают. Всё согласовали, всё решили, взял Ниточкин вещички кое-какие, вдруг в больницу лечь придется, и поехал в центр. Денег он сумму приличную на всякий случай прихватил, хотя заранее и было обговорено, что все, даже самые сложные операции будут сделаны по социальным квотам: уважали директора музея в областном правительстве. С тяжелым сердцем ехал Александр Ильич на эти глазные консультации. Одно утешило в день отъезда: не пришлось трястись в автобусе, поехали на новенькой «Волге-сайбер» вместе с директором, которого тоже по делам вызвали в центр.

А вот в больнице что-то не сложилось: профессор Глазков хваленый, к которому Ниточкин должен был попасть, куда-то уехал и должен был появиться только к вечеру. Тем не менее Александра Ильича проводили в палату, указали тумбочку, койку и велели готовиться к осмотру. Он переоделся в домашнее, благо дочка все ему собрала. А через совсем непродолжительное время сестра отвела его в смотровой кабинет, где заполнила лечебную карту, расспросив у Ниточкина обо всех его проблемах

— Вас будет сейчас смотреть профессор Масловский. Вы не глядите, что он молодой, — он уже докторскую диссертацию защитил и каждый месяц на неделю летает в Австрию лекции читать и операции делать.

Александр Ильич панически боялся врачей, где бы он с ними не встречался: в больнице ли, за столом ли праздничным, на рыбалке ли с удочками рядом стоял — он просто немел от страха. Профессор Масловский был действительно очень молодой, лет сорока, и очень смешливый. Он с улыбочкой поздоровался, с улыбочкой усадил Ниточкина за какой-то станок и с улыбочкой завершил разговор с молоденькой интересной медсестрой, которая продолжила готовить свои подсобные препараты и инструменты.

— А что вас, Александр Ильич, беспокоит? — спросил он у Ниточкина.

— Да плохо по ночам видеть стал, — ответил Ниточкин.

— А что — раньше хорошо по ночам видели?

— Нет, и раньше я, как все, ночью плохо видел, но теперь и вечером, в сумерки, очень плохо вижу. Точнее, вижу-то я так же, как и раньше, но устают глаза, напрягаться приходится. А если долго, так и болеть, и слезиться. В общем, что-то не так!

— Давайте пристраивайтесь поближе к моему агрегату, — профессор помог Ниточкину правильно положить голову на станок с подставкой для подбородка и с окулярами. — Теперь, если вам удобно, глядите на елочку, которую видно вдаль, в центре экрана, а я посмотрю, что у вас там случилось.

Молчаливое исследование продолжалось довольно долго.

— Настя, — позвал доктор свою интересную ассистентку, которую Ниточкин принял за медсестру, — посмотрите! Вам как начинающему медику надо это увидеть хотя бы раз в жизни. Это — то, о чем я рассказывал вам вчера и чему будет посвящен мой доклад на ближайшей конференции. Я ведь за свою практику не одну тысячу глаз видел, и если в Европе мне такое явление хоть и редко, но встречалось, то у нас в городе — в первый раз. Хотя я думаю, что в ближайшее время эта картина резко поменяется. Я этот эффект называю «африканский след» и попытаюсь его объяснить.

Доктор усадил Настю на свое место, и та стала так же внимательно изучать Ниточкина, как минутой раньше это делал профессор. А профессор тем временем что-то говорил, и Ниточкин пытался понять — ведь это о его проблемах говорят.

— Настя, вы видите, что повышенное содержание меланина в организме — норма. И линия радужки зубчатая, типичная для негроидной расы, у европеоидной расы она должна быть овальной, как у ромашки. Для меня совершенно непонятная ситуация: белая пигментация кожи, почти голубые глаза и такая радужка. Скажите, Александр Ильич, — обратился профессор к Ниточкину, — а ваши родители или бабушки с бабушками в Африке никогда не работали?

— Нет, что вы, профессор! Мы деревенские, из Большого Болдина, а бабушки с дедушками из Пикшени да из Черновского. Это рядом.

— Большое Болдино — это где Пушкин, что ли, бывал?

— Да, да — Пушкин у нас жил, — подтвердил Ниточкин, и тут его осенило, о чем говорил профессор своей ассистентке.

— Александр Ильич, — продолжил доктор, — мы вам поможем, проблема разрешима, только вам придется у нас задержаться на пару дней. И к тому же профессор

Глазков хотел вас посмотреть, он через пару часиков подъедет. Настя, а ты померяй у Александра Ильича давление глазное, заполни формуляры и выясни, свободны ли завтра лазеры. А потом размести его по-человечески.

Дальше профессор Масловский с Настей еще поговорили минут пятнадцать, но уже на совсем тарабарском научно-медицинском языке, и из этого разговора Александр Ильич ничего не понял.

Из палаты, как только ушла Настя, Ниточкин тут же по мобильному телефону позвонил своему директору Юрию Александровичу.

— Юрка, ты еще не уехал?

— Нет. А что?

— Я с тобой поеду.

— А что — тебя уже отремонтировали?

— Нет, но мне надо с тобой посоветоваться.

— Хорошо, я за тобой заеду через час, позвоню из вестибюля.

Директор приехал даже быстрее, чем обещал. Александр Ильич ждал его уже в приемном покое с пакетом в руках.

— Что у тебя случилось? — спросил директор у Ниточкина.

— Давай поедem скорее, я по пути тебе все расскажу. А то я боюсь, что захомутают меня сейчас и все испортят, а для тебя ох как важно теперь иметь меня в таком виде, как я есть. Поехали!

— Нет, ты мне сначала все скажи. Что же я, как дурак, договариваюсь с министром, чтобы моего ответственного работника посмотрели лучшие специалисты, он главных профессоров срывает с графика, чтобы тебя исследовать, а ты тикаешь! Разве так можно? Как я буду в глаза смотреть людям? А в следующий раз как я буду обращаться? Давай рассказывай все по порядку.

— Пойдем, я тебе в машине все расскажу. В общем, так: я — потомок Пушкина. А по какой линии — не знаю. Это ты должен выяснить и защитить на мне диссертацию. Нашел молодой профессор, который сейчас за профессора Глазкова пока, у меня в глазу какой-то африканский след, и стал он у меня выпытывать, не были ли у меня бабушка или дедушка африканцами, но я смолчал.

— А чего смолчал-то? Сказал бы, что вот были у меня бабушка с дедушкой разведчиками в Конго.

— Ты все смеешься, а я тебе скажу так: наши старухи экскурсоводши стесняются говорить правду, а тут недавно экскурсия из Москвы была, и вел ее молоденький такой паренек, ученый тоже. Так он рассказывал, что кучер Пушкина Михей Сивохин чуть ли не кажинный день девок Пушкину приводил. А это значит, что я прямой потерянный потомок нашего великого Александра Сергеевича. Этот факт нам надо с тобой зафиксировать.

— А зачем нам с тобой это фиксировать? Ты что, хочешь претендовать на усадьбу, что ли?

— Да нет! Вот ты чудо-юдо! Ты понимаешь, как к нашему музею будут относиться экскурсанты, когда будет известно, что работает в нем прямой наследник Пушкина? Вот когда правнук Пушкина к нам в Болдино приезжал, сколько разговоров было. Ты меня с ним должен познакомить.

— Умер уже Григорий Григорьевич Пушкин.

— Ну так я теперь есть — живой-здоровый — и каждый день в Болдино.

— Прямой наследник Пушкина в своей фамильной усадьбе сторожем или сантехником работает! А кем же ты теперь будешь себя обзывать: мордвином или эфиопом?

— Ну, работать я буду, как раньше, сторожем, а проведешь по документам ты меня как заместителя директора, для солидности. А мордвин наследником Пушкина спокойненько может быть.

— С должностью твоей — не проблема, мы ее решим, а вот доказать твоё прямое родство с Александром Сергеевичем ещё предстоит. Может, ты потомок Льва Сергеевича, он тоже у нас в Большом Болдине похозяйничал. Это надо заявку в областной архив делать и всерьёз тебе заняться своей родословной. Там, в архиве, сотрудники умные и все-все про тебя раскопают.

— Так зачем это мне-то надо? Это ты должен все выяснить и диссертацию защитить на мне. А я — лишь наглядный экспонат. А если я сейчас останусь тут, в больнице, они мне завтра и хрусталик поменяют, и силикона в глазное яблоко зальют, как девкам в титьки. Только им для твердости, а мне для прозрачности. И сеточку какую-то лазером приваривать будут. А я не уверен, что они вообще умеют варить, вот Ванька с базы, тот сварщик от Бога, а тут в глазу, да ещё в моем, — не знаю, что они там сварят. Вот я слышал от наших ученых экскурсоводов, что в архиве есть полная запись рассказов Ивана Киреева, который с Михеем Сивохиным был знаком, и хорошо бы, если бы ты ее послушал.

— А зачем мне ее слушать?

— Так там все девицы, с которыми Пушкин был, перечислены!

— Во-первых, все воспоминания Кузина о Михее Сивохине у меня есть, а во-вторых, Пушкин сам составил список всех своих приключений на любовном фронте, и называется все это «Донжуанский список Пушкина». Его опубликовали ещё до революции. А в тридцатые годы о нем написал Петр Губер целую монографию. Исследовали его до нас с тобой сотни людей, и все симпатии нашего гения известны — там сплошь княгини да графини. Тем не менее надо в архив заказать, чтобы составили твою родословную — может, оттуда чего-нибудь выплывет.

— Чего-то я не верю в графинь да в княгинь-то — на фиг им нужен такой урод! Мне кажется, что в таком списке у Пушкина должны быть большей частью девки крепостные. Ну, так я думаю.

— Я тоже так думаю, тем более что в Большом Болдине и в пушкинские времена крепостными крестьянками одни мордочки были, а это же особый смак. А теперь давай вернемся к профессору Глазкову.

— Это зачем же? Мы же решили.

— Ну вот, мы решили, а значит — пусть профессор Глазков зафиксирует существование в тебе африканского следа. Чтобы потом нам спокойно работать.

— Ну, пошли!

Профессор Глазков уже подъехал. Был он похож на настоящего профессора: в голубенькой спецовочке, в голубенькой шапочке, в очках и с бородкой. Ниточкина и директора музея-заповедника он просто разочаровал:

— Мой ученик профессор Масловский — хороший специалист и прекрасный хирург. Завтра он будет делать вам операцию. Но он еще и большой фантазер: так он с молоденькими сестричками заигрывает, на ходу делает открытия, глядя в глазное яблоко. А линия радужки у нас у всех одинаковая: и у русских, и у африканцев.

Операцию Александру Ильичу сделали удачно, и видит он теперь значительно лучше.

КАК И ВСЕ!

Женьку Кошкина я встретил после нескольких лет взаимного забвения на Откосе — нашем городском месте прогулок и ни к чему не обязывающих знакомств. Так часто бывает, я имею в виду — встречи на Откосе. Он был одет по последней моде той эпохи: длинное черное кашемировое пальто, чуть не в пол, узконосые лакированные туфли и круглые затемненные зеленую очки в позолоченной оправе

(видно, что дорогие!). И еще — бросалась в глаза, из-под темного с брусничным оттенком кашне, вылезавшая небрежно наружу, красная, в белый горох, бабочка.

Женька, как всегда, был беззаботен, улыбочив и открыт. Мы обнялись по старой комсомольской привычке, и я, не дав ему опомниться, сразу спросил:

— Ну, где ты? Ничего я про тебя не слышу уже несколько лет!

— Я? Да я как все, — чуть замешкавшись отрапортовал Женька. — Не поверишь — барменом в клубе «Юность», во втором микрорайоне. То ли барменом, то ли администратором, видишь — какая у меня униформа? Надоела мне вся эта общественная, государственная и партийная работа, ответственность надоела, вранье надоело. Заходи как-нибудь в гости, поболтаем, отдохнешь, я угощаю. Весь мой город у меня в баре теперь отдыхает.

— Бар «Юность» — это где?

— Да в микрорайоне, прямо напротив остановки.

— Ну, ладно — зайду, если приглашаешь. Как-нибудь в праздник.

— Ты что? — как-то застыл и изумленно посмотрел на меня Женька. — Какой праздник? У меня же каждый день праздник!

Я потом несколько лет вспоминал эту Женькину реплику, произнесенную то ли с восторгом, то ли с болью, то ли с обреченностью. Вы можете себе это представить — праздник каждый день! Это — не праздник, который всегда с тобой, но вообще-то не твой праздник! Это — чужой праздник, но каждый день, и всю жизнь, и всю жизнь вокруг тебя!

Интересное дело: уже много лет, пока я знаю Женьку, он существует для меня фигурой как бы «на виду» и в то же время мелкой фигурой, вроде прыщика на самом видном месте, например — на носу. Впрочем, так же, как и я сам. Но со мной дело понятное: где бы я и когда бы не фиксировал себя на более или менее продолжительное время, я становился редактором стенной газеты либо многотиражки. А так как и Ильичев, и Зимянин, и Афанасьев, это главные редакторы газеты «Правда», сразу после назначения становились секретарями ЦК, то и я, как главный редактор, и в школе, и в институте, и на заводе автоматически вписывался в обойму руководства и становился или заместителем секретаря, или членом партбюро.

Вообще я очень серьезно относился к этому своему стенгазетному редакторству, оно давало мне громадные преференции: в школе я игнорировал большинство диктантов и контрольных, в институте на переэкзаменовках профессора меня забывали спрашивать о чем-нибудь серьезном, а на заводе я болтался по цехам в поисках материала и кокетничал с работницами.

Ну, и начальство замечало мое серьезное отношение к этому значительному делу, хотя многие его значительным не считали. Для примера — во всех школах стенгазеты были: «Крокодил», «Еж» или «Колючка», у нас газета называлась «Неделя», и в ней всегда была передовица, написанная директором или одним из завучей, был обзор событий в нашей школе, в соседней школе, но была и литературная страничка со стихами типа:

Идет Бычок, качается,
Вздыхает на ходу:
Урок уж начинается,
А я еще иду.

Бычок — это Сашка Бычков, наш школьный хулиган.

А знаете, как называлась моя многотиражка на подшипниковом заводе — «Шарик». Ну, здесь я ничего не мог поделать — традиция существовала задолго до меня.

И с Женькой Кошкиным я познакомился, когда уже работал на заводе. Он был тогда совсем молоденьким инструктором райкома комсомола, задорным, только что пришедшим из армии, со звонким голосом, с вихрастым чубом, налезающим на глаза, и курировал он нашу заводскую комсомольскую организацию. Наш секретарь заводского комитета комсомола Виктор считал себя птицей высокого полета, мечил на работу в какое-то московское министерство, где у него служил дядя, и прямо мне сказал: «Плюнь на Женьку, выше инструктора райкома он не поднимется».

И вот тут наш Виктор немножечко, но ошибся. Любил Виктор на директорской черной «Волге» из нашей провинции в Москву к дяде с шиком сгонять. Напечатали мы у себя в многотиражке про это дело фельетон, и на очередном отчетно-перевыборном партийном собрании освобожденный секретарь комсомольской организации в полторы тысячи человек при тайном голосовании не прошел в состав партийного бюро завода. Прокатили! Коммунисты завода проголосовали «против!» Скандал!

В райкоме партии узнали об этом казусе уже через пятнадцать минут, и по настоянию руководства района продолжение собрания сначала было предложено перенести на следующий день для обсуждения обстоятельств произошедшего недоразумения. Однако сразу же последовал второй звонок из райкома: «Ждите!» И пока наши партийные мужики ходили по коридору и прокуривали объявленный перерыв, из райкома приехал на разборки Женья Кошкин. Разборок не было.

— Нам шум не нужен и скандал тоже, — заявил Женька руководству завода, запершись с ними в комнате для совещаний. — Тоже мне провинился, на служебной машине в Москву съездил. Был бы большой грех — голову бы сняли! А так — проголосовали «против» — значит, будет, как решили все: выбирайте партбюро без Виктора. Потом кооптируете его в состав партбюро без голосования, как освобожденного секретаря комсомола, и все останется по-прежнему.

После перерыва Женья Кошкин выступил перед собравшимися коммунистами:

— Вы, наверное, тут думаете, что я из райкома партии приехал защищать Виктора? Нет — я как все! Решил коллектив, что виноват, значит — виноват!

В тот день Женька Кошкин стал инструктором райкома партии.

В те семидесятые—восьмидесятые годы традиционно работники райкома ли партии, обкома ли комсомола в течение своей службы на освобожденных должностях подбирали для себя спокойную и хлебную работу: кто замахивался на управление строительным трестом, а кто на фабрику лыжных мазей. Один Женья Кошкин верил в светлое будущее и решил идти по партийной линии до конца.

Встречались мы с Кошкиным нечасто: ну, раз в год, и всегда эти встречи что-то решали в моей судьбе. Будучи уже председателем райисполкома, вызывает меня к себе Евгений Иванович, а его теперь так надо было именовать, и говорит:

— Я, как и все, решил.

— В смысле? — спрашиваю я.

— Велели мне предложить тебе поработать в нашей городской вечерке, главным редактором, естественно. Вот я и решил! В общем, от этого не отказываются.

Потом я Кошкина долго не встречал, слышал, что он недолго в Городской думе позаседал — это уже в новое время. Но это действительно недолго: в Городской думе сидят одни миллионеры, а Женька гол как сокол. Не участвовал Женька ни в кооперативах ни в каких, ни в приватизациях никаких не участвовал. Может, кое-кто решит, что дурак он! Может быть. Только я еще знаю, что Женька Кошкин верил в светлое будущее и о людях в первую очередь всегда думал. А что касается Городской думы: так и в думе кто-то работать должен. Вот и решили, что Кошкин им там все наладит. Кошкин все разгреб, и все наладил, и стал не нужен.

Поэтому когда я его встретил на Откосе, послышалась мне, за его комсомольским задорным настроением, некая почти неслышная ирония и горечь, а может быть, даже усталость, такая усталость на излете. А может, мне все это показалось. Уж не настолько близкие люди мы были с ним, чтобы залезать при встрече на улице в душу друг к другу.

А в клуб «Юность» я как-то через месяц после нашей встречи действительно попал, случайно по делам оказался в микрорайоне и зашел. В помещении было холодно, мрачно и накурено. Я зашел даже не из-за Женьки — просто хотелось выпить. В центре зала извивались пять растрепанных и накрашенных девиц и один вдребезги пьяный парень. Что за убойная музыка неслась из установок, я не знаю, но барабаны били по перепонкам так, что я понял, зачем их ставят в центр эстрады; я впервые понял, что эти ударные установки и создали важнейшую субкультуру двадцатого века.

Женька стоял за барной стойкой в белоснежной накрахмаленной рубашке и в малиновой жилетке с малиновой бабочкой, он с очень важным видом объяснял что-то полупьяной девице, у которой помада уже размазалась по щеке. Увидев меня, Кошкин очень важно и вежливо перед ней извинился и обратился уже ко мне:

— Что желаете, сэ-э-эр? — протянул он гнусавым голосом, противно улыбаясь.

Но моментально и голос его изменился, и улыбка стала естественной. Что-то было молодое и задорное в этом почти пятидесятилетнем мужике.

Я отказался от коктейля «Юность», подозревая, что в него забухивают самый противный и дешевый коньяк, а может, даже и самогонку. Я выпил две стопки виски и ушел. Разговаривать в атмосфере шума и грохота было невозможно, да, как мне показалось, Кошкину и не больно-то этого хотелось. Как-то засмутился он. Но этот страшный праздник, который вращается вокруг Кошкина каждый день и уже который год, я слегка ощутил. И тревожно даже как-то стало за него.

Не стал бы я вспоминать все эти мои встречи на жизненном пути с Женей Кошкиным, если бы не случай. Умер у меня дальний родственник. Сейчас близких родственников так мало становится, что мы начинаем уже и за дальних ответ держать. Вот раньше слышал часто я разговоры типа: у моей бабушки было пять сестер и шестеро братьев, а теперь такого не услышишь. У меня много знакомых, а только у одной женщины из Арзамаса есть пятеро детишек и у друга-писателя, кстати, тоже Женьки, четверо ребятишек. А так все семьи моих друзей мелковатые.

Так вот — пришлось мне ехать на кладбище, решать вопрос с могилой. Родственник у меня — не почетный гражданин города, хотя хоронить его должны были на центральном городском кладбище в родственную ограду. Справка у меня на руках, звонок из администрации был, но надо самому и заказ сделать, и за исполнением проследить: где могила, когда будет готова.

Весна вокруг. Ну, такая уже зрелая весна: листочки зелененькие пробились, птицы вовсю поют. Иду я по главной аллее прямо к часовенке, которая на кладбище стоит, а навстречу мне Женя Кошкин идет: в сапогах, глиной измазанных, в синей курточке-спецовке с надписью «КРУ» (я сообразил, что это «комбинат ритуальных услуг»), с лопатой через плечо. Увидел он меня, узнал, заулыбался:

— Привет, — говорит, — старик. Ты к нам какими судьбами? Случилась беда какая? Пойдем ко мне в кабинет.

— Евгений Иванович, — говорю я ему, — а ты что же — здесь ямы, что ли, копаешь?

— Нет, — отвечает он, — ямы, могилы в смысле, копать я уже старый. А вот присмотреть за людьми стоит. Вот и поручили мне. А я согласился — надоел мне этот грохот барабанный, в кафе который. Не для меня этот праздник вечный. Или старый я уже стал?

Кабинет у Кошкина в административном корпусе кладбища был, конечно, поменьше, чем райисполкомовский, но чем-то похожий на тот, прежний. Правда, кресло было офисное, вращающееся, современное, и на столе ноутбук с надкусанным яблоком на крышке открытой. А вот стол был дубовый и столетний, и диван был тоже из бывших: большой, кожей обтянутый, с валиками, как в райисполкоме. Но главное, на стене висел настоящий, писанный маслом портрет Ленина, и это не выглядело как-то надуманно — естественно это выглядело.

Кошкин очень быстро скинул с себя куртку, сапоги, переоделся и уже через минуту стоял передо мной в цивильном костюме и при галстуке.

— Так, рассказывай, что за беда у тебя? Чай, кофе будешь?

— Нет, Жень, жарковато что-то для чая.

— А минералочки?

— Минералки давай.

Кошкин открыл холодильник, достал оттуда две бутылки боржоми и, открыв их, протянул мне одну:

— Пей из горлышка, так и гигиеничнее, и вкуснее. Хотя у меня тут порядок и все стерильно.

Я показал Кошкину свидетельство о смерти, объяснил задачу, но оказалось, что он и родственника этого моего дальнего откуда-то знает, и о смерти его Кошкину известно, и могилка будет к завтрашнему дню готова — только приезжайте!

— Евгений Иванович, — я все еще не мог выбрать тон для нашей будущей беседы, то ли на «вы», то ли на «ты», — ты мне все же объясни эту метаморфозу: как ты здесь?

Смотрел он на меня, седой, бронзовый от загара, морщинистый, шестидесятилетний крепкий мужик, и искорки поблескивали в его насмешливых глазах.

— Да и нечего тут объяснять: как и все, как и ты, так и я, мы все здесь окажемся. И вот что я скажу тебе: хожу я по этим аллеям, по этому лесу рукотворному, вижу то, что осталось и от моих учителей, и от моих товарищей, они все тут лежат. Вон видишь, за елкой, из красного мрамора, чуть качнулась стела с барельефом — он мне когда-то выговор по партийной линии с занесением в учетную карточку закатал, а я ему вчера на цемент в цветочнице угловые кирпичики положил. Ну, не сам, конечно — у меня здесь бригада отменная, все умеют. Деньги приличные они тут зашибают, но и я требую с них. Уход и пригляд за всем нужен. И мои начальники обкомовские тут, и губернаторы, и купцы первой гильдии, и писатели, и артисты народные. Весь мой город теперь у меня тут под рукой. Да что тебе объяснять, чай, ты — не дурак! Только смешной вся жизнь моя мне теперь кажется ...

Я УМЕЛ ЛЕТАТЬ

Когда я был маленьким, я умел летать. Как это у меня получалось, я не знаю; я даже не помню, как это случилось со мной в первый раз. А ведь если б вспомнить да с умом проанализировать это дело, то можно было бы и что-нибудь полезное извлечь из того моего детского занятия. И надо же — спросить про это мое занятие тоже не у кого. Другьям я о нем не говорил: могли или засмеять, или перестать дружить. Знала, точнее, догадывалась про мои полеты только моя бабушка, но она уже давно на том свете. И еще — взлетал я, как правило, с чердака соседнего дома, а того дома тоже уже нет.

Почему с соседнего? Не знаю. Наш и тот дом — одинаковые были: бревенчатые, двухэтажные, четырехквартирные.

По-моему, все мальчишки любят лазать по чердакам: всегда там найдется что-нибудь интересенькое. Старые самовары, керосиновые лампы, венские стулья, сломанные лыжи, ржавые коньки, гвозди, подшипники, метлы, веники для бани, пачки старых газет и журналов — этого барахла всегда там хватало. Но случались и неожиданные находки. Я знал одного пацана, который саблю на чердаке нашел, а в соседнем дворе ребята нашли коробку с деньгами, со старинными.

Если на чердаке сушат белье, то чердак, как правило, запирается, и тогда попасть на него можно через чердачное слуховое окно. И тогда такой чердак превращался у мальчишек в штаб или в наблюдательный пункт. Я же превратил чердак соседнего дома на несколько лет в свой персональный аэродром. Однажды я заметил, как новая жиличка, только что переехавшая в тот дом, закрывая дверь на чердак, где она сушила белье, кладет ключик от замка на притолку. После этого чердак стал моим.

В первую очередь он понравился мне тем, что предыдущие хозяева, семья врача-профессора, оставила часть огромной своей библиотеки на выброс, а новые жильцы оттащили все книги на чердак. В основном это были старинные французские иллюстрированные журналы, какие-то биологические и географические атласы и медицинские книги на немецком языке с большим количеством цветных и непонятных картинок.

Обычно я пробирался на второй этаж по скрипучей лестнице на цыпочках, мимо входной двери, потом несколько маленьких ступенек и — заветная дверь с навесным замочком. Я его аккуратно отпираю ключиком, припрятанным над дверью, и забирался в свой придуманный мир грез. Мир грез — потому что, разглядывая французские журналы с картинками, я странным образом попадал в освоенное только мной совершенно не ведомое никому пространство. Журнальные картинки оживали, текст на французском языке неожиданно становился понятным, и я на несколько часов буквально вращался в парижскую жизнь девятнадцатого века, которая превращалась для меня если не в родную, то в очень знакомую.

Я листал эти журналы, сидя на пустом ящике около чердачного окна, из которого хорошо просматривались наш переулок и наша вымощенная булыжником улица, где играли мои друзья, а я там видел парижские проспекты с бегущими трамваями и старинными неуклюжими автомобилями, красавиц в модных шляпках с перьями и марширующих солдат.

Дожив уже до седых волос и обладая трезвым логическим мышлением, я могу объяснить себе все это возбужденной детской фантазией художественно одаренного ребенка, но ведь я еще и читал французские тексты в этих журналах, и я понимал их. Как? Я ведь потом рассказывал о том, что узнавал из этих журналов своим школьным друзьям. Это что? Уже нынешние мои старческие фантазии?

Я даже могу рассказать, как я летал! Для меня это сейчас не удивительно, и я уже как-то, пусть иррационально, но могу это себе объяснить. Возможно, я попал в состояние перевозбуждения от рассматриваемых картинок, или это был самогипноз, или специфическое летаргическое состояние, позволяющее проникать в другое измерение. Ведь я же сквозь чердачное окно попадал сначала в журнальную картинку, потом там осваивался и уже только после этого мог по желанию преодолевать пространство и время. Это уже с опытом я научился отправляться в полет без картинки.

Я в том другом мире встречал очень большое число людей, умеющих летать.

Мы не общались друг с другом. Мы делали вид, что не замечаем друг друга. Мы знали, что наш дар надо скрывать от всех и даже не признаваться самому себе в том, что он есть, иначе он пропадет. Мы редко здоровались там и почти не приветствовали друг друга при встречах в полете, а я старался даже незаметнее проскользнуть куда-нибудь подальше от мест таких встреч. Хотя, помнится, однажды и был приглашен на участие в полетах стаей. Сделано это было каким-то опосредованным образом — мы же не разговаривали друг с другом в том состоянии.

В этих полетах наяву есть несколько аспектов, интересующих тех, кому не довелось летать. Из того, что не очень много людей этим вопросом интересуются, но тем не менее интересуются и подробности у меня спрашивают, я делаю вполне разумный вывод, что летали многие, но, помня о неизбежной суровой расплате за трепотню, предпочитают об этом своем прошлом и временном таланте молчать.

Первый, интересующий всех вопрос: с какой скоростью можно перемещаться? Отвечаю: почти моментально — и в пространстве, и во времени. При этом: ни свиста в ушах, ни развевающихся по ветру волос, ни слез из глаз от секущего встречного ветра — ты практически не материален. А почти — потому что ты замечаешь разгон, потом все сливается, и ты уже на месте. И можно уже не торопясь наблюдать, как медведица выгуливает своих медвежат или как девчонки моются в бане.

Второй, не менее важный вопрос: куда можно попасть, обладая талантом полета? Отвечаю: только в те места, о которых имеешь хотя бы минимальное, ну мизерное представление. На планету Юпитер не попадешь, потому что ты не знаешь ни одной детали, из того, что там может тебя окружать. А вот в девятнадцатый век или в мир динозавров — можно! Сначала ты узнаешь предметы или существа, встречавшиеся тебе раньше на картинках или в книгах, а потом уже начинают сами собой заполняться все неизвестные тебе лакуны. И мир становится полноценным и правдоподобным. Но ты никогда не бываешь настоящим участником действия, а только подглядывающим свидетелем. И если в кино режиссер ставит тебя в определенную точку и выбирает для тебя экспозицию и цензурирует происходящее, то в моих полетах я оказывался часто свидетелем различных, подчас и непристойных сцен, о которых раньше никогда не задумывался.

Важным условием четкого восприятия нового мира, в который я попадал благодаря своим полетам, было вот это предварительное знание или представление о мероприятии, месте, предмете, личности. Так, залетев в Большой театр и застав там спектакль «Лебединое озеро», я смог очень детально разглядеть и артистов, и декорации, и зал, и коридоры, и гримерки, и буфет. И это произошло лишь потому, что я бывал уже в нашем городском оперном театре и смотрел там как раз «Лебединое озеро». А вот впервые попав на спектакль парижского кабаре «Мулен Руж», я не очень четко разглядел некоторые детали, и мне пришлось через пару дней летать туда еще раз. Во второй свой полет я уже был немного подготовлен, в смысле — осведомлен, и тогда все выглядело по-настоящему четко, ярко и красиво.

Третий вопрос: можно ли делиться увиденным с близкими, друзьями, обсуждать с ними детали увиденного? Увы — нет, это сразу приводит к утрате дара! И это очень обидно, потому что чего стоит богатство, о котором никто ничего не знает и которым не с кем поделиться?

Ну и последнее: эта фантастическая способность к полетам катастрофически быстро утрачивается, если попытаться использовать ее в меркантильных целях. Помнится, мне захотелось выяснить — когда умрет парализованный дядя Коля Покровский из соседнего дома. Зачем мне это понадобилось — ума не приложу. Узнать я этого не смог, конечно, но, как только это желание у меня сформулировалось в голове, так я тут же почувствовал, как наливается тяжестью мое тело, уже готовое к полету, и я понял, что сегодняшний сеанс придется отменить.

Этот дар позволяет получать какую-то дополнительную информацию, недоступную простому смертному, но использовать ее в практической жизни как бы не рекомендуется. И это тоже условно — потому что как же не использовать в сложных жизненных ситуациях свои возможности? Просто, видимо, в зависимости от того, как интенсивно используется эта способность, она же и утрачивается.

К печальным аспектам такого новоприобретенного своего свойства я могу отнести потерю детства, потому что детство почти у всех сопровождается мечтой о том, что на

свете есть место, где процветает справедливость. Так вот: благодаря своему неожиданному дару я очень быстро понял, что на земле справедливости нет.

Ну и если кого интересует: можно ли просто получать радость от полета, как летчик или птица? Да, и это самое прекрасное, что было у меня в жизни и что очень быстро закончилось, и это никогда не повторится.

Мы ведь никогда не задумываемся, как мы ходим, или как мы дышим, или как мы пьем воду. Просто ходим, дышим, пьем! А ведь это было когда-то в первый раз, и это было не просто. Так вот, первый полет, точнее, первые полеты я запомнил, потому что потом, конечно, летал уже не задумываясь, и все получалось. А в первый раз — я помню, как сначала пропадал вес во всем теле — постепенно появлялась легкость, а потом и невесомость, и ты превращался в пушинку или порхающую на месте бабочку. И первые передвижения в пространстве были такими же неуклюжими, как и первые шаги ребенка.

Это потом я научился хватать в руки выпрыгнувшую из воды за добычей щуку, или на лету пальцами отбирать у ласточек комариков из клюва, или заглядывать в иллюминаторы самолетов на высоте десять тысяч метров. Только учтите: меня в полете материализованного никто никогда и нигде не видел, я не пугал пассажиров самолета, и ласточка не понимала: куда делся комарик?

Очень радовали меня эксперименты с полетами на сверхзвуковой скорости. Все мы не раз слышали резкий хлопок, похожий на далекий взрыв, когда в ясной голубизне неба сверхзвуковой истребитель тащит за собой пушистую борозду: это он с таким схлопыванием проходит звуковой барьер. У меня такое тоже получалось. Я мог свистнуть в четыре пальца, переместиться моментально на какое-то расстояние и дожидаться и услышать, как мой свист ко мне прилетит. В том возрасте я умел очень хорошо и громко свистеть.

Я уже заикался о полетах в стае таких же, как я, летунов, — я не участвовал в них. И не потому, что я боялся чего-то или стеснялся. Просто у меня были определенные вопросы, которыми я не хотел ни с кем делиться, а для себя я их еще не разрешил. Одной из таких загадок природы, на которую я не знал ответа и которая меня волновала с детства, была удивительная способность птиц летать стаяй.

Что заставляет стаю лететь тем или иным маршрутом? Есть ли в таких стаях вожаки и сколько их? Что заставляет стаю в воздухе разделяться на две или три полноценных, но разлетающихся в разные стороны? Могут ли в одной стае лететь, пусть и непродолжительное время, птицы разных видов? Да вообще много было у меня вопросов, на которые можно было ответить, только оказавшись внутри этой птичьей стаи. И конечно, хотелось побывать и полетать в стаях и грачей, и скворцов, и журавлей, и ласточек-береговушек. Несмотря на все их различие, их объединяло то, что они — птицы и они летают.

Я участвовал в полетах десятков, если не сотни стай разных видов птиц. Я с ними летал на кормежку и строил гнезда, радовался солнцу и скрывался от грозы, защищал гнездовья и нападал на врагов. Только летая в стаях, я понял, что птицы обладают и в совершенстве владеют совсем другими органами чувств. Нет, они и теми пятью нашими, которые мы называем основными, пользуются в полной мере, но они для них не основные. Для полетов нужны другие органы, обрабатывающие иную информацию, а те, к которым мы привыкли, должны обладать иной чувствительностью, чтобы решать специфические птичьи задачи.

Ведь я и в Антарктиде со стаяй пингинов по льдинам попрыгал. Пусть они не летают, но они же птицы и стая. Я, наверное, уже тогда понимал, что когда-нибудь я потеряю это свое неожиданное необычное качество и превращусь в «пингвина».

Мои возможности для исследований были просто фантастическими — но в силу своей молодости я еще не умел ставить правильно перед собой научные задачи и так

же не обладал методиками их решения. Но и того, что я успел выяснить и понять, хватило бы на всю жизнь для полноценных научных исследований.

Мне удалось выяснить, что птицы издалика определяют или как бы видят восходящие тепловые потоки воздуха, а эти потоки помогают им в полете. Но видят они эти потоки не как мы, зрением, а каким-то другим чувством. В точности так же они используют какие-то свои специфические возможности для того, чтобы узнавать, как и на какой высоте меняется давление воздуха и его температура. Я был в те годы еще маленьким, в смысле возраста, но теперь-то я понимаю, что птицы в своих полетах используют сведения и о гравитационных завихрениях, и об искривлении электромагнитных полей, и об энергетических возмущениях, происходящих при возникновении новых озоновых дыр. Видимо, все эти данные, собранные вместе одной стаей, дают феноменальные возможности предугадывать перемены в погоде в различных точках своего обитания.

Для того стая и разделяется в полете, чтобы собрать информацию об изменениях температуры, давления и влажности, а потом, собравшись, поделиться этой информацией. Но поделиться не как мы — словами, а просто смешавшись вновь в единое целое, птицы создадут новое средневзвешенное представление членов стаи об изменениях погоды и будут вести себя соответственно. Таким образом, стая птиц представляет собой единый живой организм, подчиненный выполнению определенных целей. Перелетая с болота на болото, утки или гуси тянутся тройками или пятками, а для сезонного перелета в южные края они собираются в табуны до тысячи голов.

* * *

И вот сейчас я вспомнил, когда впервые утратил способность к полетам, когда впервые испугался. К тому времени я уже три года летал. Я помню, как в восьмом классе попросил своего отца, преподавателя университета, отвести меня в кружок бионики при какой-то специальной кафедре. Это был в чистом виде факультатив, но я этого еще не понимал. Мне захотелось заниматься использованием возможностей животных, птиц, растений в новых технологических разработках. Отец отвел меня на эту кафедру и познакомил даже с какой-то дамой, фамилии и имени которой я уже не вспомню.

В тот день, когда я завершил свою карьеру летуна, вернувшись из университета, я залез на свой любимый чердак и, разглядывая сквозь слуховое окно наш двор, раздумывал, как лучше организовать свой очередной полет. В то же время изнутри меня подтачивал червячок сомнений: нарушил я уже заповедь о запрете использования своего дара для личной жизни своим походом в университет или еще нет?

А может, я понял, что вообще сегодня никуда не полечу: по двору шла Танька из нашего класса, с которой я договорился пойти в кино и совсем про это забыл. И впервые в жизни мне показалось, что Танька куда интереснее, чем полеты.

— Танька, — крикнул я ей с крыши двухэтажного дома сквозь слуховое окно, — подожди меня, я сейчас.

И Танька дождалась меня, и мы пошли в кино.

Наталья ЕЛИЗАРОВА

* * *

Прощаться на крыльце с последним солнцем в кронах
И осени встречать озябшие плоды.
А птицы средь ветвей, еще совсем зеленых,
Стрекочут и трещат — поют на все лады.
И листья от меня уносит по дорожке,
Ребенок и щенок бегут за ними вслед.
Мгновения того нет тише и дороже,
И ничего вообще дороже в мире нет.

* * *

Я любила тебя, как ногами уходят в песок,
Утопая сначала стопой, по колено, по пояс.
Не моля пощадить и воды пригубить хоть глоток,
Не стеноя, о будущем не беспокоясь.
Я летала, поймет меня тот, кто когда-то крыла
Расправлял и парил над волнующей бездной, ликуя.
Я свободно дышала, я пела, я жадно жила,
А теперь живу тихо и впрок ничего не взыскую.
Я любила тебя. Как волнение рук передать,
Когда дверь отворяла тебе, обнимала за шею?!
Не умела тогда прогонять, ненавидеть и лгать,
Ненавидеть и лгать — это я и сейчас не умею.

* * *

И ветер, и стужа, и стон, леденящий жильё.
О, горе чужое, мы в нем непрестанно живем.
Лицо отворотим, нам — мимо смотрящим — насквозь —
Так просто, привычно дается движение вскользь.
И вот, огибая неровности, скрепы, углы,
Мы углы к себе подгребаем и кучку золы,
Что рук не согреет, не даст разгореться костру.
И наша душа застывает в сугробе к утру.

Наталья Елизарова родилась в Кашире (Московская область). По первому образованию юрист. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Автор двух поэтических сборников. Публикации в журналах «Нева», «Урал», «День и ночь», «Юность» и др. Стихи переведены на несколько европейских языков. Живет в Москве.

* * *

На площадке кто-то варит щи,
 Смысла в этой строчке не ищи,
 Просто дни бессмысленно длинны...
 Это — детство доброе мое,
 Свежая капуста и бульон
 На говядине, потом ее — в блины.
 В фарш добавит бабушка яйцо,
 А одно — из рук и об пол — цок,
 Шепотом: «Безрукая фарья!»
 А потом вздохнет и замолчит...
 (Сколько можно неучей учить,
 Где текут Амударья и Сырдарья.)
 Атласы и карты — целый мир,
 И пусть дважды я летала в Рим,
 А она ни разу не была,
 Значит — за себя и за нее —
 Ту, что гладила мое белье,
 Фартуки стирала добела.
 То, что говорила мне тогда:
 Страны, океаны, города —
 Я теперь воочию смотрю.
 Я стою на улице другой,
 В городе другом и дорогой
 Бабушке «спасибо!» говорю.

* * *

В мире разбилось стекло негромко.
 Бьется, где хрупко. Рвется, где тонко.
 Не запасешься сухой соломкой,
 Ссадин и синяков —
 Не сосчитать. Как крутить педали —
 Помнишь? — думала ты едва ли
 О синяках: только б не догнали!
 Мажем? Без дураков?
 Резво к обрыву вперед слетала,
 Сочно по спицам трава хлестала,
 Ветер в лицо, и дыханья мало,
 Ноги скользят в росе.
 Ты на лету привстаешь с сиденья
 И напрягаешь еще колени.
 «Вот вам, плететесь там еле-еле!»
 Ты одолела всех.
 Что же сидишь на полу босая?
 Вздрагиваешь, если вдруг басами
 Гукает радио: будет саммит,
 Кризис, развал, дефолт.

Страшно тебе? Ни черта не страшно,
А за окном завершают башню,
Да, из стекла и бетона башню —
Яркую, словно торт.
Ну и не плачь! Стеклодув-приятель
Вдруг завернет в переулок кстати,
Вылепит, выдует сей квадратик —
Будет тебе стекло.
Встань и иди, да попутный ветер!
Солнце слепит, а не то что светит.
Не забывай, что живешь на свете,
Ждет тебя новый склон!

* * *

А. С.

Верить не верь, но в помощи не откажи,
Голубь души у окна твоего кружит.
Если собака спит, то шалют коты.
Кто же разгонит их, если не ты, не ты.
Веры ростки нещадно серпом секут.
Ангела демоном с легкостью нарекут.
Мудрой собаки устали глядеть глаза.
Мир так неловок, нещаден и полон зал,
Чертовы дети готовы кричать «АТУ!»,
Горечь утраты — катаешь голыш во рту,
Просто молчишь, но так много — тебе сказать.
Не отворачивайся, не отводи глаза.

РАССКАЗЫ

РОЖДЕНИЕ

Контрастность неба была удивительной — далекий розовый фонарь, который так редко показывается из-за облаков, лучами очертил границу сизо-синих туч. Машина «скорой помощи» — ГАЗ-55 — передвигалась по разбитой набережной Невы подобно ящерице, то резко ускоряясь, то притормаживая, объезжая очередное препятствие. Тот же фонарь подсвечивал верхние этажи обезличенных в полумраке зданий. Горизонт уже приобрел серый оттенок, и все сливалось — крышка капота, поверхность Невы и неба — в едином бесцветии. Только по капоту изредка быстро пробежали желтоватые блюдца, как будто невидимый официант бросал их через весь стол, дерзко и быстро сервируя его.

«Да, так и есть, фонари накрыли центр города светом, придав ему хоть какую-то видимость жизни», — проскочила мысль. Она прорвалась сквозь хмурые, как это небо, раздумья и осветила лицо Павла, сидящего в машине на месте врача. Прошло три месяца, как ему доверили работу медбрата.

Уже целая неделя, как на некоторых улицах появилось освещение — город из темного призрака превращался во вполне жизнеспособного, пусть и с трудом дышащего товарища. Рабочие проложили кабель по дну Ладоги, и на прошлой неделе энергосети дали электричество с Волховской электростанции. Это было чудо! Как немного нужно для того, чтобы ощущать себя человеком.

«Конечно, чудо! Город затравлен, но я еще жив, и низкий поклон ему за это», — думал Павел, невысокий, жилистый, со смоляными волосами, молодой южанин. Иногда он шутил:

— Во мне взрывоопасная смесь всех шестнадцати союзных республик. Да, я русский.

На нем был идеально чистый медицинский халат, из-под которого выглядывал чистый, хотя и застиранный воротник голубой рубашки.

Паша уже год жил в осажденном Ленинграде и такой заботы жителей друг о друге не встречал нигде. Обессиленные, словно призраки, они передвигали материальные предметы: носили друг другу воду и дрова, чистили улицы от завалов, увозили трупы, которые в последнее время появлялись значительно реже. Прошлой зимой тела лежали повсюду: на тротуарах, на дорогах, в подъездах. Тогда процветало людоедство. Но последние полгода что-то изменилось. Дух начал пересиливать материю, и люди вспомнили о своей человеческой природе.

Выбоин на дороге стало меньше, и водитель Ильяс — лысый татарин с голубыми глазами — прибавил газу. Здесь успели засыпать рытвины, образовавшиеся после бомбежки, — все-таки набережная реки Фонтанки считается центральной улицей. На повороте к улице Дзержинского машину опасно занесло, но Ильяс уверенным движением руля отработал занос, и она ровно продолжила свой путь.

Михаил Борисович Стригин родился в г. Сарапуле (Удмуртия) в 1969 году. Окончил Южно-Уральский государственный университет. Кандидат физико-математических наук. Публиковался в литературных альманахах «Светунец» и «Звездный голос», в журналах «Нижний Новгород», «За-За», «Молоко», в сборниках и в ряде научных изданий. Автор двух книг стихов, лауреат ряда областных премий. Живет в г. Челябинске.

— Ильяс, надо сходить в гараж, там встала Васькина машина. И похоже, что искусственное дыхание делать ей уже бесполезно, она не очухается. Давай попросим у Васи резину, впереди зима, а в нашу, смотрясь, можно бриться.

Вдруг Ильяс притормозил резче, чем обычно. Павел, ничего не разглядев, недоуменно спросил:

— Ильяс, ты что?

— Кленовые листья легли в ряд. Поперек улицы. Будто уточка оставила следы. Они аж светятся в темноте. Вспомнил, как проводил лето у моей бабки в деревне. Извини.

«Ильяс прав, жизнь должна идти своим чередом, смерть — своим. К смерти мы торопимся круглосуточно, иногда и на жизнь надо обратить внимание. Здесь каждый день умирают, да не просто умирают, а у тебя на руках. На фронте бой перемежается с затишьем, смерть с жизнью. А здесь смерть не разбирает даже времени суток, не говоря про дни недели. Первое время не мог спать, пока не появился здоровый цинизм».

Павла год назад, в октябре сорок первого с переломом ключицы отправили в ленинградский госпиталь. Его, комбайнера из-под Сталинграда, за три месяца до этого срочно отправили на курсы водителей танков: сказался невысокий рост. Проводить Пашу на поезд было некому. Уже на курсах, он получил письмо от отца из поселения в Пермском крае, куда того выселили в тридцать шестом. Оно дымилось от эмоций: «Несмотря на то что история нас разделила и многие русские люди оказались, как это было нередко в нашей истории, по разные стороны баррикад, мы должны сплотиться, ведь сейчас угрожают самому существованию славян. Мы должны взять лопаты и выгрести расплзающуюся гниль».

Отец до революции был директором местной гимназии. Служа там, он заработал на небольшое имение и уже в двадцатых годах, после жуткого голода, когда семья потеряла мать, был вынужден научиться работать на земле и стал, как, теперь говорится, кулаком.

— Теперь могу и по роже стукнуть. Только толку немного. Куда я со своим кулаком против ружья, — шутил он.

И как многие, он не принял коллективизацию:

— Работать по-разному, а делить поровну — альтруизм может быть до определенного предела, — возмущался он. Сын был не согласен и ушел по другую сторону «баррикад»:

— Человек — существо коллективное, даже волки живут стаями, — говорил он.

— Конечно, если бы результаты труда оставались в колхозе, а то ведь хозяйство-то коллективное, а решения партийные, — отвечал отец.

— Это временно, — уходил от ответа Павел, чувствуя слабость своей позиции.

Уже в сентябре Павел оказался на линии фронта под Ленинградом. Ему досталась новая «тридцатьчетверка», только что сошедшая с конвейера нижнетагильского завода. Экипаж самоходом добрался от железнодорожной станции до назначенной точки, но уже в пути начались проблемы. Сперва отказала радиостанция, и они чуть не заблудились — помогли местные пастухи. Танк около пятнадцати километров шел по стопам сивого коня, который сливался в смотровом окне с уже порыжевшей листвой. Затем на подъезде к месту дислокации разбило коробку передач, и они целые сутки провели в поле, пока не подвезли новый фрикцион.

— Сборщики, ядрена мать. Из-за таких красавцев план в колхозе по ночам выполняли, — ворчал Павел.

Он часто задумывался о том времени, когда придется вступить в бой:

«Ладно когда комбайн встанет посреди поля, а если встанет танк. Он же как консервная банка, ждущая свой нож. Вся надежда на пушку и командира, который только вчера прибыл из училища».

Павел был трусоват по своей природе и поэтому шел в потоке, делал, как все. Стал комсомольцем, как все. Даже передовиком он стал, чтобы сильно не выделяться. Правда, первый раз он сел в кабину комбайна не совсем трезвым, но это помогло побороть страх.

И проблема не заставила себя долго ждать — первый бой прошел незаметно, когда они шли колонной, то нечаянно перешли линию фронта и навалились на взвод мотоциклистов — это даже показалось ему весело, а вот во втором бою повезло меньше: заклинило рычаг правой гусеницы. Павел растерялся, не зная, что делать. Танк начал крутиться на месте, словно собака, пытающаяся ухватить себя за хвост. Машина превратилась в удобную мишень, и пока Павел тянулся за кувалдой, оказавшейся в отделении командира, грянул выстрел из противотанковой пушки. Он даже не успел испугаться — дальше в состоянии контузии он что-либо слабо помнил. Может быть, он сломал ключицу во время взрыва, может быть, тогда, когда его выволакивали из танка.

В ноябре пришло время выписываться, и в один из вечеров в палату вбежала медсестра. Она была прекрасна той благородной красотой, которая даже сквозь медицинский халат выдавала в ней принадлежность к дворянскому роду. Даже сумятицы на ее лице никто не заметил, она остановилась и будто прочитала стихи:

— Есть здесь кто-нибудь, умеющий водить машину? Убит водитель «скорой помощи».

Вся палата, включая тех, кто ни разу в жизни не касался руля, подалась вперед, в страстном желании сказать: «Я», — но крикнул только Павел:

— Я могу! — Он даже не видел, кто вошел, поскольку сидел спиной ко входу, но нежелание идти на фронт подстегнуло его. — Левая рука пока не очень, но можно попробовать! — добавил он, повернувшись, к медсестре.

Павел хотя и работал комбайнером, но несколько раз ему приходилось рулить на служебной «эмке»: водитель председателя иногда уходил в неожиданный загул.

Уйдя вместе с медсестрой, которую, как он узнал позже, звали Нюрой, и подменив погибшего водителя, он так и остался работать на станции «Скорой помощи». Главврач похлопотал за него, хотя было совсем непонятно, где спокойнее — здесь или на фронте. Там есть время боя и есть время отдыха, причем, как правило, время активных военных действий значительно короче, чем время затишья — время передислокации. Война войной, а обед по расписанию. В «Скорой помощи» же, как в муравейнике, даже ночью продолжалась жизнь — Павлу приходилось работать двадцать пять часов в сутки, и конца-краю работе не было видно. Даже если не было бомбежек и количество вызовов уменьшалось, то приходилось ездить за водой, а зимой Павел часто отправлялся «Дорогой жизни» по Ладожскому озеру за медикаментами. Сколько там ушло под лед автомобилей во время встреч с немецкими «мессершмиттами», известно одному Богу. Со временем Павел стал за всех — и водитель, и медбрат, и ангел-хранитель, и повар...

— Пашка, расскажи историю про собаку нашего хирурга. Николай — мировой, да, мужик? Медсестра Галина мне шибко нравится. Ты видел, какая у нее белая кожа? Я слышал, ты там каким-то боком к этой истории? — вопрошал Ильяс, выкручивая всем своим телом руль ГАЗ-55. На улицах уже никого не было, и он мог позволить себе заложить пошуре. Это было вынужденно, ведь сейчас он весил не более шестидесяти, а до войны занимался борьбой и выступал в полутяжелом весе. Как-то Ильяс принес награды в больницу...

— Ильяс, тяжелая очень история, он же охотник, и собака у него была охотничья — лайка Бен, — перебил Павел и тут же продолжил: — Ты же знаешь, у медсестер паек

небольшой, а у Галины двое детей. Она сейчас в роддоме работает. Мы позавчера отсюда забрали женщину, там тяжелый случай был. А у нее самой руки трясутся, слезы льются. Она рассказывала, что старший, мальчишка, не помню, как звать, вчера утром упал без сознания. И теперь Галя не знает, кто ее дома ждет вечером. Может, одна дочь. Девчонки как-то пожилистей нашего брата. Вот Николай и отдал ей, совершенно чужому человеку, свою собаку. Убить самому духу не хватило. Попросил меня, знает, что я из деревни. Видел бы ты его в этот момент. И так не кочепыжный, а тут превратился в сморщенный грибочек, будто часть своей жизни отдал. Я привез Бена к Галине домой, во дворе пристрелил. Мне еще полгода назад выдали табельное оружие для защиты от мародеров. Ну и разделявать пса пришлось самому, Галя с голодухи и так еле стоит, а тут еще такое. Да я, честно, сам сперва струхнул. Ты когда-нибудь видел глаза лайки? Они поумнее многих человеческих будут. По немцам стрелять проще, — отрезал Павел.

— Ух ты, — с содроганьем выдохнул Ильяс и продолжил: — Кстати, мы подъезжаем, во дворе, наверно, темень, но когда звонили, то обещали встретить, — сказал он, очухавшись от рассказанного и поворачивая во двор.

Фары были забрызганы грязью и светили плохо — видимость становилась лучше только в пятне радиусом два метра, перед капотом. Вот в этом радиусе неожиданно и появился гриб. Это мог быть деревянный грибок с детской площадки, но он зашевелился и отскочил в сторону. Ильяс притормозил, Павел приоткрыл дверцу и спросил:

— Это Садовая, семьдесят девять?

Грибочком оказалась старушка, худющая-прехудющая, но в широкополой шляпе с невысокой тульей. Она была вытерта, и цвета было не разобрать. В придачу к шляпе на шее был повязан серебристый платок. Она как будто выпорхнула с открытки начала века.

— Я тут вас уже полчаса дожидаясь, примерзла немного, это я вам звонила, — сказала добродушно старушка.

— Руль до упора вправо и вставайте вон туда к скамейке, — удивила она Ильяса и Павла неожиданной командой.

— Пойдемте скорее, боюсь, как бы ни было поздно, — продолжила она еще жестче, отрезав им возможность дальнейших расспросов.

Прихватив носилки, они выскочили из машины и гуськом двинулись в соседний подъезд.

— Это я вызвала вас. Насчет машины не удивляйтесь, мой муж, секретарь горкома, царствие ему небесное, в свое время научил меня, и я не хуже его управлялась с нею. — Через секунду на ходу она продолжила: — Роженица у нас в доме!

— Ильяс, ты понял, скорее всего, в роддом едем. Это на Петра Лаврова, два. Недалеко. С тобой мы там еще не были.

...Ильяс, в отличие от Павла, работал водителем на «Скорой помощи» вторую неделю. Пришел тем же путем, что и Паша, — через госпиталь. Подорвался вот только на собственной гранате. Чеку частично достал, чтобы во время боя быстро извлечь, а она сама извлеклась в неподходящий момент. Успел отскочить и лечь на землю, но колено раздробило. Теперь оно почти не гнулось. Ильяс любил хохмить, посадит голубя себе на плечо, возьмет костыль и изображает из себя Джона Сильвера. Они и по натуре были похожи: он был жестким человеком, но с большим сердцем. Голуби это чувствовали. С ними у него свой язык был. Те пока сидят на плече, заглядывают Ильясу в рот, как будто пытаются по губам что-то прочитать. А это он зерен в рот набрал. Вот только голубей стало мало, самые прыткие остались. Мальчишки уже давно их перестреляли, у них своя война.

Павел же к тому времени давно перешел из водителей в медбратья. Квалификаций за год приобрел больше, чем многие довоенные медики с образованием и со стажем. Медсестры называли его ласково — профессор. И не только за то, что он мог показать все созвездия на ночном небе, но и за то, что он мог поставить на место вывихнутое плечо, и за то, что мог отремонтировать все что угодно. Под его руками неисправные вещи начинали сами двигаться, светить, кипеть. Казалось, что он их приводил в чувство касанием рук.

— В доме нашем жителей осталось немного, все на виду. Антонина, соседка с четвертого этажа, надо мной живет, рожать собралась, на седьмом месяце. Мы за ней присматривали. Но за пайком она всегда сама ходила. Пока отец был жив, генерал каких-то там войск, у нее все было просто здорово. Но он погиб по весне, и спустя какое-то время их лишили спецпайка. А сегодня она пропала. Ну я и подошла к двери — послушать. Слышу, там ребенок хнычет, у нее еще мальчик четырех лет. Я постучала. Он только хныкать стал громче. Я пошла звонить вам. У нас тут мужчин нет, двери некому выломать. Меня Елизаветой Сергеевной зовут, — старушка перешла на шепот, она задыхалась от необычно быстрого подъема по лестнице.

Подымалась троица медленно, и это позволило Павлу во время неровного рассказа осмотреться в слабоосвещенной, но удивительно чистой обстановке. Это был старый дом с высокими ступенями и цветами на подоконниках. Здесь еще жил не до конца вытравленный дух купечества, он обитал здесь с позапрошлого века — на Садовой в то время шла бойкая торговля. Когда они прошли второй этаж, где висела единственная лампочка в подъезде, то впереди образовались три тени, которые с каждой ступенью увеличивались и поглощали резные перила, цветы на подоконнике, бра, бесполезно висящие по сторонам, оставляя только давно не беленный, потрескавшийся потолок.

«Так революция проглотила Россию в семнадцатом. Петроград — один из нескольких островков, потрескавшийся, но сохранившийся», — смотря на тени, подумал Павел. Вдруг на площадке он увидел пару кирзовых смятых сапог, таких же, как в детстве, стоящих на печке, сохнущих, отцовских.

«Вот и отца проглотила. Где-то он в штрафбате. Может, тоже назло всему сохранится».

Старушка задыхалась после каждого пролета, но остановиться отказывалась, Ильяс шел ненамного быстрее. Когда баба Лиза закончила, Павел уточнил номер квартиры у бабы Лизы и, оставив носилки Ильясу, рванул вперед, стараясь не сбить дыхание. Силы еще понадобятся, чтобы нести носилки вниз.

«Ладно, хоть женщины на сносях сейчас как котятка — легкие и ласковые».

Поднявшись на четвертый этаж и подсветив спичкой крепкую дверь, он обнаружил английский замок. Недолго думая, достал револьвер из кармана и выстрелил. Пуля срикошетила куда-то в стену, и пришлось выстрелить еще раз.

«Хорошо, что я один», — промелькнуло в голове. Теперь сил хватило, чтобы выбить дверь плечом. Дикая боль пронзила тело Павла, она вспыхнула в ключице и ударила через весь позвоночник, но он пересилил ее и вошел в квартиру. Кромешная темнота проглотила его, словно гигантский гиппопотам. И дверь, скрипнувшая в безмолвии, прозвучала так, будто это сомкнулись зубы его огромной пасти.

«Неужели опоздали? Кленовые, черт, листья», — пронзила мысль.

Павел чиркнул спичкой и нащупал выключатель. Свет зажегся не сразу, будто боялся высветить что-то запретное. Впереди был длинный пустой коридор. Павел двинулся дальше, заглядывая в открытые двери. В первой комнате никого, во второй никого. Он заметил краем глаза, что это были спальни, где когда-то стояли деревянные кровати и кресла. Сейчас там на полу лежали широкие матрасы и остатки от кроватей.

Здесь Мамаем прошлась общая беда — холод. Все съедает ненасытная буржуйка. Он также заметил дорогие атласные покрывала, брошенные поверх матрасов.

«Живут же», — вылезла плохая, завистливая мысль. И только войдя в гостиную, Павел почувствовал, что он не один. Паша нащупал выключатель и зажег свет. В этот раз он вспыхнул мгновенно, осветив лежащую без сознания в центре комнаты молодую женщину и маленького мальчишку: мальчик лежал у матери на груди, свернувшись клубком, словно котенок. Ее живот не выдавал беременности, видимо, воды уже отошли, да и плод наверняка был небогатырских размеров. Почти все женщины, которых Павел отвозил в роддом, рожали раньше положенного срока. Как же торопилась жизнь сменить тепло и сытость на голод и холод...

Женщина — небольшая, но ширококостная брюнетка лет двадцати пяти, в шелковом серебристом халате — лежала на спине, неестественно подвернув руку под себя. Халат задрался выше бедер.

«До войны, наверно, была пухленькая», — подумалось ему, когда он глянул на ее губы.

Павел первым движением поправил халат, вторым быстро приложил руки к горлу пацана и к горлу женщины и пощупал пульс. Ему бросилось в глаза, что в руке мальчика были крошки хлеба, они же были и на губах женщины.

«Неужели мальчик пытался накормить ее?» — Павел почувствовал себя одиноко.

— Фу ты, — выдохнул он. Пульс был еле слышен.

«Но у кого он сейчас другой?» — За последние полгода пальцы Павла стали более чувствительными, стали пальцами пианиста, чувствующими не только клавиши, но и саму музыку человеческой ауры.

В коридоре послышались шаги, и в кромешной тишине они прозвучали словно шаги Командора из маленькой трагедии Пушкина «Каменный гость». Ильяс ступал по старинному паркету.

— Сюда, — крикнул Павел, и эхо отдалось в коридоре.

Бабулька появилась первой, высунувшись из-за косяка двери. Она щурилась, будто подсматривала в замочную скважину, а рассмотрев обстановку, начала причитать:

— Тоня! И ты! Ну никого ж не осталось. Крыс и тех съели!

— Живы они, — перебил Павел. Мальчик открыл глаза, приподнял голову и со страхом, а потом с любопытством начал рассматривать окружающих людей.

— Не бойся, мы врачи, а врачи добрые. Помнишь доктора Айболита? — сказал Павел и потрепал мальчика по голове. — Тебя как кличут? — добавил он.

— Я Петя, — неожиданно уверенно и жестко ответил ребенок.

— Ладно, собираемся. Женщину на носилки. Мальчика куда? У кого можно его оставить? — обратился Павел к старушке.

— У меня. Только карточки нужно найти. Мужа не стало, и спецпайка лишили.

— Я посмотрю, — отозвался Ильяс.

Павел пытался привести молодую женщину в чувство нашатырем, она дернулась, издала грудной возглас, застонала и снова впала в забытие. То ли голод, то ли усталость, а скорее всего, и то и другое сделали свое дело. Страдание подмыло дух с двух сторон. Павел решил не мучить дальше Антонину. Пришел Ильяс, он нашел на кухне талоны, деньги и записку, где кривым размашистым почерком Антонина просила присмотреть за сыном.

— Вот дуреха, чего же ко мне сразу не шла? В нашем доме во всех есть что-то командирское. Здесь живут либо руководители, либо их дети. — ответила сама себе баба Лиза.

— Быстро, — скомандовал Павел.

Они подхватили носилки, и Ильяс сказал плачущему мальчику:

— Мы твоей мамке поможем, а ты держись бабы Лизы. Поживешь пока у нее.

Баба Лиза нежно обняла мальчонку и потихоньку вышла с ним из кухни. Мужчины несли носилки по лестнице, стараясь держать их ровно. Силы подводили, и это не всегда получалось — женщина постанывала в забыты. Наконец вышли на улицу. Их обняла крошечная тьма. Павел не видел Ильяса, зато шелковый халат, поблескивая в темноте, создавал иллюзию того, что он летит.

«Надеюсь, туда, где нет боли», — разыгралась фантазия Павла.

— Придется искать машину на ощупь, — сказал он, продолжая думать: «Интересно, а в раю тоже есть солнце или там светят фонари?»

Ему представилось, что он рядовой сотрудник рая. Что его задача — собирать чистые души и отправлять на новое место жительства. Уже перед машиной Ильяс споткнулся, и они чуть не выронили носилки. Это возвратило Павла в Ленинград тысяча девятьсот сорок второго года на улицу Садовая. Он успел перелететь всю вселенную туда и обратно, хотя мысль длилась не больше нескольких секунд.

— Гоним, — скомандовал Павел, когда они закрепили носилки. Они сели в машину, и он продолжил: — Ты знаешь, где Петра Лаврова, два?

— Примерно, — буркнул в ответ Ильяс и слился с рулем. Минуту спустя его осенило:

— Ты, Паш, представь, а ведь в городе есть роддом. И мамашки продолжают рожать. А если отсчитать семь, восемь месяцев назад, то получим дату зачатия плода Антонины, который, даст Бог, появится сегодня на свет. А ведь это был февраль, самый тяжелый и болезненный месяц прошлой зимы.

— Кстати, ты знаешь, что китайцы отсчитывают свой возраст от даты зачатия? — откликнулся Павел.

— Ты-то откуда знаешь? — спросил Ильяс, показав тем самым, что, даже чувствуя себя одним из агрегатов автомобиля, он слышит Пашу.

— Были по обмену опытом.

Китайцы у нас, или наши у китайцев побывали, Ильяс не услышал. Паша глубоко ушел в себя. То, что рождалось детишек значительно меньше, это было понятно. Но то, что они все-таки рождались, это изумляло. Конечно, и город помогал, как мог — новоявленных мам старались кормить, как в мирное время. Павлу нравилось бывать в роддоме — там пахло молоком и сливочным маслом. Инстинкт самосохранения заставлял город отдавать самое лакомое своему будущему. Но сейчас перед Пашей вереницей пробегали лица тех девчонок, которые превозмогли холод, голод, грязь, этих убийц-невидимок, и рискнули родить. Тех девчонок, которых он доставил по адресу улица Петра Лаврова, два, с которыми он за честь считал знакомство. Были и случаи, которые он гнал от себя.

В один из январских вечеров прозвучали два сигнала. Павел тогда еще был водителем. Сначала звонок телефона — сообщили, что на Васильевском, в квартале около университета, рождает женщина, и одновременно прозвучала сирена, предупреждающая о приближении немецких бомбардировщиков. Павла окликнула Нюра, сказав, что срочный вызов, и они поспешили к машине. С того дня, когда он вызвался стать водителем, Павел чувствовал покалывания во всем теле, когда они ездили вместе, и даже война отодвигалась на второй план. Внутри был покой. В такие моменты хотелось ехать и ехать, неважно куда. Глаза Нюры лучились благородной верой даже в самые тяжелые моменты.

— Это не навсегда, — повторяла она, когда они проезжали мимо очередной трагедии.

И сейчас, несмотря на сирену, Павел подбежал с пассажирской стороны и несколько театрально открыл дверь, запустив внутрь медсестру. Та, благодарно взглянув на

него, быстро села в машину. Нюра, конечно же, знала, что все мужчины в больнице без ума от нее. Но и мужчины знали, что у нее есть любимый и он на фронте, и большинство из них держали уважительную дистанцию. Паша боялся женщин не меньше, чем войны, хотя всегда старался нравиться им — его одежда всегда была чистой и наутюженной. И в первом, и во втором вопросе сказывалось жесткое материнское воспитание в детстве — отец пропал на работе, а вечерами, уставший, предпочитал отмалчиваться. Но однажды Паша пересилил себя и написал Нюре записку, словно в детстве, с приглашением в кино. Она осталась без ответа.

На Васильевский добрались еще до начала бомбежки, а когда Павел и муж роженицы положили ее на сиденье автомобиля, послышался гул. Наверно, подобное ощущение испытывает медведь, когда он слышит гудение пчел. Женщина периодически кричала, но даже сквозь крик она не отпускала руки мужа — они не видели и не слышали ничего вокруг, и Павлу пришлось приложить усилие, чтобы разъединить их.

— Скоро поедешь забирать двоих, — сказал он мужчине, закрывая дверь.

Когда автомобиль мчался в обратном направлении, Павел увидел этих страшных пчел — самолеты в строгом порядке подлетали к центру города.

— Зима же. Чего разлетались, — зло пошутил он.

Отдельные хлопки зенитных орудий вспыхивали на фоне неба, но не могли помешать строя. При подлете к Васильевскому острову «мессершмитты» разделились на несколько роев, и каждый начал выискивать место, куда бы «ужалить» побольнее. Послышались знакомые тяжелые удары смертельного набата. Одновременно женщина начала так сильно кричать, то ли от боли, то ли от страха, что ни единой мысли укрыться не возникало. Павел, как мог, молился, чтобы не пострадали мосты, ведущие с острова на материк. Но пока он раздумывал, прямо перед ним разорвалась фугасная бомба, повалило несколько деревьев, кусками брусчатки разбило лобовое стекло. Павел не удержал руль, потерял ориентацию и вместо того, чтобы отвернуть от воронки, налетел на каменный бордюр, брошенный взрывом прямо под автомобиль. Левое колесо с громким хлопком лопнуло. Машина заскочила на газон и, к счастью, не перевернулась. Крик сзади был душераздирающим. Нюра молчала. Павел со страхом повернулся и обнаружил осколок, торчащий из горла медсестры и перерезавший трахею, сделав невозможным вырваться последнему крику. Павел посмотрел назад — роженица упала с лежака и извивалась от боли, будто лежала на раскаленной сковородке. Страх парализовал его полностью: Нюра мертва, ее стеклянные глаза смотрели на что-то, что было гораздо дальше этой улицы, на полу автомобиля уже рожала женщина, и вокруг рвутся снаряды. Ему было по-настоящему жутко. Опыта еще не доставало, и он не знал, чем помочь роженице. Паша испугался ее поднять. Лучшего, чем подложить ей под голову куртку, сказать: «Уже скоро» — и кинуться менять колесо, он придумать не мог.

— Нюра, Нюра, этого не может быть, — шептал он, вращая гайки. Она так и сидела в двух метрах от него с осколком в горле. Когда Павел докручивал колесо, беременная женщина издала очередной вопль и притихла. Потом врачи установили, что она умерла, потому что младенец запутался в пуповине...

И с тех пор страх перед бомбежкой, словно искусственный позвонок, всегда был с ним. Видимо, с этого позвонка и начинала бежать парализующая волна, когда Павел слышал мерзкий гул. Вспоминая «тридцатьчетверку», пусть и не работающую, как часы, но закрытую броней со всех сторон, он думал о том, насколько беззащитен его «газон» — он словно жук, находящийся под занесенной над ним ступней. И он вез в этом «газоне» будущее этого уже родного, но Господом забытого города. Рождение плотно переплелось со смертью, свет с тьмой.

«Все серое, белого нет», — думал Павел, и ему очень хотелось нажать на газ, когда он вез очередную беременную женщину, лишь бы не попасть под бомбежку. Но дороги были такие, что роды могли начаться в машине. И неизвестно, что страшнее — чувство беспомощности перед рожаящей женщиной или гул самолетов. Это разрывало его изнутри. В определенный момент он хотел сменить работу на что-нибудь попроще, но главврач объяснил ему, что единственное место, куда он может отправиться, — это фронт.

— А-а! — резкий крик сзади вывел Павла из забытья. — Петя, сынок, ты где? — стояла в беспомысленности Антонина.

— Минуту осталось, потерпи, — крикнул назад, в темноту, Ильяс и зло продолжил: — Паш, вот ты образованный, скажи мне, что делит Восток и Запад? Ведь мы же одинаковые, рождаемся одинаково, через боль и слезы, живем тоже одинаково, кто-то праведно, кто-то по-скотски, и умираем не шибко разное, опять через боль. И притом спешим преумножить ее. Немцы тоже со своим пониманием, для них же война что пыль в палате протереть. Чисто должно быть, стерильно. Можешь, Паш, себе представить, чтобы всю жизнь в больнице прожить.

Машина проскочила мимо Аничкова моста. Через пять минут они подъехали к роддому и, словно мураши, подхватив носилки, засеменяли в роддом. Женщина металась в полубморочном состоянии. В здании было очень беспокойно, как в разворошенном муравейнике: от дневной бомбежки разрушился соседний дом, и куски штукатурки, отлетевшие от него, выбили часть окон роддома. Уже все здания вокруг пострадали от прямых попаданий, роддом, как заговоренный, пока отделялся легкими ушибами. Шла ускоренная миграция из разбитых палат в уцелевшую часть здания. Где-то раздобыли ткань и затягивали проемы. Павел с Ильясом занесли носилки в приемное отделение, передали женщину в руки врачей и пошли выпить чаю. Ильяс, даже не допив кружку, пошел домой: его смена закончилась.

— Спасибо Чингисхану за то, что соединил наши народы. Вот только в Европу зря не пошел, решил, что там одни варвары живут. До сих пор за это расплачиваемся... Спокойной ночи, — бросил он на прощание.

Павел, ошарашенный от таких мыслей, отпустил его не возражая, сказав только, что сам перегонит машину на станцию «Скорой помощи». Чуть позже он задремал с кружкой кипятка...

Нюра опять возникла перед ним — стеклянные глаза, стеклянный осколок. Она, конечно, очень нравилась ему. Они были знакомы несколько месяцев. И когда он видел ее, он видел в первую очередь ее глаза. Обтянутые от недоедания кожей скулы сделали их еще больше — когда она смотрела на него, ему казалось, что вся вселенная сосредоточена в ее глазах и готова выскочить наружу мириадами звезд. Он так и не заговорил с ней о своих чувствах...

«И где же все эти звезды, куда они делись? Звезды просто так исчезать не могут», — уже полгода стеноло внутри.

Но вдруг второй образ заслонил эту жуткую картину. Павел перенесся в квартиру Галины, в тот злополучный вечер, когда в ней еще не развеялся запах собачьего мяса. Он так и не сумел тогда прикоснуться к нему, Галина тоже только обсосала косточки, которые остались от детского пиршества. Зато дети были подвижны и счастливы. Их улыбки озаряли неприхотливость коммунальной квартиры. Галина тоже светилась, перемещая благодарный взгляд с детей на Пашу. Павел во сне почувствовал, как разливается тепло внутри...

Кто-то тихонько потрогал его за плечо.

— Паша, нужно ехать.

Галина как будто вынырнула из сна.

— Рожают? — спросил он, протерев лицо рукой и сбросив дремоту прочь.

— Нет. Ты не представляешь, последняя гражданка, которую вы привезли, Антониной вроде звать, отказалась рожать до тех пор, пока мы не привезем ей первого сына.

— Что? Это шутка? Я уже почти сутки на ногах. Пойдем к ней, я ей объясню, от чего она может отказываться, а от чего нет.

Когда они вошли в палату, Антонина несколько пришла в себя — ей делали кардиограмму. Смотреть на нее было больно: губы синие, под глазами синяки, волосы перепутались, в глазах боль, но боль не физическая.

— Женщина, вы тут чего удумали, вам рожать нужно, а не истерики закатывать. Подумайте о будущем ребенке, — попробовал сразу перейти в наступление Павел.

— Доктор, я не могу, мне очень страшно! Меня колотит от страха! Вам было когда-нибудь не просто страшно, а жутко, доктор? — Она приподнялась на локтях и посмотрела на него с такой животной тоской, тоской о бессмысленности существования, внутри которой была потеря мужа и теперь возможная потеря еще и сына. Павел вспомнил свои страхи, сказать о них он, конечно, не решился, но подумал о том, что как бывает важно, чтобы кто-нибудь был рядом и помог им разрешиться.

— Ладно, минут за сорок авось обернемся. — прошептал он.

Когда они уже снова неслись по набережной реки Фонтанки, Галина продолжила:

— Ей надо кесарево делать, у нее что-то не в порядке, каждая минута на счету, а она очнулась и устроила истерику. «Верните мне моего сына, без сына рожать не буду!» Якобы позавчера, когда они ходили за пайком, ее, естественно, пропустили вперед, и какой-то дядька, дрянь такая, из очереди посмотрел плотоядно на нее, на ее сына и с хищной завистью сказал: «Ну, ты-то с голоду не помрешь». У нее, естественно, паника, обратно шли, она все оглядывалась. Зачем мне, говорит, еще ребенок, если я Петьку потеряю. Дура, конечно, но я ее понимаю. Знаешь, как страшно, когда одна вечерами, и твоих коленей касаются детские руки, даже не руки, а пушинки тополиные, и смотрят на тебя голодные глаза. И тишина. И даже сил заплакать нету. И каждый вечер не просто ложишься спать, а молча прощаешься и как будто умираешь, и каждое утро, когда слышишь шорох их ног, воскресает вновь... и так каждую ночь. Спасибо вашему хирургу и тебе, Паш, теперь долго продержимся...

Ее рука легла на бедро Павла. Он, одной рукой выкручивая руль, другой очень аккуратно, будто боясь разбить, переложил женскую руку со своей ноги на сиденье автомобиля и, чтобы замаять неловкость, спросил:

— Галь, а ты давно в зеркало смотрелась?

— А что, не нравлюсь? — она переменялась в лице.

— Да нет. Просто разрез глаз у тебя стал как у корейца.

— Ты это о чем, Паша?

— А ты, Галь, не знаешь, что ли, что корейцы собак едят?

— А ты, Паш, не боишься, могу и тебя съесть.

— Не боюсь, они обычно миролюбивые, — уточнил он, и оба прыснули от смеха...

Машина повернула во двор, и настроение сразу поменяло знак.

— Пойду проведаю контру недобитую. Шучу. Хорошая она, баба Лиза. Зря эта женщина переживает за сына.

В этот момент, как всегда неожиданно, прозвучала воздушная сирена.

— Явились — не запылились. Конечно, там, наверху, пыли нет. Похоронный кортеж, ядрена мать.

Павел поднялся на третий этаж и бесцеремонно начал долбить ногой дверь.

Уже через минуту старушка, в ночной рубашке, открыла ему.

— Извини, бабуль, но мне нужно срочно забрать мальчика с собой, в больницу, к матери, — добавил он. — Сами спускайтесь, слышите, налет!

Баба Лиза привела Петра, наскоро одела его в девчачью куртку.

— Это моей внучки, знала, что пригодится. А бомбежки я не боюсь, уже давно наш дом заговоренный, — пробормотала она, протягивая Павлу несколько яблок.

— Два тебе, а два Тоне. — Запах моментально унес его в те времена, когда они мальчишками лазили в соседские сады и когда эти сады были еще чисты. Уже закрывая дверь, она вдруг остановилась, открыла ее снова и, бросив: «Догоню», нырнула в квартиру. Через минуту она вышла вновь, держа в руках красивую расписную книгу.

— Это Коран. У меня муж был башкир. Передай Ильясу. Мне вроде ни к чему, а ему пригодится. Мы когда подымались с ним, он мне сказал, что не знает, как жить дальше.

Елизавета Сергеевна решила проводить троицу до машины и подсветить им фонариком. Когда они подошли к машине «скорой помощи», то в темноте высветился совсем новенький «москвич».

— Красивый, моего мужа. Я иногда езжу, когда очень приспичит, — почему-то прошептала баба Лиза.

Машина уже мчалась по улице Дзержинского, когда послышался вой и земля начала сотрясаться от дальних разрывов позади машины.

— Баба Лиза ангел, а ангелы бессмертны, — процедил Павел, ожесточенно крутя баранку «газона» и посматривая в зеркало заднего вида, будто пытаясь разглядеть, как там она. Он пока еще мог контролировать свой страх.

Галина улыбнулась Павлу и спокойно взяла его за запястье. Она слышала от общих друзей про его проблему.

— Наш завгар говорит, что страх возникает от недостатка опыта. Может, Антонина перестанет бояться, когда будет рожать пятого? — спросил он в пустоту и замолчал.

Сверху доносился морозящий гул, а совсем рядышком, в пяти метрах, Нева несла свои темные воды в Балтийское море вместе с людскими надеждами, страхами и горькими слезами. Павлу захотелось погрузиться в эти воды и медленно плыть, как бревно, свыкнувшись со своей судьбой.

И вдруг Павел вскинулся, будто ужаленный:

— Но какой, к черту, здесь опыт? Можно ли к этому привыкнуть? — спрашивал Паша Галину с уже окрашенными беспокойством глазами. Но рука Галины, лежащая на руке Павла, делала свое дело. Через нее, словно через клапан, уходило лишнее напряжение.

— Уже недалеко, — успокаивал он себя, и в этот момент гул начал перетекать в более высокие звуки, превращаясь в визг. Павел интуитивно понял, что ему заходят с тыла. И через несколько секунд треск пулеметной очереди и рикошет заполнили все звуковое пространство. В боковое зеркало было видно, как пылевое облако от пуль нагоняет автомобиль, как будто невидимая машина неслась вдогонку, желая обогнать его «газон».

— Ему, гаду, бомбу жалко, он же как в тире, а мы сами себя подсвечиваем! — выкрикнул Павел, выключив фары, и резко повернул вправо. Это движение спасло троицу от неминуемой гибели — крупнокалиберные пули прошли только багажник автомобиля.

— А вот и опыт! Давай еще! — уже в азарте кричал Паша.

Но одна из пуль пробила колесо, и машину начало вести вправо. Все это время Павел чувствовал руку Галины на своем запястье. Она то соскакивала вниз, когда Паша дергал ручку рычага передач, то вновь находила его кисть. И каждый раз легкое пожатие не давало свалиться ему в пропасть страха и, кроме того, давало знать, что с Галей

все в порядке. Павел резко оглянулся, и даже в полной тьме можно было разглядеть, как блестят глаза мальчика: там светилась смелость. Этот взгляд сорвал и унес прочь остатки страха, что лохмотьями еще болтались на Павле и мешали его движениям.

— Как ты там? — успел спросить он и снова обернулся к дороге.

— Хорошо!

Прозвучало так, будто там сидел взрослый мужчина, собравший в этот незамысловатый ответ все возможные матерные слова русского языка. Павел перевел взгляд на Галину, заглянул ей в глаза, обнаружил там потерянный космос со всеми своими звездами — они просвечивали сквозь тучи недобрых эмоций — и уже сам в свою очередь положил свою руку на кисть Галины и тихонько пожал ее с благодарностью. Несмотря на быстроту движений, на усилия, прилагаемые к рулю, сейчас он ощущал покой. Состояние умиротворения и полной своей защищенности заполнило Пашу. Он был бесконечно благодарен Галине.

— Эх, мне бы сейчас ружьишко, я этому гаду! — добавился азарт к состоянию покоя.

Проехав еще полквартила, они услышали сзади металлический скрежет, перемежающийся с хлюпаньем резины. В полной темноте вести машину на диске было невозможно: освещение улиц перед бомбежкой выключали полностью, а Павел не рисковал включить фары. Он подрулил к обочине, выскочил из кабины, открыл багажник, прихватил пацана под мышку и, взяв Галину под руку, рванул в сторону роддома. Гул самолетов больше не беспокоил Павла. Несмотря на всю драматичность, ему было легко и спокойно. Он бежал со всех ног, как когда-то бегал в школе стометровку: от скульптуры Ленина, стоящей во дворе, в том направлении, куда указывала рука бронзового вождя.

До финиша было уже недалеко, но каждая минута могла стоять жизнью и мамочке, и младенцу. И вдруг пробегая мимо Шереметевского дворца, они услышали звук приближающегося автомобиля. Павел остановился, обернулся и заслонил лицо рукой от света фар. Машина затормозила, и в окне показалось лицо бабы Лизы.

— Вметывайтесь, — улыбнулась она.

— Вы как здесь, ангел?

Пораженный Паша открыл задние двери и впустил туда Галину с мальчиком.

— А я подумала: кто назад повезет Петра? Вы всю ночь на дежурстве, отдохнуть бы. Бомбежки я не боюсь. А тут вас встречаю. Значит, так и должно было быть, — говорила баба Лиза, пересаживаясь на пассажирское сиденье. Павел сел на место водителя, и машина рванула к роддому. Пробирались они в полной темноте, только изредка, включая фары, чтобы объехать рытвины, которые проступали на дороге, словно военная тайнопись на бумаге. По ней можно было прочитать всю историю налетов за последний год.

— Если все будет хорошо, пойдем сегодня в кино, в «Художественный»? — неожиданно повернулся Павел к Гале.

— Я только домой заскочу, детей гляну, — улыбнулась Галина, подумав о том, что путь к сердцу мужчины лежит через его страхи.

— А завтра я напишу заявление на фронт, — продолжил Паша.

«Ну вот, а оказав ему помощь и обретя его, тут же начинаю его терять. Мужчине всегда нужно идти дальше», — все еще улыбаясь, думала Галя. Ждать ей было не привыкать.

Наконец автомобиль повернул на улицу Петра Лаврова. В темноте сперва бледно, а затем все ярче и ярче светил маяк — единственное здание, окна которого, пусть и зашторенные, светились на улице. Это были окна роддома...

CHUZNAK

Рассвет упорно пытался зацепиться за крыши домов, но облака отбрасывали его лучи вверх, не давая им опуститься ниже и осветить мансардные окна самого лазурного города Франции. Как будто облакам вчера отвалили жирные чаевые, чтобы они позволили выспаться после загула гостям и жителям Ниццы. Самые богатые люди со всего мира приезжают сюда, где на улицах города каждый вечер происходит показ самых последних марок дорогих автомобилей и не менее дорогих платьев. Сегодня, в День взятия Бастилии, выспаться утром просто необходимо — главный праздник Франции требует безукоризненного внешнего вида. Город уже позаботился об этом, он еще вчера был украшен французскими флагами, развешанными на каждом углу.

Пока рассвет безуспешно боролся с облаками, на одной из улиц района Аббатуар смуглый, крепко сложенный мужчина в изрядно поношенном джинсовом костюме возился с тросом, которым к перилам крыльца был припаркован велосипед. Какой-нибудь ранний или, наоборот, слишком припозднившийся прохожий мог бы принять его за воришку: мужчина никак не мог попасть ключом в скважину замка, его руки тряслись, он как будто сильно волновался. Мужчина был средних лет, но седина уже пробивалась сквозь черную плотную шапку волос. С юности обоженное солнцем лицо с грубоватыми правильными восточными чертами было покрыто недельной щетиной.

— Проклятая Ницца, проклятая Франция, — процедил он.

Анис, так звали мужчину, уже вспотел, как будто тягал пудовую гирию, а выражение лица было настолько злым, что казалось, будто он снимает не трос с велосипеда, а ошейник с собаки, которую хочет спустить на врага. Но вокруг никого не было. Редкие машины, проезжавшие мимо, в основном пикапы, развозили к завтраку продукты и свежую выпечку по ресторанам. У Аниса внутри все непроизвольно сжималось, и тошнота подступала к горлу раньше, чем нос успевал уловить аромат печеного. Вчерашняя смесь дешевого вина и местной настойки стояла колом у него в горле, а резкий запах дешевой женской косметики не смылся даже под холодным утренним душем. Анис снова воспользовался службой знакомств, хотя уже несколько раз клялся себе завязать с этим делом. Дамы, которые приходили на свидание, весьма отдаленно напоминали выложенные в Интернете фотографии. Ему вспомнился вчерашний бигмак в «Макдональдсе», столь же отдаленно похожий на свою аппетитную рекламу на фасаде ресторана.

Замок все никак не поддавался. Превозмогая тошноту, Анис сосредоточился на руках. Злость ядовито шипела внутри. Ее хватало бы, что бы отравить небольшой город. Ему вспомнилось, как в юности он пытался угнать мотороллер со склада спортивного магазина, но тогда трос оказался настолько толстым, что он не мог перекусить его кусачками. Анис сумел оставить на металле только пару зазубрин, но прибежал охранник с собакой и схватил его. Громкое разбирательство в школе и поход с отцом к местному мулле не вразумили Аниса.

— Ты не можешь мне купить мопед. Аллаха нет. Все устроено нечестно, — кричал он на отца.

Воспоминание еще больше разозлило Аниса, он ругался на свою вчерашнюю слабость, на свою мать, которая родила его невезучим, он злился на этот город, который может себе позволить спать до обеда, на президента Франции, который игнорирует права эмигрантов... Ключ неожиданно повернулся, и трос резко раскрылся, больно ударив Аниса замком по руке. Небольшая, но глубокая ранка моментально наполнилась кровью.

— Дьявол! — чертыхнулся Анис.

Ему предстояло добираться на велосипеде практически через весь город, до места парковки грузовика, на котором он развозил мороженое по сети ларьков местного предпринимателя Этьена. В этом сладком грузе тоже была некая насмешка судьбы: каждое утро с горького похмелья доставлять сладкое лакомство тем, у кого и так было всего с лихвой. Аниса передергивало, когда он видел детей, уплетающих мороженое. В детстве он лакомился только по большим праздникам, а яркие фотографии «Nestle» с плакатов на фасаде супермаркета тянули к себе каждый день, когда он шел мимо них в школу. Вчера вечером, прогуливаясь вдоль фонтанов по площади Массена, он не выдержал и украдкой толкнул в спину конопатого пятилетнего мальчишку, смачно поедающего эскимо. Тот споткнулся и припечатал мороженое к яркой шифоновой юбке своей матери. Получив от нее подзатыльник, малыш обиженно разревелся...

* * *

Четыре года назад Анис, оставив дома в Тунисе жену с тремя детьми, подался на заработки во Францию. Он забрал с собой десять тысяч евро, которые были накоплены семьей за десять лет, с твердым желанием их удесятерить. Анис, по телефону выслушав все, что о нем думает жена, обещал ей, что когда-нибудь покатает ее на кабриолете по Лазурному побережью и они обязательно отведают омаров в лучших ресторанах Монако. Анис мечтал о ночных клубах, спортивных аренах, больших кинотеатрах... Впервые приехав в Париж, он почувствовал, что сказка воплощается в действительность и он словно скользит от ночи к ночи, упиваясь столичной жизнью. Ничего похожего в его по-мусульмански аскетичном городе Мсакен не было.

В Тунисе при внешней религиозности уже царил светская мораль: хочешь молись, хочешь нет. Мечеть находилась далеко от дома Аниса, и он уже в старших классах позволял себе пропустить утренний намаз и поспать пару лишних часов. Отец работал на виноградниках и уходил на работу рано:

— Сын, через час поднимайся и иди в мечеть, воистину намаз отстраняет от мерзости и явного греха, — цитировал он суру из Корана, собираясь в поле.

— Хорошо, отец, — отвечал Анис и спал дальше, порой просыпая и первый урок.

— Ты не мусульманин, опять пропустил намаз, тебя накажет Аллах, — кричала мать, поднимая его в школу.

— У нас из класса почти никто не совершает фаджр.

Книг Анис не читал, зато буквально глотал американские фильмы.

«Когда-нибудь я буду жить в стеклянном небоскребе, на сотом этаже, и забуду этот убогий одноэтажный город с его Рамаданом и никому не нужными правилами Корана», — мечтал он.

Почему, спрашивал себя Анис, где-то там ходят в рок-клубы, а здесь обречены на пение муэдзина? Он завел дружбу с местными байкерами, но отец не мог купить ему мотоцикл, и Анису приходилось завистливо вздыхать при виде стальных машин.

Во Франции Анис надеялся получить все и сразу. В Париже он работал водителем такси, сутенером, потом был боевиком в одной полукриминальной структуре, но, получив год условно, завязал с этим. В веренице событий Анис получил извещение о разводе и понял, что остался один. Отец учил его, что мужчина в семье — опора.

— Слушай лозу, она расскажет тебе о том, что без корней засохнешь, семья — это основа, — говаривал он, приводя сына на виноградники, где в сезон приходилось работать по двенадцать часов в сутки.

Но Анису всегда казалось, что он упускает что-то большее. Узнав о разводе, он ощутил облегчение. А с другой стороны, какой теперь смысл пыжиться изо всех сил?

— Особняк, «мерседес», для кого теперь это все? — вспоминал свои мечты Анис. Возвращаться ему было некуда.

— Ну ее к шайтану. Женщина — порождение ада. Не поймешь, что у нее на уме. Говорит мне: «Ты глава семьи. Ты наш защитник. Слушайся муллу, он плохого не скажет». И тут же: «Что ты мне свою мать в пример ставишь, сейчас не прошлый век». Отец зарабатывал мало, и то мать боялась глаза на него поднять. А моя: «Не нравится — уходи». Знает, что имущество ей отойдет. Новые правила развода, брачные контракты — это все объедки со стола Франции, — рассказывал Анис своим поделникам.

С каждым годом желание срубить куш постепенно растворялось в череде неудач и развлечений. Сказка превратилась сначала из цветной в черно-белую, а затем стала просто фотографией какой-то китайской деревни: в бедном районе Гобелен в Париже, где он жил, все вывески были написаны иероглифами, и французский язык здесь не слышали уже давно. После того как у него обчистили квартиру, с остатками денег и небольшой дорожной сумкой Анис добрался до Ниццы.

Переночевав в хостеле, он решил прогуляться по городу, пытаясь найти место, где ему может улыбнуться удача. Выйдя на набережную, Анис почувствовал жажду, но прошел мимо множества открытых ресторанчиков и присел выпить кофе только возле отеля «Негреско». Ему хотелось хоть как-то прикоснуться к роскоши, подышать одним воздухом с людьми, сидящими здесь. Они приезжали и уезжали на дорогих авто, которые стартовали со звериным визгом и рыком. Это было круто. Анису захотелось стать владельцем такого автомобиля. Он развалился в плетеном кресле и представил, как его новый шелковый костюм будет холодить разгоряченное тело в открытом кабриолете...

— Что будете заказывать? — Вопрос официанта прозвучал словно из ниоткуда.

Анис вернулся к действительности и расстегнул душную джинсовую куртку.

— Кофе, будь любезен, — растерянно попросил он.

Чуть позже, когда официант, по виду тунисец, застилал стол салфеткой, Анис вкрадчиво спросил:

— Земляк, где бы можно подработать?

— Гражданство есть? — вопросом на вопрос ответил официант.

— Да я коренной француз, — обиделся Анис, показывая французский паспорт.

— Тут в порту стропальщиками такие коренные работают. Сам два года отпахал, пока не нашел это место. Правда, оно тоже сезонное, и я вместе с птицами лечу каждую осень обратно в Африку. Но если ты хочешь что полегче и есть права и деньги, то можешь взять грузовик в аренду и развозить мороженое. Есть в городе одна компания, там директором Этьен, она поставляет мороженое в два десятка ресторанов. Одна машина вполне справится, если начинать затемно. Местная компания, где он нанимал водителей, сейчас бастует, поэтому Этьен может заплатить и двойную цену. В это время он обычно в офисе.

«Может, повезет», — подумал Анис, а вслух спросил:

— Какое сегодня число?

— Десятое июля. Скоро День взятия Бастилии, большой местный праздник, — сказал официант, нахмурившись. — Сплошная суета. Кстати, у нас тоже праздник, неделю назад наконец-то открылась мечеть, приходи в пятницу на вечернюю молитву.

— Я не верю в Аллаха, — с вызовом ответил Анис.

— Так не должно быть. Ты родился правоверным, — бросил официант и ушел на кухню.

Рев автомобиля заставил Аниса обернуться. Из припаркованного спортивного авто вышла девушка в обтягивающих джинсах и незаметном топике, на ее голове была широкополая соломенная шляпа необычной формы. Шляпа была похожа на

морскую раковину, из которой выглядывал и сам моллюск: лицо девушки было абсолютно бледным, а взгляд — холодным.

«Или финка, или шведка», — подумал Анис.

Когда она проходила мимо, верх ее шляпы зацепился за спицу зонта, под которым сидел Анис. По инерции девушка сделала еще несколько шагов, а шляпа так и осталась висеть на краю.

«Шанс», — решил Анис. Он встал, снял головной убор и протянул его девушке. Но та бросила на него уничижающий взгляд и, поглубже надев шляпу, прошла к угловому столику. Анис разочарованно упал в кресло, стараясь не смотреть в ее сторону.

«Пришла одна и уйдет одна», — он бросил еще один взгляд на ее двухместный спорткар, в котором пассажирское сиденье было завалено коробками с одеждой.

Жалобный скрип стула отвлек внимание Аниса. Из-за соседнего столика поднялся молодой рыхлый итальянец. Он бросил на стол две купюры по двадцать евро и пошел к выходу, не отрывая взгляда от экрана смартфона.

Итальянец выглядел нелепо в дорогом, но сильно измятом белом шелковом костюме и отельных шлепанцах на босу ногу. Завершал картину желтый шарф, небрежно повязанный на шее, — Анис невольно вспомнил селезня, которого держали в декоративном прудике китайского ресторана в Париже. Анис все ждал — когда же его готовят для какого-нибудь любителя утятин.

Проходя мимо, итальянец запнулся и, чтобы не упасть, схватился свободной рукой за ближайший к нему стол. Недопитая чашка кофе, соскользнув с блюдца, опрокинулась на колено Аниса. Он подхватил ее и, поставив на место, привстал и расправил плечи, но итальянец, не отрываясь от экрана, пробормотал «сорри» и бросил на стол пятьдесят евро. Анис мельком успел разглядеть на смартфоне фото морской рыбалки на акул.

«Он думает, им все можно».

Место для скандала было неподходящим.

«Это он здесь селезень, а хотелось бы послушать, как он будет крякать уткой, если его зажать где-нибудь в проулке».

Анис забрал брошенную купюру и прихватил чаевые, которые итальянец оставил на своем столе. Пора идти искать офис торговой фирмы.

Он быстро договорился с Этьеном, невысоким, худощавым французом. У того была практически безвыходная ситуация — рестораны искали других, более шустрых поставщиков. Этьен предложил подписать партнерский контракт.

Несмотря на природную худобу — кости выпирали на плечах из-под рубашки, — он пытался произвести впечатление серьезного бизнесмена. Все атрибуты: просторный кабинет, большой дубовый, покрытый кожей стол — говорили об этом. Внимание Аниса привлекли крупные золотые, инкрустированные камнями часы на руке Этьена: они сползли по запястью, когда тот ставил свою подпись. Этьен быстрым движением поднял часы на место. Анис подумал, что было бы неплохо со временем сесть в этот кабинет вместо Этьена и обзавестись такими же часами. Но что-то его смущало: может, излишнее радушие, может, странная суетливость хозяина:

— Тунис и Франция были столько лет вместе, мы должны помогать друг другу. Предлагаю обмыть сделку. Гренаш — мое любимое тунисское вино.

— Отлично, — ответил Анис.

Подписывая контракт, Анис заволновался. Чтобы успокоиться, он начал вращать ручку между пальцами, как любил делать его подельник в Париже. Этьен откупорил бутылку и начал разливать вино по бокалам, но, заглядевшись на ловкие движения Аниса, отвлекся, и вино забрызгало джинсы новоявленного партнера.

— Оу, — выдохнул Анис.

— Извини, в квартале отсюда есть химчистка, там отстирают и вино, и кровь, — сочувственно заметил Этьен, указывая на темное пятно.

— Это не кровь, это кофе, — Анис повернулся, скрывая ногу под столом.

Этьен достал из сумочки толстый кожаный бумажник, замаявшись, вынул пятьдесят евро и положил их на стол перед Анисом.

«Отец неделю работал на виноградниках, чтобы получить такие деньги, — подумал Анис. — А вдруг это вино из того самого винограда?» Он украдкой бросил взгляд на бутылку — вино было закупорено через два года после смерти отца. Но внутри колыхалось странное эхо: «Мы на побегушках у европейцев, мы на побегушках, это не правильно».

После встречи с Этьеном Анис поехал в прокатную фирму на холмах за городом и взял в аренду среднетоннажный рефрижератор марки «рено». Он заплатил две тысячи евро залога и четыреста в виде оплаты аренды за три дня. Ему предлагали пикап, но он посчитал, что сможет, кроме мороженого, возить что-нибудь еще. Анис хотел почувствовать себя хозяином дороги, вожаком стаи, за которым бегут легковушки, мотоциклы, пикапы... Хотел посмотреть, как расступятся все они, когда он выедет на дорогу. Он жаждал новых впечатлений. Его уже не так пугало, что в кармане осталось несколько сотен евро.

«Может, еще и покатаю на кабриолете не жену, так детей, — думал Анис, выходя из офиса прокатной фирмы и нащупывая в кармане остатки денег. — А может, и не получится», — мысль цапнула и пропала в потоке приятных предчувствий.

Когда он подходил к городу, солнце точным броском опустилось в единственное облачко на горизонте, как бильярдный шар в лузу, и, подсветив его, еще долго выглядывало из-за горизонта, словно луза была переполненной.

«Эту партию я должен выиграть», — подумал Анис и отправился искать жилье.

В сравнительно недорогом местечке Аббатюар он нашел, то что было нужно. Зайдя в комнату и бросив сумку на кровать, Анис первым делом достал ноутбук, вошел в Интернет и погрузился в местные сайты знакомств. Он верил, что сегодня его день и он в приятном обществе прогуляется по Английской набережной...

* * *

Три дня пролетели в суете. Было очень жарко, и Ницца огромными порциями поглощала мороженое. Рефрижератор Аниса, как большая ложка, сновал от базы к ресторанам, без усталости убаюкивая город.

Наступило утро долгожданного праздника. Особо настойчивые лучи пробивались сквозь облачный занавес, проникли под темные гостиничные портьеры и потревожили нежащихся в постелях гостей города. Город начал готовиться к вечернему действу: флагами и шарами украшали набережную, устанавливали VIP-зону и полицейские ограждения, расставляли пиротехнику, залпы которой должны были напомнить о давно прошедших событиях.

Разделавшись с парковочной цепью, Анис устало крутил педали. Даже раннее облачное утро не остужало внутреннего жара. Каждый оборот педалей отдавался болью в голове, если бы не похмелье, организм бы уже привык к нагрузке. Пот ручьем лил по лицу и спине. Анис с завистью подумал о мажорах, которые приезжают за своими грузовиками на такси. А бросив взгляд на облачное небо, позлорадствовал:

— Никто, кроме небожителей, ваш салют и не увидит.

Обливаясь потом, он вспомнил свои мечты о том, как будет хозяйничать на дорогах. Работа на грузовике была тяжелой — приходилось помогать на разгрузке. Вста-

вая перед рестораном, грузовик обычно перегораживал улицу, и автомобилисты, которые не могли объехать большегруз, с удовольствием жали на клаксоны. Так нелепо твякают на сенбернара болонки. Это даже забавляло Аниса, но управляющий одного из ресторанов пожаловался Этьену.

Когда выдавалась свободная минутка и Анис мог спокойно посидеть в кабине грузовика, он с завистью выглядывал посетителей в дорогих костюмах, входящих в ресторан с парадного входа. Их взгляд обычно не останавливается на грузчиках и водителях. Они не замечают их, как не замечают мелких грызунов крупные хищники, высматривающие только крупную дичь: дорогие машины, ярких женщин... Анис пытался отрепетировать подобный взгляд перед зеркалом, но у него выходило комично и жалко.

«Они, наверно, и этот взгляд получили вместе с наследством», — Анис вспомнил Этьена. Ему не хотелось верить, что тот достиг всего сам. Хотя хватка современного бизнесмена проявлялась в Этьене отчетливо: в первый день он не заплатил под предлогом, что заболел бухгалтер, во второй сказал, что готовится к празднику и пришлось все деньги вложить в оптовую партию мороженого.

«Я должен сегодня забрать свои деньги», — пульсировало в голове у Аниса. Ему было необходимо сегодня вернуть машину в агентство или внести еще четыреста евро, а денег осталось только на мороженое. Внимание Аниса привлекла ярко освещенная витрина ювелирного магазина. Он притормозил, его взгляд пробежал по ценникам и остановился на одном, с четырьмя нулями. Анис присвистнул:

— Ломик бы сейчас...

Нет, сидеть он не хотел. Заметив, что самым дорогим на витрине было обручальное кольцо с крупным бриллиантом, Анис непроизвольно посмотрел на свою правую руку, где еще не так давно блестели его обручальное на безымянном и родовое кольцо на среднем. Первое он подарил в прошлом году уже забытой девушке по вызову. След от него уже сравнялся с общим загаром. Родовое кольцо, переданное отцом от деда, было бездарно проиграно в наперстки на Монмартре таким же коренным французам, как и он. Попытка забрать кольцо назад стоила ему разбитого носа.

Анис на скорости приблизился к перекрестку и, не слезая с велосипеда, поехал по пешеходному переходу. Сигнал клаксона застал его врасплох. Велосипед вильнул вбок и врезался в парапет. Анис, перелетев через раму, упал на тротуар. Оглянувшись, он увидел за рулем грузовика крепкого араба, бледного от неожиданности.

— Как у себя дома, — сплюнул Анис и вытер кровь с локтя.

Когда Анис приехал на парковку, тучи уже расступились и пятились к горизонту, уступая пространство празднику. Анис, загрузив машину мороженым, поехал развозить лакомство по точкам Этьена. Когда в холодильнике осталась только пара контейнеров с подтаявшим мороженым, Анис, оставив грузовик на парковке, отправился в офис за зарплатой. Он чувствовал, что Этьен так просто не расстанется с деньгами, и эта мысль заставляла его остервенело крутить педали.

Этьен спокойно стоял у зеркала, разглаживая полы своего дорогого хлопкового пиджака в крупную коричневую клетку. Пиджак был несколько великоват для него. Заметив Аниса, Этьен еще раз провел рукой по лацкану.

— Садись, — неожиданно резко бросил он.

Анис растерянно плюхнулся в кресло и больно задел разбитым локтем о край стола.

— Я больше не нуждаюсь в твоих услугах. Забастовка закончилась. Не вижу необходимости платить тебе больше, чем другим. Вот еще что: мне позвонили из нескольких точек — мороженое было подтаявшим. Это я тоже вычту. Ты же не хочешь, чтобы я проинспектировал остальные точки... Мой юрист все подготовил, — отрезал Этьен.

Боль не позволяла Анису сосредоточиться. Но при слове «юрист» у него внутри все оборвалось: как ловко Этьен из обвинителя превратил его в обвиняемого.

Он забрал деньги не пересчитывая, посмотрел на Этьена с обреченной ненавистью и вышел. Забыв про велосипед, стоящий у входа, он пошел пешком. Невыносимая обида подступила к его горлу и встала поперек, мешая дышать.

Пройдя квартал, Анис зашел в неприметное кафе, спрятавшееся за яблонями. В нем не было никого в это время — время сиесты. Сел за первый попавшийся стол. Огляделся с ненавистью и болью. Напротив его стола висела картина — единственное яркое пятно на серо-коричневой стене.

На картине была изображена гостиная в марокканском доме, где семья — муж, жена и двое детишек — обедали. Еще пять лет назад он так же сидел во главе стола и лениво покрикивал на балующихся детей, пока жена накрывала на стол. Он подробно разглядывал свое прошлое, боясь заглянуть только в глаза изображенных на картине людей, интуитивно опасаясь их презрения. Сквозь гул в голове он услышал женский возглас, донесшийся от входа в кафе:

— Настя!

Обернувшись, Анис увидел у входа молодую пару. Женщина в белом коротком платье быстрым движением придержала маленькую девочку с рыжеватыми кудрями, чуть не упавшую с плеч мужчины. Мужчина — молодой брюнет в черных шортах и фирменной футболке клуба «Лион» — видимо, запнулся о порог.

«Русские», — подумал Анис.

Он немного знал их язык. В криминальных кругах Парижа они всегда удивляли его хмуростью, но уж если смеялись, то оглушительно громко. Эта троица была другой — она светилась изнутри.

Они, возбужденные происшествием, прошли через все кафе, сели за столик под картиной и на смешном английском заказали рыбный суп.

Анис не понимал, как может им быть так хорошо, когда ему так плохо. Он смотрел, как они играют с девочкой, заигрывают друг с другом, но когда мужчина поцеловал женщину в шею, Анис смутился и перевел взгляд на картину. Он встретился взглядом с улыбающимся мальчишкой — и картина ожила. Ребенок, смеясь, уплетал кус-кус.

Аниса пронзило чувство одиночества, пронзило так сильно, что ушло в позвоночник. Как будто игла хирурга вошла в него и обездвижила Аниса. Боль отступила — он впал в оцепенение и боялся очнуться, чтобы не испытать ее снова. Он не слышал официанта, подошедшего принять заказ, и заметил его только тогда, когда ему на колени запрыгнула кошка.

— Кыш! — Анис отшвырнул ее на пол. Отскочив, она оглянулась и жалобно посмотрела на Аниса. Он подумал: «Меня отшвырнули так же».

Он заказал чашку чая, достал смартфон, чтобы чем-то занять руки и голову, начал быстро прогонять новостную ленту фейсбука. Вдруг он заметил на экране знакомое лицо — с фотографии улыбалась девушка, как две капли воды похожая на его жену в молодости, рядом с элегантным немцем. Они стояли возле огромного «мерседеса». Комментарий к фотографии гласил: «Он увезет нас в рай». Кто он — джип или мужчина, — было непонятно. Разглядывая джип, Анис вспомнил свой грузовик. Ему стало ясно, что делать дальше. Пружина разочарований, сжимавшаяся последние два года, моментально распрямилась. Он вдруг понял, что вся его жизнь была вызовом Аллаху, а все невезения — ответом ему. Что в глубине души он презирает тех мажоров, к которым его тянуло на протяжении всей сознательной жизни.

«Вечером, в праздник, на набережной будут все. И Этьен притащится. Лощеные подонки, вы заманиваете нас в свой европейский рай. А я покажу вам арабский ад!»

Он отшвырнул телефон, смахнул чашку на пол и вышел из кафе. План выстроился быстро.

«И возвращать грузовик не надо», — проскочила мысль.

Он добрался до гостиницы, взял из сумки пистолет калибра 7,65, привезенный из Парижа. Вспомнил, как обошел металлоискатели на железнодорожном вокзале: «Не зря», — и с этой мыслью он отправился к грузовику. На последние деньги шиканул и взял такси до парковки. Уже когда грузовик шел полным ходом к Английской набережной, его остановил кордон полицейских. Анис не торопясь вылез из кабины, подошел к двум офицерам:

— Везу мороженое на праздник. Оно тает. Очень жаркий день. Гости Ниццы останутся без сладкого.

Один из офицеров сказал другому, что машину необходимо досмотреть. Но второй махнул рукой — и Аниса пропустили.

Вокруг уже было темно, по улицам двигались тысячи людей — словно десятки горных ручьев вливались в бурлящий поток, где все светилось, вспыхивало, кружилось, шумело, и было не разобрать — ад это или рай.

Анис медленно подъехал к полицейским ограждениям, отделяющим пешеходную зону, и выглянул из-за деревьев на набережную — там извивалась огромная сверкающая змея. Празднующие люди как будто перестали быть живыми, они как будто уже частично переварились этой змеей и превратились в оплывшие манекены, в тряпичные куклы. Пустота! Пустота гудела над яркими огнями. Эти огни светили, но светили они черным светом.

— Этьен!..

Анис включил магнитолау на полную громкость. Вместе с ударившими басами он вдавил педаль газа до упора и, пробив невысокие ограждения, влетел на набережную. Первыми он отбросил нескольких стражей порядка. Кого-то из них переехал. Машина подскочила, Анис прикусил губу и почувствовал вкус крови. Чувство превосходства распрямило его. Теперь он специально начал вилять, чтобы зацепить людей, идущих сбоку. Колонки в кабине были мощными — крики практически не доносились до него. Через несколько секунд после того, как он переехал ограждения, картина на набережной преобразилась. Броуновское движение стало упорядоченным. Как будто прорвало в нескольких местах плотину, и вся вода устремилась туда. Люди разбежались, пытаясь заскочить в проулки, многие прыгали с мостовой на пляж. Анис видел множество лиц. Большинство людей, прежде чем уйти под машину, успевали обернуться. Они как будто что-то хотели сделать или сказать.

Некоторых сбитых грузовиком подбрасывало вверх, и они ударялись о кабину водителя. Анис видел их бесконечный ужас. Он искал глазами пиджак в крупную коричневую клетку. Больше всего ему хотелось заглянуть в глаза его владельца.

— Этьен, ну где ты?

Машина неслась, словно по полю с высокой травой, подминая под себя людей и оставляя лежать их уже смятыми, сломленными. Когда грузовик пролетал мимо отеля «Негреско», Анис заметил знакомый желтый шарф на шее толстяка.

— Посмотрим, чем ты заплатишь теперь.

Итальянец держал смартфон в правой руке, подняв его выше бегущих мимо людей, и даже не смотрел на грузовик — он смотрел на экран, медленно спускаясь с крыльца отеля и снимая происходящее.

Анис резко крутанул руль в направлении мужчины, тот в свою очередь опустил в ужасе глаза, и их взгляды встретились.

— Ага, ты увидел меня!

Но в следующий момент Анис крутанул руль в обратном направлении и объехал француза. От воздушной волны тот отшатнулся, но вес позволил ему устоять. Уже

проехав метров пятьдесят, Анис бросил взгляд в зеркало заднего вида и увидел, что француз идет, переступая через людей и снимая их. Тела лежали, как скошенная трава.

— Снимай, снимай, итальяшка.

Грузовик неумолимо мчался по набережной. Кто-то из полицейских выпустил обойму по кабине, но от бронированной пленки, наклеенной на лобовое стекло для защиты от камней на трассе, пули отскакивали.

— Слабаки! — разгорячился Анис и сильнее надавил на акселератор.

В эту секунду в боковое зеркало он увидел, как мотоциклист перепрыгнул со скутера на подножку грузовика и пытается открыть дверцу. Анис повернул руль рефрижератора и, проскрежетав юзом по фонарному столбу, сбросил хребца на мостовую. Выжить после такого падения было невозможно.

Анис перевел взгляд с бокового стекла на лобовое и увидел пару, стоящую прямо по пути следования автомобиля — мужчину, пытающегося достать младенца из коляски, и женщину, остолбеневшую от ужаса. Фары грузовика уже ярко осветили их. На мужчине блестела знакомая футболка клуба «Лион». В последний момент мужчина подхватил ребенка и рванул, словно спринтер, в сторону, ухватив за руку жену. В следующую секунду они выскочили на газон.

— Везучие эти русские, — бросил Анис со злостью. Уже пустая коляска взлетела в воздух и, прочертив дугу, словно бейсбольный мяч, рухнула на траву.

Анис увидел, что врезается в группу арабских туристов, и первым, кого он сбил, был мальчишка — его подбросило и припечатало к лобовому стеклу. Искаженное от боли лицо оказалось прямо напротив лица водителя.

На Аниса смотрели глаза его сына. Анис выпустил руль из рук. Автомобиль выскочил на газон, сбив холодильник с мороженым, и врезался в дерево. Через несколько секунд подоспели полицейские и всадили в кабину не меньше полусотни пуль. Когда открыли двери, изрешеченный Анис вывалился из них на кем-то брошенный французский триколор, залив его кровью...

Утро пришло равнодушно и неспешно. Набережная, открывшаяся рассвету, была то тут, то там обагрена кровью, будто бы по ней, мечась между домами и деревьями, уходило от охотника гигантское раненое животное. Небо было предательски чистым, и краски буквально горели на солнце.

Зной быстро затопил набережную. Он накрыл искореженную коляску, лежащую на газоне рядом с самым пафосным отелем Франции. Его тяжелое дыхание почувствовала маленькая Анастасия, разбросавшая рыжие локоны в утреннем сне на лоджии недорогой съемной квартиры. Обжег он и Этьена, лежащего у открытого окна в госпитале, — тот не смог попасть вчера на праздник, у него открылась язва желудка. Пот лил рекой по лицу толстяка, сидящего на балконе отеля «Негреско», но тот ничего не замечал — он замороженно смотрел на экран смартфона, где щелкал счетчик лайков, отсчитывая живых.

Игорь МОЩИЦКИЙ

ПЯТЬ ПИСЕМ ИЛЬФА

Все талантливые люди пишут разное, все бездарные люди пишут одинаково и даже одним почерком.

Илья Ильф

Мой мощный друг

Так обращался Ильф в письме к юной девушке по имени Тая перед ее отъездом в Ленинград в 1922 году из родной для них обоим неподражаемой Одессы. А в 1968 году в майском томе историко-биографического альманаха «Прометей» появился отрывок из неоконченной книги воспоминаний Таи Григорьевны Лишиной (той самой Таи), где было представлено это письмо и еще два письма Ильфа, адресованные одновременно Тае и ее ровеснице, начинавшиеся с обращения: «Нежные и удивительные!» Большую часть жизни одесситка Тая проработала референтом в Ленинградском отделении Союза писателей, и хорошо ее знавший Даниил Александрович Гранин в «Автобиографии» написал: *«Но может, более всего помогал мне участливый интерес ко всему, что я делал, Таи Григорьевны Лишиной, ее басовитая беспощадность и абсолютный вкус... Многие писатели обязаны ей. У нее в комнатке постоянно читались новые стихи, обсуждались рассказы, книги, журналы...»*

Став ленинградкой, Тая Григорьевна сохранила неповторимый одесский шарм, благодаря которому казалась одновременно и величественной и озорной. Подобных людей уже не бывает, по крайней мере, я не встречал и убежден, что каждый, кого она удостоила беседы хотя бы раз, мог бы рассказать про нее что-нибудь интересное, а из воспоминаний о ней всех ее друзей и знакомых мог бы получиться целый роман, ну, в крайнем случае повесть. И хотя мне довелось общаться с Таей Григорьевной только в последние годы ее жизни, для начала я хочу внести небольшую лепту в ненаписанный о ней роман.

Первую свою встречу с Таей Григорьевной, думаю, мне не забыть никогда. В теплый июльский день своего последнего студенческого лета я привез маму в Зеленогорский дом отдыха и собрался уезжать в Ленинград. Перед отъездом мы присели на скамейку возле деревянного дома, куда ее поселили, и тут неизвестно откуда появилась немолодая пара — мужчина, одетый по моде тридцатых годов в белые брюки и курточку, а за ним, на расстоянии нескольких шагов, дама с каким-то предметом в руках. Вид у нее был расстроенный.

Мощицкий Игорь Иосифович. Член Союза писателей и Гильдии драматургов Санкт-Петербурга. Написал более двадцати пьес и не менее двухсот текстов песен к разным спектаклям. Спектакль «Прощай Россия» Александринского театра стал лауреатом международного и российских театральных конкурсов. В 2016 году его пьеса «Мой бедный Бенджи», написанная на основе романа Фолкнера «Шум и ярость», вошла в шорт-лист VIII Международного Биеннале современной драматургии. В 2017 году стал дипломантом Международного литературного конкурса имени Н. В. Гоголя за книгу «Записки конформиста».

НЕВА 6'2018

— Сеня, разве можно так огорчаться из-за этой пары пустяков? Всего-то и надо обратиться к шорнику. Сеня! — взывала она, но он, явно чем-то обиженный, неумолимо ускорял шаги.

День стоял жаркий. Обливаясь потом, нехуденькая дама не сбавляла темп, пытаясь догнать беспощадного Сеню, а тот и не думал останавливаться. Он быстрыми шагами продефилировал мимо нас и исчез за углом дома. Вслед за ним исчезла и дама. «Какая колоритная тетя», — подумал я и засмеялся. Мама тоже засмеялась, и тут пара снова появилась. Обиженный Сеня решительными шагами вошел в дом, а дама остановилась, и было видно, как она страдает от его непонимания. В руках у нее был все тот же предмет, спасти который мог только шорник. Мне казалось, что шорник — это специалист по конской упряжке, но предмет, который дама держала в руках, не был похож на конскую сбрую. Немного пострадав, она тоже вошла в дом, а мы с мамой снова прыснули от смеха, и я заспешил на станцию. Через день мама позвонила из Зеленогорска и сказала, что я могу приехать к ней дня на три. Она договорилась, и меня где-то поселят. Я стал отнекиваться, но она настаивала:

— Приезжай, надо же тебе воздухом подышать. И кстати, я познакомилась с очень интересной женщиной. Она работает в Союзе писателей и хорошо знает твоего Володина.

«Мой Володин» — это знаменитый драматург Александр Моисеевич Володин, который какое-то время работал руководителем литературного объединения у нас, в Технологическом институте имени Ленсовета, и для меня «знает Володина» априори означало хороший человек.

— Это не та самая тетя? — осенило меня.

— Та самая, — догадалась мама. — Только не называй ее тетя. Она очень интересный человек.

— Ты же над ней смеялась.

— Смеялась? Над Таей Григорьевной? Не помню. Кстати, она заинтересовалась, когда узнала, что ты пишешь стихи.

— Зато я ею не заинтересовался.

Все же через два дня я приехал в Зеленогорск, и там практически мгновенно был представлен Тае Григорьевне.

В этот раз она не показалась мне смешной. Хорошее лицо, умные большие глаза.

— Я слышала, что вы поэт, — объявила она с ходу.

В то время я действительно пробовал писать стихи, но считал: назваться поэтом — это как назвать себя красавцем, и в словах ее углядел насмешку.

— Не поэт, а инженер, — ответил я резко.

— Ну, вы пока не инженер, а студент, — поставила она меня на место и отошла, мол, что с дураком разговаривать.

Чуть позже мы снова случайно встретились, и, видимо, забыв мою дерзость, она заговорила со мной о литературе, при этом устроила мне экзамен: читал ли я то, се, а если не читал — почему? Я отвечал сносно, правда, перепутал Марселя Пруста с Болеславом Прусом, но был за это прощен. А когда рассказал, что у нас в институте существовало понятие «ильфизм», очень ее заинтересовал.

— «Ильфизм» — это степень знания романов Ильфа и Петрова. Ну, например, один спрашивает другого: «Что ответили разъяренные васюкинские любители шахмат на вопрос Ипполита Матвеевича: «Господа! Неужели вы нас будете бить?»

— И что они ответили? — лукаво поинтересовалась Тая Григорьевна.

— «„Еще как“, — загремели васюкинские любители, собираясь прыгать в воду», — четко процитировал я фразу из «Двенадцати стульев».

— Это был несложный вопрос, — улыбнулась Тая Григорьевна.

— Были у нас вопросы и посложней. Например: что после кражи сумочки в трамвае сказал Шура Балаганов, когда его потащили мимо Остапа?

— Что же он сказал? — поинтересовалась Тая Григорьевна.

— Он горестно шептал: «Что ж это такое? Ведь я машинально», — еще раз продемонстрировал я знание «Золотого тельца».

— Начетнически вы обе книги знаете, — заключила Тая Григорьевна. — А вот ответьте: когда Остап цитировал Ленина?

— Не знаю, — растерялся я.

— Когда говорил Воробьянинову: «Учитесь торговать!» — победно посмотрела на меня она.

«Неплохо. Человек в возрасте, а так знает Ильфа и Петрова», — подумал я, не подозревая, что Ильф и Тая Григорьевна дружили в молодости.

После обеда я снова оказался в ее обществе. Мы присели на скамейку невдалеке от шоссе, и неожиданно рядом с нами возник муж Таи Григорьевны, тот самый Сеня. Видимо, шорник его таки спас, потому что он был в отличном настроении.

— Семен Арнольдович, — представился он и сел рядом с Таей Григорьевной.

— Вы тоже имеете отношение к литературе? — поинтересовался я.

— Литературу я знаю и люблю через жену, — снисходительно ответил Семен Арнольдович.

Я было задумался, как можно любить литературу через жену, но отвлек остановившийся возле нас парень, видимо, знакомый Тае Григорьевне. В глазах его была тоска.

— По-моему, тебя терзают немислимые заботы, — сочувственно улыбнулась ему она.

— Да вот, в игротке бильярдный стол свободен, а подходящего партнера нет, — печально ответил тот.

— А ты попроси Семена Арнольдовича составить тебе компанию. Только учти, он тебя обыграет.

— Прямо обыграет. Вы даже не видели, как я играю, а такое заявляете на весь свет, — обиделся парень и посмотрел на меня. Видимо, в этот момент весь свет в его глазах представлял я.

— Непременно обыграет. Он самого Владимира Владимировича обыгрывал, а тот был великий бильярдист, — настаивала Тая Григорьевна.

— Не знаю такого бильярдиста, и, значит, он не великий, — разгорячился молодой человек и грозно посмотрел на Семена Арнольдовича: — Интересно будет посмотреть, как вы меня обыграете. Ну что, идем?

— Идем, — согласился Семен Арнольдович и нехотя поднялся со скамейки.

Когда они ушли, я спросил Таю Григорьевну:

— Кто этот Владимир Владимирович, которого вы назвали великим бильярдистом?

— Маяковский, — ответила Тая Григорьевна.

Я тогда увлекался ранним Маяковским и, желая понравиться девочкам, читал им, например, такие его строчки:

Но меня не осудят,
но меня не облают,
как пророку, цветами устелят мне след.
Все эти, провалившиеся носами, знают:
я — ваш поэт.
Как трактир, мне страшен ваш страшный суд!
Меня одного сквозь горящие здания
проститутки, как святыню, на руках понесут
и покажут богу в свое оправдание.

О, как бы я гордился, если бы лично знал Маяковского. А тут выясняется — муж Таи Григорьевны играл с ним в бильярд, и она говорит об этом как о рядовом событии.

— Может, и вы были знакомы с Маяковским? — робко спросил я ее.

— Была. Мы даже однажды ходили к нему с Эдди читать свои стихи.

— С каким Эдди? — не понял я.

— С Багрицким, — пожала плечами Тая Григорьевна, мол, неужели непонятно, что к Маяковскому она могла прийти только с этим Эдди и ни с каким другим.

Но мне было непонятно. Как раз в том году мама подарила мне сборник Багрицкого с теплой надписью: «Жду в скором времени книжку твоих стихов», и обрывки его стихов я знал наизусть. Например: «От черного хлеба и верной жены мы бледною немочью заражены... Копытом и камнем испытаны годы, бессмертной полынью пропитаны воды, и горечь полыни на наших губах...» Или: «Я не запомнил, на каком ночлеге пробрал меня грядущей жизни зуд. Качнулся мир. Звезда споткнулась в беге и заплескалась в голубом тазу...» Багрицкий казался мне далеким классиком, дальше, чем Маяковский, и, вдруг, Тая Григорьевна называет его Эдди. Между тем она продолжала:

— Мы пришли на квартиру к Маяковскому в назначенное им время. Он лежал на кушетке, и мне показалось, что у него короткие ноги, а рост высокий из-за длинного туловища. По случаю нашего прихода встать он не пожелал, а с ходу объявил, что готов нас слушать. Маяковский был всего на два года старше Багрицкого, но для нас он был мэтром, и от смущения Эдди вместо того, чтобы читать свои стихи, прочитал мои. Ну а я прочитала стихи Эдди. Что мне оставалось делать? Так весь визит к Маяковскому каждый из нас вместо своих читал стихи другого. Когда мы закончили, Маяковский, не вставая с кушетки, достал с книжной полки по сборнику своих стихов для нас. На моем экземпляре он написал: «Той, которая не чирикает». Впрочем, эта надпись могла относиться скорее к Багрицкому, поскольку я читала его стихи. Ему он тоже написал что-то, видимо, относившееся ко мне. К сожалению, подаренная мне Маяковским книжка пропала во время войны.

После небольшой паузы Тая Григорьевна вспомнила Лилию Брик.

— Она была тоненькая, как спичка, а Маяковского свела с ума. И не только его. Что они все в ней нашли? Кстати, во многом своей посмертной жизнью он обязан ей. Когда не стало Маяковского, его стихи перестали издавать. У нас не любят самоубийц. Как же, написал «в нашей буче, боевой, кипучей... и жизнь хороша, и жить хорошо», а потом взял и застрелился. Контрреволюция какая-то. Тогда Лиля Брик написала Сталину прошение об издании собрания его сочинений. На этом прошении Сталин и начертал свое знаменитое: «Тов. Ежов, очень прошу Вас обратить внимание на письмо Брик. Маяковский был и остается величайшим поэтом нашей эпохи».

Лиля была у властей не в чести, и роль Бриков в жизни Маяковского замалчивалась, поэтому для меня откровением стал рассказ Таи Григорьевны о том, что знаменитые сталинские слова о Маяковском были всего лишь начертаны на прошении Лилии Брик, а не произнесены с какой-нибудь высокой трибуны.

Наша беседа с Таей Григорьевной продолжалась, пока не появились Семен Арнольдович и ее молодой знакомый. Выглядел тот еще печальней, чем когда подошел. Как и предсказывала Тая Григорьевна, Семен Арнольдович его обыграл.

На следующий день я уехал в Ленинград, где начисто забыл и Зеленогорск, и Таю Григорьевну. Но осенью, в середине сентября мама попросила меня отвести Таю Григорьевну дефицитный в то время двухтомник Брета Гарта, который для нее купил знакомый художник в городе Выборге. Тая Григорьевна жила в знаменитом доме на Карповке, построенном в тридцатые годы для советской элиты — удачном, как мне объяснил знакомый архитектор, — образце позднего конструктивизма. Она и Семен Арнольдович занимали тридцатиметровую комнату с балконом в двухкомнатной квар-

тире. В другой комнате жили жена с мужем — прокурорским работником, который регулярно являлся домой пьяным. По тем временам такие жилищные условия считались хорошими. Мы с мамой жили в двадцатиметровой комнате аж пятикомнатной квартиры, и это было еще ничего. Мой одноклассник жил вместе с папой, мамой и старшей сестрой в десятиметровой комнате. А соседи, что ж, они от Бога.

Тая Григорьевна и Семен Арнольдович обрадовалась и мне, и книжкам. Быстро пролистав оба тома, Тая Григорьевна сказала:

— Спасибо за услугу. Теперь у меня есть свой Брет Гарт. Знаешь, что про него сказал Осип? Нет? Он сказал: «Я тысячу раз брошу беллетристику с психологией Андреева, Горького, Шмелева, Сергеева-Ценского, Замятина ради великолепного Брета Гарта».

Знакомый Таи Григорьевны по имени Осип, который любил Брета Гарта больше Горького и других, оказался Осипом Эмильевичем Мандельштамом, но если бы Толстой, Достоевский, Пушкин оказались для нее просто Левой, Федей и Сашей, я бы тоже не удивился.

Меня пригласили пить чай. Тая Григорьевна накрыла стоявший посредине комнаты большой обеденный стол красивой скатертью и поставила чайный сервиз, как мне показалось, дореволюционного происхождения. Похожие сервизы с кобальтовой сеткой я потом видел не больше двух раз, да и то в кино. К чаю было подано покупное, но очень вкусное печенье. После чая Тая Григорьевна пригласила меня посидеть с ней на балконе, и там состоялся очень интересный для меня разговор. То есть говорила одна Тая Григорьевна, и поначалу разговор был веселый. Тая Григорьевна рассказала про двух парней, которые ходили по квартирам, представляясь работниками Ленгаза. Они объясняли жильцам, что пришли взять пробу бытового газа для проверки, нет ли в нем вредных веществ типа метана или чего еще пострашней, после чего требовали пустую бутылку, неважно, из-под молока или водки, которую подносили к зажженной газовой конфорке, а затем запечатывали чем-то вроде сургуча. Полученные бутылки парни сдавали в приемные пункты, которых тогда в городе было полно, и бизнес их процветал, пока какой-то бдительный товарищ не сообщил об их деятельности в милицию. В результате последователям великого комбинатора было предъявлено обвинение по статье «мошенничество», предусматривавшей тюремный срок до двух лет. Когда на суде прокурор зачитывал обвинительное заключение, в зале стоял смех. Судья попробовал утихомирить зал и расхохотался сам. Приговор от этого мягче не стал: сколько обвинитель просил, столько парням и дали, но любители посещать судебные заседания говорили, что более веселого процесса они никогда не видели. Мы с Таей Григорьевной тоже улыбнулись, а потом она рассказала мне, что некие молодые люди придумали — и это во времена тотальной цензуры — выпускать самиздатовский журнал, в котором объясняли народу, почему у нас все не так, как Ленин завещал.

— Их найдут, непременно. Наши власти всегда боялись молодежи и теперь боятся. Ничего никому не забудут и не простят, — сказала она.

Одного из тех молодых людей, Бориса Зеликсона, Тая Григорьевна хорошо знала: он учился в школе вместе с детьми ее ближайшей подруги Лины Осиповны Коротковой (о ней речь впереди). Поступив в Технологический институт, Борис стал там признанным и студентами, и преподавателями комсомольским вождем, поскольку был неслышимым ленинцем, но со временем у него стало расти раздражение из-за несоответствия социалистической действительности положениям работы Ленина «Государство и революция». Когда оно достигло максимума, ему кто-то дал почитать самиздатовский журнал «Колокол», издателей которого (в просторечии «колокольчиков») Валеру Ронкина, Сережу Хахаева, Веню Иоффе и Вадика Гаенко он знал еще по институту. Услышав, что журнал Борису понравился, Валера Ронкин и Сережа Хахаев дали почитать ему еще и свою книгу «От диктатуры бюрократии — к диктатуре

пролетариата». Книга ему так понравилась, что он решил показать ее своим знакомым, а те тоже стали ее кому-то показывать, пока кто-то не стукнул куда следует, и читательская конференция в КГБ оказалась неминуема. Там он встретился не только с Валерой и Сережей, но и с их друзьями, тоже в прошлом верными ленинцами. В ходе следствия от Бориса потребовали признать умысел в действиях, которые в соответствии со статьей 70 Уголовного кодекса РСФСР квалифицировались как направленные против Советской власти. Боря умысел отрицал — он просто давал знакомым почитать интересную книжку, но ему пригрозили, что арестуют его жену, которая тоже давала почитать эту книжку своим знакомым, и Боря умысел в своих действиях признал, после чего заодно с «колокольчиками» загремел в мордовские лагеря. Выйдя из лагеря, Борис понял, что главное его призвание все-таки инженерная работа, и к самиздатской деятельности интерес потерял.

Последний раз я встретил Бориса на похоронах Лины Осиповны Коротковой. На мой вопрос, чем сейчас занят, Борис ответил, что находится «в состоянии сумасшедшего изобретателя». Думаю, в таком состоянии он находился не один год, потому что к концу жизни у него насчитывалось более 200 изобретений и научных работ. О безвременной кончине Бориса Зелексона мир оповестила большим некрологом с его портретом главный печатный орган обкома КПСС газета «Ленинградская правда». Не каждый верный ленинец, пусть и бывший, удостоивался такой чести.

В тот далекий сентябрьский вечер, когда я первый раз оказался у Таи Григорьевны дома, разговор о самиздатском журнале был недолгим, но, думаю, об его издателях ей было известно намного больше, чем я услышал тогда. Она быстро переменяла тему и заговорила о Гумилеве, который был в то время под жестким запретом. Из всего, что он написал, я знал только строчки, которые декламировала женщина-комиссар командиру корабля в «Оптимистической трагедии» Всеволода Вишневского, после чего он ей отвечал: «Очень любопытно, что вы наизусть знаете Гумилева».

— Это из знаменитой баллады Гумилева «Капитаны», которая вошла в его книгу «Жемчуга», — улыбнулась Тая Григорьевна. Она достала откуда-то книжку с дореволюционным шрифтом и прочитала:

На полярных морях и на южных,
По изгибам зеленых зыбей,
Меж базальтовых скал и жемчужных
Шелестят паруса кораблей...
И, взойдя на трепещущий мостик,
Вспоминает покинутый порт,
Отряхая ударами трости
Ключья пены с высоких ботфорт,
Или, бунт на борту обнаружив,
Из-за пояса рвет пистолет,
Так, что сыпется золото с кружев,
С розоватых брабантских манжет.

— Гумилев был великим путешественником, — продолжила она. — Повседневность его не интересовала. Он даже сказал о себе: «Откуда я пришел, не знаю. Не знаю я, куда уйду, когда победно отблитаю в моем сверкающем саду». Но есть у него два особых стихотворения. В них он предсказал свою смерть. Сейчас я их тебе покажу.

Тая Григорьевна вышла и вернулась с папкой, откуда вытащила пожелтевший листок бумаги.

— Это стихотворение называется «Рабочий», — сказала она. — Написано в благополучном для Гумилева 1903 году, когда ничто не предвещало будущих трагических событий. Однако послушай:

Он стоит пред раскаленным горном,
Невысокий старый человек.
Взгляд спокойный кажется покорным
От миганья красноватых век.
Все товарищи его заснули,
Только он один еще не спит:
Все он занят отливаньем пули,
Что меня с землею разлучит...

Тая Григорьевна достала из папки другой пожелтевший листок.

— А это стихотворение Гумилев написал в 1919 году, за два года до своей гибели.

Шел я по улице незнакомой
И вдруг услышал вороний гай,
И звоны лютни, и дальние громы,
Передо мною летел трамвай.
Как я вскочил на его подножку,
Было загадкой для меня,
В воздухе огненную дорожку
Он оставлял и при свете дня.
Мчался он бурей темной, крылатой,
Он заблудился в бездне времен...
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон!..

Так я впервые услышал гениальное стихотворение Гумилева «Заблудившийся трамвай». Я не знал тогда и толком не знаю теперь, участвовал ли Гумилев в заговоре Таганцева, но страшные строчки «Остановите, вагоновожатый, остановите сейчас вагон!» звучали как предупреждение: «Не делай этого, Гумилев! Иначе окажешься там, где „вместо капусты и вместо брюквы мертвые головы продают“, и осуществится твой страшный сон: „В красной рубашке с лицом, как вымя, голову срезал палач и мне, она лежала вместе с другими здесь в ящике скользком, на самом дне“». Но Гумилев проигнорировал собственное пророчество, повел себя, как должно, и погиб. Тая Григорьевна увидела, что оба стихотворения произвели на меня впечатление, и была довольна, как человек, проделавший нужную работу. Я уехал домой с намерением приехать к Тая Григорьевне через неделю, но началась преддипломная практика, за ней защита диплома и работа на заводе, отнимавшая все силы. В общем, снова я увидел ее только через четыре года, и произошло это случайно. Как-то после работы я пошел в Концертный зал, что у Финляндского вокзала, на вечер писателя Льва Кассиля, которого полюбил еще в пионерском лагере, когда впервые прочитал «Кондуит и Швамбранию» и небольшую остроумную его книжку «Маяковский — сам». Маяковский первым представил Кассиля публике как детского писателя в журнале «Новый ЛЕФ» в 1927 году, и с рассказа о нем Кассиль начал свое выступление. Вспомнил он и других известных людей, причем, несмотря на свою неважную дикцию, демонстрировал их манеру говорить, почти как артист-пародист. Во второй части выступления Кассиль рассказал о своей недавней поездке в Америку, где он встретился с Мэри-

лин Монро и ее тогдашним мужем Артуром Миллером, которому он поведал, каким успехом пользуются его пьесы в Советском Союзе. «Слышал, слышал, а карманом не ощущал», — ответил Миллер, имея в виду, что Советский Союз в нарушение международного права не переводил ему авторские отчисления за спектакли по его пьесам. Кассиль почему-то возмущение Миллера расценил как мещанство. А еще Кассиль рассказал о посещении им в Америке церкви, где Царские Врата украшал абстрактный рисунок. Пораженный Кассиль спросил у священника: «Как это возможно вместо Благовещения?», и тот ответил ироническим вопросом: «А что, в Советском Союзе более конкретное представление о Боге?» На этом месте раздалась аплодисменты. Видимо, залу, заполненному атеистами поневоле, не хватало конкретики о Боге.

По окончании встречи я заметил в фойе Таю Григорьевну и подошел к ней. За время, что я ее не видел, она погрузнела, а из глаз исчез прежний задор. Я подумал, наверно, с Семеном Арнольдовичем что-то случилось, уж больно глаза у нее печальны. Увы, как я узнал позже, он действительно умер год назад. Рядом с Таей Григорьевной в хорошем костюме с галстуком стоял парень лет на пять старше меня. Я решил — родственник, но оказалось, знакомый врач. Мы поздоровались, и Тая Григорьевна спросила:

— Где ты сейчас?

Я ответил, что работаю на заводе, но буквально на днях собираюсь перейти в НИИ.

— Что-нибудь пишешь?

— Пытаюсь, — засмутился я, хотя на самом деле ничего не писал, а только думал на эту тему.

Она взяла паузу, как бы размышляя, стоит продолжать разговор со мной или нет, и наконец приняла решение:

— Поймай здесь. Мне надо переговорить слевой. Думаю, это будет недолго.

Тая Григорьевна ушла, чтобы переговорить с Львом Кассилем, и вернулась минут через двадцать.

— Лева, пытаюсь подражать Андроникову, очень вырос как рассказчик. Хотя до Ираклия ему далеко, — сообщила она мне и доктору по дороге в раздевалку. Там она еще кого-то встретила, а я заспешил домой.

— Позвони мне послезавтра. Поговорим, — сказала она мне на прощание и добавила: — Маме кланяйся.

Как много нам открытий чудных...

На следующий день у меня дома раздался долгожданный звонок из НИИ, где мечтал трудиться, а там меня надолго отправили в командировку в город Витебск, и Тае Григорьевне я позвонил лишь полгода спустя. Все же она милостиво пригласила меня приехать, и так, спустя почти пять лет, я снова оказался в доме на Карповке. В комнате Таи Григорьевны ничего не изменилось: те же обои, та же мебель, но комната уже не показалась мне такой веселой, как пять лет назад. И сама Тая Григорьевна иная, в глазах печаль и настороженность. Они словно предупреждали: «Только не спрашивай про Семена Арнольдовича, моего дорогого Сеню, слишком недавно это все с ним случилось», и лишь когда она убедилась, что я не стану приставать к ней с бестактными вопросами, взгляд ее смягчился.

— Так ты недавно вернулся из Витебска. Это интересно. Говорят, там много Шагала. Это так? — спросила она.

— Кто шагала? — не понял я вопроса.

— О! — многозначительно сказала она и подняла палец в подтверждение сделанного только что открытия.

Я сообразил, что сказал глупость, но не мог понять, в чем она заключалась.

— Ты действительно не знаешь, кто такой Шагал? — переспросила Тая Григорьевна.

— А что, должен?

— Он еще спрашивает! Это все плоды нынешнего просвещения, — возмутилась она, но быстро успокоилась и спросила: — Так поведай, над чем ты сейчас работаешь?

Я ответил, что у меня есть замысел пьесы.

— Ну, расскажи, про что пьеса, — заинтересовалась она.

Я долго излагал сюжет, а когда закончил, Тая Григорьевна строго спросила:

— Идея-то пьесы какая?

Я стал что-то объяснять, но она перебила меня:

— Очень вычурно. В чем задача-то твоей пьесы?

— Рассказать про людей, которых знаю.

— Предположим, рассказал. Но тогда вопрос по Станиславскому: сверхзадача у нее в чем?

Я понял, что сейчас получу жирное два. Так и оказалось.

— Драматургия — самый сложный род литературы, не зря хороших драматургов мало. Ты для этой работы не готов, — заключила Тая Григорьевна. — Попробуй написать несколько коротких рассказов.

Я понял, что пора уходить, но она еще заставила меня выпить чашку чая с печеньем. Сервиз был тот же, что и пять лет назад, а печенье другое, но тоже очень вкусное.

Спустя месяц после того визита я у себя дома неожиданно нашел в старой этажерке фронтовые письма погибшего отца, о существовании которых мама никогда не говорила: ей тяжело было вспоминать войну. Не спросив ее разрешения, я их прочитал и был потрясен описанием фронтовой жизни и тем, что отец, ежедневно бывая в бою, думал только о нас с мамой. Немного поразмыслив, я слово в слово переписал отцовские письма, снабдил комментариями и то, что получилось, решил отослать в журнал «Новый мир» Твардовского, напечататься в котором считалось высокой честью. Но прежде мне захотелось узнать мнение Таи Григорьевны, хотя и без нее все было ясно. «Ну что она мне скажет? Разве что похвалит. А зачем мне ее похвала? Только время потеряю», — рассуждал я по дороге к ней, но все-таки до ее дома дошел.

Тая Григорьевна приняла меня благосклонно, но, увидев три школьных тетрадки, исписанные моим полудетским почерком, удивилась:

— Что это?

— Рассказ.

— Я читаю рукописи только в печатном виде, — нахмурилась она.

— А давайте я его вам прочитаю, — предложил я и, хотя был уверен, что рассказ замечательный, скромно добавил: — Еще неизвестно, стоит ли тратить деньги, чтобы его печатать.

— Учись сам печатать на машинке, — резонно заметила Тая Григорьевна, но прослушать рассказ согласилась.

Прослушивание происходило так. Я монотонно читал (иначе не умел), а Тая Григорьевна периодически что-то записывала на листке бумаги. Когда она бралась за ручку, я останавливался, но она голосом, не обещавшим ничего хорошего, требовала:

— Читай, читай дальше. Я все слышу.

Записей в ее листке становилось все больше, и я мысленно обращался к ней: «Хватит писать, писательница!» Наконец рассказ дочитан, и наступила пауза.

— Вам понравилось? — робко спросил я, когда пауза стала уж слишком длинной.

— Да, — с чувством сказала Тая Григорьевна, и я было возликовал, но зря. Таю Григорьевну тронула искренность человека из окопов, она помнила, что такое фронт. С моими комментариями к письмам дело оказалось сложнее.

— Послушай, что ты понаписал. «Ему пришла фантазия прибить оторвавшуюся половицу, и в поисках молотка он случайно открыл дверцу маминого шкафчика, где лежали старые письма», — процитировала меня Тая Григорьевна. — Если тебе, чтобы приколотить эту ерунду, нужна фантазия — поздравляю, но нельзя же так коряво писать. И потом, ты слишком долго подбираешься к цели. Не нужны ни половица, ни молоток. Достаточно, что твой герой случайно открыл шкафчик и увидел старые письма. Кстати, то, что они там лежали, лишнее. Ясно, что они не сидели и не стояли.

Тая Григорьевна перечислила практически все стилистические промахи рассказа, после чего раскритиковала финал:

— Ты пишешь в конце, что твой герой шел по улице, вслушиваясь в мирный шум города, и этот шум был для него лучше любого траурного салюта. Типичнейший штамп. Придумай другой финал.

Я воспринял критику Таи Григорьевны как разгром, но в конце неожиданно услышал:

— Думаю, если ты все исправишь, можно было бы предложить твой рассказ к 23 февраля в какое-нибудь издание. Надо только подумать в какое.

Я поблагодарил и собрался домой.

— А чай? Без чая я тебя не отпущу, — остановила меня Тая Григорьевна. Тут же появились сервиз и печенье, но вкус его на этот раз я не разобрал. Был слишком взволнован.

Как я теперь понимаю, довести рассказ до кондиции было несложно, но я этого не сделал, а появился у Таи Григорьевны через месяц с рассказом о художнике-модернисте, противостоявшем соцреализму. А еще через полтора месяца принес рассказ с шикарным названием «Приключения гипнотизера». Тая Григорьевна была недовольна, что я опять явился с рассказом, написанным от руки, но все же, как обычно, положила перед собой на стол несколько листов писчей бумаги и приготовилась слушать. Во время моего чтения она начала было что-то писать на одном из листков, но вскоре отложила ручку, а когда я закончил чтение, объявила:

— Все-таки ты у нас литературный мальчик.

Это был нелестный диагноз. Так называли молодых авторов, которые в своих опусах увлекались красотами и чересчур отрывались от земли.

— Смотри, что ты наделал, — продолжила она. — В прошлом рассказе превратил своего антигероя в козла, здесь заставил гипнотизера мяукать и лаять вместо своих клиентов.

— Ну и что? Я разговаривал с крупным психиатром. Он подтвердил, что такое возможно в исключительных обстоятельствах, — возразил я.

— Да, в исключительных обстоятельствах все возможно. Это и без психиатра известно. Другой разговор, поверит ли тебе читатель? Я, например, не верю, как Станиславский. Кстати, ты хоть одного живого гипнотизера видел или только в книжках про них читал?

— Видел. У меня недавно попутчик в поезде оказался гипнотизером. Мы с ним целую ночь ехали вместе от Ленинграда до Москвы.

— Да ты наверняка всю эту ночь проспал, и он тоже. Чем он успел тебя поразить за полчаса общения? Ну, за час.

— Поразил. Манерой поведения поразил. Да я это описал.

— Знаешь, в чем твоя беда? — спросила Тая Григорьевна и сама ответила: — Тебя так и тянет к красивенькому. В прошлом рассказе главный герой — художник, предмет его мечтаний — пианистка. И разговоры у них все больше о живописи, о музыке. Теперь вот гипнотизер. В общем, так. Возможно, твой талант кого-то может заинтересовать, но не меня. Мне твои выдумки неинтересны. Ты же работал на заводе, ездишь в командировки, и, значит, материала у тебя полным-полно, а ты пишешь о худож-

нике и гипнотизере, смутно представляя их деятельность. Абсолютно дилетантский подход, а с дилетантами я не работаю, — заключила Тая Григорьевна, и вид у нее при этом был достаточно грозный.

— Вы прогоняете меня? — спросил я испуганно.

— С чего ты взял? Нет, конечно же, не прогоняю. Напиши новый рассказ и приходи. Только прошу тебя: не пиши про цирк, балет, не знаю, что еще такое придет тебе в голову. Помнишь, ты рассказывал мне про женщину, бывшую морскую волчицу, которая в немецком концлагере сидела, а после войны оказалась на заводе, куда тебя распределили после института? Ты еще ее поначалу побаивался. У нее имя было какое-то славянофильское.

— Евдокия Филипповна? — догадался я

— Точно, — обрадовалась Тая Григорьевна. — Про нее и напиши.

На этот раз я послушался Таю Григорьевну, и через полтора месяца у меня появился рассказ под названием «Филимоновна». Начал я его писать неохотно. Первые месяцы в заводском цеху дались мне тяжело, и вспоминать о них не хотелось. Но я понимал: или пишу рассказ, который понравится Тае Григорьевне, или она лишит меня своего общества.

— Получилось, — объявила она, когда я прочитал ей свою «Филимоновну».

Я признался, что по дороге думал: «Все! Покажу этот рассказ, и конец моей литературной карьере».

— Лукавишь, — улыбнулась Тая Григорьевна. — Ты не мог не чувствовать, что на этот раз все удалось. Авторы всегда такое чувствуют. Кое-что, разумеется, придется подправить.

Она перечислила замечания к рассказу и заключила:

— Все. Работай над ошибками.

Воодушевленный похвалой, я завел речь о публикации рассказа и неожиданно огреб по полной.

— Ты хочешь, чтобы я отнесла твой рассказ в альманах «Молодой Ленинград»?

— Хотя бы, — скромно ответил я и подумал, что лучше бы в «Новый мир» или «Юность». А «Молодой Ленинград» для меня мелковат.

— Но у тебя же ничего нет, — возмутилась Тая Григорьевна. — Напиши еще десять рассказов, чтобы было из чего выбрать. Когда ко мне впервые пришел Гранин, у него уже было двадцать рассказов и вот такой толстый «Домбровский». — Она с помощью большого и указательного пальцев показала, какой толстой была первая повесть Гранина. — А что у тебя? Рассказ «Отцовские письма»? Что ты там сделал как прозаик? Переписал письма отца? И все? Рассказ о художнике сырой и не ко времени. О твоём гипнотизере и говорить не хочу. В общем, напиши еще двадцать рассказов. А этот положи в ящик стола и закрой на ключик до времени.

— Вы же только что говорили — десять рассказов! — возмутился я.

— Тебе послышалось. Двадцать рассказов, и ни на один меньше, — заключила она.

Бывая у Таи Григорьевны, я стал свидетелем многих забавных эпизодов.

У нее был очень низкий голос, и однажды при мне Тая Григорьевна сказала по телефону какой-то своей знакомой:

— Здравствуйте, Клара Михайловна. Почему вы мне не перезвонили? Как, разве вам не передавали, что звонил мужчина? Передавали? Тогда вы должны были догадаться, что раз мужчина, то это я.

Как-то осенним вечером я неожиданно услышал по телефону ее бас. На этот раз Тае Григорьевне было не до шуток.

— Ты не знаешь, куда надо звонить, чтобы убрали это наводнение? Нет? Жаль. Ко мне сейчас должны прийти люди, а Карповка вышла из берегов, и набережную

залило так, что не пройти. Должен же кто-то дать команду, чтобы кончилось это безобразие.

Я ответил, что, по моему разумению, такую команду может дать только Господь Бог. Но мой ответ ей не понравился.

— Ты недостаточно компетентен в этом вопросе. Ладно, позвоню кому-нибудь другому.

Тая Григорьевна верила в действенность телефонного звонка, но при одном условии — он должен быть произведен грамотно.

— У меня есть знакомая балерина, бывшая, конечно, — говорила она мне. — Когда у нее течет кран, она объявляет: «Сейчас я позвоню одному любовнику», после чего набирает номер и мурлычет: «Але! Это водопроводчик? У меня кран течет. Сделайте что-нибудь ради Бога». Потом заявляет: «Теперь я позвоню другому любовнику» — и снова мурлычет в трубку: «Але! Это электрик? Спасите! У меня розетка перегорела». И никто к ней не приходит. А чтобы пришли, нужно спросить фамилию человека. Тогда он почувствует ответственность. Запомни это простое правило на всю жизнь.

Однажды она попросила меня починить выключатель в уборной. Я стал отказываться, объяснил, что у меня руки — крюки, я в жизни ничего не починил, все только ломал.

— Ты же инженер, — удивилась она.

— Инженер, — согласился я, — но не по этой части. Я окончил химический вуз, а там не учат чинить выключатели.

— Инженер должен все уметь, — объяснила мне Тая Григорьевна.

Она искренне не понимала, как человек с высшим техническим образованием не может исправить какую-то ерунду. Получалось — я просто не хочу ей помочь в трудную минуту, и это было с моей стороны черной неблагодарностью. В конце концов, проконсультировавшись с коллегами по телефону, я принялся чинить выключатель. Дело это оказалось чрезвычайно сложным. Я что-то разъединял, потом соединял и замыкал скотчем, а выключатель все равно не работал. Я начинал сначала, и так продолжалось часа два. За это время Тае Григорьевне перезвонил весь Союз писателей.

— Нет, я сейчас не могу разговаривать. Я занята, у меня чинят выключатель, — отвечала она, после чего начинала причитать своим басом:

— Боже мой, он ничего не умеет. Лева Гаврилов, Витя Конецкий, другие писатели сколько раз приходили, все умеют держать в руках отвертку, а тут чистый гуманитарий. Знала бы, никогда не попросила бы.

Наконец после моего случайного неловкого движения выключатель вдруг заработал.

— Сделал? — удивилась Тая Григорьевна. — А я уже потеряла надежду.

Через пару месяцев я поинтересовался у Таи Григорьевны, в порядке ли тот несчастный выключатель.

— Если ты сделал человеку что-то хорошее, никогда не напоминай ему об этом, так как этим ставишь его в неловкое положение, — сказала она менторским тоном и вдруг заулыбалась:

— Месяц назад этот несчастный выключатель снова сломался, но на этот раз я вызвала профессионала. Он осмотрел выключатель и спросил: «Какой халтурщик его чинил?»

У нее была теория, что если у человека есть один талант, то непременно должен присутствовать и другой.

— Ты хорошо рисуешь? — спросила она меня как будто ни с того ни с сего.

Я удивился вопросу и ответил, что совсем не рисую, даже черчу еле-еле. Меня из-за проблем с черчением на первом курсе чуть из института не выгнали.

— Плохо, — заявила Тая Григорьевна.

— Плохо, что хотели выгнать?

— Плохо, что не рисуешь. Ты видел рисунки Маяковского? Когда он набросал портрет американского художника Хуго Геллерта, тот подписал под ним: «Ей-богу, Вы не только великий поэт, но и художник». Пушкин был отличный рисовальщик, а Лермонтов даже маслом писал. Потому что талант — это всегда все. Грибоедов был прекрасным музыкантом. Станиславский до того, как стать режиссером, прославился как изобретатель. А ты чем таким можешь похвастать?

Я ответил, что ничем.

— Вот видишь, — укоризненно посмотрела она на меня. — Это кое о чем говорит.

— О чем? — спросил я

— О том, что большого таланта у тебя нет, — поставила она мне печальный диагноз. — Если бы у тебя был большой талант, он не позволил бы тебе каждый день ходить в должность.

— Значит, я не смогу участвовать в литературной жизни? — испугался я.

— Не очень активно, но сможешь. Не сомневаюсь, — усмехнулась Тая Григорьевна.

Обычно Тая Григорьевна принимала друзей и знакомых по одному. Когда я звонил, что хочу прийти, она говорила:

— Я могу принять тебя, скажем, в среду, но только с восемнадцати до двадцати часов. Устраивает? Тогда записываю...

Я подъезжал к назначенному времени, а когда оно истекало, Тая Григорьевна начинала нервничать:

— Тебе пора домой, а мне надо отдохнуть перед приходом следующего визитера.

Но однажды железное правило было нарушено. Я сидел у Таи Григорьевны с новым рассказом, и обсуждение подходило к концу, как вдруг раздался телефонный звонок.

— Хочешь зайти? Ну, давай, только быстро, — сказала кому-то Тая Григорьевна, после чего, хитро улыбувшись, предупредила меня: — Сейчас придет очень симпатичная девушка. Надо же, чтобы среди твоих знакомых была девушка из хорошей семьи.

— А зачем? — смутился я.

— Как зачем? — удивилась вопросу Тая Григорьевна. — Тебе сейчас сколько? Двадцать восемь? Ах, двадцать семь. Но все равно много. Пора заканчивать писать. Надо думать об устройстве личной жизни. А то можно и одному остаться.

Меня задела фраза «пора заканчивать писать» — зачем тогда поощрять мои литературные экзерсисы? Но я задал другой вопрос, причем очень наивный:

— Разве кто-нибудь когда-нибудь оставался один?

— Сколько угодно. Гриша, например.

Гриша, тот самый доктор, с которым она познакомила меня на творческом вечере Льва Кассиля, был классным специалистом — эндокринологом, нравился женщинам, но в свои тридцать шесть лет жениться не собирался, и Тая Григорьевна оказалась провидицей. Грише сейчас за восемьдесят, а он все еще не женат.

В комнате появилась гостья, девушка лет двадцати пяти, высокая шатенка, действительно, очень симпатичная. Тая Григорьевна представила нас друг другу и вышла на кухню.

— Вы писатель? — спросила девушка, когда мы остались одни.

— Нет. Писатель — это тот, кто пишет и печатается, а я только пишу.

— Ничего, вас непременно будут печатать, раз на вас обратила внимание Тая Григорьевна, — улыбнулась она, и мы оба замолчали — говорить было не о чем.

В комнату вернулась Тая Григорьевна и мгновенно оценила ситуацию.

— Не получается разговор? Нужен дирижер? — спросила она лукаво.

Но и при Тае Григорьевне особого разговора у нас с девушкой не получилось, а вскоре она заспешила: ей надо было успеть этим вечером в филармонию.

— Замечательная девушка, — сказала Тая Григорьевна. — Она была замужем. Ее муж всем нравился, а она с ним рассталась, и никто не знает почему. А тебе она понравилась?

— Очень, — искренне ответил я.

— Может, тебе тоже стоит пойти в филармонию?

— Может быть, — согласился я.

— Тогда я тебя не задерживаю, — заключила Тая Григорьевна.

Но в филармонию в тот вечер я не пошел, побоялся выглядеть навязчивым и больше эту девушку никогда не видел. Тая Григорьевна при мне о ней ни разу не вспомнила, и это означало, что я девушку не заинтересовал. Наверно, потому, что я встретил ее у Таи Григорьевны, она осталась для меня одним из тех женских силуэтов, которые мелькнули перед моими глазами и запомнились навсегда.

А с визитерами Таи Григорьевны все же я иногда сталкивался в прихожей. Однажды столкнулся с известным в то время поэтом Михаилом Дудиным и удивился: «Надо же, живой Дудин. А я думал, что он только в телевизоре мелькает!» В той же прихожей я встретился с Валентиной Левидовой, автором пьесы «Трехминутный разговор», имевшей в постановке Акимова сумасшедший успех. Тая Григорьевна представила меня гостю, когда я уже надевал пальто.

— Валя, — сказала Левидова и, улыбаясь, протянула мне руку. Она была немного старше меня, но показалась очень симпатичной. Я обрадовался неожиданному знакомству. Еще бы! Сам мечтал написать пьесу и был не прочь поговорить с молодым драматургом, к тому же интересной женщиной, но не тут-то было.

— Тебе пора, — тихо сказала Тая Григорьевна.

Я ушел из ее квартиры разочарованный и больше Левидову никогда не видел.

Зато вскоре познакомился с художницей Гертой Михайловной Неменовой, про которую Тая Григорьевна говорила, что та единственная работающая в России ученица Фернана Леже и знаменита своими портретами артистов и писателей. Одна ее работа, карандашный портрет Гоголя, явно тронувшегося рассудком, висела в комнате Таи Григорьевны.

— Это Гоголь в период сожжения «Мертвых душ», — объяснила мне Тая Григорьевна. — Такого Гоголя ты вряд ли еще где увидишь.

Герта Михайловна оказалась худенькой женщиной с заостренным лицом, немолодой, но энергичной. Когда я зашел в комнату Таи Григорьевны, она как раз собиралась уходить.

— Завтра в Лавке писателей открывается выставка-продажа моих работ, — сообщила Герта Михайловна, обращаясь к Тае Григорьевне и почему-то ко мне, незнакомому ей человеку.

— Будем, — пообещала Тая Григорьевна

Когда Герта Михайловна ушла, Тая Григорьевна, объявила:

— Надо, чтобы устроители увидели, как много народа интересуется творчеством Герты Михайловны. У меня есть план.

По плану Таи Григорьевны мобилизованные ею друзья и знакомые должны были явиться в Лавку писателей и изобразить этот самый интересующийся народ. При этом участникам акции было велено ни в коем случае к Герте Михайловне не приближаться, а, наоборот, всем видом показывать, что они ее лично не знают, но слы-

шали, какой она великий художник. В назначенный час я подошел к Лавке писателей, и у ее дверей уже собралась кучка незнакомых мне людей во главе с Таей Григорьевной. По ее сигналу мы вошли внутрь помещения и рассредоточились, изображая заинтересованных зрителей. На всю жизнь я запомнил, с каким жуликоватым видом ходила по выставке Тая Григорьевна. Она была удивительно похожа на главаря мафии из какого-нибудь итальянского фильма эпохи неореализма, который привел своих подручных «на дело».

Постепенно я стал замечать, что Тае Григорьевне нравилось удивлять меня своими знаменитыми друзьями. Однажды она попросила съездить к какой-то женщине за лекарством.

— А когда вернешься, я тебе скажу, к кому ты ездил, — загадочно добавила она.

Я отправился по указанному Таей Григорьевной адресу. Дверь открыла немолодая, но яркая брюнетка, лицо которой мне вроде было знакомо — не то по телевизору видел, не то в кино. Она пригласила зайти, но я отказался, взял из ее рук лекарство и всю обратную дорогу гадал, кто эта женщина: актриса, писательница, может быть, та самая балерина, которая называет электрика и сантехника любовниками? Хотя для балерины у нее фигура не та.

— Сегодня ты был у чемпионки мира по шахматам Людмилы Владимировны Руденко, — сообщила мне Тая Григорьевна.

Я сразу вспомнил это имя. Оно гремело, когда я был школьником. Людмила Владимировна Руденко была второй в истории и первой советской чемпионкой мира по шахматам среди женщин, и длилось ее чемпионство с 1950-го по 1953 год. Тогда она часто появлялась в киножурналах, ее портреты печатались в газетах, а потом она исчезла с экранов и полос газет — неудивительно, что я ее не узнал. Но что связывало ее с Таей Григорьевной, ведь они были люди таких разных профессий? Через много лет, прочитав биографию Людмилы Владимировны, я узнал, что, как и Тая Григорьевна, она приехала в Ленинград из Одессы в двадцатые годы, а все одесситы в чужом краю — братья и сестры.

Спустя неделю Тая Григорьевна попросила меня, наоборот, передать лекарство другой своей знакомой.

— Дверь откроет женщина, — инструктировала меня перед поездкой Тая Григорьевна. — Когда ты скажешь, что от меня, она будет настойчиво приглашать тебя зайти, но ты не заходи — отдай лекарство (оно в этой упаковке) и уходи. А когда вернешься, я скажу тебе, у кого ты побывал.

Она протянула мне листок, на котором был написан крупными буквами адрес, и упаковку с лекарством. Немного заинтригованный, я прибыл по указанному адресу, и там все произошло точно по схеме Таи Григорьевны. Мне открыла дверь высокая пожилая дама и, услышав, от кого я, стала уговаривать зайти, но я твердо придерживался полученной инструкции: отдал лекарство и уехал домой. Тая Григорьевна по телефону поблагодарила меня за проделанную работу, а потом раскрыла секрет:

— Ты отвез лекарство Евдокии Николаевне Глебовой-Филоновой, родной сестре великого художника Павла Николаевича Филонова. Все его работы находятся у нее дома. Она бы показала их тебе, но лишний раз беспокоить ее я не хотела. Не расстраивайся. Когда-нибудь мы соберемся все вместе и навестим Евдокию Николаевну. Приготовься заранее. Тебя ждет потрясение.

Кого она имела в виду, говоря соберемся все вместе, я тогда не знал.

К Евдокии Николаевне я так и не попал, а больше работы Филонова в то время увидеть было негде. Не вписавшийся в «правильное», официальное искусство Павел Филонов будто не существовал, и многие годы о его творчестве говорили лишь специалисты. Только в 1988 году, через сорок семь лет после смерти художника, в Русском

музее состоялась первая выставка его работ, переданных туда в дар Евдокией Николаевной, и Тая Григорьевна оказалась права: знакомство с его работами действительно оказалось потрясением. И не для меня одного.

Как-то летом Тая Григорьевна попросила сопроводить ее на спектакль «Обыкновенная история» театра «Современник». В то время многие авторы обожали противопоставлять романтическому герою персонажа, как тогда говорили, с червоточинкой. Обычно такой персонаж в конце произведения признавал свою неправоту, как, например, ироничный герой Смоктуновского, восклицавший не вполне искренне в финале кинофильма Ромма «Девять дней одного года»: «Если бы человечество состояло из Гусевых!», то есть из романтиков, подобных герою Баталова. Конфликт циничных прагматиков и романтиков долго и успешно эксплуатировался на сцене и на экране, пока театр «Современник» не поставил в их дискуссии точку своим спектаклем «Обыкновенная история». Инсценировку романа Гончарова для театра выполнил замечательный Виктор Сергеевич Розов. В том спектакле дядюшка Адуев, блистательно сыгранный Михаилом Козаковым, сумел убедить юного племянника (молодого Олега Табакова) в полном отсутствии романтики в жизни, а когда понял, что был не совсем прав, исправить ничего уже не мог. После этого спектакля, обнаруживая в каком-нибудь произведении дискуссию прагматиков и романтиков, я всегда думал: «Наверно, автор не видел спектакль театра „Современник“ и, скорее всего, не читал романа Гончарова — там на эту тему все сказано».

В антракте спектакля мы с Таей Григорьевной вышли в фойе и там встретили человека, лицо которого показалось мне знакомым.

— Познакомься, это Даниил Александрович Гранин, — сказала Тая Григорьевна.

«Надо же, — удивился я, — живой Гранин». Это имя я знал еще со школьных времен, когда прочитал его повесть «Вариант второй», романы «Искатели» и «После свадьбы». А роман «Иду на грозу» вместе со мной, по-моему, у нас в стране прочли все, кто умел читать, и для меня имена Толстой и Гранин звучали совершенно одинаково. Я хотел было спросить его о чем-то для меня важном, касавшемся литературы того времени, но не успел.

— Извини, Игорь, но у нас Даниилом Александровичем сейчас должен состояться небольшой мужской разговор, а потом мы продолжим наш женский, — услышал я бас Таи Григорьевны, и они отошли куда-то в сторону.

После спектакля я спросил у Таи Григорьевны, какой такой мужской разговор был у нее с Граниным, и ответ оказался прозаическим: она увела его на улицу, чтобы он втайне от жены, Риммы Михайловны, мог выкурить сигарету.

Тая Григорьевна и Даниил Александрович были давними друзьями, но тогда я этого еще не знал. О знакомых писателях Тая Григорьевна говорила редко, зато охотно рассказывала о своих молодых друзьях. А чаще всего я слышал рассказы о сказочной девушке Марине, студентке биофака университета, отличнице и умнице. Однажды Тая Григорьевна показала мне ее портрет, и я узнал в ней одну из якобы поклонниц Гертты Михайловны, призванной, подобно мне, изображать интересующийся ее творчеством народ. В другой раз я услышал, как Тая Григорьевна говорила по телефону:

— Признаться, Марина, ты не ожидала, что папа сделает тебе такой замечательный подарок. Нет, правда, подарок замечательный.

Постепенно я понял, что речь идет о книге Даниила Александровича Гранина «Месяц вверх ногами», открывавшейся посвящением: «Моей дочери Марине».

«Так вот какой Мариной восхищалась Тая Григорьевна», — догадался я.

Марина действительно оказалась доброй и внимательной к людям девушкой. Ко дню рождения Таи Григорьевны она выпустила стенную газету под названием «Барометр». Будучи крошкой, Марина считала, что название барометр происходит от

слова «бормотать», и называла этот прибор бармометром, а став школьницей, стала выпускать домашнюю стенную газету с таким названием. В номере, посвященном Тае Григорьевне, среди множества приколов был такой: «В последнем интервью газете „Пари-матч“ Бриджит Бардо заявила: „Я завидую Тае, ее любят больше меня!“»

В тот день рождения Тая Григорьевна получила множество телеграмм, и среди них такую: «Живите двести лет — Вы так нужны людям!» Увы. Жить ей оставалось совсем немного.

И корабля тревожен крен...

В последний год нашего общения с Таей Григорьевной я был удостоен высокой чести — она показала мне первую главу своей будущей книги воспоминаний «Так начинают жить стихом...», имевшую диковинное название: «Пеон четвертый» и «Мебос». Так назывались одесские литературные кафе, где в трудные и голодные 1920—1921 годы собирались молодые поэты, среди которых были друзья Таи Григорьевны: Багрицкий, Ильф и Олеша. «Не знаю, кому первому пришла мысль открыть вечернее кафе поэтов для широкой публики, — писала Тая Григорьевна. — Возможно, это был предприимчивый, молодой человек, о котором ходили слухи, что он внебрачный сын турецкого подданного (много позже мы узнали его черты в образе Остапа Бендера), но тогда он только начинал бурную окололитературную деятельность». Название «Пеон четвертый» привлекало, но оно нуждалось в разъяснении, и у входа поместили плакат с четверостишием из сонета Иннокентия Анненского: «На службу лести иль мечты, равно готовые консорты, назвать вас вы, назвать вас ты, Пэон второй — Пэон четвертый?» Позже тот же энергичный «окололитературный» молодой человек организовал в полуподвальчике бывшего винного заведения новое кафе. Вначале оно называлось «Хлам» (художники, литераторы, артисты, музыканты), но вскоре было переименовано в «Мебос», что означало «меблированный остров». Об уровне мастерства поэтов, собиравшихся в этих кафе, можно судить по стихам поэта Эзры Александрова, приведенных Таей Григорьевной в этой главе:

Волосы рыжие — цвет Эльдорадо,
Нам Калифорнии вовсе не надо,
К черту все золото Южной Америки,
Стынут от холода русские скверики,
В небо высокое бьет офицер,
В небо высокое бьет без потерь,
Кружится даль, рушится льдина,
Ветер — миндаль, двор — мандолина.

По ее словам, стихи эти очень нравились Багрицкому, и он часто их цитировал, а новым посетителям говорил с сожалением и восхищением: «Эх, вы не застали здесь Эзру Александрова...»

— Классное стихотворение, — согласился я с ней и Багрицким. — Но куда делся автор? Его имя я слышу впервые.

— Немудрено. Эзра Александров с родителями уехал в Палестину еще в двадцать втором году и там стал писать стихи на иврите. Ты знаешь иврит?

— Нет.

— И я не знаю. Жаль, что из русского стихотворчества он ушел навсегда, — вздохнула Тая Григорьевна и неожиданно вытащила из рукописи нотный листок.

— Ты умеешь читать ноты?

— Нет, — засмутился я.
 — Жаль. Это ноты «Песенки о милой Джейн», сочиненной Багрицким, которую в конце каждого вечера пели все посетители «Мебоса», а вот ее текст:

Джейн говорила: не езжай,
 Мой милый, в путь опасный,
 Пройдет апрель, наступит май,
 И в щебетанье птичьих стай
 Воскреснет снова мир прекрасный.
 Но судно быстрое не ждет:
 Оно расправит крылья
 И вновь направит свой полет
 В кипучих волн водоворот,
 Овеянный соленой пылью.
 А я грущу о милой Джейн,
 О, этот взор далекий,
 Томит морей холодный плен,
 И корабля тревожен крен,
 И пена плещет в борт высокий.
 Прошел апрель, настал уж май,
 Я сплю на дне песчаном,
 Прощай, любимая, прощай
 И только чаще вспоминай
 Мой взгляд, встающий за туманом.

— Представляю, какие протесты последуют от вдовы Багрицкого, когда будут напечатаны этот текст и ноты. Она давно присвоила себе монопольное право распоряжаться строчками Эдди, в чьих руках они бы ни оказались, — с неожиданной горечью сказала Тая Григорьевна.

«Как странно. Две очень пожилые женщины готовы встать на тропу войны из-за песенки, которая чудом сохранилась, а не пропала в мутные времена, — подумал я. — Впрочем, не менее странно, что посетители веселого кафе каждый вечер завершали песенкой, где герой посылает прощальный привет любимой со дна океана».

Тем временем Тая Григорьевна достала несколько листов глянцевого бумаги, испи-
 санных крупным разборчивым почерком.

— Это фотокопии писем Ильфа. Мне их сделал один умелец. Правда хорошо получилось? — спросила она с гордостью, будто сама сделала эти снимки.

— Да, все можно разобрать, — согласился я.

— Эти письма войдут во вторую главу книги, которая будет называться «Три письма Ильфа». Но покажу ее тебе не сегодня. Мне надо отдохнуть перед следующей встречей.

Когда я пришел к Тае Григорьевне в следующий раз, застал ее расстроенной. Оказалось, что она захотела опубликовать две главы из своей будущей книги в журнале «Юность», где главным редактором был знаменитый Борис Николаевич Полевой, но тот ей отказал.

— Я получила письмо от Бориса Николаевича, — рассказала мне Тая Григорьевна. — Он написал, что не может мне объяснить причину, по которой этот, как он выразился, замечательный материал не может быть опубликован в его журнале. Жаль! Ведь журнал «Юность» — это два миллиона подписчиков.

Это был секрет Полишинеля — Полевой боялся упреков околотитературных чиновников в восхвалении писателей южной школы, что тогда считалось грехом. Все же

нашлось издание, решившееся печатать воспоминания Таи Григорьевны. Им стал популярный у интеллигенции историко-биографический альманах «Прометей», имевший тираж сто тысяч экземпляров — ничтожный по сравнению с «Юностью» и громадный в сравнении с нынешними тиражами художественных журналов. Я напомнил Тае Григорьевне, что она обещала показать мне главу с письмами Ильфа.

— Прочтешь в «Прометее», — отмахнулась она, — это будет совсем скоро, в мае. А пока взгляни на эту книгу. Кафка! Тебе что-то говорит это имя?

— Да, — с гордостью ответил я. — Читал в «Иностранной литературе» два его рассказа: «Превращение» и «В исправительной колонии».

— Теперь и «Процесс» прочтешь. Если повезет. Пока у меня на него очередь. — Она показала мне знаменитый «черный том», который тогда многие мечтали заполучить. — Говорят, одна высокопоставленная литературная дама изрекла: «Пусть интеллигенты читают и сами убедятся, что их кумир Кафка был просто сумасшедший». Но издали его таким маленьким тиражом, что, когда продавали в Союзе писателей, прозаикам еще хватило, а поэтам уже не досталось.

Тая Григорьевна была явно довольна, что Кафка неведомыми мне путями все-таки попал к ней, не поэту и не прозаику.

Через день после этого разговора я уехал на месяц в командировку, а когда вернулся, оказалось, что Тая Григорьевна больна. Я тут же поехал к ней и застал в жутком состоянии: лицо изменилось, говорила она с трудом. В комнате были Марина, дочь Даниила Александровича Гранина, и Таня — медсестра, которая в свободное время забегала к Тае Григорьевне. Меня попросили сходить за минеральной водой. Я тут же сбегал в магазин, передал в прихожей воду Марине и собрался уходить, но Марина остановила меня:

— Тая Григорьевна просит тебя зайти.

Я зашел в комнату. Тая Григорьевна сидела на кровати в халате. Видно было, что даже сидеть ей тяжело, но, не попрощавшись, отпустить человека она не могла. Не то воспитание.

— До свидания, Игорь, — сказала она слабым голосом.

На следующий день мне сообщили, что Тая Григорьевна умерла. Кто-то рассказывал, что последние ее слова были: «Как же так, мне еще книгу писать надо!» Проводить ее пришло много людей, и среди них я разглядел лица почти всех, кого благодаря Тае Григорьевне видел хоть раз. Люди молчали или тихонько переговаривались, и только одна дама, нервно покуривая папиросу, прогуливалась со своим спутником и громко говорила ему: «Шкловский сказал это, Шкловский сказал то...» Ко мне подошла Людмила Владимировна Руденко, громко заплакала и сказала, что я непременно должен ее навестить. Тут как раз открылись двери морга. Следом за кем-то я подошел к Тае Григорьевне и положил рядом с ней букетик мимоз. С тех пор никому и никогда не дарил я эти славные весенние цветы, они напоминали мне о дне прощания с Таей Григорьевной. Потом было кладбище и скромные поминки в ее комнате. Там собрались Даниил Александрович Гранин с женой Риммой Михайловной и дочерью Мариной; Сергей Александрович Бондарин; ближайшая подруга Таи Григорьевны Лина Осиповна Короткова с сыновьями Аликом, Димой и их женами; доктор Гриша, другие друзья Таи Григорьевны, о которых я ничего не знал. Все по очереди вставали из-за стола и говорили о Тае Григорьевне что-то хорошее. Когда очередь дошла до меня, я вспомнил, что, рассказывая о своих друзьях, Тая Григорьевна, иногда добавляла: «Настанет день, и я вас всех соберу!» «И день настал», — перебила меня незнакомая дама гробовым голосом. На этом месте за стеной раздался женский крик: «Игорь, не томи душу!» Это соседка Таи Григорьевны кричала на своего всегда пьяного мужа-прокурора, которого звали Игорь, как и меня. Но я, находясь в состо-

янии, близком к помрачению, вдруг вообразил, будто это Тая Григорьевна называет мое имя, требуя умолкнуть. Более того, я решил, что все здесь сидящие восприняли выкрик соседки как некий мистический знак, и стал с тревогой озираться вокруг. Напротив меня сидел Даниил Александрович, который, как и все остальные, на крик соседки внимания не обратил. Он смотрел на меня доброжелательно, и я понял: спич можно продолжить. Однако мой испуг до конца не прошел, и, пробормотав нечто невнятное, я сел на свое место. Мне все казалось, что Тая Григорьевна сердится на меня за что-то, и подумал: «Может, потому, что я не оправдал ее надежд?» Подошло время расходиться. Все думали о том, что в этот дом уже не вернутся никогда, и уходили с тяжелым чувством. Хорошо помню, что очень плакала Марина.

Нежные и удивительные

Через три месяца после смерти Таи Григорьевны, как она и обещала, в мае вышел альманах «Прометей» с двумя главами из недописанной книги ее воспоминаний, о чем мне поведал доктор Гриша. Раздобыв пятый номер «Прометей», я для начала пролистал весь альманах объемом в почти пятьсот полновесных страниц. Открывался он публикацией Вадима Вацура «Записки честного человека», посвященной Карамзину и отношению к нему современников, которые буквально упивались его трудом и, особенно, томом, посвященным жизнеописанию Ивана Грозного. Карамзин заключал этот том словами, современными и сегодня: «Жизнь тирана есть бедствие для человечества, но его история всегда полезна для государей и народов; вселять омерзение к злу есть вселять любовь к добродетели — и слава времени, когда вооруженный истинною дееписатель может в правлении самодержавном выставить на позор такого властителя, да не будет уже впредь ему подобных!» Потрясенный Рылеев писал: «Ну, Грозный! Ну, Карамзин! Не знаю, чему больше удивляться, тиранству ли Иоанна, или дарованию нашего Тацита!» Далее в альманахе следовало множество публикаций с интригующими названиями, такими, как «Смерть Коперника», «Забытые воспоминания о Герцене», «Русские на баррикадах Парижа в 1830 году», «Новые известия об Александре Великом», «М. Бакунин или С. Нечаев». Там же присутствовало научно-детективное исследование моего любимого Ираклия Андроникова «Тетрадь Василия Завелейского» о современниках Пушкина: Александре Гарсевановиче Чавчавадзе, Павле Бестужеве и других замечательных персонажах. В разделе «Забытые страницы» были представлены воспоминания помещика Н. Ф. Андреева о его случайной встрече в тульской ресторации с Гоголем, ехавшим в Москву из Полтавской губернии. В биографиях Гоголя, которые я читал, он представал мрачным, иногда высокомерным и погруженным в себя человеком. А в воспоминаниях Андреева Гоголь оказался контактным, доброжелательным, скромным и, главное, обаятельным. В альманахе был также раздел «Литературное наследство», который открывался воспоминаниями Евгения Шварца с заголовком «Тетрадь № 1. Начата 19 июля 1928 года», а под ним девять пунктов правил, из них три такие: «Писать ежедневно», «Вычеркивать прозрачно», «Писать можно о чем угодно, что угодно и как угодно». Заканчивался альманах сериями карикатур художника И. Игина на поэта М. Светлова с его стихотворными комментариями, один из которых звучал так:

Твою кистью я отмечен —
Спасибо, рыцарь красоты,
За то, что изувекочил
Мои небесные черты.

17/VI — 63 г.

Публикация Таи Григорьевны оказалась в разделе «Дневники. Воспоминания» по соседству с мемуарами Рокоссовского, Штеменко, Малиновского. Фамилия ее была в траурной рамке, а публикацию завершал некролог, подписанный Всеволодом Азаровым, Иракием Андрониковым, Сергеем Бондариним, Даниилом Граниным, Александром Розеном. Там были такие слова: *«Не часто встречаешь в жизни людей, которые так преданно и так вдохновенно любят и понимают литературу, как любила и понимала ее Тая Григорьевна Лишина. Бывает „абсолютный слух“ у музыкантов. Тая Григорьевна обладала „абсолютным слухом“ по отношению к поэзии, к слову. Общение с ней, вся ее личность — безошибочный вкус, ум, широчайшая культура, высокое благородство, беспредельная скромность в сочетании с редкой властной способностью утверждать в тебе веру в твои собственные возможности — как это было важно для нас, как много. С горечью произносим мы эти слова: „знала“, „была“... Тая Григорьевна не дожидаясь трех месяцев до выхода ее воспоминаний о песенке, звучавшей в первые революционные годы в Одессе, в кругу молодых в ту пору Эдуарда Багрицкого, Ильи Ильфа, Юрия Олеше... Всю жизнь Тая Григорьевна оставалась верной этой далекой поре, этой талантливой молодости, полной романтики и поэтической отваги».*

Первая глава про «Пеон четвертый» и «Мебос» слово в слово совпадала с текстом, услышанным от Таи Григорьевны, и ничем удивить меня не могла. Зато вторая глава «Три письма Ильфа» поражала качеством текстов совсем молодого Ильфа, адресованных двум подругам, девушкам, всего-навсего пятнадцати лет от роду. По словам Таи Григорьевны, Ильф был человеком таинственным: «Никто не знал, что он пишет — стихи или прозу, но его побаивались, опасались его острого языка, его умной язвительности». Он был старше подруг, только что окончивших среднюю школу и «сначала очень робевших на поэтических собраниях». (Мне, кстати, трудно представить себе Таю Григорьевну, робевшую перед кем-либо.) Тем не менее подруги подружились с Ильфом, и он стал писать им письма. «В них почти не было ничего личного, относящегося к кому-нибудь из нас. Мы удивлялись и считали это своеобразным чудачеством. Много позже стало понятным, что письма выражали естественную потребность Ильфа еще в те ранние годы заняться литературой», — написала Тая Григорьевна. Возможно, она лукавила, и интерес Ильфа к двум юным девушкам объяснялся более естественными причинами. Впрочем, важно другое — все три письма, по сути, были небольшими блестяще структурированными литературными эссе.

Вот текст **первого письма**, в котором Ильф пишет о своем тревожном ожидании зимы. Но как!

Еще Вы, любезная Тая, совершаете своекорыстные переходы в Аркадию, еще Вам, Лиля, может быть, милы жаркие гиперболы лета, и даже я еще предаюсь размышлениям о нравственности и насморке Робеспьера, но в небе уже осень, ветер сбивает звезды, и к зиме оно раздвинется над нами огромной черной лисицей. Еще раз нам предстоит увидеть прощальные солнца осени. Это как пушечный салют кораблей, которых больше не увидишь никогда. А после татарской конницей легкой и яростной во весь опор помчится снег, это плен и невзгоды. Тогда Вы увидите меня иным, в чугунной походке памятника, с привязанной к лицу улыбкой, в молчании человека, отчаянно расточившего дар разговорной речи. И я думаю о Вас и о том, что Вы такое зимой, о комнате маленькой и совершенной, где Вы живете среди разгромленных книг и где в отваге смелых сердец и в милом извращении приличий Вы реабилитируете одни из пороков и судорожно создаете новые. И я вижу Вас провожающими свои дни в веселом умерщвлении плоти и в гуле пожираемого шоколада. А над домом «тетки» обезумевшим фонтаном взлетают кальсоны девственниц, сорочки честных матерей и фланелевые набрюшники холостяков. Он бьет в Вашу честь, этот фонтан, и на Вас же он опадает золотым и разнообразным дождем. Так

я думаю о Вас в промежутках между кровосмешениями Катюля Мендеса, трагическими любовями Гамсуна и ошибками и тайнами Теодора Амадея Гофмана. Пребываю в нежном Вашем дыхании. Иля, Вам преданный и верный.

«Своекорыстные переходы в Аркадию», упомянутые в письме, — это многочасовые походы юной Таи Григорьевны в пригород Одессы и обратно за овощами. На полдороге домой ее встречал Ильф, забирал тяжелый рюкзак, и они вместе возвращались в город. «У меня дома, — писала Тая Григорьевна, — растопив чугунную печурку пухлыми пачками журнала „Нива“ за 1916 год, мы пекли в горячей золе картошку, обжигая пальцы и губы, ели ее без соли, которая тогда была дороже золота, грызли пахнущую острой свежестью морковку и мечтали о шоколаде». «Обезумевший фонтан над домом тетки» тоже нуждаются в пояснении. «Тетка», родная тетя Таи Григорьевны, переезжала в Москву, и она попросила помочь продать на толкучке свои домашние вещи.

— Вы не справитесь одна. У вас все разворуют, — заявил Ильф. — Надо что-то придумать.

И он придумал. Когда Тая Григорьевна приходила на базар с корзиной, наполненной теткинским бельем, появлялись Багрицкий, Бондарин и Ильф, изображая заинтересованных покупателей. Таким образом, они повышали привлекательность содержимого корзины, то есть создавали условия для продажи барахла тетки по искусственно завышенным ценам. К концу базарного дня с опустошенной корзинкой она возвращалась к тете, и та оставляла ей часть вырученных денег со словами: «Накормишь своих приятелей-голодранцев». Это счастье длилось недолго — «теткин фонтан» через несколько дней иссяк. В письме этом Ильф как бы походя демонстрировал способность к образному мышлению, которой могут позавидовать нынешние литературные пижоны. Все эти «жаркие гиперболы лета», «ветер, сбивающий звезды», «небо, раздвигающееся над головой огромной черной лисицей», «прощальные солнца осени», «Вы увидите меня в чугунной походке памятника, с привязанной к лицу улыбкой» завораживают. Кстати, чугунная походка памятника напомнила мне давний спор в ЛИТО, которым руководил Александр Моисеевич Володин, из-за строчки одного поэта: «Шука разинула пасть до ушей». Одни говорили, что, поскольку у шуки нет ушей, строчка не корректна. Другие доказывали, что очень даже корректна: шука разинула пасть до ушей, которых у нее нет, то есть до неизвестно каких размеров. Нетрудно представить, на чьей стороне в этом споре был бы Ильф.

Второе письмо Ильф написал из дома отдыха на Хаджибеевском лимане. Тая Григорьевна предварила это письмо комментарием, в котором оправдывала Ильфа за допущенную им в письме фривольность. «Может быть, сегодня оно покажется кому-нибудь недостаточно пристойным, тем более что оно адресовано молодым девушкам, — писала она и гордо добавляла: — Но у нас в юности был свой критерий приличного и неприличного. Великолепный язык, которым оно было написано, совсем очищал письмо от кажущихся непристойностей и натуралистического правдоподобия». Тая Григорьевна напрасно оправдывала молодого Ильфа — фривольностью давным-давно никого не удивишь, хотя надо признать: факт, что письмо адресовано двум пятнадцатилетним девушкам, придает ему некоторую пикантность. Похоже, весело жили тогда в Одессе, хотя и не веселей, чем сейчас. При всем этом письмо Ильфа действительно остается маленьким литературным шедевром. Впрочем, судите сами:

Нежные и удивительные! Желание беременной женщины, чувство странное и неукротимое овладело мною, моими внутренностями и помыслами, это желание лизнуть кого-нибудь из тех, что ходят здесь обугленными и просоленными. Но лизать

всех невозможно, лизать же одних, отдавая им предпочтение перед другими, — неудобно. В желании проходит день и лето, обреченное любви, славе и толстым женщинам, которые иступленно хотят у меня стенного прибора для измерения чувств. Я привез с собой свое черное сердце и палладиум семейной чистоты и невинности. Глупый и немой садовник, среди разъяренных благочестивыми псалмами монахинь, я принес себя в жертву. Он никогда не поднимется больше, ртутный столбик моего прибора для измерения чувств. Мне остались только поцелуи и мое черное сердце. Что же касается до семейного палладиума чистоты и невинности, то он утерян. Новый поэт, соединив в себе достоинства Гомера и Банделло, в свое время расскажет историю этой пропажи. Это будет забавно и торжественно. Все дело в толстых женщинах, плохо и поспешно воспитанных на ускоренном губвузе, оборудованных трагическим профилем и злоупотребляющих привычками героев. Истинному герою необходимо восхваление своих подвигов народом. Он требует у него криков и кликов, и народ послушно дает их. От меня тоже требовали кликов, по ночам я ревностно кричал, и вот священный признак моей мужественности превращен в орудие домашнего и частого обихода. От этого гибли Империи, и я тоже погиб, как погибали Государства и Нации, — от чрезмерного напряжения сил и крайнего изнурения. Вот почему мне остались только поцелуи, наблюдения за летящими звездами, лиманная помойница и три сестры, джигитующие на моих, увы, уже безвредных коленях. И еще остались сны. Ночь обводит стенами смутных комнат, подкладывает под ноги мягкий асфальт, вывешивает неверную луну, и, когда она в первый раз привела меня, мчалась звездная стая, сердце моталось и билось, как взбунтовавшиеся часы, меня целовали в губы, это была она и ее внимательные глаза. И во сне вспомнил, что ей нравились войны: «Ведь пушки дышали розами, клубами алых и чайных», — вспомнил весеннюю холодную ночь, единственную и последнюю, паровоз, зло кричавший, ее, в любви и слезах, и себя, выходявшего в темноту плакать и жаловаться. Сон кончился в звоне, смятении уходящих поездов и в плеске отплывающих пароходов. А проснулся — и небо пустынно, как бильярд, лишенный шаров, унесенных любителями слоновой кости, а мимо ходят толстые погубительницы моей чести и проходят, сверкая ребрами и сорокалетним стажем невинности, тощие девы, сверху валится солнце, тишина, пространство и птичий помет. Этот день, он несет преувеличенную лень, вкусный табак, любовные стихи Пушкина, дары моему ошеломленному желудку и шумящие и нежные битвы Асеева, где... «от дыханий пушечных бежали по небу розы». Эти пушки и розы соединяют день и сон, и глаза покачнулись, и день идет, как сон. И это надо так, чтоб скучились к свече преданья коридоров.

Это моя жизнь в климате милым и приятном.

В этот город, великолепный и злой, где остались Вы, я эвакуирую себя скоро. Иля, Ваш преданный и верный.

Это сочинение на банальную тему «Как я провел этим летом», по сути, является неким развернутым оксюмороном (сочетанием несочетаемого), где автор письма, поведав о трех сестрах, джигитующих на его «увы, уже безвредных коленях», и прочих безобразиях, не переводя дыхания пересказывает свой романтический сон, в котором неведомая она «в любви и слезах» прислушивается к голосу зло кричавшего паровоза, а он уходит от нее «в темноту плакать и жаловаться». Тая Григорьевна писала, что «в письмах, как и в разговорах, Ильф часто вспоминал свои сны. Не было ясно, снились ли они ему действительно или он их придумывал. Прибегал он к этому приему, когда это касалось его личных переживаний и чувств. Очевидно, так ему, по природе скрытному и застенчивому, было легче спрятать то, что никогда бы не рассказал он прямо и лично от себя и о себе». Полагаю, давно уже не имеет значения, фантазия тот сон из письма или изложение события, которым он хотел таким странным образом поделиться со своими юными адресатами. Сегодня, когда письма пишут редко, все больше эсэмэски или по скайпу, кажется удивительным, что когда-то подобные пись-

ма писали, и поражает способность Ильфа походя создать великолепный текст, не придавая ему никакого значения, иначе бы он использовал его в каком-нибудь сочинении, а этого, насколько мне известно, не случилось.

Третье письмо Ильфа написано в 1922 году. Тогда, по словам Таи Григорьевны, в Одессе совсем замерла литературная жизнь. Давно закрылись кафе поэтов «Пеон четвертый» и «Меблированный остров». Негде было печататься, негде было прочесть новые работы, и литераторы поспешно уезжали из Одессы. Ильф, как и остальные, тоже собирался в Москву, но тяжелое материальное положение семьи не сразу позволило ему сделать это. После очередных проводов друзей Тая Григорьевна с Ильфом бродили по вечерней Одессе. Некоторое время они шли молча, и вдруг он спросил:

— На окраинах утверждают, что вы тоже хотите покинуть этот город, этот «мертвый Брюгге»?

Тая Григорьевна действительно собралась в Ленинград и подтвердила это. Ильф замолчал, как пишет Тая Григорьевна, «на всю длинную дорогу» до ее дома, а накануне ее отъезда вручил ей маленький пакетик. В нем оказалась хрустальная печатка с двенадцатью гранями, на каждой из граней которой было вырезано по знаку зодиака и письмо:

Мой мощный друг! Уезжают на север и направляются к югу, восток привлекает многих, между тем как некоторые стремятся к западу. И есть еще такие, о которых ничего не известно. Они приходят, говорят прощайте и исчезают. Их след — надорванная страница книги, иногда слово, незабываемое и доброе, и ничего больше. Я снова продан, и на этот раз Вами, и о чем мне писать, если не писать все о том же? Неувядаемые дожди, сигнальный свет молний, вечер и пожар, а ночью Ваше имя, короткое, как римский меч. Я трогаю Ваши пальцы и говорю торопливо и хрипло: Хлоя или Помпея, это все равно. Так ее зовут. А Вы называетесь Ан, и что может быть короче? Но Вы подымаете руку, и снег налетает сразу, и это не снег, а дорогие мне знаки, это пчелы, и все перепутывается: вечер, пожар, свеча и перчатка. Я просыпаюсь к «Ars Amatoria» и черному хлебу. Нет больше оловянного потопа, дожди отступают по всей линии, мне остаются деревья из пепла и парк, наполненный рукоплесканиями. Это снова сон. Во имя Бога, какая жизнь! Так всегда. Ждать, куда завертится круглый птичий глаз, молчать до этого, молчать после и говорить не умолкая, выбалтывать все, пока сдвинется и завращается круг. Иля.

В письме снова сон, в котором присутствуют дорогие ему знаки, и среди них свеча и перчатка — образы из юношеского стихотворения Таи Григорьевны «Пиковая дама»: «А пистолет в руке лишь свечка, упала голова седая, упало зеркало все в трещинах...»

Любезный друг

Стотысячный тираж альманаха «Прометей» почти мгновенно растворился на огромной территории Советского Союза вместе с воспоминаниями Таи Григорьевны и письмами юного Ильфа, ставшими недоступными широкой публике. «Печалька», как говорят сегодня, но против законов времени не попрешь: «Новые песни придумала жизнь, не надо ребята о песне тужить», или как сказал другой поэт: «У каждой эпохи свои подрастают леса». Но друзья Таи Григорьевны многие годы в день ее рождения собирались у кого-нибудь на квартире, где по очереди делились воспоминаниями о ней, и на эти собрания регулярно приходил Гранин с женой Риммой Михайловной и дочерью Мариной. Правда, со временем собрания эти стали проходить уже не раз в год, а через год или два, а то и через три года, пока не прекратились совсем, да и дру-

зей этих становилось все меньше. Те из них, кто был помоложе, постепенно осознали, как рано Тая Григорьевна ушла — 63 года, совсем немного по нынешним временам. Почти всем, знавшим ее в свои молодые годы, лет теперь намного больше, но мудрости, как у Таи Григорьевны, ни у кого нет. Я же, думая о Тае Григорьевне, всегда вспоминал слова Ильфа из его последнего письма к ней: «Я снова продан, и на этот раз Вами, и о чем мне писать, если не писать все о том же? Неувядаемые дожди, сигнальный свет молний, вечер и пожар, а ночью Ваше имя, короткое, как римский меч». Тая! Мне всегда хотелось напомнить публике об удивительных письмах Ильфа, и в начале девяностых годов такая возможность вроде бы представилась. Я тогда подрабатывал на «Леннаучфильме», и однажды подумал — почему бы не сделать на основе публикации Таи Григорьевны фильм под названием «Письма Ильфа»? В то время мое киношное начальство, лишенное госбюджета и занятое мыслями о выживании, принимало в производство только представительские фильмы и рекламные ролики, но к моей идее отнеслось лояльно.

— Напиши литературный сценарий, — то есть без режиссерской разработки, — а там посмотрим, — сказала начальство, и я принялся за работу.

По моей задумке в начале фильма на экране должна была возникнуть фотография Таи Григорьевны и зазвучать такой текст: «Это лицо узнают все, кто бывал в доме писателя на Воинова, восемнадцать в пятидесятые—шестидесятые годы. Тая Григорьевна Лишина. Те, кого она хоть раз удостоила беседой, запоминали это надолго. Те же, кто общался с ней многие годы, могут считать себя счастливыми. Утверждаю это, потому что таким счастливым был сам». В конце этого монолога камера отходила, и оказывалось, что фото Таи Григорьевны держал в руках человек, только что объявивший себя счастливым, а на экране зажигались титры: «Доктор геолого-минералогических наук профессор Алексей Иванович Коротков». Показав фото, он укладывал его в семейный альбом и садился за домашнее пианино.

— Я спою «Песенку о милой Джейн» на стихи Багрицкого, которой в далекие двадцатые годы заканчивались вечера в одесском литературном кафе «Мебос», — объявлял профессор и лихо исполнял ее под собственный аккомпанемент.

На этом месте я задумался: а захочет ли уважаемый профессор петь в моем будущем фильме?

Алексей Иванович Коротков, для меня Алик, был сыном ближайшей подруги Таи Григорьевны — Лины Осиповны Коротковой. Она тоже уехала в 1922 году из Одессы, правда, вначале в Москву и только потом в Ленинград, где стала знаменитой художницей по костюмам, «обшивала» Северные хоры, которые в ее роскошных одеждах получали награды, звания и аплодисменты у нас и за рубежом. Ее муж, тоже художник, заслуженный деятель искусств России Иван Андреевич Коротков много лет прослужил главным художником в Большом театре кукол, и его прекрасные спектакли для множества послевоенных детей стали чуть ли не единственной радостью. Я тоже был одним из этих детей и, став взрослым, спрашивал творца, благо такая возможность была:

— Иван Андреевич, помните, какой прекрасный дворец выстроили вы в сказке про Аладдина?

— Представь, не помню, — отвечал он. При этом поглядывал на меня свысока, мол, ты зритель-потребитель, тебе положено помнить, что я сотворил когда-то, а мне, создателю неземной красоты, помнить ее необязательно.

— А море! Помните ваше море в «Сказании о Лебединце-городе»? — вспоминал я другой его спектакль.

— Не помню, — повторял он, и я начинал возмущаться:

— Как можно? Забыть такое красивое море, которое сам и построил!

— Ах, дружок, я за жизнь построил столько морей, — отвечал он снисходительно, но разговор этот был ему приятен.

У Лины Осиповны и Ивана Андреевича было двое прекрасных сыновей. Младший Володя, которого почему-то все называли Димой, пошел по их стопам, стал прекрасным художником и архитектором. А старший Алик с блеском окончил музыкальную школу-десятилетку, но поступил не в консерваторию, а в Горный институт и стал высококлассным специалистом в своей области. При этом музыку он не оставил, регулярно разучивал новые сочинения и писал статьи в музыковедческие журналы на тему «Классика сегодня». Однажды его пригласили принять участие в радиопередаче о домашнем музицировании. Он пришел на запись со студенткой консерватории, и они принялись играть фортепьянный дуэт Баха, однако через пару минут их остановил звукорежиссер:

— Ошибка. Начните сначала.

Они начали сначала, и снова их остановил звукорежиссер. Не удалась и третья попытка.

— Кто из них ошибается? — поинтересовался ведущий передачи. — Профессор?

— А вот и нет, — улыбнулся звукорежиссер. — Профессор не ошибается.

С пятого раза дуэт они все-таки записали.

Я пришел к Алику с первой страницей будущего сценария и «Прометеем» за 1968 год в руках. Алик поставил альманах на пюпитр пианино, открыл страницу, где были текст и ноты «Песенки о милой Джейн», и лихо ее исполнил.

— Здорово! — сказал я. — А ты не знаешь, откуда у Таи Григорьевны эти ноты? Ведь музыке она не училась. Или я ошибаюсь?

— Эти ноты записал я с ее голоса, — ответил Алик.

— Разве Тая Григорьевна пела? — удивился я.

— И очень хорошо. У нее был красивый голос. Настоящее густое контральто. Ты, наверно, не знаешь. До войны Тая, — Алик с детства называл ее по имени, — выступала как чтица. Появляться на эстраде она стеснялась, считала, что внешность у нее не подходящая: она всегда была полновата. Зато часто выступала на радио, работала в кукольном театре. А во время войны в госпиталях читала раненым лирические стихи. Начальство требовало патетики, но она держалась своей линии. После войны она на эстраде читала «Пиковую даму» Пушкина, и многие считали ее исполнение поведи непревзойденным.

Я вспомнил, как однажды Тая Григорьевна попросила меня привезти том альманаха «Литературное наследство», оставленный ей в книжном магазине на Литейном.

— А рассказ свой тоже принес? — спросила она настороженно, когда я привез альманах.

Я стал оправдываться, мол, времени чуть-чуть не хватило, но на следующей неделе обязательно...

— Очень хорошо, сегодня мы будем читать Бабеля, — обрадовалась она и моментально нашла нужный рассказ в толстенном альманахе.

Из того рассказа я помню только двоюродного деда будущего писателя, который торговал рыбой на рынке, от чего «толстые его руки были влажны, покрыты рыбьей чешуей и воняли холодными прекрасными мирами», а дома беспрестанно наставлял внука: «Учись!» Зато запомнил, как читала Тая Григорьевна. Оказалось, что в ее прокуренном баре таились и полутона, и обертона, и бог знает какие еще тона, причем владела она голосом не хуже, чем, скажем, признанный мастер художественного слова того времени Дмитрий Николаевич Журавлев. Никогда я не слышал, чтобы кто-нибудь так хорошо читал Бабеля. Рассказ в ее исполнении казался совершеннее, чем был написан. Впрочем, новость об артистическом прошлом Таи Григорьевны оказа-

лась в тот вечер не главной. Алик рассказал, что второй из «нежных и удивительных», к которым обращался в письмах Ильф, была его мама, Лина Осиповна Короткова, и существуют еще два его письма, адресованные одной ей.

— И где же они? — спросил я, ожидая услышать что-нибудь вроде где-то лежат, а где — не припомню.

— Там же, где и письма, опубликованные в «Прометее», — сказал Алик будничным голосом. — В моей папке, на обложке которой я написал «Реликвии». Одно время я хотел передать их в одесский музей, но передумал — все-таки за граница, мало ли как сложатся отношения.

Алик на минутку вышел из комнаты и вернулся с канцелярской папкой, откуда извлек два каких-то довоенных незаполненных бланка, обратная сторона которых была исписана уже знакомым мне почерком. Это был сюрприз — два неопубликованных письма Ильфа! Такое везение случается даже не у каждого профессионального литературоведа. Оба письма написаны в 1922 году, когда Лина Осиповна жила в Москве. В первом из этих писем снова присутствует сон. Ильф писал:

Любезный друг!

Мне читали Ваше письмо из больницы. Между Кремлевской стеной и голландскими печами Вы поместили там и мое имя. И это исполнило меня радостью, правда, гораздо меньшею нежели та, какая была вызвана Вашим выздоровлением. Что-то я сделал Вам, чего по свойственной мне грубости нрава не сознаю и посейчас. Но было это то, в чем нужно просить прощения. И так, я прошу одного ко мне милосердия. Милосердие, мой друг, единственно лишь Ваше милосердие, еще может спасти меня. Я ожидаю от Вас письменного разрешения моих грехов до той благословенной поры, когда и мне будет надлежать Москва. О время, когда зацветет свечами дерево Преображенской улицы. Тогда я покину родные академии и уеду в Петербург. Мой путь будет лежать в Москву. Моя верность приведет меня к Вам, а Вашим милосердием мне будет подарена жизнь. А моя жизнь — все тоже. Дымный мороз и санки слетают на Греческий мост, но приходит ветер западный и южный, и ничто, даже самое яростное воображение весны, не заменит Вам западного и южного ветра в феврале. В городе, где так много любви и так много имажинизма, каждое утро я говорю: «Пусть вы все будете прокляты в своей любви, как я проклят в своей ненависти. И пусть, взглянув на небо, вы не увидите ничего, ни ангелов, ни властей». День проходит в брани и проклятиях, а ночи еле хватает для снов, на маленьком пароходе мне надо плыть в Лондон, мои морские познания разворачиваются во всем блеске своего невежества, и лишь стыд перед капитаном с головой голой, как яйцо, побуждает меня проснуться. Ночью я вспоминаю осень и пожар, и осень — это один пожар, будто не было иного.

И так, Вы видите, во мне нет изменений. По-прежнему, предоставив небо птицам, я все еще обращен к земле.

Ожидаю Вашего письма, будьте многословны в разговорах о себе и точны в описании Москвы. Живите возвышенно и не ешьте дурного хлеба. Его с большим удобством можно заменить шоколадом.

На окраинах, утверждают, не пишут больше стихов. Что же касается до Таи, то сочетание скверных папирос, речей по поводу некоего Уисполкома и страсть к громкой речи делают ее поразительной. А зимой так трудно удивляться. И мне трудно! Если в Москве есть хорошие книги, надеюсь на Вас, а я Ваш друг Иля. 16/II 22 г.

В этом письме эмоционально выделялся абзац: «Пусть вы все будете прокляты в своей любви, как я проклят в своей ненависти. И пусть, взглянув на небо, вы не увидите ничего, ни ангелов, ни властей». Я спросил у Алика, посчитав его экспертом по маминым письмам, а заодно, помня об его эрудиции, по всем на свете вопросам:

— Он так не любил советскую власть? А сон, в котором он едет в Лондон, не означал ли, что Ильф мечтал уехать из страны? И почему в таком случае он не уехал? Ведь тогда это было еще возможно, многие так и поступили.

— Уверенно сказать, чего хотел Ильф в 1922 году, я не могу, а спросить уже не у кого, — грустно улыбнулся Алик. — Но Ильф не Набоков, которому все равно было, на каком языке писать. Конечно, некоторые, как Эзра Александров, даже стихи научились писать на чужом языке. Но Ильф собирался строить литературную карьеру на русском языке, не зря же мечтал о *«той благословенной поре, когда и ему будет надлежать Москва»*. А что до нелюбви к советской власти, думается мне, Ильф ощущал бы себя лишним человеком при любой власти. Ему был присущ трагизм, скрывавшийся за остроумием и веселостью. Когда на экраны вышел «Золотой теленок», критики упрекали Юрского, что его Остап чересчур умен, прямо философ, а не Остап. На мой же взгляд, Юрский и Швейцер прочли роман внимательней, чем их критики, и поняли, что Остап — фигура трагическая. А я всегда знал, что ужасная гибель Остапа в романе «Двенадцать стульев» и перевоплощение его в управдомы в «Золотом теленке» есть итог трагедии, которую он носил в себе. Так же как безвременная кончина самого Ильфа — последняя точка в его собственной трагедии, о наличии которой свидетельствуют все упомянутые выше его письма, и не только. Впрочем, слава богу, трагедийность эта проявлялась не всегда, что подтверждает письмо, которое он написал упавшей духом маме, когда она находилась уже в Петербурге.

Гражданка Лина.

Считаю лирическую часть моего письма оконченной и начинаю с середины, закройте дверь, я ожидаю к себе уважения. Именно так, и я сказал то, что сказал.

Можно увидеть женщину, возникающую из пены и грязи Лонжерона, в шляпе, вуали и купальном костюме, образованном тугим корсажем и юбкой выше примечательных колен. О бесстыдство и привлекательность. Вульгарно и непристойно изображал таких художник Фелисьен Ропс. Можно увидеть собак, пораженных любовью, и Закат «в сиянии и славе нестерпимой» и еще, и снова, и опять, и так, как оно было, и так, как этого никогда не бывает, а я стою в сей малой куче и говорю: «Никто не знал любви до меня, и никто не узнает ее после меня». Именно так и я сказал, что говорили другие.

Впрочем, тревоге нет оснований, и в этом деле преданность прошлому обещает многое в предстоящем. Если Женя Окс имеет до Вас касательство, полагаюсь на Вас в передаче ему некоторого известия. Тому причине была польская водка. Словом, я его потерял. И это очень жаль. Он был великолепен. К тому же подарен в благословенные времена. Теперь я ношу галстук, какой в Америке носят негры, а в Европе никто не носит. Естественно, что мне остались только поцелуи. Только упорным трудом можно спасти республику. Говорю Вам, даже собаки поражены любовью. А Славин, я говорю Вам, Славин тоже. Лева, дитя мое, он погиб.

Вы говорите — море. Очень может быть. Улица Белинского — весна. Вероятно. А я говорю — бросьте — это не дело. Отвратитесь. В Петербурге, понятно, акаций нет. Но взрастите ее в комнате. Вдохните, о аромат, благоухание, первый день на неделе и первый на земле. Ветер идет с юга. Он придет ранее этого письма. Облака и все сдвинулось к северу. Это начинается у Вас позднее, нежели здесь. Но пусть сопроводит Вас успех. Я пребываю вплоть до Вашего письма. Илья. 5-ый июль 1922 года.

Очень образованный Алик Коротков снова подтвердил свою эрудицию, пояснив, что строчка «в сиянии и славе нестерпимой» взята из «Гаврилады» Пушкина, а упомянутый в письме Женя Окс — будущий знаменитый художник. Не пояснил он только, не означает ли строчка «преданность прошлому обещает многое в предстоящем» на-

личие романтических отношений между совсем юной Линой Осиповной и Ильфом, которому уже было двадцать пять. Впрочем, чуть ниже он сообщает, что теперь носит галстук, какой в Америке носят негры, а в Европе никто не носит, и по этой причине ему остались только поцелуи. Вряд ли влюбленный писал бы такое предмету своих чувств, да и похожую на статс-даму Лину Осиповну трудно представить в роли романтической героини, пусть и сорок лет назад. Но я не знал ее в молодости, так что вопрос оставался, только задать я его постеснялся, а напоследок спросил про другое:

— Помнишь, Алик, Тая Григорьевна писала, что, когда она уезжала из Одессы в Ленинград, Ильф подарил ей на прощание хрустальную печатку с двенадцатью гранями, на каждой из которых было вырезано по знаку зодиака? Ты знаешь, где сейчас эта печатка?

Вопрос этот я задал для порядка, поскольку друзей у Таи Григорьевны было много, и если эта печатка не потеряна, храниться могла у кого угодно. Но всезнающий Алик опять меня не разочаровал.

— Печатка у Даниила Александровича Гранина. Тая подарила ему на какую-то дату. Ты же знаешь, Гранин познакомился с Таей, будучи начинающим писателем, и дружил с ней до конца ее дней, — сказал Алик и добавил: — Я думаю, он согласится участвовать в твоём фильме. Можем позвонить ему прямо сейчас.

Идея Алика была великолепна. Я тут же представил, как в будущем фильме Алик скажет в камеру, что переход печатки от Ильфа к Гранину символизирует связь времен, а потом появится сам Гранин, и Алик задаст ему умные вопросы, на которые получит еще более умные ответы. Например, Алик спросит:

— Даниил Александрович! Вы же читали письма Ильфа. Что, по-вашему, они добавляют к тому, что мы знаем о нём?

А Гранин ему ответит:

— Ну, во-первых, эти письма — свидетельства жизни молодого Ильфа, и в этом их главное значение. Во-вторых, с помощью этих писем можно предположить и даже понять, насколько характер Ильфа отразился в его героях. Я говорю о смеси грустного и веселого, которая присутствует во всех его письмах и просматривается в образе Остапа Бендера. И еще об адресатах этих писем — Тае Григорьевне Лишиной и Лине Осиповне Коротковой. Всю жизнь они оставались верны своей талантливой молодости, полной романтики и поэтической отваги. Эти же романтика и отвага заполняют письма Ильфа, которые Тая Григорьевна и Лина Осиповна сохранили, пройдя сквозь выпавшие на их долю нелегкие годы.

— Так что, будем звонить Гранину? — прервал мои размышления Алик.

— Подождем, — ответил я, немного подумав. — Надо закончить сценарий и, главное, утвердить у начальства.

— Разумно, — согласился Алик.

На том и порешили. Я дописал сценарий и показал его руководителю студии, с которой сотрудничал.

— У меня только один вопрос, — сказал тот, прочитав сценарий. — Ты монолог Гранина записал слово в слово? Ничего не напутал? Уж очень эти люди негодуют, когда их неточно цитируют.

— А я его не цитировал. Просто сконструировал его речь для целостности картины. Часть взял из некролога Тае Григорьевне, который он подписывал, остальное додумал, но это не важно. Наверняка Даниил Александрович скажет и умнее, и интереснее.

— А ты уверен, что Гранин согласится участвовать в фильме?

— Процент на пятьдесят. Он не на все приглашения откликается, но надеюсь, мы с Аликом его уговорим. И его дочь Марина нам поможет.

Руководитель студии задумался. А потом изрек:

— Решим так. Я покажу твой сценарий одному олигарху. У него денег куры не клюют — истинный Крёз, при этом большой любитель Ильфа и Петрова, цитирует их к месту и не к месту. Для него деньги на твой фильм — мелочь.

Слова олигарх и Крёз на меня очень подействовали. «Почему бы человеку с сумасшедшими деньгами не вложить ничтожную часть их в кино, тем более на близкую ему тему? Я бы на его месте вложил», — рассуждал я и стал ожидать скорого начала съемок. Но прошла неделя, потом еще две, и я услышал, что Крёз денег не дал.

— Оказалось, он любит Ильфа и Петрова платонической любовью, — оправдывался мой киношный руководитель. — Я пытался сыграть на его тщеславии, обещал написать на титрах в начале и в конце фильма его фамилию в пол-экрана, а он в ответ цитатку из Экклезиаста: «Мудрого не будут помнить, как и глупого; в грядущие дни все будет забыто». Кого он имел в виду под «мудрым» — себя или Ильфа, я не понял, зато уразумел другое: вкладываться в некоммерческий фильм он не будет.

Через много лет после своих приключений на «Леннаучфильме» я встретил на улице своего бывшего киношного руководителя. Он постарел, но продолжал работать, где и раньше работал.

— Привет! — воскликнул он, словно мы расстались максимум неделю назад. — Чем увлекаешься? Сценарии пописываешь?

— Слава богу, нет.

— Скажи, а твой сценарий о письмах Ильфа сохранился? — спросил он, словно продолжая разговор, не законченный много лет назад.

Я ответил, что лежит где-то в столе.

— Здорово, — обрадовался мой бывший руководитель. — Тащи-ка его к нам. У нас снова Госбюджет, подадим заявку, и года не пройдет, как откроют финансирование.

— Боюсь, с этим предложением вы опоздали.

— Что так?

— Некого снимать. Алик умер. А недавно не стало Даниила Александровича.

— Печально, — вздохнул он, — но кино остановить нельзя. Вместо Алика снимем какого-нибудь литературоведа, а еще лучше — актера хорошего. А Гранина заменит его дочь.

— Ничего не выйдет, — сказал я. — Алика никто не заменит. Гранина тем более.

— Послушай! Не надо реализовывать эту ужасную формулу Экклезиаста: «...в грядущие дни все будет забыто». Конечно, будет, но по возможности надо препятствовать этому. Фильм, в котором прозвучат имена Ильфа и Гранина, может заинтересовать нынешнюю публику. Вот тебе моя визитная карточка. Одумаешься — позвони.

Он ушел, очень недовольный мной, и, видимо, был прав. Но представить в своем фильме вместо Алика Короткова и Даниила Александровича Гранина других, пусть даже очень достойных, людей я не смог и написал текст, в котором помимо писем Ильфа присутствует рассказ об их адресатах, а также о том, как фильм о них не состоялся.

Эдгар Аллан ПО

ВОРОН

Как-то в полночь, в час кромешный я склонялся, безутешный,
Над трудом старинным, грешным, силясь проникнуть в суть его.
Я уже дремал над томом, только вдруг развеял дрему
Стук почти что невесомый в дверь приюта моего:
Верно, путник незнакомый у порога моего.
Путник, только и всего.

О, я помню... Это было в декабре — глухом, унылом,
Угасал камин остывший, меркли блики вокруг него.
Я над книгой ждал рассвета: гнал я скорбь, но нет совета,
Как вернуть Линор — луч света, — что была как божество...
Имя ангельское это, что манит как божество,
Здесь навек теперь мертво.

Смутно-горестный, усталый шорох шторы темно-алой
Полнил дрожью небывалой недра сердца моего.
И чтоб страх унять немного, я твердить старался строго:
«Это путник у порога просит в дом впустить его,
Поздний путник у порога просит приютить его.
Вот ведь только и всего».

Чуть окрепнув духом здоровым, я сказал довольно браво:
«Сэр иль мэм, простите... Право, я молчал лишь оттого,
Что слегка дремал в печали; вы ж так робко постучали,
Что расслышать мог едва ли, ведь не ждал я никого».
Тут я дверь в печальной зале распахнул... И никого —
Темень, только и всего.

Сам не зная, что со мною, долго я стоял пред тьмою,
Полон грез, каких земное знать не смеет существо,
Но в безмолвье беспросветном лишь «Линор!» — призыв заветный —
Прозвучал, но тщетно, тщетно я во тьму шепнул его —
Только эхо чуть приметно возвратило мне его.
Эхо, только и всего.

Жгла душа невероятно... Но лишь я свернул обратно,
Снова стук! Теперь уж внятно я расслышать смог его.
Ну конечно, это что-то за оконным переплетом!
Миг — и я узнаю, кто там, чье же это озорство,
Может, ветер мимолетом впал по-детски в озорство?
Ветер, только и всего!

Распахнул я створ оконный... И шагнул из тьмы бездонной,
 Будто лорд во время оны — нет важнее никого,
 Древний ворон: без смущенья он поправил оперенье
 И взлетел на возвышенья возле входа моего —
 На Паллады бюст — и тенью сел у входа моего.
 Ворон, только и всего.

Этот гость, чернее сажи, вызывал улыбку даже,
 Столь надменен был и важен облик траурный его.
 «Хоть твое не блещет платье, ты, — сказал я, — смел и знатен,
 Славишь мрачной древней статью край, где Ночи торжество;
 Как зовут тебя — дай знать мне — там, где Ночи торжество?»
 Молвил ворон: «Ничего!»

Удивился я изрядно, что ответ вполне был складным,
 Хоть, по сути, безотрадным: мало проку от него!
 Ведь возможно ли такое, чтобы кто-то пред собою
 Видел в собственных покоях у порога своего,
 Над скульптурной головою возле входа своего —
 Птицу с кличкой Ничего?

Но мой гость, воссев как идол, лишь одно мне слово выдал,
 Будто в слове этом видел все свое он естество,
 И застыл в безмолвном бденье без единого движенья.
 «Все ушло: друзья, стремленья... Знать, — вздохнул я, — и *его*
 Унесет как сновиденья; что-то выманит его...»
 Тут изрек он: «Ничего!»

Изумлен и озадачен, сколь ответ его удачен,
 Я подумал: не иначе, этот возглас у него
 От хозяина былого, что страдал от горя злого,
 И, не в силах сбить оковы безнадежья своего,
 Повторял всего три слова средь мытарства своего:
 «Не осталось Ничего...»

Так худы у птицы чресла, что улыбка вновь воскресла.
 И тогда, подвинув кресло к трону гостя моего,
 В лоск лилового вельвета сел я в поисках ответа:
 Что сказать хотело это колдовское существо,
 Старше Ветхого Завета мрачно-злое существо,
 Скорбным криком «Ничего»?

В размышленье — долгом, спорном — я молчал пред гостем черным,
 Хоть мне душу жег упорно огненный зрачок его.
 И сидел я как в тумане, и клонила к мягкой ткани
 Голова, и ламп мерцанье обняло меня всего...
 Но *она* своим дыханьем — та, что мне милей всего —
 Не коснется ничего!

Вдруг густым кадилльным дымом потянуло, будто мимо
 По коврам моим незримо ангел шел... И оттого
 Я вскричал, благоговей: «Шлет Господь мне панацею
 От любви, что я лелеял, от страданья моего:

Выпью и — забыть сумею тягость горя моего!»
Молвил ворон: «Ничего!»

«О, провидец! Будь ты птица, будь ты дьявола десница,
От грозы ль спешил укрыться иль из Ада самого
Послан мне — не зван, не прошен — но уж коль сюда заброшен,
В дом, что Горем запорошен, дай ответ, я жду его:
Есть ли средство, чтоб о прошлом не скорбеть, избыть его?»
Молвил ворон: «Ничего!»

«О, провидец! Знак проклятья! Будь хоть кем, — вскричал опять я, —
Умоляю пред Распятьем, а оно святей всего!
Дай ответ: когда уйду я в мир иной, хоть там смогу я
Видеть ту, о ком тоскую, — ту, что словно божество?
Ну хоть след Линор найду я — той, что словно божество?»
Молвил ворон: «Ничего!»

Я вскочил: «Прощай! Нет мочи слушать то, что ты пророчишь;
Возвращайся в бездну Ночи, где Плутона торжество!
Чтоб от слов твоих и взгляда ни следа, исчадь Ада,
Не осталось: прочь с Паллады, прочь из дома моего!
Клюв свой лживый, полный яда, вынь из сердца моего!
Слышишь, нечисть?» — «Ничего!»

Там, на мраморной богине, ворон этот и *поныне*
Восседает как твердыня возле входа моего;
Он как будто демон спящий, и в судьбе моей пропащей,
Кроме тени леденящей, что исходит от него,
Впредь не будет — кроме вящей темени вокруг него —
Ничего, уж ничего!

1992–2017

Перевод Олега ТИХОДЕЕВА

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ СТРУКТУРЫ ТЕКСТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ «ВОРОНА» ЭДГАРА ПО Комментарий О. Тиходеева

«Ворон» Эдгара По занимает в мировой поэзии лидирующее место по количеству переводов. В частности, известно около 50 переводов этого стихотворения на русский язык. Однако оригинал настолько сложен по своей структуре (смыслового и стилистического аспектов я не касаюсь), что некоторые задачи остаются нерешен-

---

Олег Николаевич Тиходеев — доцент кафедры генетики и биотехнологии Санкт-Петербургского государственного университета.

ными даже в наиболее удачных переводах. Я остановлюсь на четырех ключевых проблемах, имеющих отношение к общей структуре текста.

Прежде всего, очень непростая задача — сохранить единую сквозную рифмовку во 2-м, 4-м, 5-м и 6-м стихах всех строф. Даже такие корифеи, как Мережковский, Бальмонт, Брюсов, Жаботинский и Зенкевич, использовали в разных строфах разные рифмовки, что заметно снижает общее впечатление. Сохранить единую сквозную рифмовку удалось менее чем в трети опубликованных переводов.

Вторая проблема связана с малым рефреном «nothing more». В оригинале он использован во всех строфах до введения основного рефрена, за исключением строфы II. Таким образом, оригинал имеет следующую структуру: строфы I, III—VII — малый рефрен, строфы VIII—XVIII — основной рефрен. Насколько я знаю, такая структура сохранена только Виктором Топоровым.

Третья проблема касается системы внутренних рифмовок. В каждой строфе оригинала строго выдержаны одинаковые рифмовки в 4-м и 5-м стихах. Эту схему сохранили всего лишь несколько переводчиков: Владимир Жаботинский, Валерий Брюсов (в первом варианте), Atalena, Валерий Ананьин, Сергей Петров, Владимир Сарисвили (во втором варианте) и Скоффер 2005. Но даже если исходная схема соблюдена, в ней могут встречаться множественные повторы одной и той же внутренней рифмовки в соседних строфах (в оригинале есть лишь один подобный повтор: речь идет о строфах III и IV). В частности, излишние (тройные или даже четверные) повторы характерны для переводов Владимира Жаботинского и Atalena.

Наконец, главная проблема связана с переводом основного рефрена «Nevermore». Традиционный вариант «Никогда» уже давно считают неудачным: он плохо согласуется с оригиналом по своему звучанию и неизбежно заставляет прибегать к сомнительным рифмам наподобие «всегда — никогда», «когда — никогда» или «тогда — никогда». Кроме того, по мнению многих специалистов, в звучании слова «Никогда» нет зловещей «вороньей интонации». В этом плане предпочтение обычно отдают прямому переносу «Nevermore» из оригинала. В данном случае используют различные рифмы на -ор/-ер, имитируя рефреном карканье ворона (Нэвермор). Однако в реальной англоязычной речи (даже американской) при произнесении «nevermore» ни одна из двух «г» практически не слышна [nevə'mɔː]. Даже в тех случаях, когда это «г» уловимо, оно кардинально отличается от жесткого русского «р». Поэтому при попытках использовать русское «р» в рефрене, особенно в качестве последней буквы, резко нарушается мелодичность всего стихотворения. Кроме того, идея о том, что производимое вороном слово обязательно должно содержать букву «р», не согласуется с тем фактом, что в английском языке наиболее точным аналогом глагола «каркать» является слово «saw», не содержащее ни одной «г». Традиционно упоминаемые «scoak» или «sgow» означают любой громкий крик: «каркать», «кукарекать», «квакать», «крякать» и т. п. (см. Oxford Advanced Learners Dictionary of Current English). И наконец, в оригинале ни разу не сказано о том, что ворон каркнул: при описании прямой речи ворона использованы глаголы «quoth» («молвил», «произнес») или «said» («сказал»). Прочие варианты перевода основного рефрена, такие, как «Никогда уж с этих пор» (Дмитрий Звенигородский), «Никогда тому не быть» (Дмитрий Гольдовский), «Ни разу впредь» (Эльмира Мустафаева), «Не вернуть» (Василий Бетаки, Александр Милитарев), «Не вернем» (Валерий Ананьин), «Возврата нет» (Виктор Василенко), «Все прошло» (Николай Голь), «Приговор» (Виктор Топоров), «Крах» (Игорь Голубев) или «Отнюдь» (Сергей Махов), тоже не в полной мере созвучны оригиналу.

Таким образом, ни один из опубликованных русскоязычных переводов «Ворона» не идеален с точки зрения общей структуры текста.

В предлагаемом мною переводе, как мне кажется, найдено удачное решение перечисленных проблем. Привожу краткое описание моего варианта:

1. Все строфы имеют единую схему рифмовки: aaabcccbcb. Насколько мне известно, ранее такую схему использовал только Виктор Топоров. Дополнительные рифмы во 2-м и 5-м стихах повышают мелодичность и не противоречат оригиналу, поскольку в некоторых строфах (например, II и III) использованы самим Эдгаром По.
2. Одинаковые рифмовки в 4-м и 5-м стихах выдержаны во всех строфах.
3. Впервые применена единая сквозная рифма -го/-во.
4. Схема расположения концевых рифм в точности соответствует оригиналу (строфы I, III–VII — малый рефрен, строфы VIII–XVIII — основной рефрен).
5. В качестве малого рефрена впервые использовано словосочетание «только и всего». На мой взгляд, оно более мелодично, чем традиционное «больше ничего».
6. В качестве основного рефрена впервые использовано слово «ничего». Данный рефрен выбран по следующим соображениям:
  - по своему звучанию слово «ничего» наилучшим образом (из всех ранее использованных) соответствует «nevermore» в оригинале;
  - по своему смыслу (то есть по степени безнадежности) слово «ничего» не только не уступает слову «никогда», но даже его превосходит, поскольку имеет более широкое значение, одновременно охватывая как время, так и пространство;
  - вполне прозрачный намек на «ничего» имеется непосредственно в оригинале. В строфе XV на вопрос «...is there balm in Gilead?» напрашивается ответ «по» или «nothing» (то есть именно «ничего»). Он представляется здесь даже более логичным, чем рефренное «nevermore»;
  - отсутствие букв «р» в слове «ничего» не является проблемой (см. выше);
  - слово «ничего» (в отличие от «никогда») можно произнести со зловещей «вороньей интонацией».
7. Использование слова «ничего» в качестве основного рефрена вместо традиционного «никогда» или ему подобных потребовало внесения некоторых корректив в изложение, но они, на мой взгляд, минимальны и не нарушают семантику стихотворения.
8. Сделан точный перевод всех слов, выделенных в оригинале курсивом. Курсив сохранен.

Я не являюсь профессиональным поэтом. Я — генетик с большим опытом написания стихов и прозы для различных праздников, капустников и т. п. Когда я еще учился в школе (70-е годы), моя учительница английского языка, Мирра Генриховна Бородицкая, предложила мне перевести «Ворона», надеясь, что у меня получится что-то интересное. С тех пор эта идея меня не покидала. Я начал работу над переводом в 1992 году, находясь на стажировке в США, но смог закончить только в 2017-м. Так что на реализацию ушло 25 лет.

Безусловно, предложенный мною перевод не претендует на идеальность. Балансируя между сохранением смысла и сохранением структуры, я не смог воспроизвести некоторые нюансы оригинала, например, эпифору в первых строках VIII и XII строф, а также идентичность первых строк в XV–XVI строфах. Тем не менее, как мне кажется, сделан важный шаг в поисках оптимальных решений при переводе «Ворона» на русский язык.

Виктор КОСТЕЦКИЙ

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ: ПУТЬ К РЕАЛЬНОСТИ

Религиоведение как особая гуманитарная наука, инициированная Максом Мюллером в 1870 году, планировалась как сравнительное изучение различных религий мира по типу сравнительного языкознания. Полвеком ранее Г. Гегель ввел в оборот термин «философия религии», собственно, для тех же целей. По Гегелю, все религии представляют собой некую мозаику одной мировой религии, сверкающей различными гранями в разных конфессиях. Для Гегеля народ и его религия едины с точки зрения поступательного развития духа. Так, например, Древняя Греция с ее эллинским населением и героической мифологией есть выражение «прекрасной индивидуальности» объективного духа. В своей философии религии Гегель, собственно, тем и занят, что подыскивает определения и эпитеты религий на этноисторической карте мира. Какая-либо другая «философия религии» в гегелевских трудах отсутствует.

В рамках советского «научного атеизма», а позднее «религиоведения» религия стала трактоваться как «вера в сверхъестественное», причем вера выступала антагонистом знания. Такая трактовка позволяла «развести мосты» между религией и наукой и, соответственно, закрепить образование полностью за наукой. Однако философия религии при подобном определении религии сразу теряла весь смысл, уступая место психологии религии с ее терминологией самовнушения, суггестии, психоза, комплексов неполноценности. Религия превращалась в якобы философском измерении в некий «коллективный невроз» (З. Фрейд) или в лучшем случае «невроз здоровья» (Ф. Ницше).

Отправная точка новой «философии религии», о чем далее пойдет речь, должна определяться признанием ложности определения религии, во-первых, как «веры», во-вторых, как «веры в сверхъестественное». В религии есть знание — знание того, что не все в этом естественном мире «естественно» (физично, натуралистично, биологично, социологично). Сошлюсь в данном случае на свой личный опыт «хождения по углям» — феномен, практикуемый во многих частях света, в том числе в форме культурно-туристического шоу. Технику «хождения по углям» я, в то время заведующий кафедрой философии во вновь открывшемся университете, освоил в Сургуте в 1994 году по предложению директора одной из городских школ. Поэтому могу с уверенностью утверждать, что ногам на горящих углях реально холодно, холодно, как на дне колодца, — и этому нет никакого «естественного» объяснения (типа повышенного кровотока или потоотделения, быстрого переступания ногами и прочих наукообразных

Виктор Валентинович Костецкий — доктор философских наук, профессор кафедры общественных и гуманитарных наук Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова.

выдумок). При обычном состоянии сознания на горящих углях нельзя стоять босыми ногами, а при «измененном состоянии сознания» можно, причем без всякой спешки.

Понятие «измененные состояния сознания», введенное американскими врачами в середине девятнадцатого века в связи с появлением новой науки «анестезиологии», предполагает, что есть и какое-то «неизмененное состояние сознания» (условно «нормальное», «обычное»), по отношению к которому все прочие состояния сознания выступают как «измененные» (читай «ненормальные»). У Платона, к слову сказать, для подобного рода «ненормальности сознания» существовал специальный термин «священное безумие», подвидами которого выступали любовь, поэзия и творчество («вдохновение от Аполлона»). Американские анестезиологи, при хирургических операциях применявшие внутривенное введение пациентам кокаина, под нормальным состоянием сознания предполагали такое, при котором пациенты сохраняли способность выполнять обычные механические телодвижения (например, заправлять кровать или попадать руками в рукава одежды). Цивилизация ценит «неизмененное состояние сознания» за возможность совершения точных механических телодвижений при трудовых операциях. Точная механика телодвижений лежит как в основе труда, так и в основе формальной логики (деление, разделение, объединение, классификация, анализ, синтез, дедукция, индукция). Между тем существует множество ситуаций, при которых «нормальное состояние сознания» нормальным как раз и не является. Это может быть и война, и игра, и праздник, и искусство, и творчество, и супружеские отношения.

В истории человеческой культуры существовал многотысячелетний период, когда основным методом обретения новых знаний служили именно «измененные состояния сознания». Так было и в мире первобытной культуры, и в мире первых цивилизаций Древнего Востока. Главные доказательства тому представлены в обычных трудах по истории науки. Например, в истории математики приводятся тексты египетских папирусов с методами расчета площади круга (без числа «пи») или объема усеченной пирамиды, причем при полном отсутствии доказательств и какого-либо обращения к опыту. Так в истории математики появляется замечательный с гносеологической точки зрения термин «рецептурное знание» — знание в готовом виде, вне опыта и без доказательств. Точно такая же ситуация имеет место в истории медицины: в этой области доказательства не нужны, а эксперименты невозможны. Тем не менее медицина первых цивилизаций уже обладала феноменальным объемом рецептурного знания в области фармации, хирургии, терапии, гигиены и диетологии. Не менее поразителен объем рецептурного знания в области геологии и металлургии: наивно предполагать, что «полезные ископаемые», распределенные по большой территории и неявно представленные на поверхности, были обнаружены случайно или целенаправленно за счет каких-либо экспедиций, а также опытов с нагреванием камней до необычно высоких температур. Рецептурным знанием славится и история сельского хозяйства в области domestikации растений и животных. Новыми знаниями занимались жрецы, причем без каких-либо лабораторий и академий наук, при этом знания по математике, медицине, геологии, металлургии, сельскому хозяйству в истории Древнего Востока возникали с феноменальной скоростью, причем в жестких условиях «традиционного общества». Мышление людей при этом было настолько консервативным, что без рецептурного знания некоторые цивилизации не могли изобрести даже колеса, не говоря уже об изобретении проката металла или выплавки цветного стекла.

Интересно, что в мифологии различных народов мира изобретения (технические, медицинские, математические, астрономические) никогда не связывались с обычной человеческой деятельностью, но всегда соотносились с неким понятием «культурного героя». Мифический «культурный герой» является для человека источником всех

основных знаний: «рецептурное знание» потому и является таковым, что его источником не является сам человек. Человек включается в процесс познания отнюдь «не с нуля», но только после того, как начало знаний уже положено «культурным героем», причем в готовом виде, то есть сверх его, человека, опыта и без всяких доказательств.

Миф о культурном герое, рассмотренный через призму начальной истории разных наук, оказывается не только мифом, но и формой констатации факта априорности всех исходных нововведений культуры. Именно с этого факта начинается по-настоящему научный анализ религии. В системе образования существует масса возможностей продемонстрировать факт «рецептурного знания» на примере истории многих наук, искусств и технологий. Что же касается философии, то факт априорности человеческих знаний со времен Декарта и Канта, если не с Платона и Аристотеля, не подвергается сомнению, хотя до сих пор не имеет общепринятой интерпретации. Разговоры об интуиции, бессознательном, подсознательном, эврике, озарении, инсайте, гениальности так и остаются разговорами о факте «рецептурного знания» как в прошлом, так и в современной истории наук и искусств. В человеческом обществе всегда есть гении, то есть люди, способные к рецептурному знанию поверх опыта своего времени. К предпосылкам рецептурного знания относится, например, такое понятие, как «хороший вкус», о котором сказано: «Люди с хорошим вкусом знают то, чему их не учили, а люди с плохим вкусом не знают и того, чему их учили много лет».

Дальнейший шаг в нашей философии религии связан с ответом на вопрос «как возможно рецептурное знание?». В истории культуры есть и ответ на этот вопрос. Достаточно обратиться к истории так называемых «трансовых ритуалов» в области как первобытной культуры, так и в области истории первых цивилизаций Древнего Востока (шумеры, Индия, Египет). В технике трансовых ритуалов целью является достижение состояния визионерства, которое по внешнему проявлению маркируется термином «экстаз»¹. В экстазе «человек не в себе» — он весь во внимании к некоторому видению (возможно, «с закрытыми глазами»), которое в древнегреческой терминологии обозначалось словом «тео-риа» (от «теос» — дух и «риа» в значении тока, притока). Искусство трансовых ритуалов состояло в том, чтобы при искусственно организуемом обмороке не потерять ответственности за некую «про-блэму» в смысле «запроса» на срочное получение видения «сделать как» с последующим разрешением затруднительной ситуации уже в «нормальном состоянии сознания». Ритуал проводился ночью в измененном состоянии сознания, а реализация «видения» (медицинского, технического, математического, хозяйственного) осуществлялась днем и в обычном состоянии сознания. Видения хозяйственного назначения в трансовых ритуалах (сначала шаманов, затем жрецов) послужили априорной формой того, что стало называться «ведением» или «знанием», а реализация видений заложила основы внеприродного поведения человека под названием «культура» и «цивилизация». В свое время Геродот удивлялся древнеперсидскому обычаю планировать военные операции дважды: ночью в условиях обильного застолья и повторно днем на трезвую голову. Если решения совпадали, они принимались к исполнению; если не совпадали, то не принимались во внимание.

По мере развития и осмысления техники трансовых ритуалов возникло понятие «благодарения» за помощь и ее эффективность. Неведомый абстрактный податель помощи получал условное имя для выражения ему благодарности. Процедура выражения благодарности привела к своеобразной «переписке», что и представлено словом «религия». Нет и не может быть религии без помощи с одной стороны и благо-

¹ Подробнее см.: В. В. Костецкий. Человек в экстазе (опыт философского познания). Тюмень, 1996. Его же: Экстаз как феномен культуры: философский анализ «трансцендентального субъекта». Автореферат докт. дис. Тюмень, 1996.

дарности за нее с другой стороны, выраженной посредством какой-либо «переписки», то есть обмена знаками, символами, сигналами.

Примером наиболее характерной манеры «переписки» может служить греко-римская религиозность, к тому времени достаточно усеченная. Античность практиковала два вида помощи: хороший совет и хорошую судьбу (удачу). При счастливой судьбе или удаче обстоятельства складывались как бы случайно в пользу конкретного человека — так появился термин «синергия». «Эргон» означает действие человека, а приставка «син» превращает «действие» в «содействие». Хороший совет тоже много значит: усилия человека оказываются безошибочными. Во времена античной цивилизации необходимости в принципиально новых знаниях уже не было: все необходимые знания достались по наследству от Древнего Востока, — поэтому «рецептурное знание» приобретало частный характер удачи и совета. Религия античности приобрела очень простой и прагматичный характер: человек благодарил за прошлую удачу и просил совета ради удачи в будущем. Это было общепринятым. Это было обязательным. Это было успешным.

Людей, далеких от религии (и от истории науки), смешит римский обычай получать дельные советы по полету птиц. Между тем успешные римские полководцы всегда принимали судьбоносные решения с учетом птицегадателей. Дело в том, что в траекторию птицы легко вкладывать рецептурное знание в форме «да» или «нет». В полете птицы нет предзаданной траектории подобно дороге или тропе, поэтому ситуацию равнозначности «левое-правое» или «верх-низ» можно нарушить без затраты энергии за счет одной только информации (случай «бифуркации»). При вложении «рецептурного знания» в птицу та будет менять полет не совсем произвольно, а по принципу «так судьба повернула». Человеку остается только правильно задать вопрос «культурному герою» при взгляде на полет птиц, а «культурному герою» заинтересовать безмозглую птицу каким-либо предметом в нужном направлении.

Религия получает развитие не как «вера в сверхъестественное», а как развитие реальной дипломатии с абстрактным соседом. Все религиозные люди — дипломаты «*par excellence*». И эти дипломаты, как все дипломаты, «нащупывают друзей» и «прощупывают врагов», ищут союзников и занимаются вербовкой. Настоящая религия и состоит главным образом из реальной дипломатической работы. С педагогической точки зрения для развития тезиса о религии как формы дипломатии удачным представляется хорошо известный термин «двоемирие». Религиозный человек осознает свое присутствие в «двоемирии» в отличие от атеиста, которому внушили, что «мир един» и это «единство в материальности». В атеизме много незнания, много идеологии, много веры, много лжи. Позицию атеизма невозможно доказать, а позиция религиозности доказывается историей науки посредством факта «рецептурного знания» во всем многообразии истории наук, искусств и технологий.

Само по себе признание двуединства мира к религии как таковой отношения не имеет. Религия вычленяет из двуединства мира аспект общения, причем межличностного общения. В общении «тот» мир предстает в форме персонажей, у которых есть «я», есть личность, «эго», но нет тела. В «этом» мире, как известно, часто бывает наоборот. Говоря философским языком, «тот» мир исключительно субъектен. В нашем «этом» мире все объектно. Даже люди относятся друг к другу как к объектам, используют друг друга (что и пытался ограничить И. Кант своим «категорическим императивом»). Мы не склонны в здании, в роще или в мосте видеть субъект со своим молчаливым взглядом на нас; мы приписываем себе субъектность, а вещам объектность. В «том» мире любой кажущийся нам объектом является субъектом, и только субъектом. В «той» реальности быть и быть субъектом — это одно и то же. Если онтологию «той» реальности транспонировать в «эту» реальность, то придется говорить, что

Солнце, например, не только объект, но и субъект. «Солнце мое, взгляни на меня...» — пел В. Цой, а за ним поет сейчас едва ли не весь русский народ. В античной мифологии существовала процедура трансформации реальности под названием «метаморфоз», по-русски точнее сказать «заколдованность». Оба понятия восходят к древнеиндийскому понятию «аватара», означающему, что объект собственным субъектом принадлежит другому миру. Мы не знаем меры метаморфозности нашего мира, так что нельзя исключать идею того, что наша мать-Земля является субъектом под условным названием «Гея». Аналогично и Солнце в субъектом отношении есть не только объект определенного размера, массы, температуры, светимости, но и некий «Ра», «Аполлон», «Ярило». В санскритской терминологии Солнце и Земля есть некие аватары важных персон, ответственных за жизнь в пространстве их обитания. Так что, возможно, хватит смотреть на Солнце глазами физиков. Если субъектность нашего мира тоже имеет место и человечество научится ее понимать, то, возможно, и история общества примет более человечный характер. Из европейских философов, пожалуй, только О. Шпенглер понимал, что методологию познания всего человечества надо менять: от систематики переходить к физиогномике. По Шпенглеру, и в нашем мире все имеет свое лицо: город, эпоха, мебель, жилье. Лицо города нельзя увидеть глазами, лицо эпохи нельзя увидеть исторически, но и то и другое можно выразить поэтически. Немецкий поэт-романтик Новалис про историю говорил так: чем поэтичнее выражена история, тем истиннее знание о ней.

Религиозное познание давно освоило «физиогномику» в понимании трансцендентной реальности. Не случайно все религиозные тексты, начиная от гимнов и заговоров и кончая евангелиями или Кораном, исключительно поэтичны. С другой стороны, поэтичность религиозных текстов является не следствием художественного языка, а следствием применения физиогномичной методологии познания. В нашей средней школе урок литературы примкнут к уроку родного языка, между тем как настоящая поэзия касается трансцендентной реальности и нашего отношения к ней. Поэзия как вид искусства и творчества рождается не из эротики и любви, не из лирики или эпоса, но из мольбы и отчаяния, из чаяния и призывания богов. Есть люди, чаяния которых удовлетворяются в такой тесной «ко-операции» («синергии») с богами, что они не успевают что-либо вымолить. Моцарт в письмах к отцу постоянно жаловался на то, что совершенно замечательные мелодии к нему приходят в таком количестве, что он не успевает их записывать. Наивно трактовать гениальность как степень талантливости или удачной физиологии. Гений — это всегда посол из одной половины двоимирия в другую. Так и Пифагор говорил о себе, что есть боги, есть люди, а есть такие, как Пифагор. Когда говорят о том, что женщина не человек, то истинный смысл этой фразы совершенно аналогичен высказыванию Пифагора о самом себе. Женщина как объект является человеком, но ее субъектность имеет касательство к природе богов, то есть любая женщина в силу отпущенной ей женственности есть аватара богинь. И чем поэтичнее мужчина, тем более он осознает божественность женщины, тем ближе он к истинному пониманию ее. На уроках литературы не следует замалчивать религиозность поэтических текстов, особенно в плане аватар мужчин и женщин: мужчины способны быть гениальными, а женщины божественными. М. Горький как-то высказался об Есенине: он не столько человек, сколько орган, созданный природой специально для поэзии. Даже для Горького, довольно далекого от религиозности, в Есенине ощущалось присутствие аватары. «Есенин... не человек», — в этом замечательно честном наблюдении Горького содержится много информации для философского анализа гуманизма, социальности, религиозности и творчества.

В философии религии, если идти не путем сравнительного религиоведения, а путем углубления в само понятие религии, важное место занимает проблема иерархии

богов. Возможно, что самое замечательное открытие человечества в области богопознания состоит в том, что все субъекты трансцендентной реальности (как бы они не назвались: боги, духи, демоны, бесы, ангелы и пр.) подчинены строгой иерархии. Говоря по-простому, у всех богов и божков есть свое начальство, так что все персонажи строго субординированы. Самое низкое звено, но и самое близкое человеку, представлено так называемыми домашними богами (это пенаты у римлян, домовые у славян). Более далекая иерархия представлена богами большой местности (лес, река, озеро, болото, горы, моря, океаны). Есть боги отдельных народов. Есть боги планет и звезд. В итоге вся иерархия богов восходит к далекому от человека верховному единоначалию. В монотеистических религиях предполагается, что народ установил сношения с верховным божеством, после чего всех низших богов можно игнорировать, можно ломать им памятники, а обломки топтать ногами. Любая монотеистичная религия превращается в атеизм по отношению ко всем нижестоящим богам. С другой стороны, монотеизм предполагает культ личности верховного бога, поддерживаемый социально организованной деспотией. Исчезают религиозная свобода и религиозное творчество по части поиска дружественных богов. Всякая монотеистичная религия превращается в идеологию, в апогее достигая пресловутой стадии «опиума народа». В этой своей функции религия не может не смыкаться с системой государственного управления. Смысловая деградация религии идет по извечной схеме: вероучение превращается в литературу, а культ в репертуарный театр. Когда церковные иерархи начинают совершать сексуальные преступления (а это происходит с неизбежностью), раздаются в адрес церкви угрозы очередного Вольтера: «Раздавите гадину!»

Вопрос о преподавании религии в образовательных учреждениях — вопрос не праздный. Замалчивать религию — значит бежать от реальности, но и преподавать «религию вообще» невозможно. Превращать религию в литературу или историю культа — значит сознательно искажать человеческую историю. Между тем фактов трансцендентального вмешательства в историю государств и народов, в биографию великих личностей предостаточно. То лед провалится под врагом, то морозы уничтожат армию завоевателей, — у военных историков масса материала на тему «в своем доме стены помогают». У специалистов, занятых в сфере образования, сложилась странная практика при рассмотрении религиозной проблематики: либо скоропалительный фанатизм неопитов, либо глумливый сарказм скептиков. Так, например, учительница литературы в одной из петербургских школ так сказала своим пятиклассникам: «Когда человек обращается к богу — это молитва, а когда бог обращается к человеку — это шизофрения».

Для того чтобы не путать религию с шизофренией, а у этой истории есть давняя традиция, надо порой обращаться хотя бы к классической философии. В философской онтологии реальность подразделяется на «имманентную» и «трансцендентную». Имманентная реальность дана человеку через его тело; реальность вне принципов телесной организации человека будет считаться, соответственно, трансцендентной. Все приборы, в том числе относящиеся к средствам научного познания, функционируют на принципах телесной организации человека (таковы, например, телескопы, микроскопы, синхрофазотроны, «камеры Вильсона»). Научные приборы служат необходимым звеном в отношениях человека с природой (имманентной реальностью), и без таких приборов (таких посредников) наука бессильна. В отношениях человека с трансцендентной реальностью тоже присутствуют посредники, которые в разных народных культурах и в разных конфессиях имеют особые названия. В шаманизме это «духи-помощники», у древних римлян «пенаты», в христианстве «ангелы» и «бесы». Религия — это не вера, а дипломатия с трансцендентной реальностью через посредников, с которыми возможно личное общение. Наука и религия различаются между

собой не верой и знанием, а типом посредников: в науке прибор — не личность, в религии посредник всегда личность («темная», «светлая» — неважно, но всегда некая личность, «персона»). В монографии С. В. Максимова «Нечистая, неведомая и крестная сила» собран фольклорный материал о персонажах-посредниках в русской народной традиции. Русский народ, как следует из монографии, очень хорошо знал характер и повадки своих духов-посредников (большая часть из которых зловредна). Домовые и лешие, банники и овчинники, черти и кикиморы требовали к себе особого обхождения. Народная дипломатия с «неведомой силой» и составляет традиционную русскую религиозность, суть которой в том, чтобы «врага знать в лицо» и по возможности его не провоцировать, а «задабривать». Эти же качества русский народ проявлял по ходу расширения своих земель, «колонизации» по В. О. Ключевскому.

Религия как форма дипломатии (дипломатической работы, если угодно) с трансцендентной реальностью посредством особого рода посредников строится, безусловно, на системе знаний. Религиозное познание направлено не столько на саму трансцендентную реальность (она все-таки остается трансцендентной при любой степени посвященности), сколько на познание посредников, их специфики и их возможностей (их силе). Уместно напомнить, что такие понятия, как «сила», «энергия», а позднее и «синергия», имеют изначально религиозное содержание. Термин «энергия» от эн-эргон означает задействованность в действиях человека дополнительной «бодрости» (и «харизмы»), а термин «синергия», что на латыни звучит как «ко-операция», означает вообще совместное исполнение с участием трансцендентной реальности. Мы перестали слышать в пожелании удачи религиозное содержание, хотя в протестантизме оно звучит достаточно ясно. Религия начинается с того, что участие посредника в обыденной жизни фиксируется как факт, и этот факт обрастает данными наблюдений. Затем собранному файлу фактов присваивается имя, которое зачинает пантеон. Языковая процедура номинации в генезисе религии имеет важную роль, которую не следует тем не менее переоценивать. При настоящей, живой религии всегда имеет место переименование в связи с изменением дипломатических отношений с персонажами трансцендентной реальности. Сегодня дух с таким-то именем тебе друг, товарищ и брат, а завтра табачок врознь и поиски новых союзников, исходя из постоянных интересов. Все реально религиозные народы всегда меняли своих богов, нередко просто заимствуя готовую религию других, более успешных, народов. Древние греки оттеснили олимпийских богов мистическим культом египетского Диониса, а древние египтяне в результате постоянных нововведений довели свой пантеон до двух тысяч персон; ненамного от них отстали в Древней Индии, да и славяне сменили Перуна и Макошь на Христа и Богородицу. Менять религию, как показывает история культуры, — это не исключение, а норма настоящей духовной жизни. Как только боги перестают быть посредниками, они становятся только именами, очень часто насильно удерживаемыми социальными организациями в лице государства, церкви или секты. Под имя бога без реальной референции может подводиться культ с развитой инфраструктурой, в результате чего народ остается без реальной религиозности, но с видимой игрой в нее. Атеисты в таком случае, безусловно, правы в своих требованиях уничтожить «опиум народа». Когда от богов остается только имя, а культ разрастается до архитектурных масштабов, возникает феномен ложной духовности.

При ложной духовности всегда искажается генезис морали. Богословы приписывают человеку изначальную греховность и внеморальное существование, после чего выводят мораль из вероучения. Однако, как показывает история религий, нравственность богам вообще не присуща. И это понятно с философской точки зрения: бессмертные не нуждаются в морали. Необходимость морали вытекает из факта смертности человека: именно смертные (так греческие трагики именовали людей при разговоре

богов между собой) потребовали от своих посредников морального поведения. Из-за смертности человека древние греки ставили богов выше людей, А. Шопенгауэр обижался на «Мировую волю», и только Ф. Ницше увидел в факте смертности человека некое моральное предназначение: кто не умирает, тот и не живет. Человек смертен — именно поэтому появляются забота и ответственность за тех, кого любишь. За свои ошибки смертный человек платит своим телом (здоровьем). Мораль возникает как жизнь не в ущерб другим, что проговаривается в языке заповедями, сентенциями, пословицами и поговорками. Приписывание морали богам является верным признаком формирования культа под пустые имена давно известного пантеона.

Как ни странно, но истинная духовность начинается с требования морали не от других людей и даже не от себя, а с требования морали от тех посредников из трансцендентной реальности, которые благоволят именно тебе. То есть я прошу от своего ангела-хранителя благополучия себе, но требую, чтобы это было не в ущерб другим. Мое Я не примет поддержку негодными средствами, и оно не боится потерять к себе божественное расположение в противном случае. Если человек не ведает морали, то тем более далеки от нее его боги. Человек настолько человек, насколько он в себе, смертном, находит основание морали. А. Шопенгауэр, философ вселенского пессимизма, был не далек от истины, увязывая основания морали с понятием «сострадание». Бессмертные не знают смерти, без смерти нет сострадания, без сострадания нет морали. Не случайно в летописи христианства Христос должен был умереть как человек, чтобы иметь моральное право учить моральным заповедям. Первые две из христианских заповедей направлены на то, чтобы человек (смертный) не хотел жить «во что бы то ни стало» во имя себя, ибо в таком случае исчезает основание морали в нем самом. Сострадание как основание морали в самом человеке может сформироваться самыми различными путями: через религию, через боевой опыт («сам погибай, а товарища выручай»), через патриотизм, через любовь, через домашних животных, — наконец, через все, вместе взятое. Человек потому является источником морали, что он не бог (бог разумен и бессмертен) и не скотина (смертная и неразумная), а странное существо: разумное, но при этом смертное.

Сфера морали в философии религии интересна не столько проблемой происхождения морали, сколько тем фактом, что в этой сфере персонажи трансцендентной реальности проявляют себя наиболее ярко. Они провоцируют человека, руководят им, смеются над ним или проявляют свое благоволение. Чем более человек настаивает на своей моральности, тем большим испытаниям он подвергается благодаря разного рода «стечениям обстоятельств». Весьма примечательно, что с появлением монастырей (в Африке со второго века, в Европе с четвертого) христианство стало превращаться преимущественно в моральную религию. Идея пустынножительства связана изначально с возможностью «откровения» как метода религиозного познания (именно этому методу обязано множество боговдохновенных писаний), однако путь к «откровению» оказался прикрыт множеством плотских желаний. Методом преодоления плотских желаний оказалась аскеза, воздержание. Именно при упорном воздержании начинались провокации путем разного рода «советов», «подсказок», «черного юмора», «видений». Для начала разделили монастыри на мужские и женские. Провокации приняли еще более яркий характер. По мере накопления монастырского опыта провокаторам дали имена разного рода бесов. В пятом веке в христианстве появляется учение о «чинах ангельских», появляются уже привычные нам понятия ангелов и архангелов. С учетом бесов, ангелов, архангелов, сынов божиих, института святых христианство оказывается далеко не монотеистичной религией. Монотеизм христианства исключительно теоретичен и сводится к тому, что в конечном счете некий неведомый дух один и един; что же касается практического христианства, то утверждается

нечто иное: любой христианин окружен персонажами из трансцендентной реальности в виде ангелов и бесов, которые непрерывно утягивают его в разные стороны. Монастырское христианство в своей практике бесоборения перестает быть надуманно-книжным христианством и возвращается к истокам религиозности как таковой. В монастырском христианстве идея двоимирия становится такой же очевидной, как в любой другой религии, сколь бы «первобытной» она ни была.

Идея «двоимирия» (условно говоря, мир «тот» и «этот», «вверху» и «внизу»), которую в эпоху господствовавшего Просвещения пытались отстаивать такие философы, как Г. Гегель и Ф. Шеллинг, а также современные им поэты романтизма, является для любой религии обязательной и действительно соответствующей устройству «мира-для-нас». Напротив, идея материального единства мира, выдвинутая в канун эпохи Просвещения и так горячо отстаиваемая «вождями пролетариата», является ложной. Ложная идея, обремененная неверным пониманием природы, общества и мышления, не должна иметь места в сфере любого образования, от начального до высшего.

К сожалению, философии религии до сих пор в достаточно развернутом виде не существует. В философии есть и огульная критика религии (например, классики марксизма), и фанатичная апологетика ее, тем более в разрезе отдельных конфессий (например, философия Вл. Соловьева и отдельных представителей «русского зарубежья»), но компетентного углубления в вопрос совместного существования людей с субъектами из трансцендентной реальности, тем более понимания дипломатических отношений с такими соседями, так и не было выработано. Пожалуй, что кинематограф при мистической тематике на сегодняшний день оказывается впереди и философии, и образования — чем и подготавливает подрастающее поколение к более истинному мировоззрению. Другое дело, что учителя без должной философии религии слишком часто уподобляются в своем наигранном благолепии обычным кликушам или, напротив, объявляют религию шизофренией, фантазией, суеверием, не отдавая себе отчета в собственном невежестве.

Александр БАЛОД

КРУЗО В МОСКОВИИ: ШПИОНСКАЯ ИСТОРИЯ

Писатель сам выбирает, что рассказать, а что утаить.

Джеймс Н. Фрей.

Как написать гениальный роман

Идея романиста как шпиона... близка Дефо, чьи романы, как правило, написаны с точки зрения героев, которые всегда настороже, потому что у них есть что скрывать.

Джон Керриган.

«Гардиан», 8 марта 2008 г.

Разве не является осевым регионом в мировой политике этот обширный район Евро-Азии, недоступный судам, но доступный в древности кочевникам?.. Россия заменила Монгольскую империю.

Хэлфорд Джон Маккиндер.

Географическая ось истории

То, что Даниэль Дефо, создатель бессмертного образа Робинзона Крузо, был разведчиком и работал на британское правительство, является, пожалуй, наиболее известным фактом из жизни писателя. Не кто иной, как Аллен Даллес, глава ЦРУ США времен «холодной войны», писал, что основы английской разведки — лучшей секретной службы западного мира — были заложены именно Дефо, который был одновременно идеологом ее создания, организатором и лучшим агентом. «Железный Даниэль», гений литературы и ас шпионажа, наверно, лучший бренд для тайной службы англичан, который только можно придумать. Неудивительно, что эта его ипохондрия вновь и вновь привлекает внимание историков и литераторов, в первую очередь тех из них, кто работает в области авантюрного жанра.

Не смог остаться в стороне и популярный российский писатель Юлиан Семенов, создатель знаменитых «Семнадцати мгновений весны», который сделал Дефо главным героем своей исторической повести «Смерть Петра». Семенов знает о почтенном, «ветеранском возрасте» писателя и поэтому изображает его не действующим агентом,

---

Александр Балод родился в 1953 году в Ленинграде. Окончил Ленинградский финансово-экономический институт им. Н. А. Вознесенского; занимался социологией и экономикой, работал в сфере науки, на фондовой бирже и в промышленности. Автор более трех десятков научных статей и книг социально-экономической тематики. В последние годы занимался историей и литературоведением. Публиковался в журналах «Нева» и «Новый мир», выпустил статьи о творчестве Виктора Пелевина. В 2017 году в издательстве «Вече» вышла его книга «Злоключения знаменитых путешественников. Кто был Робинзон?». Живет в Санкт-Петербурге.

а скорее консультантом спецслужб: «Уже много лет Даниель Дефо (задолго до того, как опубликовал свою, как он шутил, „безделицу“ о Робинзоне) по праву считался признанной звездой британской секретной службы. Поскольку в голове писателя рождались поразительные сюжеты книг, руководители внешнеполитического департамента никогда не обременяли его изучением проектов предстоящей работы; ему лишь излагали суть, обсуждали вероятия, ждали несколько месяцев, пока он писал, бражничал, увлекался очередной актрисой из труппы Королевского театра; затем, когда он приступал, внимательно следили за виртуозной работой своего любимца». На этот раз писателя привлекают для того, чтобы помочь решить проблемы, назревающие в отношениях с восточным исполином — державой Петра Великого. Диалог между главой английского адмиралтейства и Дефо выглядит вполне правдоподобно, если не обращать внимания на избыток штампов и ярких образов, характерных скорее для политического памфлета, а не доверительного разговора между старыми знакомцами. Глава адмиралтейства выражает опасения, что «медведь все-таки выйдет из берлоги» и угроза скифского вторжения в Европу станет вопросом не веков, но десятилетий. Осторожный Дефо, судя по всему, прекрасно знакомый с внутривластной обстановкой в России (что вполне соответствует действительности), напоминает собеседнику о том, что не все представители российской элиты поддерживают реформы государя. И предлагает «помочь тому, чтобы консервативная сила, стоящая в оппозиции императору, сделалась доминирующей в России», потому что «старорусская партия», придя к власти, будет проводить политику, направленную на изоляцию страны и максимально возможно сокращение общения российских подданных с «коварным, отвратительным, низким, гниющим Западом». Оба собеседника сходятся на том, что «если Петр продолжит свои реформы, величию Острова (Британии) будет нанесен урон; Россия может стать первой державой Европы... Петр слишком силен и мудр, чтобы мы и далее бездействовали». Перед Дефо поставлено задание — встретиться с русским послом Епифановым, обсудить с ним темы, интересующие британскую разведку, и, в частности, прощупать планы московской оппозиции. Задача более чем непростая, учитывая тот факт, что посол «умен, осторожен и разговорить его можно лишь в тех сферах, которые существуют для того, чтобы скрыть сердцевину проблемы». «Умный и осторожный» посол, судя по всему, — фигура вымышленная (возможно, речь идет о мелком русском чиновнике), поскольку дипломатические отношения между Россией и Англией на тот момент были прерваны: английский представитель отозван из России, а русский резидент выслан из Лондона. Лишь после восшествия на престол Екатерины I в Петербург был направлен резидент, впрочем, вскоре снова выставленный из России (как мы видим, дипломатические отношения между двумя великими державами уже тогда складывались очень и очень непросто). Только в царствование Анны Иоанновны англо-русские отношения были восстановлены в полном объеме, и в 1731 году русским резидентом при английском дворе был назначен будущий знаменитый поэт, гвардии поручик князь Антиох Кантемир. Какие же советы дал сановникам Дефо и что за планы зрели в головах у коварных бриттов? Семенов ограничивается лишь намеками, предлагая делать выводы самому читателю: «Петр не успел написать завещания (или ему не позволили это сделать). Кому же было выгодно представить великого преобразователя в глазах Европы захватчиком и коварным агрессором? Где самый текст этого „завещания“? Где и при каких условиях пущен в обращение? Эти вопросы открыты и ждут своего исследователя. А то, что со смертью Петра в России началась дестабилизация, выгодная биржам Лондона и Амстердама в такой же мере, как причалам Гамбурга и владыкам Поднебесной, сомневаться не приходится, и нестабильность эта длилась по ту пору, пока гвардия, спустя пятнадцать лет после трагедии, случившейся в январе 1725 года, не привела на трон дочь Петра, тридцати-

летнюю Елисафет»¹. Образ великого писателя на страницах повести Юлиана Семенова — чистой воды вымысел, такой же, как и знаменитый персонаж писателя, полковник Максим Максимович Исаев, он же штандартенфюрер СС Макс Отто фон Штирлиц. Создатель Робинзона наделен всеми чертами суперагента, своего рода интеллектуального двойника Джеймса Бонда, со всеми атрибутами образа жизни, который полагается вести человеку такого калибра — активной светской жизнью, романами с актрисами и увлечением скачками (скачки Дефо и правда любил). Реальный же автор «Робинзона Крузо» совершенно не походил на классический образ героя-любownika, не говоря уже о том, что был человеком преклонного возраста, перенес инсульт и пребывал в постоянном страхе преследования со стороны вездесущих кредиторов (в числе которых какое-то время числилась и его собственная теща). Да и сама идея вмешательства «коварного Альбиона» в вопросы российского престолонаследия (в которой угадываются очень знакомые современные мотивы) навеяна, скорее всего, событиями более позднего времени — заговором против Павла, в котором принимал активное участие английский резидент Уитворт.

Сочетание литературной деятельности со шпионажем — явление, нередкое для британских интеллектуалов. Агентами секретных служб были знаменитый драматург Кристофер Марло, «певец британского империализма» Редьярд Киплинг, переводчик «Камасутры» сэр Ричард Бартон, знаменитые писатели Уильям Сомерсет Моэм и Грэм Грин и, не в последнюю очередь, Ян Флеминг, автор серии романов о похождениях Джеймса Бонда. Работа на правительство империи была престижна, она приносила стабильные денежные доходы и давала возможность совершать за казенный счет поездки в далекие экзотические страны; полученный же опыт и жизненные впечатления можно было в дальнейшем, в прямой или иносказательной форме, использовать в литературном творчестве.

Может быть, в книгах Дефо, в том же «Робинзоне Крузо», также можно найти отголоски службы писателя в качестве тайного агента? Известно, что Дефо неоднократно исполнял секретные поручения властей, самым знаменитым из которых была поездка в Шотландию с целью подготовки унии двух держав, являвшихся в то время независимыми государствами. Далеко не все шотландцы были в восторге от предстоящего «единения» двух братских наций, опасаясь превращения своей родины если не в колонию, то в глухое захолустье Англии; один из очевидцев событий впоследствии писал, что Дефо был «шпион среди нас, но об этом было неизвестно, иначе эдинбургская толпа разорвала бы его на куски».

Почему бы не предположить, что приключения героев писателя, и в частности неподражаемого Робинзона Крузо, были связаны с осуществлением тайных планов английской короны? В конце концов, Крузо был моряком и торговцем, а всем любителям приключенческого жанра прекрасно известно, что пресловутые экспортно-импортные операции часто служат не чем иным, как прикрытием деятельности спецслужб. В самом факте работы бывшего отшельника на правительство нет ничего удивительного: Крузо, хотя он и не любил подолгу задерживаться на родине, всегда подчеркивал, что он английский патриот. Не требуется большого воображения для того, чтобы прийти к выводу: работа на внешнюю разведку — наилучшее поприще деятельности для энергичного патриота, имеющего склонность к странствиям и приключениям.

В предисловии к третьей части эпопеи — «Серьезным размышлениям Робинзона Крузо» (книге, не переведенной на русский язык) — Крузо говорит о том, что роман представляет собой аллегорию его жизни. Может быть, одиночество героя на острове — тоже своего рода иносказание, аллегория нелегкой участи агента, который дол-

¹ Ю. Семенов. Смерть Петра. Букуриани. 1982.

гие годы был вынужден скрывать свое второе, главное амплуа от общества, коллег по цеху и родной семье под маской купца и журналиста? Что же, такая версия тоже имеет право на существование, сколь бы невероятной она ни казалась. Но пребывание Крузо на острове, пусть и затянувшееся на долгие 28 лет, в целом остается лишь одним, пусть «удивительным и необыкновенным» эпизодом его долгой жизни. Во второй части романа, «Дальнейших приключениях Крузо», герой Дефо отправляется на Восток. Именно это направление экспансии было на тот момент наиболее важным для английской короны, и почему бы не предположить, что вояж Крузо имел характер секретной миссии? Сам Робинзон пишет о том, что у него не было «никаких явных причин» отправиться в очередное путешествие. А что если истинные причины были скрытыми и тайными?

Если так, что экспортно-импортная торговля героя Дефо была не чем иным, как прикрытием, способом самофинансирования и предлогом для знакомства с нужными людьми. На Мадагаскаре Крузо вступил в конфликт с командой судна после того, как моряки учинили кровавую резню в одной из мальгашских деревень, и был высажен на берег в первом же индийском порту. Быть может, остановка в Бенгале была всего лишь прикрытием, «легендой» разведчика, дававшей ему повод изменить маршрут? В любом случае что мешало Крузо, продав товар, который ему оставили, отправиться обратно на родину кратчайшим морским путем, раз уж вояж не задался? Сам Крузо объясняет это нелюбовью к британской Ост-Индской компании, что выглядит достаточно наивно (в конце концов, речь шла не о чувствах, а лишь о месте в каюте корабля). Друг-англичанин, которого он встретил в Индии и с которым в дальнейшем вел совместный бизнес, был, по-видимому, связным или, возможно, резидентом местной разведки. Первым заданием, полученным Крузо, была, по-видимому, оценка перспектив расширения английской торговли в Юго-Восточной Азии, в частности — поставка индийского опиума в Китай, на что англичане возлагали большие надежды (вспомним, что полтора столетия спустя запрет Китаем импорта опиума даже привел к началу так называемых «опиумных войн»). Скорее всего, Робинзон был наделен широкими полномочиями и мог самостоятельно определять в рамках более общих инструкций центра текущие задачи и способы их решения. Описанная на страницах книги стычка с голландцами тоже не была случайностью (напомним, что голландские купцы якобы приняли Крузо за пирата и напали на его судно в устье реки Камбоджа). Голландцы были торговыми соперниками англичан в Юго-Восточной Азии и, узнав через своих осведомителей о секретном задании Робинзона, вероятно, предприняли попытку взять в плен или уничтожить опасного вражеского агента.

Еще одной задачей, поставленной перед Робинзоном, была оценка политической, экономической и военной ситуации в Китае (не случайно именно в этой части книги содержится много геополитических рассуждений). Приходится признать, что Робинзон в данном случае выступал в качестве «ястреба»: видя военную слабость Китая, он опасался, что другие европейские державы или Россия могут захватить его, что нанесет значительный ущерб британским интересам. «Все вооруженные силы китайской империи, хотя бы даже они собрались на поле сражения в числе двух миллионов человек, были бы способны только опустошить страну и погибнуть с голоду. Они не могли бы взять самой маленькой фламандской крепости или померяться с дисциплинированной армией... Миллион китайской пехоты не мог бы справиться с одним нашим регулярным пехотным полком, занявшим позицию, которую невозможно окружить; больше того, скажу без хвастовства, что 30 000 немецких или английских пехотинцев и 10 000 французских кавалеристов наголову разбили бы всю китайскую армию», — пишет с преувеличенным пафосом Робинзон. Ознакомившись со страной более основательно, гордый бритт так и не поменял свое мнение и заявил, что «по

возвращении домой мне было странно слышать, как у нас превозносят могущество, богатство, славу, пышность и торговлю китайцев, ибо, по моим собственным наблюдениям, китайцы показались мне презренной толпой или скопищем невежественных грязных рабов, подвластных достойному их правительству». Возможно, он рекомендовал руководству, если оно решит, что сил для прямого вторжения недостаточно, оказывать на китайцев политическое давление с целью добиться торговых преференций для подданных короны. Задача эта, впрочем, еще почти полтора столетия казалась невыполнимой. В 1792 году шотландский вельможа Маккартни прибыл ко двору китайского императора Цяньлуна с целью получить привилегии для британских купцов и учредить представительство Британии в китайской столице; среди прочего, в задачи посла входил и сбор информации разведывательного характера. Миссия закончилась полной неудачей: китайцы приняли графа как посла далекого и незначительного «варварского» государства, а привезенные им подарки объявили данью богдыхану. В ответе императора королю Англии, получившем широкую известность, содержались, в частности, такие слова: «В нашей империи в изобилии производятся всякие продукты, и мы вовсе не нуждаемся в продуктах из других стран... Наш постоянный принцип — относиться ко всем одинаково, без всякого пристрастия. Англичане не одни торгуют в Кантоне, если бы все остальные теперь по вашему примеру стали просить о том же, мог ли бы я дать каждому удовлетворительный ответ?»

Во время путешествия по стране Крузо познакомился с португальским лоцманом и завербовал его. Португалец устроил им «знакомство» с тремя миссионерами, католическими священниками, которые какое-то время проживали в этом городе и занимались там обращением людей в христианство. «Одним из них был француз, которого звали отец Симон; другой был португалец, а третий генуэзец, — пишет Крузо. — Отец Симон был учтивым, и очень приятным в обращении; но два другие были более сдержанны, и казались более жесткими и суровыми, и относились очень серьезно к работе, которой занимались, а именно: говорить и втираться к доверие к туземцам, когда появлялась такая возможность». По мнению Крузо, результаты деятельности миссионеров были ничтожными, хотя он и отдавал должное их мужеству: «Мы часто ели и пили с ними; и я должен признаться, что обращение, как они это называют, китайцев в христианство далеко от истинного обращения, которое необходимо для принятия язычников к вере Христовой... однако надо признать, что святоши, которых мы называем миссионеров, твердо убеждены, что эти люди будут спасены, и что они являются орудиями этого; и что ради того, чтобы сделать свою работу, они преодолевают не только тяжесть путешествий и опасность жизни в отдаленных местностях, но часто и самую смерть, и жестокие пытки». Общение британцев с иезуитами, в частности с «любезным и общительным» отцом Симоном, не случайно. Переходить в католичество он не собирался, иезуиты были важны для него как ценный источник информации. Известно было, что сам император благоволил к иезуитам. Посланнику Петра Измайлову он говорил: «Я их держу не чиновными людьми, они живут в государстве моем более двухсот лет и никакого другого дела не имеют, кроме религиозного, в чем я им не препятствую; притом это люди ученые и много людей в моем государстве научили разным наукам, и сам я у них математике и астрономии выучился»². Судя по рассказу русского посланника, иезуиты охотно откликались на просьбы представителей различных европейских держав о помощи и сотрудничестве: «Измайлов объявил иезуитам, что если они будут радеть императорскому величеству, то государь отблагодарит за это их общество: позволено им будет посылать письма через Сибирь посредством русских людей и другие многие вольности получают. Иезуиты

² С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Том 18. Глава первая. Царствование императора Петра Великого.

объявили готовность служить посланнику»³. Диалог между Крузо и отцом Симоном, обычно опускаемый в русских переводах романа, хотя и посвящен высоким теологическим материям, показывает, насколько непринужденные и доверительные отношения завязались между французом и англичанином. Отец Симон, направлявшийся в Пекин, взял англичан с собою, что, собственно, и входило в планы Крузо.

Обратим внимание и на еще один эпизод романа. Крузо надо было избавиться от корабля, который находился на подозрении у голландцев, и в этот момент объявился японский купец, который был готов приобрести судно, хотя не имел достаточно средств. Японец предложил свой план: отправиться на корабле на Филиппины, где он планировал провести торговые операции, а потом на его родину, где он и произведет окончательный расчет. Крузо пишет, что склонялся к тому, чтобы принять это предложение, хотя партнер уговаривал его отказаться, указывая на опасности, исходящие от японцев, которые «являются лживыми, жестокими и коварными людьми», и еще более коварных и жестоких испанцев, живущих на Филиппинах (в российских переводах романа эти строки, звучащие не слишком политкорректно, обычно опускаются). Перед Крузо и его командой стояло более важное задание, но и возможность исследовать загадочную Японию тоже не стоило упускать. Как мы помним, в Бенгале Крузо остался на берегу в сопровождении слуги (возможно, охранника) и молодого человека, который назван «помощником судового агента» — сотрудника Крузо, судя по всему, стажера. Именно его и отправил Крузо в эту поездку, и, похоже, не прогадал. Как пишет Робинзон, молодой человек обещал, что если он вернется в Англию и застанет там Крузо, то «предоставит ему полный отчет о своих успехах, которые будут в такой же степени мои, как и его». Что же, он не ошибся в «интерне»: совершив путешествие через половину света, побывав в Японии, на Филиппинах и в Мексике, тот через восемь лет вернулся обратно в Англию, при этом заработав немалые деньги. Нет оснований сомневаться, что отчет, о котором он говорил Крузо, стал ценным источником информации о Востоке для английской разведки.

Следующее задание Робинзона было связано с Россией. На этот раз ему предстояло не только собирать информацию и налаживать связи, но и предпринимать активные действия. Мы помним, что в Пекине Крузо присоединился к каравану, идущему в Московию, в составе которого были пятеро шотландцев. Один из них, «бравый шотландец», и был, скорее всего, связным Крузо, который ввел его в курс ситуации в России и доставил новые инструкции. Связь с центром в ту эпоху, впрочем, была крайне затруднена, и агентам приходилось обычно действовать на свой страх и риск и самостоятельно решать, что хорошо для отчизны и дурно для ее врагов. Отношения между Россией и Англией всегда были непростыми, хотя периоды холодной и горячей войны сменялись периодически тем, что в наше время принято называть «деэскалацией». Каково же было их состояние в тот момент, когда Робинзон пересек российско-китайскую границу? Учитывая определенную вольность обращения писателя с хронологией, понять, какой именно период и какую политическую ситуацию описывал Дефо — имевшую место быть в период поездки Робинзона (начало XVIII века) или непосредственно предшествовавшую времени написания книги (1718—1719), не так просто. В 1698 году молодой император Петр I, он же бомбардир Петр Михайлов, посетил Англию в составе знаменитого «Великого посольства» и встретился с английским королем Вильгельмом III. Для почетного гостя были устроены маневры и показательные сражения на море, и Петр, в восторге от увиденного, произнес слова о том, что «если бы я не был русским царем, то желал бы быть английским адмиралом». Позднее, уже в начале Северной войны, Вильгельм предлагал свое по-

³ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Том 18. Глава первая. Царствование императора Петра Великого.

средничество в урегулировании отношений России и Швеции; Петр был готов принять его, но надменный Карл после победы под Нарвой не воспринимал царя Московии как «равновеликого партнера». Между тем русский посол в Гааге А. А. Матвеев в 1701 году сообщал, что Англия желает продолжения войны между Россией и Швецией и что король Вильгельм «во всем приятель добрый и надежный Шведу»⁴. В 1703 году в Москву прибыл де Блюз — посланник Людовика XIV, который хотел привлечь набирающую силу державу на свою сторону; чтобы сорвать планы противника, уже в следующем году в Россию был отправлен чрезвычайный посланник королевы Чарльз Витворт. Витворт, опытный дипломат, поначалу сомневался в том, что Россия в состоянии создать военный флот на Балтике, однако ближе ознакомившись с масштабами деятельности Петра, быстро изменил свое мнение. В письме правительству он писал: «Если, однако, интересы Англии требуют удаления русских от Балтийского моря, необходимо обдумать каким путем удобнее и благовиднее достигнуть такого результата... Хотя царь и готов дать ее величеству положительное уверение в том, что никогда не заведет флота на Балтийских водах, соблазн нарушить слово будет слишком велик для него, когда он вступит в спокойное обладание берегами»⁵. В письме от 28 сентября 1708 года он давал подробную характеристику состояния русской армии и указывал на слабые места в системе русской обороны; он полагал, что самую чувствительную для русских диверсию шведы могут произвести нападением на Ингрию и Петербург. К донесению Витворт приложил список полков и перечень кораблей русского флота в Балтике (судя по всему, разведотдел английского посольства зарабатывал свой хлеб в поте лица)⁶.

В 1707 году царь отправил голландского посланника А. Матвеева с дипломатической миссией в Лондон. Матвеев имел беседу с фактическим премьер-министром страны и начальником Дефо по секретной линии Харли и передал ему записку, в которой выражалась готовность Петра вступить в союз с Англией и предложение правительству ее величества принять на себя посредничество в примирении России со Швецией. Матвеев имел аудиенцию у самой королевы, но переговоры шли вяло; судя по всему, британцы просто тянули время. Среди прочего, они боялись, что в случае заключения мира Карл XII начнет оказывать поддержку своему союзнику и врагу Англии Людовику XIV. «Являются ли эти обстоятельства доводами в пользу принуждения Карла XII к миру, или же они скорее говорят в пользу того, чтобы оставить его продолжать эту войну и углубляться в отдаленные пустыри, где он не может причинить вреда союзникам?» (то есть Англии и Голландии), — задавал риторический вопрос Витворт Харли в своем письме⁷.

Матвеев говорил о войне и мире, английские министры — о коммерции и заключении торгового договора. Раздосадованный посол даже предлагал оказать давление на британских купцов в России, которых предполагалось использовать в качестве «московского лобби». Но все было бесполезно, дальше пустых обещаний дело не шло. «Здесьнее министерство в тонкостях и пронырствах субтельнее самих французов, от слов гладких и бесплодных проходит одна трата времени для нас», — писал со смесью злобы и восхищения Матвеев. «Тайным образом Матвеев проведал о внушениях прусского и ганноверского дворов, что всем государям Европы надобно опасаться усиления державы Московской; если Москва вступит в великий союз, вмешается в европейские дела, навькнет воинскому искусству и сотрет шведа, который один заслоняет от нее Европу, то нельзя будет ничем помешать ее дальнейшему распространению

⁴ Л. А. Никифоров. Русско-английские отношения при Петре I. С. 25.

⁵ Там же. С. 42.

⁶ Александр Широкоград. Англия. Ни войны, ни мира. Вече, 2009. С. 24.

⁷ Л. А. Никифоров. Русско-английские отношения при Петре I. С. 46.

в Европе. Для предотвращения этого союзникам надобно удерживать царя вне Европы, не принимать его в союз, мешать ему в обучении войска и в настоящей войне между Швециею и Москвою помогать первой. Англия, цесарь и Голландия подчинились этому внушению и определили не принимать царя в союз, а проводить его учтивыми словами», — пишет С. М. Соловьев⁸. Не хочется повторять дежурных фраз о русофобии, присущей нашим западным партнерам, но факты — упрямая вещь. История имеет свойство повторяться, и если она ничему не учит людей, то вина в этом лежит на них самих, а отнюдь не на мудрой Клио.

Чтение архивных документов создает иллюзию того, что речь идет о сегодняшнем дне и ленте свежих новостей. Увидев, что дальше пустых обещаний дело не идет, Матвеев предлагал, «что всего лучше, не тратя времени, прекратить учтивым образом дело и отозвать его из Англии; ждатель нечего: здесь думают, что неудовольствие со стороны царя не грозит никакою опасностью». Летом 1709 года, перед самым отъездом в Россию, произошел неприятный инцидент с самим послом, которого избили и даже поместили в долговую тюрьму. Позднее власти объяснили этот случай произволом частных лиц, но, возможно, он являлся сознательной провокацией. Сам Матвеев был уверен, что она произошла по наущению шведского посланника, и предлагал дать «симметричный ответ»: не выпускать из России посланника Витворта до тех пор, пока английское правительство не принесет извинения; он уезжал из Англии, от этого «христоненавистного народа и канальского злочестия исполненного» глубоко обиженный, и даже отказался принять подарок королевы. Дефо подробно рассказывает об этом случае в своей «Беспристрастной истории Петра Алексеевича» и даже цитирует слова Петра о том, что хотя Британия «за оскудением прежних прав государственных учинить» преступников, которые нанесли оскорбление его представителю, «по обычаю всего света наижесточайше наказать» не смогла, все-таки, учитывая принесенные королевой извинения и выводы на будущее, «то дело к окончанию привести».

После победы русских под Полтавой политическая ситуация в Европе началась меняться, и в начале 1710 года в Москву снова приехал Витворт с извинениями от королевы за оскорбление, нанесенное российскому посланнику. Русская дипломатия между тем постепенно приобретала столь необходимый ей опыт ведения международных дел. Витворт толковал о дружбе и союзе, а новый русский посланник в Лондоне князь Куракин писал, что «английский двор один из первых противников русским интересам». Началась новая, русско-турецкая война, которая складывалась для России крайне неудачно. Уже в 1711 году был заключен мир на невыгодных для русских условиях, но и это вызвало недовольство британского двора, которому было выгодно продолжение войны; Куракин сообщал домой, что «Англия дала указ своему министру при Порте трудиться в интерес швецкой и учиненный мир разрушить»⁹. Отношения двух стран становились все более враждебными, при этом торговый оборот между ними продолжал неуклонно расти (лишний повод задуматься над тем, какой из двух факторов является более важным — политика или экономика). Отметим, что значительная его часть по-прежнему шла через Архангельск — порт, откуда Робинзон планировал отбыть на родину (почти 130 иностранных кораблей входило в течение года в гавань Архангельска; впрочем, в 1721 году их число упало до 50, в то время как в Петербург пришло 119 судов)¹⁰.

Оставалась надежда на то, что приход новой, ганноверской династии принесет долгожданный «прорыв» в отношениях двух держав (да здравствует Трамп?). Но на-

⁸ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Том 15. Глава четвертая. Продолжение царствования Петра I Алексеевича.

⁹ Л. А. Никифоров. Русско-английские отношения при Петре I. С. 89.

¹⁰ И. М. Кулишер. История русской торговли до девятнадцатого века включительно. СПб.: Атеней, 1923.

дежды эти, как и надежды на Трампа, не оправдались, и «медовый период» в отношениях двух стран длился недолго. Новый король Георг во внешней политике во многом руководствовался интересами родного Ганновера, мечтая о присоединении к нему Бремена и близлежащих земель, а неутомимый Петр затеял новую игру, активно вмешиваясь в германские дела. По словам историка Чэнса, в 1716–1717 годах «в Англии ревность к могуществу Петра I быстро возрастала, так как русское владычество на Балтике угрожало стать для британской торговли хуже, чем было до этого шведское»¹¹. Не добавлял теплоты в отношения и тот факт, что Петр в ответ на интриги коварного Альбиона начал оказывать поддержку якобитам, сторонникам претендента на британский престол Якова Стюарта.

Британские политики выступали с шумными речами в парламенте, вели пропагандистскую войну, вводили санкции (ну как же без этого!), подкупали противников Петра и даже пытались сформировать коалицию для внешнеполитической изоляции России. Российская сторона тоже не сидела без дела; среди прочего, принимались меры для того, чтобы повлиять на общественное мнение Англии, пропагандируя идею о том, что действия короля Георга как ганноверского сюзерена противоречат интересам британской короны (пресловутый «конфликт интересов»). В апреле 1719 года английский резидент Джеффрис писал в Лондон, что «проживи еще царь года три — у него будет флот в сорок кораблей от семидесяти до девяноста пушек каждый, да двадцать тридцатисорока-пушечных фрегатов, построенных здесь... Предоставлю вам судить, входит ли в интересы Великобритании быть зрительницей возрастающего могущества России, особенно на море. Скажу, что давно пора отозвать этих мастеров с царской службы»¹². Следствием реляции Джеффриса явился королевский указ, предлагавший британским подданным, находящимся на русской службе, немедленно вернуться на родину; как и следовало ожидать, он вызвал новый виток напряженности между странами. В качестве ответной меры Петр запретил английскому купцу Ходкинсу с двумя товарищами выезд из России, а вице-канцлер Шафиров заявил, что царь задержит и остальных английских купцов. Англичане не остались внакладе: все тот же неугомонный Джеффрис предложил с целью сорвать проходившие на Аландских островах мирные переговоры России и Швеции, послать фрегат под русским флагом, который должен был захватить шведских уполномоченных и увезти их с конгресса (справедливости ради следует признать, что это смелое предложение все-таки не было принято). В июне 1719 года в Балтийское море в очередной раз прибыла английская эскадра адмирала Норриса; до сражений между флотами дело не дошло, но ситуация была, что называется, на грани военного конфликта (и снова нельзя не удержаться от параллелей с текущей политикой).

К тому времени, когда писался роман, исход Северной войны был уже очевиден. В момент путешествия Крузо по России она была еще в самом разгаре, и вероятным победителем казался скорее шведский король, чем русский царь. Стоит вспомнить слова Крузо: «И если бы царь, могущество которого по слухам все возрастает и начинает достигать грозных размеров, направил свои армии в эту сторону вместо того, чтобы атаковать воинственных шведов, в чем ни одна из европейских держав не стала бы завидовать или препятствовать ему, то он сделался бы уже за это время императором китайским и не был бы бит под Нарвой королем шведским, силы которого в шесть раз уступали русским войскам». Суждение Робинзона о том, «что никакая из европейских держав не будет завидовать или мешать» воевать Петру со шведами, является справедливым только наполовину. Мы помним, с каким трудом Петру удава-

¹¹ George I and the Northern War by J. F. Chance. P. 185.

¹² Александр Широкопад. Англия. Ни войны, ни мира. Вече, 2009. С. 40.

лось находить союзников. Северный союз, который первоначально объявил войну шведам, быстро распался, и до победы под Полтавой русским приходилось вести войну практически в одиночку. Европейцы, в том числе и британцы, боялись военного могущества Швеции, армию которой возглавлял талантливый полководец Карл XII, но вторжение новой могучей державы в лице России в «европейский концерт» пугало их еще больше. Каковы же были цели английской политики? Тактически они менялись, но главной стратегической целью британской короны было не допустить гегемонии в Европе державы, которая могла бы устанавливать свои правила игры и угрожать Британии и ее торговым интересам. Вступать в прямое военное столкновение с Россией британцы не хотели и поэтому начали войну иными средствами — дипломатическими¹³. Одним из вариантов этой войны был именно тот, который предложил наш герой: переориентация интересов русских с европейских дел на азиатские, обустройство восточных провинций империи или завоевание новых территорий на Дальнем Востоке. Казалось бы, включение Срединной империи в состав России противоречило интересам европейцев, стремившихся наладить с древним «коLOSSом на глиняных ногах» торговые отношения. Но несмотря на все пренебрежение к мощи Китая, в глубине души Робинзон не мог не понимать, что попытка царя завоевать Китай бесперспективна просто в силу громадности расстояний, населенности страны и особенностей климата, не говоря уже о том, что появление там москвитов давало европейцам лишний повод для вмешательства в политику Поднебесной.

Существовал и запасной вариант: если Россия, занятая делами на Западе, не собирается вторгаться в Китай, то, может быть, сам Китай способен оказать давление на северного соседа, действуя если и не европейским качеством, то азиатским количеством? Впрочем, этот вариант, если Робинзон обсуждал его с отцом Симоном, был наверняка признан неосуществимым. Династия Мин не отличалась воинственностью, и особенностью ее политики была не экспансия, а изоляционизм, сохранение самобытности и культурных традиций вкупе с поддержанием иллюзий о былом величии державы. Послу царя Измайлову богдыхан заявил: «Из-за чего нам ссориться? Россия — государство холодное и дальнее: если б я послал свои войска, то все померзли бы, и хотя бы чем-нибудь и завладели, то какая в том прибыль? А наша сторона жаркая, и если императорское величество пошлет против меня свои войска, то могут напрасно помереть, потому что к жару непривычны, и хотя бы и завладели чем-нибудь — невеликая прибыль, потому что в обоих государствах земли множество»¹⁴.

Существовал и другой план, выглядевший наиболее перспективно. Один из наиболее ярких эпизодов «Дальнейших приключений» — сцена поругания сибирского идола, в котором участвовали Робинзон и два его товарища-шотландца. Поступок этот, в общем-то, не характерен для выдержанного и миролюбивого Робинзона, который стоял на позициях религиозной терпимости и допускал полную «свободу совести» на своем острове в устье Ориноко. Чем сибирские идолопоклонники были хуже карибских людоедов, относительно которых Робинзон пришел к выводу, что ему «нет никакой надобности вмешиваться в их дела, пока они не трогают меня»? Дикари, поклоняющиеся «великому Чам-Чи-Тонгу», ничем, кроме эстетики своих обрядов, не обидели Крузо, не говоря уже о том, что не приносили человеческих жертв, а святотатство по отношению к идолу могло навлечь беду на весь караван. Причина неожиданного «акта религиозной нетерпимости» Крузо была проста — что называется, «ничего личного, только бизнес». Робинзон и его поделельники под покровом темноты свя-

¹³ Л. А. Никифоров. Русско-английские отношения при Петре I. С. 163.

¹⁴ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Том 18. Глава первая. Царствование императора Петра Великого.

зали жрецов и сожгли идола, после чего как ни в чем не бывало вернулись на место стоянки каравана. И уже «на другой день толпа народа собралась у городских ворот, требуя удовлетворения от русского губернатора за оскорбление их жрецов и сожжение великого Чам-Чи-Тонгу (Cham Chi-Thaungu) — так звался их чудовищный идол».

Может быть, появление толпы разгневанных язычников и было целью устроенного спектакля, а действия Робинзона — чем-то вроде «разведки» боем, направленной на проверку могущества «белого царя»? Границы между двумя империями в тот период не были окончательно установлены, и как обнаружил Робинзон, на окраине России жили языческие племена, исповедующие собственные культы, живущие по своим обычаям и только номинально подчиняющиеся центральной власти. Раз так, почему бы не половить рыбку в мутной воде? Власть Москвы, как пишет сам Робинзон, в этих районах держалась исключительно на немногочисленных гарнизонах, расположенных в городках и острогах, и спровоцировать «межконфессиональный» конфликт было легко. И пусть из искры, зажженной Робинзоном, и не разгорится пламя большого бунта, наподобие разинского, может быть, она ляжет в основу создания новой технологии своего рода «таежных» или «языческих» революций, которые смогут подорвать и без того непрочную власть далеких москвитов?

Отметим, что реальных поводов для конфликтов русских с местным населением было и без проделок Робинзона более чем достаточно. Основную лепту вносили царские воеводы, которые вдалеке от бдительного ока метрополии вели себя зачастую подобно персидским сатрапам и вместо того, чтобы заботиться о благе государства, набивали собственный карман — присваивали налоги, занимались бизнесом — торговлей и самогонварением и, разумеется, брали взятки с торговых людей и местного населения, «чиня им великие обиды». Оттого, как писал Соловьев, «многие служилые люди по зимовьям побиты, а другие от воеводских притеснений изменили и в Китайское государство отъехали, и мунгалы-изменники, мстя за обиды свои, многих служилых и ясачных людей грабят и побивают»¹⁵. В Нерчинске, в том самом месте, где бился за веру Робинзон, за два десятка лет до того «на приказного человека Шульгина поднялись не туземцы, но русские служилые люди: Шульгин за взятки выпускал бурятских аманатов, которые потом изменяли, уходили в Монголию; но жен аманатских не выпускал: они были ему надобны; подучал одних бурят отгонять табуны у других и делился добычею с хищниками; скупал хлеб, курил из него вино, варил пиво, продавал, а другим есть было нечего по дороговизне хлеба, питались травой и кореньями; бил служилых людей кнутом и батогами, велел брать в руку батоги по пяти и по шести». Волнения местных племен, бурят и тунгусов, были тем более опасны, что они происходили на пограничной территории и нарушители могли, спасаясь от наказания, перебежать, в зависимости от ситуации на китайскую или, наоборот, российскую сторону.

Следующей остановкой Робинзона был город Тобольск, столица Сибири. «Через своего спутника, шотландского купца, с которым я здесь расстался, я познакомился с несколькими аристократами и не без приятности проводил с ними долгие зимние вечера», — пишет Робинзон. Как видим, и здесь не обошлось без непременно шотландца, коллеги Крузо. Как мы помним, Робинзон пробыл в Тобольске больше восьми месяцев. Загадочное «тобольское сидение» отставшего от каравана англичанина и его общение с опальными вельможами выглядят более чем странным. Может быть, оно имело какие-то иные цели, чем наслаждение роскошью простой жизни и умные разговоры с князьями? («Я прожил в Тобольске восемь месяцев» — пишет Робин-

¹⁵ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Том 14. Глава третья. Окончание двоевластия. Царствование Петра I Алексеевича.

зон.) Проще всего объяснить это тем, что дока Крузо осуществлял сбор информации о личности царя, его окружении, русской армии и флоте и прочих вещах, которые входят в круг интересов любого уважающего себя секретного агента. Его друг и собеседник, бывший царский министр, вне всяких сомнений, знал всю подноготную русского двора и наверняка мог сообщить много любопытного. Тем более что свободно времени у обоих было в избытке, а сама обстановка располагала к откровенности. Познакомившись с князем ближе, Крузо наверняка пришел к выводу, что объект разработки представляет для Британии ценность не только как источник информации, но и как лицо, обладающее обширными связями, и может быть использован в качестве консультанта или даже главы «восточного сектора» английской разведки, — отсюда и предложение Робинзона помочь в организации бегства. Отказ русского вельможи, который к тому времени прекрасно понял, насколько непросто его «соблазнитель» Робинзон и что кроется за его предложением, также становится более понятным.

Дефо так и не называет фамилию таинственного князя, с которым вел долгие беседы в Тобольске. То, что это был именно Василий Голицын, не более чем гипотеза; хотя автор и упоминает, что в Тобольске в то время находилось несколько важных ссыльных, и упоминает про «знаменитого князя Голицына» (Prince Galitzin) и некоего полумифического German Robostiski, который в русских переводах обычно именуется «старый воевода Робостиский», нигде не утверждается, что конфиденгент Крузо князем *** был именно Василий Голицын. М. П. Алексеев в статье «Сибирь в романе Дефо» (1923) высказал предположение, что речь идет о Головкине, фамилия которого во французских переводах «Робинзона» якобы была переименована в Голицына; А. А. Франковский, редактор одного из ранних советских изданий романа, был, напротив, убежден, что речь идет именно о Голицыне, и эта версия в настоящее время является практически общепризнанной. Представитель знаменитого рода Голицыных князь Василий был человеком, хорошо известным не только в России, но и в Европе, однако между реальным историческим лицом, фаворитом царевны Софьи, и героем романа Дефо князем *** есть существенные различия. Голицын действительно был западником и оказывал покровительство иностранцам. Некий французский иезуит, посетивший Москву с целью получить разрешение на поездку в Китай через сибирские провинции России, так отзывался о нем: «Этот первый министр, происходивший из знаменитого рода Ягеллонов, без сомнения, был самый достойный и просвещенный вельможа при дворе московском: он любил иностранцев, и особенно французов, потому что благородные наклонности, которые он в них заметил, совпадали с его собственными; вот почему его упрекали, что у него и сердце такое же французское, как и имя. Если б дело зависело от него одного, то, разумеется, все наши желания были бы исполнены».

После падения Софьи Василий Голицын был отправлен в изгнание, и, несмотря на все старания двоюродного брата Бориса, любимца Петра, тяжелую судьбу узника так и не удалось изменить сколь-нибудь значительно. Место его ссылки несколько раз менялось, и наконец князь с семьей был размещен в деревне Кологоры на берегу реки Пинега, в 200 километрах от Архангельска, где ему и предстояло провести остаток своих дней. Князь несколько раз посылал челобитные царю, но Петр так и не изменил своего решения, хотя и разрешил оказывать помощь узнику.

Положение князя было существенно иным, чем это описано Дефо. Он назван бывшим царским министром; он им и был, однако не «царским», а, скорее, «царевниным», потому что его сюзереном был не сам Петр, а его сестра и соперница в борьбе за престол царевна Софья. Все поместья князя были конфискованы (в указе об опале и ссылке Голицыных 1689 года было сказано: «А поместья их и вотчины, и дворы, и животы

отписать и роздать в роздачи»); шансы, что царь вернет опасного врага ко двору и предоставит ему важный пост, были равны нулю, и Василий Голицын не мог не понимать, что надеяться на большее, чем смягчение режима содержания, рассчитывать он не мог. Известность Голицына в Европе, его либеральные взгляды и западничество, стремительный взлет и внезапная опала, по-видимому, и стали причиной того, что его стали считать прототипом героя романа Дефо.

Отметим и еще одно обстоятельство. Даже если и предположить, что Дефо не знал о том, что реальный Василий Голицын находился в ссылке под Архангельском, или сознательно закрывал на это глаза, остается только удивляться, почему долгое общение князя *** с таинственным иностранцем не вызвало повышенного внимания местных властей, в обязанность которых входил надзор за ссыльными.

Попробуем предложить еще одну, на первый взгляд парадоксальную гипотезу. Что если собеседником Крузо был не опальный вельможа, а лицо, облеченное властью, царский воевода или даже губернатор, с которым его познакомил все тот же шотландский друг? Очевидно, что сановник, состоящий на службе именно сейчас, а не когда-то в прошлом, был намного более ценным контактом для разведчика.

Кто же мог быть этим сановником? Отметим, что фамилия «Голицын» не является чуждой для Тобольска, и в XVII веке люди, носящие эту фамилию, действительно занимали в нем пост воеводы. Но в период, непосредственно предшествовавший созданию «Робинзона», самым влиятельным человеком и в столице Сибири, и на всей территории восточнее Урала был еще один князь Г***, — сибирский губернатор Гагарин. Князь Матвей Гагарин, один из самых влиятельных вельмож России, в отличие от «полудержавного властелина» Меншикова, был достаточно образованным по тем временам человеком. После учреждения в 1708 году в стране восьми губерний он был назначен сибирским губернатором, однако в столице своей губернии Тобольске появился лишь в 1711 году. Судя по оценкам сибирских историков, он был инициативным и энергичным менеджером и многое сделал для развития края. Именно при нем началось активное каменное строительство (при том, что в стране действовал указ Петра о запрете строить дома из камня где-либо, кроме Москвы и Санкт-Петербурга), создание канала, соединившего Тобол и Иртыш (отметим, что еще тогда при строительстве канала активно использовался подневольный труд — в данном случае шведских пленных, сосланных в Тобольск), развивалась система образования. Обладая громадной, по сути, «проконсульской» властью, Гагарин, как впрочем, и большинство соратников Петра, был далеко не безгрешен и не забывал о собственном кармане. Став одним из богатейших людей России, он то ли из тщеславия, то ли по неосторожности не стеснялся выставлять свою роскошь напоказ: говорили, что у карет, на которых он ездил, колеса были окованы серебром, подковы у коней тоже были серебряные. Когда в Тобольске устраивались губернаторские балы, из окон его особняка слуги бросали простому народу горстями серебряные деньги «на драку». В 1714 году обер-фискал Нестеров обвинил губернатора в казнокрадстве, и против того было начато следствие. Вызванный в Санкт-Петербург Гагарин вернул в казну более 200 тысяч рублей и был оправдан следственной комиссией князя Долгорукова, однако в 1717 году против него было возбуждено новое дело. Все могло обойтись, что называется, «малой кровью», но обстоятельства сложились не в пользу князя. В январе 1719 года Гагарин был уволен с губернаторского поста и взят под караул, а в Сибирь был отправлен очередной дознаватель — майор Лихарев с поручением собрать сведения о злоупотреблениях князя. Гагарин повинился и написал Петру покаянное письмо: «Я, раб ваш, приношу вину свою пред вашим величеством, яко пред самим Богом, что правил Сибирскую губернию и делал многие дела просто, непорядочно и не приказным по-

ведением, також многие подносы и подарки в почестъ и от дел принимал и раздачи иные чинил, что и не подлежало, и в том погрешил пред вашим величеством, и никакого ни в чем оправдания кроме винности своей принести вашему величеству не могу, но со слезами прошу у вашего величества помилования для милости Всевышнего к вашему величеству: сотвори надо мною многобедным милосердие, чтоб я отпущен был в монастырь для пропитания, где б мог окончить живот свой, а за преступление мое на движимом и недвижимом моем имени да будет воля вашего величества». Но самодержец был неумолим. В марте 1721 год был произведен допрос с применением пытки; Гагарин был приговорен к смертной казни и через несколько дней повешен, а его имущество изъято в казну. Мстительный и жестокий Петр не мог отказать себе в удовольствии не только лично присутствовать на казни, но и вменить это в обязанность ближайшим родственникам казненного. Сын Гагарина, женатый на дочери вице-канцлера Шафинова, был «изобличен в лихоимстве» и разжалован в простые матросы.

Не подлежит сомнению, что Гагарин был казнокрадом, но этим грешило и большинство других сподвижников Петра, в их числе царский любимец Алекашка Меншиков. Один из главных виновников падения Гагарина обер-фискал Нестеров сам вскоре оказался под следствием и был подвергнут пытке за то, что «учрежден он был оным чином для смотра и искоренения за другими всяких неправд», но, «забыв свою должность (а точнее, используя свое положение), сам чинил многие неправды и брал взятки с подчиненных и лиц, добывающихся его заступничества». Как и Гагарин, обер-фискал был приговорен к смерти. Впрочем, Петр не уничтожил самой должности и, подобно древнегреческому мудрецу Диогену, который ходил днем по улицам города с фонарем, продолжил «поиски человека». В январе 1723 года в протоколах Сената можно было прочесть: «Понеже бывший обер-фискал Нестеров явился ныне во многих преступлениях, того ради его императорское величество указал искать в генерал-фискалы и обер-фискалы добрых людей и для того объявить всем коллегиям, ежели кто знает к оному делу достойных кого, и таковых дабы писал в кандидаты, и имена прислать на генеральный двор». Современники Петра рассказывали следующий случай: император, слушая в Сенате дела о казнокрадстве, сильно рассердился и сказал генерал-прокурору Ягужинскому: «Напиши именной указ, что если кто и настолько украдет, что можно купить веревку, то будет повешен». — «Государь, — отвечал Ягужинский, — неужели вы хотите остаться императором один, без служителей и подданных? Мы все ворует, с тем только различием, что один больше и приметнее, чем другой»¹⁶. Петр рассмеялся, ничего не сказав на это. Самодержец рассчитывал, что суровая расправа над князем послужит предупреждением всем казнокрадам Российской империи. Еще в допетровской Руси, как об этом писал соотечественник Робинзона путешественник Флетчер, было принято «показывать иногда публичный пример строгости над должностными лицами (грабившими народ), если кто из них особенно сделается известным с худой стороны, дабы могли думать, что царь негодует на притеснения, делаемые народу, и таким образом сваливать, всю вину на дурные свойства его чиновников»¹⁷. Если угроза и подействовала, то ненадолго и далеко не на всех.

Во многом судьба Гагарина напоминает судьбу князя*** из романа Дефо: он, в отличие от Голицына, был важным сановником при дворе Петра, не говоря уже о том,

¹⁶ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Глава третья. Окончание царствования императора Петра Великого.

¹⁷ Д. Флетчер. О государстве Русском, или Образ правления русского царя (обыкновенно называемого царем Московским), с описанием нравов и обычаев жителей этой страны. Лондон, 1591.

что действительно жил в Тобольске, сначала в качестве губернатора, а после того, как против него было начато следствие, — де-факто на положении ссыльного.

Можно вспомнить, что в соответствии с хронологией действий романа Крузо был в Тобольске в начале XVIII века, за полтора десятка лет до опалы Гагарина, однако историческая точность не была сильной стороной Дефо. Так, в первой части романа герой вспоминает беседу с отцом, в которой речь идет о старшем брате Крузо, убитом в бою с испанцами под Дюнкерком. Между тем упомянутая битва произошла в 1658 году, когда Робинзон жил в Бразилии, и, стало быть, никак не могла быть предметом беседы, произошедшей за несколько лет до этого. Но скорее всего, писатель в целях осуществления своих замыслов сознательно переместил героя на полтора десятилетия в будущее Тобольска или, скорее всего, отправил в прошлое опального Гагарина.

«Дальнейшие приключения» были написаны Дефо в 1719 году, и информация об опале князя или, во всяком случае, следствии по его делу вполне могла достигнуть Англии. Известно, что автор Робинзона живо интересовался тем, что происходило в далекой Московии: в 1715 году он выпустил «Историю войн Карла XII, короля Швеции», в которой рассказывал о Северной войне, а уже после выхода Робинзона — «Беспристрастную историю жизни и деятельности Петра Алексеевича, нынешнего царя Московии, от его рождения до настоящего времени». В одной из заметок в своей газете он, в частности, писал о том, что Петр приказал арестовать архангельского воеводу за коррупцию, сопроводив эту новость ироническим комментарием, что если так пойдет и дальше, то Петр рискует лишиться всего чиновничьего корпуса.

Возможно, причиной жестокости царя было не только казнокрадство, — некоторые историки предполагают, что Петр ставил князю в вину неудачу военной экспедиции на поиски месторождений золота в Средней Азии, на которую он возлагал большие надежды. Есть и еще одна гипотеза. Поговаривали, что негодование царя вызвали слухи о том, что Гагарин при содействии шведских пленных хотел отделить Сибирь от России и создать там самостоятельное государство. Об этом, в частности, писал в своих мемуарах пленный шведский капитан Страленберг, живший долгое время в Сибири: «Он хотел превратить Сибирь в собственное королевство, войско набирал». Как утверждал капитан, для осуществления своего замысла он хотел использовать шведских пленных. Какой бы фантастичной ни выглядит эта гипотеза, она получила определенное хождение среди историков. Вот как писал об этом деле известный историк Сибири П. А. Слобцов: «Его Величество приказал по городам Сибирской губернии объявлять письменно или словесно, что Гагарин недобрый человек и уже не бывать ему губернатором. Тогда развязались в Сибири языки у злословия, у злобы, неблагодарности, и едва ли у людей честных. Иной утверждал, что песочное золото была ложь, другой — что Гагарин злоумышлял отделиться от России, потому, верно, что им водворены в Тобольске вызванные оружейники, и началось делание пороха, третий говорил о растрате государевой казны на веселости, и всякий по своему топтал длинную тень человека, далеко сидевшего при закате солнечном. Те, которые унижались из подлости, выпрямляются с дерзостью, так, как бы низость обнадеживалась стоячею постановкою с падением лица высокого. Это не веселит наблюдателя, но так водится»¹⁸. Как мы видим, сам историк относился к таким слухам с достаточной долей иронии.

Филипп Иоганн Таберт (позднее получивший дворянский титул и фамилию Страленберг), шведский офицер, был взят в плен русскими после Полтавы и отправлен в Сибирь. Здесь он, среди прочего, занимался исследованием и описанием Сибири

¹⁸ П. А. Слобцов. Историческое обозрение Сибири. М., 1838.

и даже составил ее карту с комментариями. Гагарин, узнав об этой карте, заставил Страленберга продать ее и, по некоторым сведениям, сам послал карту царю); впрочем, предусмотрительный швед предварительно сделал точную копию карты. Вернувшись на родину после заключения Ништадтского мира, он продолжил свою работу и в 1725 году опубликовал книгу о России, переведенную впоследствии на несколько европейских языков. Какие же доводы приводил ученый швед в подтверждение своей версии? Его неприязнь к Гагарину очевидна, хотя он и признает, что тот хорошо относился к пленным. Страленберг с усердием коллекционирует все слухи, которые показывают губернатора в неприглядном свете. По его словам, за период правления князя «Сибирской губернии, в которую определен был генералом губернатором князь Гогарин, неописанные убытки причинены», а до того, когда он воеводствовал в Иркутской провинции, «к собиранию денег нарочитый имел случаи. [И хотя] за непотребные свои поступки при отправлении сего воеводства осужден был на смерть, откупился же от того многими денгами». Но по-настоящему сибирский набоб развернулся на новом месте и «в 1715 году... начал было в губернии своей новыя чинить вымыслы. А именно: ежели б умышленныя против государя на Москве предприятия в действо произведены быть могли, то намерен он был сию губернию учинить особливым царством, ибо имея оную в своей аренде, собрал великое число богатства и денег и следовательно, из того знатными подарками сенаторов мог в дружество свое привести, чрез что наибольшее в губернии усилование получил. И тако начал в военные и гражданския службы определять свойственников своих и приятелей, которыхы ни в каких его народных отягосчениях не могли препятствовать». Заметим, что стремление определять на «теплые места» свойственников и приятелей было явлением настолько распространенным, что если считать его признаком заговора, то к числу заговорщиков можно было практически поголовно отнести всю касту российских чиновников («как станешь представлять к крестичку иль местечку, ну как не порадеть родному человечку?»). Как пишет Страленберг, не забывал князь и о «паблик рилейшн»: «подлому народу в разных местах раздавал денги и обещался им чинить в других случаях вспомоении, по которым опытам многия про него говаривали, что он был снисходительной, милосердой и обсчаго благополучия желающий человек. И когда он в губернии своей долженствовал набирать рекрутов, тогда с пограничных российских правинцей, яко Пермской, Вятской и Печерской имал вдвое, другия ж города внутри Сибирской области обходил, но денги за то брать не оставливал». Князя беспокоило (и, как оказалось, не зря), что о его самовольстве и злоупотреблениях узнают в столице. Поэтому «Гогарин учредил способы, которыми б все словесная и письменная из Сибири ведомости удерживать, а именно: на всех дорогах между России и Сибири учредил заставы и ездить по оным [кроме] Верхотурской дороги, под лишением живота запретил. А над Верхотурской дорогою надзирание поручил некоему ближнему своему свойственнику Трахониотову, которой весма наблюдал, чтоб никто, не имея пашпорту за рукою губернатора, и с писмами к знатным особам не проезжал. Ежели же б за кем из российских хотя б мало что о сем примечено и ему донесено было, таковых засылав в далечайшия провинции, о которых после, куда они поделись, и слуху получить невозможно было». Предприняв необходимые меры предосторожности, губернатор «начал размышлять, каким бы образом сибирских военных людей в лучшее состояние привести. И того ради первее многих молодых людей из граждан определил в сыны боярския... из ландского драгунского полку учинил он два полка на том же окладе, на котором прежде один содержался, сказуя, что на то имеет указ. Пехотное же войско всегда мог он под предлогом рекруцкого набору без затруднения собрать, а в афицеры в случае употребить из шведских пленников. Но токмо не было

способу к получению довольно чина ружей и пороху; пушек же и принадлежаских к ним ядер довольно было на сибирских железных заводах, но понеже оных без позволения сенатского получить ему было невозможно, и к требованию оных нужного резону не было, ибо вся соседная сторона была тогда мирна в спокойна, то напоследок умыслил он следующее». Умыслил же коварный вельможа поход в Бухарию за золотым песком. И тотчас же отправился с этой идеей в Петербург к царю, где «донес о том государю представлением, что оное песчаное золото можно ближе доставать. Притом же доносил, хотя к тому месту приттить и не неспособно, однако от калмык в том иногда будет не без сопротивления. И для того требовал от его величества ружья и амуниции тысячь на десять человек. К тому ж несколько оружейных и пороховых мастеров, прочее же обнадежил сыскать все в Сибири». Однако Петр, хотя и крайне нуждался в золоте, «на обман сего лукавца положится не изволил» и поручил возглавить экспедицию не самому Гагарину или кому-то из его людей, а полковнику Бухгольцу, «которого Гогарин долженствовал из губернии своей всеми для сей экспедиции потребностями снабдет». Почему-то падение Гагарина шведский пленник связывает именно с этим походом, после которого «интриги Гогарина не токмо открываются начала, но и достойное в наказание по семикратном розыске получил, а имянно, повешен. Что же Сибирская губерния во время аренды его претерпела и какая были во оной раззорении, о том весь свет свидетельствует»¹⁹. Версию Страленберга поддержал историк и государственный деятель В. Н. Татищев, который писал, что «при самовластом, но молодом и от правления внутреннего удалившемся монархе великую власть имеючие Мазепа действительно, а Гагарин намерением подданства отложиться дерзнули». Но едва ли его можно признать человеком объективным. Татищев, судя по всему, был в хороших отношениях со шведом, общался с ним в бытность его в Сибири, а потом и в Швеции; он-то и перевел книгу Страленберга на русский. Аргументы «варяжского гостя» выглядят не слишком убедительно. Коррупция, хотя и является пороком и даже государственным преступлением, все-таки не тождественна измене. Не очень понятно, какую роль в предполагаемом отделении играл проект с «песошным золотом» — то ли для того, чтобы добыть средства на строительство «Сибирского царства», то ли для получения новых военных сил и снаряжения. От разведки ископаемых, до их добычи и продажи долгий путь, да и логично предположить, что залежи золота, будь оно найдено, контролировались бы агентами Петра. Что касается войск, то главным для заговора было не само их наличие, а способность Гагарина управлять ими. Логично предположить, что князю было бы проще полагаться на личную преданность подчиненных ему воинских частей, а не на офицеров и солдат, прибывших из других регионов.

Присутствие в Тобольске шведских пленных, которых Гагарин якобы пытался использовать в качестве собственной «пятой колонны», не является вымыслом. До 1711 года их выслали в Сибирь лишь в редких случаях, однако после событий, произошедших в Свияжске и Казани, где группа шведских военнопленных составила план заговора с целью побега в Польшу (по другим источникам — в Крым), ситуация изменилась. План был раскрыт, и многие пленные, в том числе не имевшие отношения к заговору, были отправлены в Сибирь. Возможно, власти просто использовали подвернувшийся повод для того, чтобы убрать подальше от боевых действий шведскую «пятую колонну».

Известно, что Гагарин благожелательно относился к пленным шведам, много общался с ними и оказывал им всяческое покровительство (в ведомости Тобольской

¹⁹ Ф.-И. Страленберг. Северная и восточная часть Европы и Азии. Глава 6. О государствовании императора Петра Перваго.

канцелярии указывалось, что шведских арестантов, присланных в Тобольск из других городов, числилось 1954 человека)²⁰. Благодаря этому пленники пользовались определенной свободой передвижения, а некоторым даже предоставлялась возможность поездки в Москву и Петербург. Из пленных шведов была сформирована своего рода «придворная гвардия» губернатора — тобольский драгунский эскадрон. Основной причиной, по которой пленные вступали туда, были, конечно, материальные соображения, при этом иноземцы, принимаемые в эскадрон, получали повышение в звании. Так, капитан Брикхаузен был определен в майоры, а капитан эскадрона Йохан Ланг до своего пленения был всего лишь корнетом²¹. Впрочем, эскадрон этот занимался не только охраной персоны губернатора, но и более серьезными делами: участвовал в отражении набегов кочевников, строительстве пограничных крепостей и в упомянутой ранее экспедиции Бухгольца по поиску «песошного золота». Кроме военной службы и подневольного труда, Гагарин привлекал пленных к социальной жизни региона: в частности, усилиями шведов в Тобольске была открыта школа, в которой обучались наряду с детьми пленных и русские дети. Любовь Гагарина к иноземцам, возможно, была не совсем бескорыстна. На содержание пленных выделялись немаленькие деньги, и часть из них, нет оснований сомневаться, оставалась в карманах губернатора (одним из пунктов обвинения, предъявленного князю, была растрата казенных денег на пленных шведов). Но объяснять его отношение к ним исключительно корыстью было бы несправедливо: Гагарин зачастую одной рукой присваивал, а другой раздавал деньги нуждающимся пленникам (посетивший Тобольск горный инженер Блюгер писал, что Гагарин за годы своего правления раздал пленным шведам свыше 15 тысяч рублей). Скорее всего, князь действительно хотел использовать шведов для блага развития края и как человек либеральных взглядов испытывал к людям, выросшим в условиях европейской культуры, безотчетное уважение. Может быть, какими-то своими разговорами Гагарин и давал повод для обвинений в сепаратизме. Но едва ли это было чем-то большим, чем пьяная болтовня и пустая бравада впавшего в манию величия «сибирского проконсула», а «нордически выдержанный» Страленберг просто не сумел или не захотел понять широту русской души. Если такие намерения и были реальностью, то остается непонятным, почему князь, против которого было возбуждено уголовное дело, так и не предпринял сразу же после этого попытку отделиться от России? Будучи сибирским губернатором, он все еще обладал определенными ресурсами, к тому же, прекрасно зная суровый характер Петра, не мог не понимать, что на кон поставлены не только его доходы, но и сама жизнь.

Очевидно, что «сепаратизм» Гагарина — очередной исторический миф. Тюменская нефть тогда еще не была открыта, не говоря уже о том, что в доиндустриальную эпоху этот ныне сверхдефицитный товар не пользовался спросом на мировом рынке. Без поддержки метрополии ханство «нового Кучума» не смогло бы выжить в чуждом и, в сущности, враждебном окружении. Шведский эскадрон далеко не был «чехословацким корпусом» и насчитывал, по-видимому, не более 300 человек; даже при поддержке других шведских пленных едва ли ему удалось бы установить контроль над Тобольском, в котором находились русские войска. Всем была памятна история Мазепы, переметнувшегося на сторону шведов, и то, чем она закончилась (князь, тогда еще не опальный, а близкий к царю вельможа, московский комендант и судья сибирских провинций, еще не так давно, в 1708 году, присутствовал на церковном прокля-

²⁰ Г. В. Шебалдина. Шведские военнопленные в Сибири. Первая четверть XVIII века. М.: РГГУ, 2005. С. 103.

²¹ Там же. С. 140.

тии гетмана в Москве). Может быть, слухи об измене Гагарина — не более чем «сибирский ремейк» украинских событий? Скорее всего, сама история получила распространение уже после того, как Гагарин впал в немилость и был отправлен в отставку, и явилась не причиной падения вельможи, а, скорее, одним из его следствий.

В чем можно упрекнуть губернатора, это скорее не сепаратизм, а «регионализм», попытка расширить границы своей губернии в Сибири, на Дальнем Востоке и в Средней Азии. Но действия эти, поскольку они находились в русле государственных интересов страны, скорее можно поставить ему в заслугу, а не в укор.

Вернемся к нашей истории. Формальным поводом для общения Гагарина с героем Дефо могли стать прозаические торговые материи. Купец Робинзон возвращался из Китая с грузом товаров, а русско-китайская торговля и отношения с Поднебесной непосредственно входили в сферу полномочий сибирского губернатора. Впрочем, свои полномочия князь понимал достаточно своеобразно. В ходе следствия один из свидетелей, Евреинов, показал: «Сибирский губернатор князь Гагарин в Китайское государство купчин избирает по своему нраву, которые к тому делу доступают великими дачами и во всем с ним общее согласие имеют и более угождают ему, нежели усердствуют о пополнении казны и о государственной пользе. В караване, которого ждут теперь из Китая, товаров Гусятникова на 40 000 рублей да у целовальников пошло товаров тысяч на сорок же». Выяснилось, что помимо прочего Гагарин «взял у купчины Карамышева казенные товары и заплатил за них казенными же деньгами, причем переводных писем в Сибирском приказе записывать не велел; взял у князя Якова Долгорукого в китайский торг товары без оценки и, не дождавшись купчины с караваном, велел выдать деньги вдвое; удержал три алмазных перстня и алмаз в гнезде, купленный на деньги, взятые в китайский торг из комнаты царицы Екатерины Алексеевны; взял себе товары из караванов купчины Худякова и, приняв у купчины книги этих караванов, сжег»²².

Точная дата рождения Матвея Гагарина неизвестна, но обычно называют 1658-й или 1659-й; стало быть, на момент встречи с Робинзоном ему было уже под 60, и по стандартам той эпохи он был немолодым человеком. Князь, как мы уже писали, был «западником» и едва ли мог отказать себе в удовольствии побеседовать с заезжим «аглицким гостем». Скорее всего, по замыслу Дефо Крузо появился в Тобольске уже после того, как над Гагариным сгустились тучи, но по инерции он еще сохранял прежнюю должность и привилегии. Гонения и обиды делают людей разговорчивыми, и в такой ситуации едва ли можно было найти лучшего собеседника, чем человек ниоткуда, иностранец, которого все интересовало в чужой для него стране, и который был готов поделиться с гостеприимным хозяином своим немалым жизненным опытом. Что могло быть предметом бесед Робинзона и Гагарина? Наверное, практически все: личность царя и царский двор, дела гражданские и военные, русские нравы и обычаи, политика и торговля, религия и климат. Разумеется, Робинзон не забывал о своем задании. Наверное, они обсуждали опалу Гагарина и то, что может ожидать его в будущем. Может быть, поднимался и пресловутый вопрос о «сибирском сепаратизме» и перспективах создания отдельного «сибирского царства». Эта идея не могла не интересовать Робинзона, потому что как нельзя лучше способствовала осуществлению главной задачи британской дипломатии — ослаблению державы Петра. Но князь, прекрасно знавший свой край, понимал, что это не более чем утопия: Сибирь в то время была слабо заселена, и русское население, на которое он мог опереться, представляло узкую прослойку, окруженную недружественными или враждебными народами, и попытка «опоры

²² С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Глава третья. Продолжение царствования Петра I Алексеевича.

на собственные силы», сохранения «статус-кво» без поддержки метрополии привела бы к неминуемому краху. Британия была далеко, а шведы, потерпевшие поражение под Полтавой, вели тяжелые бои на всех фронтах и едва ли могли помочь неожиданному союзнику, несмотря на все желание. Была еще, конечно, Поднебесная, с мандаринами которой Гагарин имел контакты еще в бытность свою нерчинским воеводой в 90-х годах. Правительство богдыхана благожелательно относилось к сибирскому губернатору и, узнав о его несчастье и о том, что одной из причин гнева царя была медленность отправления почты в Китай (ох уж эта почта России!), направило Петру письмо в защиту сановника: «Понеже сие все старое из подлого и купеческого народа ради прибыли своей чинено, того ради мы такие дела ни во что почитаем; Гагарин же чрез многие минувшие годы никакого озлобления или затруднения около наших рубежей не чинил, и письма с обеих сторон никогда удерживаемы им не были». Но и сами китайцы едва ли были способны на что-то большее, чем вялотекущие дебаты о спорных пограничных участках вдоль Амура. Робинзон с грустью должен был признать, что Российская империя медленно, но неуклонно расширяла свои владения и укрепляла власть на востоке страны. Ставка Карла XII на украинскую самостоятельность не сработала, а сибирская карта была бита еще до того, как ее выложили на зеленое сукно. Конечно, он получил от князя множество бесценных сведений (при желании даже мог снять у него копию карты Сибири, которую делал Страленберг) и мог вербовать агентов среди живущих в Сибири иностранцев и местного населения, но в итоге окончательно убедился, что не в его силах сколько-нибудь существенно ослабить могущество империи. Не могли не заинтересовать Робинзона и планы России в Средней Азии. Было известно, что Петра чрезвычайно заинтересовали полученные им сведения о золотых залежах в бассейне Амударьи. Экспедиция Бухгольца закончилась неудачей, что и стало одной из причин гнева царя, но уже в 1716 году из Астрахани был отправлен новый отряд под командованием князя Бековича-Черкасского. В наказе Петра князю предписывалось, помимо поисков золота, склонять бухарского и хивинского ханов к российскому подданству и, в случае если хивинский хан проявит дружелюбие, «просить у него судов и на них отпустить купчину (царского офицера, посланного под видом купца) по Аму-Дарье реке в Индию, наказав, чтоб изъехал ее, пока суда могут идти, и потом продолжал бы путь в Индию, примечая реки и озера и описывая водяной и сухой путь, особенно водяной, и возвратиться из Индии тем же путем; если же в Индии услышит о лучшем пути к Каспийскому морю, то возвратиться тем путем и описать его»²³. Впрочем, пока Британия могла не беспокоиться о том, что русские утвердятся в ханствах и в качестве следующего шага будут искать пути, чтобы «омыть сапоги в водах Индийского океана»: в 1717 году хивинцы заманили отряд Бековича в ловушку и практически целиком его уничтожили. Движение России на юго-восток было приостановлено практически на полтора столетия.

Предложение князю бежать вместе с ним в Европу, сделанное Робинзоном, едва ли было практически осуществимо, учитывая известность князя, его высокое положение и слежку, которая за ним велась. К тому же Гагарин, хотя и находился в опале, все еще сохранял надежду на то, что царь прислушается к его высокопоставленным заступникам и сменит гнев на милость (о чем таинственный князь сам рассказал Робинзону: «Неужели вы приняли за чистую монету мои заявления о презрении к миру?.. Поверили, что я не пожелаю вернуться, если меня призовут занять прежнее положение при дворе, если я вновь буду в милости у моего повелителя царя?»). И в самом деле, первоначально он был оправдан и отделался лишь крупным штрафом. Но колеса бюро-

²³ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Том 17. Глава первая. Царствование императора Петра Великого.

кратической машины неотвратно набирали обороты, и, перефразируя слова поэта, пусть распорядок действий и не был еще продуман в деталях, конец пути был уже близок и неотвратим.

У Гагарина были две дочери и сын, женатый на дочери вице-канцлера Шафировова. Описанное в романе бегство сына князя, произошедшее при прямом участии Робинзона, едва ли основано на каких-либо реальных событиях; впрочем, и тут можно представить альтернативный сценарий произошедшего. Мы уже упоминали, что в период обострения англо-русских отношений царь в ответ на британские санкции запретил выезд из России английским купцам. Может быть, Робинзон в соответствии с полученным заданием спас из русского плена не сына князя, а своего соотечественника, английского купца, а возможно, и коллегу по шпионской работе («молодого вельможу я выдавал за своего управляющего», — пишет Робинзон)?

Стоит упомянуть, что на пути в Архангельск Робинзон подвергся нападению. Один из спутников англичанина, которого он называет «сибиряком», хорошо знал местность и вел караван окольными дорогами «в обход главнейших городов и селений на большом тракте», чтобы избежать встречи с представителями московских властей, которые наверняка искали беглеца. Казалось бы, «дело житейское» — для тех, кто путешествует по диким тропам, риск нарваться на «лихих людишек», живущих грабежом заезжих торговцев, достаточно велик. Координаты места, где произошло нападение, определить трудно, поскольку некоторые названия населенных пунктов, упоминаемые Дефо, не поддаются идентификации, однако, судя по всему, это произошло где-то на границе нынешнего Пермского края и Республики Коми. Робинзону и его людям с большим трудом удалось отбить нападение разбойников, которых они сочли калмыками или татарами. Но были ли они действительно таковыми? Как пишет герой Дефо, «мы не могли понять, откуда они и каким образом им удалось забраться так далеко на север». Вполне возможно, что татары (или мнимые татары, «ряженные») действовали не по своей воле, а по заданию российских спецслужб, которые вычислили британского агента и направление маршрута, которым он двигался, и решили скрытным образом, не привлекая лишнего внимания, вывести его из игры.

В ожидании корабля Крузо и его спутники прожили в Архангельске шесть недель. И, как отмечает путешественник, «прождали бы и больше, если бы нас не выручил гамбургский корабль, пришедший месяцем раньше, чем сюда приходят обыкновенно английские корабли». Робинзон пробыл в России долгие месяцы, и этого времени даже в ту неторопливую эпоху было вполне достаточно для того, чтобы коллеги, отбывшие вместе с караваном, могли предупредить центр о его планах. Корабль, пришедший раньше срока, наверняка являлся британским, а его гамбургская приписка была не более чем маскировкой.

Была ли успешной тайная миссия Робинзона, если предположить, что она действительно существовала? И да, и нет. Сколько-нибудь масштабных действий, направленных на подрыв могущества соперника Британии, мнимому путешественнику осуществиться так и не удалось. Тем не менее он сумел собрать массу сведений о России, наладить контакты с важными людьми, создать обширную шпионскую сеть и даже провести несколько активных мероприятий (организация беспорядков на окраине страны, вывоз пленного соотечественника или ценного агента). А значит, разведчик Робинзон, созданный волшебным пером литератора и секретного агента Даниэля Дефо, «шпион, пришедший с холода» (используя фразу, послужившую названием знаменитого шпионского романа Джона ле Карре), в целом успешно справился с поставленными перед ним задачами и на море, и на суше и смело мог отправляться в обратный путь на родину через крупнейший тогда российский порт Архангельск.

Роман (а точнее, романы) о Робинзоне Крузо таят в себе множество тайн, которые и по сей день не дают покоя пытливым умам исследователей. Что же за произведение создал великий мистификатор и враль де Фо (которого один из его биографов назвал «величайшим лжецом в истории») — приключенческую книгу для подростков, политический памфлет, «педагогическую поэму» (на примере которой Жан Жак Руссо предлагал обучать детей), религиозное сочинение, экзистенциальный или экономический трактат (на рассуждения Крузо о подлинных и мнимых ценностях ссылались Давид Рикардо, Карл Маркс и Бем-Баверк), очередное утопическое сочинение, прикладное пособие о том, как выжить в экстремальных условиях, или, быть может, постмодернистский или даже интерактивный текст?

Почти наверняка загадка так и останется загадкой, как это происходило почти во всех случаях, когда речь идет о «великом и ужасном» Даниэле Дефо. Автор предложил всего лишь собственную трактовку «необыкновенных и удивительных приключений» Крузо в России, основанную на сохранившейся информации о секретной службе автора Робинзона.

И если (наполовину в шутку, наполовину всерьез) принять на веру версию о том, что странное путешествие героя Дефо на Восток и в Московию было не чем иным, как аллегорическим, иносказательным отображением (вспомним слова Робинзона-Дефо о романе как аллегории его жизни) тайной миссии британской разведки, то Робинзона Крузо можно назвать наряду с Джеймсом Бондом одним из величайших шпионских образов британской, а возможно, и всей европейской литературы.

Искусство чтения

Елена НЕВЗГЛЯДОВА

КСЕНИЯ ДЪЯКОНОВА И ЕЕ ФЛОРИАНОПОЛЬ

Книга стихов Ксении Дьяконовой называется «Флорианополь». Флорианополь — это город в Бразилии. О нем известно, что это портовый город, основанный в XVIII веке, что он расположен на западном берегу острова Сан-Катарина, что его называют «волшебным островом», знаменитым своей богатой природой, райским климатом и зрелищным ежегодным карнавалом. Стихи Ксении Дьяконовой богаты разнообразным жизненным материалом, в них живет райский климат молодости и счастья и даже что-то карнавальное ощущается в некоторых из них. Словом, Флорианополь — это виртуальная местность, в которой по всем признакам обитает автор трех поэтических книг — Ксения Дьяконова. Она, кстати, считает, что местность эта родная всем людям как некий дожизненный рай.

Флорианополь — это город, где вы все
на самом деле родились, — но вас украли!
Как, вы не помните? По снегу, по росе,
Вас день и ночь везли в неведомые дали

и там оставили. С тех пор в чужих краях
вы так и выросли...

То есть автор говорит, что эта волшебная местность, «где солнце не заходит», на самом деле должна быть знакома всем. Я тоже так думаю. Иначе стихи Ксении Дьяконовой казались бы чуждыми, не то что непонятными, но далекими. В них столько света,

---

Елена Всеволодовна Невзглядова — поэт, филолог, критик, литературовед, эссеист. Кандидат филологических наук. Член Союза писателей Санкт-Петербурга. Публиковалась в журналах «Новый мир», «Знамя», «Звезда», «Нева», «Арион» и других. Автор книг стихов и сборников статей о русской поэзии. Живет в Санкт-Петербурге.

столько ярких красок, столько разных поводов для поэтической мысли, что они уводят от скучной обыденности, которая более чем знакома, увы.

Кто в любви не знает, с чего начать,
пусть полюбит английскую королеву.
Он научится в тайне хранить и страсть,
и, тоску, и черную силу гнева
на судьбу, привыкшую разрушать.

Оставаясь мудро на расстоянии,
он пройдет сквозь ревность к ее семье,
и сквозь все несбывшиеся свиданья
в лучших парках, созданных на земле,
подаваясь трепету ожиданья.

И английский выучит заодно,
и прочтет Шекспира в оригинале,
чтобы лорды, герцоги, как в кино,
о туманном счастье напоминали,
словно Темза смотрит к нему в окно,
а гвардейцы спят, они так устали!

Первое, что бросается здесь в глаза, это веселость. Как весело преподносятся вполне серьезные вещи. В самом деле, при такого рода влюбленности придется держать себя в узде. И воображение работает, и силы возникают для множества полезных вещей. Нужен опыт и ум, чтобы придумать такой сюжет. Между прочим, есть еще одно стихотворение на подобную тему: о том, как студентки филфака, влюбленные в Марчелло Мастрояни, писали ему письма, как пушкинская Татьяна. Оно тоже очаровывает юмором. А вот еще такое стихотворение о любви:

В любви ничто не может быть напрасным.
Мы вместе разрисовывали птиц —
живых, живых! — зеленым, синим, красным
фломастером и тушью для ресниц.

И цвет держался, сколько бы ни мокли
они в грозу, каким бы ни был зной,
и орнитолог, целясь в них биноклем,
от счастья поднимался над землей.

Какая чудесная фантазия — смелая, красочная. Не только орнитолог должен испытывать восторг. О любви писать очень трудно. О несчастной любви столько написано, что, кажется, ничего уже нельзя добавить. А о счастливой еще трудней — видимо, потому, что, как сказал Толстой, она у всех одинакова. Дьяконова умеет сказать о ней что-то свое, неожиданное. Вот стихотворение из ее предыдущей книги «Каникулы»:

Я так ношу любовь к тебе,
как носят крестик под рубашкой,
как сигарету на губе;
как кошелек с цветной бумажкой,

добытой медленным трудом;
как выученный стих Шекспира.
Как ветер носит карту мира
Над морем в облаке седом.

Обратим внимание на это веселое перечисление. Предыдущая книга «Каникулы» вышла в 2006 году (Ксении Дьяконовой был 21 год) На обложке ее — картина Марка Шагала, и, надо сказать, поэтিকা Дьяконовой, в этой второй книге особенно, напоминает живопись Шагала чудной фантазией и красками. Большую часть своей молодой жизни Дьяконова провела в Испании, в Барселоне, где живет и работает ее отец-математик. Южный солнечный климат оказался ей сродни. На этой почве расцвела ее фантазия.

Кем был Гомер — не знаю; кем он стал,
Я собственными видела глазами!
В Бразилии он вместе с рыбаками
Вдоль озера огромного гулял;

мы шли за ним, торжественны и немы,
а он был зряч, и говорил в тоске,
что крашенные лодки на песке
лежат, как перевернутые шлемы.

Хочется показать разнообразие сюжетов. Придется привести полностью еще два стихотворения, потому что пересказ не дает понятия о поэтической мысли, так обедняет ее, что ничего от нее не остается.

Это я убила саму Пенелопу Крус.
Удержаться было действительно очень трудно:
все мужчины забыли жен, дочерей и муз,
поглядев на нее, и сделалось неуютно.

Ни глаза ее, излучавшие томный свет,
ни роскошная грудь меня не остановили.
Я вспотела и задыхалась; а пистолет
как ни в чем не бывало спит в придорожной пыли.

Но когда журналисты спрашивают наглей
и насмешливей, чем обычно, я отвечаю:
оттого, что снималась в вычурном барахле
и тушила окурки «Мальборо» в чашке чая.

А еще мысль, психологическая мысль отличает почти каждое стихотворение. Она является по самым неожиданным поводам: на вечеринке; в баре, где собираются «непризнанные гении»; во сне; в путешествии; при взгляде на почтовый ящик; примеривая чужую судьбу и характер; в разлуке с друзьями; в ощущении душевной близости с кем-то; слушая джаз... Поэтическое воображение индуцирует мысль. Ну, вот еще одно стихотворение:

У свежескошенной травы
есть представленье о бессмертье:
быстрее света и молвы,
стремительней всего на свете
струится запах! Только он
переживет земную скуку
и, как воздушный почтальон,
разносит радость и разлуку.

Он тех, кто первый раз вдвоем,
и тех, кто ранены разрывом,
пытается уверить в том,
что нужно вечно быть счастливым,
не спрашивая: почему,
зачем, без всякого предлога.
А что, как в августе — ему
дано побыть на месте Бога?

В стихах Ксении Дьяконовой отражена ее личность, ее поэтическая ищущая мысль, ее знание о жизни. Как это показать? Только цитированием!

Вы бы хотели жить, избежав труда,
просто читать, писать, говорить с друзьями,
в тайном родстве с огнем и чужими снами?
Да я сказала да я хочу да
Вы бы хотели так полюбить кого-то,
(не причиняя даже себе вреда),
чтобы все звездочеты сбились со счета?
Да я сказала да я хочу да

Вы бы хотели, чтобы любую фразу
вашу шептали сосны или вода?
Да я сказала да я хочу да
но не сейчас, помилуйте, но не сразу!

Стихотворение называется «Искушение». Как понятны эти амбициозные мечты! И сколько горячей страсти вложено в набранную курсивом фразу! Если бы я стала пересказывать эти стихи, я бы должна была сформулировать вопрос во второй строфе как-нибудь так: вы бы хотели полюбить кого-нибудь очень сильно, хотели бы иметь очень большую любовь? А вопрос в третьей строфе прозвучал бы так: вы бы хотели, чтобы каждую вашу фразу помнили и повторяли? Ну, и что осталось бы от поэзии в этом случае?

По сравнению с первой книжкой — «Моя жизнь без меня», — выпущенной 18-летним поэтом, речь стала раскованней, стих свободней, но не потерялся темперамент и приверженность уму. Ксения Дьяконова вносит в русскую поэзию не свойственные ей южные краски. Остается пожелать, чтобы с ростом и прибавлением опыта не притих этот веселый ум, чтобы при трении о жизнь не стиралась память о сказочном Флорианополе.

РЕЦЕНЗИИ

МУЗЫКА ВРЕМЕНИ

Вера Резник. Персонажи альбома. Изд-во LAURUS, 2017.

Настоящую книгу пропустить обидно, но очень легко. Особенно если она не следует поветрию моды и не старается вам понравиться. Ведет себя как ее собственные непредсказуемые герои, легкомысленно возглашая: «Персонажи альбома» — и предупреждая, что роман очень невелик. Однако осторожный читатель, которому уже ненароком доводилось слышать голос автора и его неповторимую интонацию, не спешит приступать к погружению в этот текст, — он знает, что может попасть в непростую ситуацию, и с опаской заглядывает на последнюю страницу. Такая дурная-хорошая привычка у этого книголюбца... А на этой последней странице некий персонаж по фамилии Петров беззвучно задается вопросом о том, что же все-таки с ним такое было, и коснеющим языком себе же и отвечает: «Что, что... Жизнь была, вот что». И не остается несчастному книголюбцу иного выхода, кроме как возвратиться к первой странице, на которой рассказчик затевает рассказ о жизни людей, так прекрасно и благородно смотрящихся на старых картонных фотографиях в старом облупившемся альбоме.

Особо любопытные, правда — бывают и такие, — заглядывают в послесловие, а в нем покойный прекрасный переводчик и знаменитый социолог Борис Дубин хвалит Веру Резник за первую книгу собственной прозы и говорит, что ждет ее новых работ.

Книжка приподнилась, Борис Дубин ее не дождался, а мы дождался и возвращаемся к первой странице, к началу историй старинных живых людей — вот именно что живых и непохожих друг на друга, это сразу очень чувствуется. Они, как мы с вами — неразумные и печальные, — совершают поступки, которых от них не ждешь, уходят и не возвращаются, страдают и причиняют страдания, непонятно как переживают потери и крушения, стараются избавиться от прошлого и нежно перебирают его следы и знаки. И мы слышим голос мальчика, некогда жившего в семье родственников, а ныне ударившегося в воспоминания старика: «Сейчас, спустя долгие годы, во времена, когда окружающий мир мне сделался неприятен, я, как некогда, нахожу забаву и утешение в том, чтобы провести ладонью по облупившемуся кожаному переплету, ощутив все шероховатости, отстегнуть латунную застежку, раскрыть пожелтевшие листы и... замереть в ожидании, когда ринется мне навстречу ушедшее...» Дрожащая рука перелистывает глянцевые листы семейного альбома с твердыми фотографиями с золотым росчерком в правом нижнем углу.

Не стоит, однако, так уж безоглядно доверять этому старику, знаем мы эти стариковские причуды, а равно современные литературные игры... в иные моменты возникает подозрение, что его складывающийся в главы романа рассказ, о тех или иных эпизодах из жизни людей, представленных в альбоме на фотографиях, не более чем выдумка упражняющегося в писательстве персонажа из альбома — недаром в последней главе под названием «Флейта» он едва ли не прямо говорит об этом.

И здесь следует отметить вот что: роман «Персонажи альбома» — нимало не бытовой роман, он не описывает реалии жизни русских интеллигентов первой четверти прошлого века, хотя иногда неизбежно их фиксирует, это нимало не исторический роман, хотя, разумеется, без истории, являющейся подоплекой всему происходящему, на его страницах тоже не обойтись — это текст, поставивший себе целью изобразить состояния души, диктующей временами под влиянием чего-то, неведомо чего, каких-то атмосферных сгущений, своему носителю странные поступки. И в этом смысле

это роман вполне реалистический, если вспомнить это ныне вполне позабытое слово. Автор словно взывает: да приглядитесь же вы к людям! Этим причудам Господа Бога!, или, как говорит один из персонажей, судейский чиновник: «Господи, что же это такое, люди?»

Да, никакого линейного, как в детективе, развития сюжета, хотя у каждой главы и, значит, у каждого персонажа свой жизненный эпизод с началом, кульминацией и эпилогом.

Читатель листает страницы, заглядывая вперед и отступая назад, потому что важные детали рассыпаны по всему тексту с таким умыслом, чтобы он (читатель) старался сопоставлять, вникать, доискиваться причин... к примеру, неожиданного ухода Петра Петровича из дома. И почему его жена Марья Гавриловна, прекрасно слышащая состояние души своего мужа, его исчезновение, сопровождала лишь двумя словами: «Петр ушел» (дрогнувшим голосом). Голос рассказчика комментирует переживание героини: «Прежде она никогда не раздумывала о том, что истина — это перехваченное из неизвестных источников трепетанье, зачастую не совпадающее с тем, что фиксируется словами, сопровождаемое странным ощущением собственного бессилия».

Потрясенное сознание может проглядеть угрозу отмены целой жизни. Проглядело — и прекрасно. И слава богу, что Марья Гавриловна неоправданно убеждена в том, что Петр Петрович «разлучился с ней исключительно ради захватывающей радости встретиться еще раз». Про необыкновенность первой встречи упомянуто ранее и немного вскользь, но внимательный читатель про нее помнит, хотя и не очень верит, что так бывает с первого взгляда и все такое. Но важно ли это, когда грядет — правда, неведомо где — вторая, истинная встреча, та, которая и составляет «захватывающую радость»?

Рассказчик нечасто объявляет о своем присутствии на страницах романа, один из таких случаев — уход Петра Петровича. С удивительной искренностью он признается: «Автор и его персонаж прекрасно знают, что неверных поступков не бывает, поступки отвечают глубинному побуждению личности, и здесь нет места никакому суждению верности. Верным или неверным поступок становится, когда к нему со стороны прикладывают моральную линейку... но какое, спрашивается, имеют посторонние линейки отношение к твоей сокровенной жизни?» Странное дело — ведь ранее рассказчик называл поступок Петра Петровича безответственным, а вот здесь он уверяет, что просто делал уступку «читателю с простодушным образом мыслей». А не задуматься ли читателю, не заглянуть ли в свой собственный образ мыслей, простодушный ли он у него и как обстоят дела с правильной моральной линейкой?

Рассказчик, совершенно очевидно знакомый с «Открытым произведением» Умберто Эко (что представляется вполне естественным с учетом того, что Вера Резник этого популярного итальянца переводила), словно призывает читателя к соавторству... Именно поэтому он предоставляет ему право догадываться о том, что он, рассказчик, не знал или не сумел договорить. Самая завораживающая часть «маленького романа», по моему мнению, встреча опытного специалиста по психическим болезням Петра Петровича с высокомерным и прельстительным существом, меняющим маски недуга и здоровья. Бедный, бедный доктор!

«Да, я здорова. Но так удобнее, — спокойно сказала Анна Александровна. Не сочтете ли за труд объясниться? — пробормотал Петр Петрович. Ну, полно, — сказала Анна Александровна».

Глава называется «Отражения», и в ней предъявлены настоящие отражения (насколько отражения могут быть настоящими?) в обыкновенном зеркале, висевшем напротив обеденного стола. Случайный скользкий взгляд врача заканчивается для него ужасным прозрением, за которым следует финал: «Необъятная повелевающая

сила взметнула и уронила Петра Петровича. Боль была такой несоразмерно огромной, что в первый миг не имела качества боли... Вспорхнула птица. Воздух вокруг Петра Петровича похолодел». Это еще не «поддельный диагноз», много хуже — это ошибка. Тема «поддельного диагноза» вспыхнет в следующей главе. Она так и называется: «Отступление во времени». В этой главе все персонажи альбома собираются на журфиксе у Петра Петровича Берга. Гости — родственники и друзья — прибывают постепенно, предаваясь по дороге воспоминаниям, сочинению стихов, размышлениям... Берг — это и есть Петр Петрович, он из рыжих немецких переселенцев, принявший православие в незапамятные времена. Человек, «витающий выше всякой повседневности», любезно сообщает нам рассказчик устами журналиста Муравьева, ожидающего прибытия к Бергам путешественника, этнографа. Такие прекрасные, благородные, образованные люди из разночинцев наполняют гостиную Бергов. В то время как хозяин дома, радуя дам комплиментами, вспоминает разговор с доктором Фогелем (ведь на самом деле Петра Петровича интересовали только его больные и его лечебница), умолявшим его стать наконец современным человеком и взглянуть в лицо жизни общества, оказать помощь тем, кто хочет, чтобы все стало лучше, дать им разрешение пожить в лечебнице. «Поддельный диагноз!» — с ужасом сообразил тогда Петр Петрович.

Так вторгаются в жизнь персонажей ветры неумолимой истории. Они все еще здесь, еще все вместе, ведут в гостиной светские — в итоге смешные разговоры, потому что каждый говорит о своем (в изображении этого полилога автор выказывает очевидное знакомство с опытом современной литературы и творчеством Зоценко) — доктор Фогель, Муравьев, вернувшийся из странствий этнограф, Судейский. Зато замкнувшийся Петр Петрович впиается взглядом в олеандр. Раздражение почему-то нарастает, и Марья Гавриловна, перебивая доктора Фогеля, предлагает послушать присутствующую на журфиксе консерваторку Лютецию Ивановну. Обрушившаяся на слушателей «люциферова» музыка Скрябина приводит всех в состояние невыносимого напряжения. А бедной Марьей Гавриловной овладевают вдруг неуверенность, страх и подозрение, «что островок здравомыслия и достоинства, который она так старательно оберегала от штормов, собирая в альбом фотографии тех, кто подобно ей, ценил добропорядочность, может оказаться ненадежным убежищем, а то и вообще — зверинцем».

И ее самообладания хватает лишь на то, чтобы пригласить гостей пройти в столовую. Там все становится еще хуже. Лютеция задает, как мы сказали бы сейчас, провокационные вопросы этнографу об отношении туземцев к убийству. И этнограф, в своих рассказах вполне следующий идеям антрополога Леви-Стросса, на этот раз простодушно отвечает: «Да, им тоже непросто перешагнуть через кровь». — О, как скоро отзовется эта кровь Лютеции Ивановне! — А Петр Петрович произносит (ни к селу ни к городу), отвечая своим собственным мыслям: «Зло обделено дарованием, ему в этом мире только и остается, что быть злом». Да еще намекает на Павлушу Смердякова, которого, однако, по имени не называет. А потом видит вдруг, что сидящие рядом милые и драгоценные люди безумнее всех его больных.

В общем — эта ключевая глава, собравшая за столом всех персонажей и в известной мере объясняющая уход Петра Петровича, просто какой-то фильм, то есть — сценарий. Кстати, это единственная глава, почти целиком построенная на полилоге, в остальных восьми главах преобладает речь рассказчика.

Далее проясняются судьбы прочих персонажей и детали их взаимоотношений. Но не обольщайтесь. Как мы уже говорили, рассказчик предоставляет читателю большую свободу догадок и толкований. И не огорчайтесь, если пазл не будет у вас складываться с первого раза. Подсказка: именно Лютецию Ивановну, едва не попавшуюся с прокламациями, хотел укрыть от полиции доктор Фогель в Новознаменской лечеб-

нице, вызвав тем самым ужас Петра Петровича возможностью поддельного диагноза. Грозное дуновение передовых идей, безумие устроителей нового мира, приближение урагана. И вот уже опасливое население стороной обходит здание бывшей школы, где «под странными предложениями удерживают людей от возвращения в места их естественного обитания», а туда захаживает Егор Иванович Фогель. Он уговаривает себя, что просто жалеет «эту ничего толком не умеющую делать, не справляющуюся со своими обязанностями власть» и «что долг образованного и опытного человека прийти неумелым людям на помощь». А заканчивается все, сами должны догадаться как, и зачем доктор Фогель выдвинул из боковой тумбочки письменного стола верхний ящик...

Не упомянуты еще два любопытных персонажа: безответное и верное существо по имени Марфуша, бывшая пациентка той самой лечебницы, и ее бывший муж, маляр и Председатель страшного учреждения в здании бывшей школы. А первая глава этого «маленького романа» начинается с изощренной и продуманной расправы этой безумицы с бывшим мужем, мелким носителем зла, губителем ее жизни, а заодно и мира людей, исчезнувших невозвратно. Трудно удержаться и перестать выписывать. Например, про этого тяжкого Председателя, утратившего свой незаурядный дар, в полном согласии с пушкинским мнением о том, что гений и злодейство несовместны, «со временем в высшем мире его грустно занесли в особый журнал вместе с другими напрасными растратчиками божьей искры».

Как не вспомнить слов Петра Петровича о том, что Зло обделено дарованиями и ему в этом мире только и предназначено оставаться просто злом. Так вот тасуются эти погибшие персонажи дрожащей рукой вспоминающего детство старика — рассказчика и выдумщика, прощающегося с нами в последней главе под названием «Флейта», воображающего себя в полусне дедовской флейтой, «на которой все тише и тише играет музыку время». Есть еще в русской словесности такие книжки.

Как хорошо!

Людмила АГЕЕВА

ТЕОДОР РУЗВЕЛЬТ КАК ПРЕЗИДЕНТ И ПУТЕШЕСТВЕННИК

Леонид Спивак. Река Теодора. М., 2018.

Меня поражают соотечественники. Переехав в чужую страну, они с такой дотошностью принимаются узнавать ее историю и обычаи, с такой скрупулезностью пытаются обойти все ее укромные уголки, так истово изучают биографии ее великих людей, что, ей-богу, их книги обо всем этом часто гораздо интереснее тех, что пишутся старожилками, издавна проживающими на этой территории. Без сомнения, именно к таким американским «краеоведам» русского происхождения принадлежит Леонид Спивак. Петербуржец, окончивший Нью-Йоркский университет и с 1993 года живущий в Бостоне, Леонид давно зарекомендовал себя как автор увлекательных книг об этом городе, его славном прошлом и весьма достойном настоящем. Естественно, не забыта им и Россия. Леонид составил содержательный сборник «Бостон. Город и люди», в который включил произведения, принадлежащие в разные годы приехавшим сюда из России писателям, поэтам, художникам и дизайнерам, связавшим свою жизнь с этим самым европейским из всех американских городов¹.

¹ См. Ирина Чайковская. Бостон. Город и люди. Составители: Леонид Спивак, Жена Павловская, Марк Чульский. — Бостон: M-Graphics Publishing, 2012. Знамя, 2013. № 2.

В 2018 году издательство «Москва» выпустило книгу Леонида Спивака «Река Теодора», посвященную 26-му президенту США Теодору Рузвельту. В октябре 2018 года исполнится 160 лет со дня рождения этого американского президента (1858–1919). Вполне возможно, что читателям больше известен другой Рузвельт, Франклин Делано (1882–1945), 32-й президент Соединенных Штатов, неординарная личность которого затмила для потомков фигуру его предшественника и даже отдаленного родственника. В последней главе своей книги, названной «Династия», Леонид Спивак рассказывает о том, как много Франклин Рузвельт взял у «дядюшки» Теодора. Совпадения были в большом и в малом. Теодор проводил «Честный курс», Франклин провозгласил «Новый курс», «племянник» прошел через схожие политические ступени: работа в министерстве, губернаторство в штате Нью-Йорк. Удивительно, но даже то, что Франклин с 39 лет был парализован и, несмотря на это, продолжал занимать свой пост, находит параллель в жизни президента Теодора Рузвельта, одно время вследствие аварии пересевшего в инвалидное кресло.

Но были и отличия.

Теодор Рузвельт был не только политиком, но и ученым, охотником, книголюбом, писателем, путешественником. И книга Леонида Спивака не даром названа «Река Теодора». Оказывается, в Амазонии, в малоизученной сельве Бразилии, среди первобытных непроходимых джунглей протекает река, открытая этим упрямым и мужественным человеком и названная его именем.

Леонид Спивак строит свою книгу как многослойное повествование. С одной стороны, он рассказывает о Рузвельте — человеке и политике, рисует обстановку и людей, среди которых активный и упорный, бредящий морем и обожающий природу, с ее лесами и птицами, выпускник Гарварда, ищет и находит свой путь «наверх». С другой стороны, через всю книгу тянется рассказ о последнем удивительном предприятии Теодора Рузвельта, к тому времени уже экс-президента, — путешествии на Амазонку, предпринятом в 1913 году и сопряженном с такими приключениями и трудностями и такой нешуточной смертельной опасностью, что эта вторая сюжетная линия легко перетягивает на себя внимание читателя.

Не хочется перечислять «жизненные вехи» героя книги. Приведу здесь несколько моментов его биографии, которые говорят о нем как о личности упорной, сильной, способной преодолевать удары судьбы.

В 20 лет лишившись отца, Теодор спустя короткое время в один день потерял мать, скончавшуюся от тифа, и умершую родами жену. Он выстоял, уехав в глубинку, на Дальний Запад, и занялся там скотоводством. Не сломаться помогла ему и новорожденная дочь Эллис, названная в честь умершей матери и оставшаяся на руках у отца.

Впоследствии Теодор Рузвельт женится вторично и в новом браке с подругой школьных лет Эдит Кароу произведет на свет еще пятерых детей, чье детство пройдет в имении Сагамор-хилл, штат Нью-Йорк.

Будучи слаб здоровьем, близорук, страдая от астмы, Теодор в студенческие годы начал борьбу со своими недугами — занимался боксом, физическими упражнениями — и в итоге сделался охотником и ковбоем, способным на многодневные изнурительные переходы.

В 50 лет, находясь на посту губернатора штата Нью-Йорк, отправился добровольцем на испано-американскую войну, участвовал в кубинской кампании, где возглавлял полк «Лихие всадники».

И еще один удивительный штрих. Полковник Рузвельт знал далеко не только «фрунт». Он был человеком книги. Книги сопровождали его всегда и всюду, даже в сельве Амазонки; в ситуации, когда требовалось оставить при себе минимум личных вещей, он отобрал запасную пару очков и томик Софокла.

Теодор Рузвельт сделался президентом, в общем-то, случайно. В 1901 году он принял предложение президента Мак-Кинли стать вице-президентом Соединенных Штатов. Эта должность давала мало возможностей проявить себя, вице-президент обычно следует в фарватере шефа. Но случилось непредвиденное. 6 сентября 1901 года на Мак-Кинли было совершено покушение, он был смертельно ранен и скончался от пули анархиста. Его преемником стал 42-летний Теодор Рузвельт, самый молодой на то время американский президент. На второй — четырехлетний — срок его переизберут через три года, в 1904 году. Выстрел, хоть и не смертельный, помешает его борьбе за третий срок. Стрелявший в него с трех метров на митинге в Милуоки баварский иммигрант Джон Шранк был одержим маниакальной идеей не дать Рузвельту стать президентом в третий раз.

Остановлюсь чуть дольше на феномене убийства американских президентов. Двух из них, павших от руки убийцы, все знают — Авраам Линкольн и Джон Кеннеди. Но оказывается, убиты были и Джон Гарфилд в 1881 году, и Мак-Кинли в 1901-м... Теодора Рузвельта от смертельной пули спасл футляр от очков и спрятанная в кармане рукопись выступления. Несмотря на боль и выступившую на рубашке кровь, он довел свой спич до конца и только затем отправился в госпиталь.

Неутомимая энергия «Тедди» была направлена не на войны и конфликты с другими странами — он остался в памяти американцев как реформатор, борец с корпорациями, отстаивавший права рабочих, проводник нового «честного курса». Президент стоял за чистоту продуктов и лекарств, радел за сохранение природы и природных ресурсов. Как пишет Спивак, «к концу своего президентства „друг бизонов и пеликанов“ осуществил пятикратное увеличение площади заповедников, резерваций и национальных парков Соединенных Штатов. Заповедные „земли Теодора“ по площади превзошли территорию Франции». Президент-мироходец Теодор Рузвельт был посредником при заключении Портсмутского мира после окончания Русско-японской войны 1905 года. В итоге он стал первым американцем, получившим Нобелевскую премию мира (1906 год).

Леонид Спивак последовательно прослеживает «русскую линию» президентства Рузвельта. Президент несколько раз принимал у себя в Белом доме художника Василия Верещагина, задумавшего цикл картин на сюжеты американо-испанской войны. Художник и президент понравились друг другу; благодаря содействию Рузвельта был написан цикл, одна из картин которого изображала взятие полковником Рузвельтом Сан-Жуанских высот. У русского художника-баталиста прошло несколько успешных выставок в Нью-Йорке, Чикаго и других городах Америки.

Или такая страница из русско-американских отношений. Купец-миллионщик из Красноярска Геннадий Юдин на склоне лет искал покупателя для своей бесценной коллекции древних раритетов, среди которых находились редкое издание «Путешествия из Петербурга в Москву» Александра Радищева и экземпляр первого издания «Слова о полку Игореве». Николай Второй написал на ходатайстве директора Императорской Публичной библиотеки в Петербурге: «Из-за недостатка средств — отклонить». Интеллектуал-книголюб Рузвельт, услышав об этом, уполномочил директора Вашингтонской библиотеки Конгресса приобрести собрание Юдина, что и было сделано. 80 тысяч томов, а также архивные документы, старинные карты и гравюры уникальной библиотеки были отправлены в Америку.

Очень жаль, что Россия не смогла сохранить эти сокровища, утешает то, что Библиотека Конгресса — хранилище надежное и имеющее мировую славу.

Есть в книге и еще одна тема, вызывающая грустное чувство. В России, вплоть до последнего царствования, бытовала дискриминация евреев. Свои российские евреи

сидели в «черте оседлости», но и для «чужих» въезд в страну был закрыт. Причем не только для торговцев и промышленников, но и для дипломатов. Известен случай, когда американский дипломат еврейского происхождения Оскар С. Строс, посол США в Стамбуле, был принят в России только после установления над ним секретного надзора и на строго определенное время.

Президент Рузвельт попытался изменить положение и направил Николаю Второму письмо, прося не дискриминировать хотя бы американских евреев, что было уязвлено им с подписанием двустороннего договора о торговле и мореплавании. Царское правительство не отвечало на это письмо целых шесть лет — и в итоге в 1911 году обе палаты Конгресса договор денонсировали. Тогда же Петр Столыпин представил царю проект закона о «еврейском равноправии». Николай Второй, поддерживающий черносотенный «Союз русского народа», ответил Столыпину так: «...внутренний голос все настойчивее твердит мне, чтобы я не брал этого решения на себя». Теодор Рузвельт, как видим, вел себя в этом вопросе по-другому.

Две темы: Рузвельт-политик и Рузвельт-путешественник сходятся в самом конце книги, где автор рассказывает о появлении в Бразилии «реки Рузвельта», а в Южной Дакоте гигантского монумента, высеченного в гранитной скале. Это памятник четырем величайшим американским президентам: Джорджу Вашингтону, Томасу Джефферсону, Аврааму Линкольну и Теодору Рузвельту. Великая честь досталась 26-му президенту Америки — попасть в эту четверку избранных. Прочитав книгу Леонида Спивака, русский читатель сможет представить себе, какими человеческими и государственными качествами нужно обладать, чтобы американцы посвятили тебе двадцатиметровую статую.

В заключение скажу, что «Река Теодора» Леонида Спивака снабжена большим количеством иллюстраций, хронологической таблицей основных дат жизни и деятельности президента и обширной библиографией на двух языках — английском и русском, включающей произведения самого героя книги.

Ирина ЧАЙКОВСКАЯ

ГЕНИЙ И ЗЛОДЕЙСТВО В УЖАСНЫЙ ВЕК

Е. М. Беркович. Революция в физике и судьбы ее героев.

Альберт Эйнштейн в фокусе истории XX века. М.: URSS. 2018.

С незапамятных времен в русском языке существует слово «вѢра». Буква «ять» в корне говорит о том, что слово это — исконно славянское по своему происхождению. А от латинского «verus», «veritas» в русский пришли слова со значением «правильный», «истина». В словах, заимствованных из других языков, «ята» в корне быть не может, только «е». Так гласит правило. Казалось бы, логично ожидать, что «верный друг» и «верное решение задачи» должны были в старой орфографии писать по-разному, но это не так. Во всех значениях писали через «Ѣ». Почему? Можно строить догадки. Напрашивается простой ответ: велик соблазн подчеркнуть истинность веры. А еще вполне возможно, что осталась одна и та же буква в обоих корнях, потому что у них есть общий предок «weg» (истина) в праиндоевропейском языке.

Пока что большинству людей на белом свете еще не по силам понять и осмыслить содержание и значение главного научного наследия великого Альберта Эйнштейна.

А если опросить случайных прохожих на улице, чем он знаменит, наверняка большинство сразу ответит, что он — создатель теории относительности. А ежели людей спросить, кого из ученых XX века они назовут величайшим, то, уверен, лидером, да еще и с большим отрывом, окажется тот же Альберт Эйнштейн. И лик этого ученого можно встретить не только в профессорских кабинетах или университетских аудиториях. У многих он дома на стене или в рамке на письменном столе. Есть скопированные с известных фотографий или написанных портретов, есть серьезные, а есть шаржированные. Либо Эйнштейн смотрит печально, либо улыбается, популярна фотография, где он высунул язык, нередко он со скрипкой в руках. Его понимают немногие, а любят и ценят, можно сказать, все. И не за внешнее обаяние (а он им наделен, да еще как), а видят в нем великого мыслителя и яркого человека. А еще он будто транслирует высшее нравственное начало. Люди понимают, что его открытия распахнули новые горизонты постижения окружающего мира, а он сам — пример достойнейшего из людей. Он получил высокое доверие в том, что его научная теория и одновременно нравственная позиция верны. Такая вот получается игра слов-дальних родственников.

Я тоже вовсе не физик, и понять существо теории Эйнштейна могу лишь в общих словах. Но во мне с детства живет то самое доверие к великому ученому, а облик его дает чувство правоты, нравственной опоры, его жизнь интересна, а ее уроки — важны. Живу я в маленьком городе в доме на перекрестке бульвара, названного именем чтимого поэта и улицы Эйнштейна.

Прочитана книга Евгения Берковича «Альберт Эйнштейн в фокусе истории XX века». Это огромный труд. В книге шесть частей. Совсе не следует ожидать, что перед нами еще одна написанная биография Эйнштейна. Их уже существует немало, и в будущем, я уверен, появится ничуть не меньше. Наследие подлинного гения всегда неисчерпаемо, продолжает свою жизнь, обретая в иных временах новое значение, новое осмысление, новое воплощение. Лучший тому пример — музыка И.-С. Баха, чья судьба еще более драматична: она пережила забвение на целое столетие, открытие заново, возвращение и новое звучание в веке двадцатом. Во всякую эпоху судьба гения и того, что им создано, обретает все более глубокое понимание. Поэтому и пишутся новые книги.

Да, работа Е. Берковича — не еще одна биография, хотя в ней поведано о некоторых важнейших страницах жизненного пути Эйнштейна, многие подробно прослеживаются впервые. Рассказывается и о судьбах ряда его современников, причем некоторые, как, к примеру, Макса Борна, высвечиваются не менее подробно. А главный смысл книги полностью отражен в ее названии. Оно может показаться сухим и как бы нарочито академичным, но советую вчитаться в него еще раз. XX век начинался невероятными открытиями, приведшими к перевороту во многих областях науки, а продолжался такими испытаниями для человечества в целом, и для тех же ученых, что пройти их оказалось очень сложно, судьбы складывались драматично. Многие ученые разделили трагическую судьбу миллионов людей. Опять же, физиками в XX столетии создано то, что может быстро погубить мир и остановить историю вообще. А еще век этот пережил вторжение страшных идеологий, двух безумных «измов», родственных друг другу при своей видимой противоположности. Они не только изуродовали государства, где появились, не только погубили десятки миллионов людей в войнах, геноциде и внутреннем терроре. Они обнажили страшный потенциал злого начала в самом человеке, который стоит лишь разбудить, вызволить, и окажется — способны люди на такое, во что поверить прежде было невозможно. И бомба эта не спрятана глубоко. Заряд лежит почти на поверхности. Такой вот контекст. Альберт Эйнштейн оказался в фокусе истории своего века. А ученые, самые

выдающиеся физики, — и они из рода человеческого. XX век учинил тяжелый экзамен, и они одолели его по-разному.

Я не собираюсь подробно устраивать разбор всех шести частей книги. Могу лишь заверить, что в каждой из них читатель найдет очень много интереснейших фактов, уникальных свидетельств, документов, судеб. Хотелось бы сказать о том, что лично для меня оказалось самым интересным и важным и каким образом эта книга дополнила мою картину минувшего века. Она не просто дополнила, а заставила многое понять и увидеть иначе, оторваться от прежних привычных представлений. Думаю, что в том и состоял авторский замысел, который Е. Беркович не декларирует. Читатель должен сделать выводы самостоятельно. Композиция книги подтверждает такую догадку. В первой же части автор рассказал о конфликте, случившемся в начале столетия и предвосхитившем дальнейшие события.

Первая часть называется «Антиподы: Альберт Эйнштейн и Филипп Ленард». Первого мы знаем, а второй — когда-то выдающийся физик, нобелевский лауреат, между прочим, чей дальнейший путь привел к нацистскому мировоззрению и созданию «арийской физики». Это не какой-то Трофим Лысенко. Он не приспособленец, нащупавший в порочной системе путь к достижению положения и власти. Он — ученый, доказавший это прежде. Нобелевский комитет, присуждающий премии по наукам, не дает их случайным людям (речь не о премии Мира, ее в последние годы могли и за экстерьер вручить).

Нет ничего нового в нашей жизни, что было, то и будет. Это еще мудрый царь Соломон заметил очень давно. Вполне возможно, что и не сам заметил, а ему кто-нибудь подсказал. Важно, что он с этим согласился и поведал нам. Исходя из Соломоновой мудрости, можно сказать уверенно, что новых сюжетов не бывает. Всякий раз всплывает старый в иных временах и с новыми персонажами. И если бы сюжеты встречались только в книгах! Нам преподносит их сама жизнь.

Разбудите любого среди ночи, оторвите от самого глубокого сладкого сна, посветите фонариком в лицо и задайте один-единственный вопрос:

«Гений и злодейство?..»

Будьте уверены, что ответ вырвется автоматически даже прежде самого пробуждения:

«Две вещи несовместные!» — четко и даже не всегда чеканным голосом ответит каждый.

Такие ответы сидят глубоко и прочно ниже коры мозга наряду с «Всегда готов», «Сам дурак», «Воистину воскрес» или «Пошел к черту» (если пожелали «ни пуха ни пера»). Это уже не вопрос-ответ, а, скорее, пароль-отзыв.

Есть такая давно придуманная игра в ассоциации: произносится слово, и нужно немедленно найти другое, с которым названное прочно и безусловно связано. Не сомневаюсь, что на слово «гений» в мире половина или больше испытуемых откликнутся — «Моцарт». Гений — это редкость, большая редкость, подобна уникальному бриллианту, но, к нашему счастью, из таких драгоценностей человечество за долгую свою историю собрало и сохранило серьезную коллекцию. При этом в мире большинство, я уверен, согласится назвать эталоном самого понятия «гений» именно великого австрийца. А если мы будем спрашивать говорящих, думающих и читающих по-русски, то от многих немедленно услышим ответ — «Пушкин». Поэтому едва ли случайно в маленькой трагедии Пушкина именно Моцарт бросает реплику про гения и злодейство.

А как мы это понимаем? Чаще всего — буквально. Гений не может совершить зло. А если совершил — его из списка вычеркнуть! Все. Точка. Или перевести в категорию со странным названием «злой гений»? Такой возможен, или это оксюморон? К такому обычно причисляют откровенных общепризнанных злодеев, достигающих не-

вероятных вершин в злодействе своем, что иначе как гениальностью их и не объяснишь. А как же пушкинская аксиома? Ее отменить? И здесь начинаются рассуждения, что речь идет совсем о другого рода гениальности, с той, общепринятой, путать не надо. Короче, туман.

А если мы привычно понимаем пушкинскую фразу слишком буквально? Гений не может совершить злодеяния, или мы отказываемся признать его злодеяние, готовы закрыть глаза, простить, потому что он для нас гений без оговорок? А может быть, сама личность гения теряется на фоне созданного им? А еще нередко многим представляется, что гений — он лишь вестник, приносящий творение из высших сфер в наш грешный мир, и важна сама Весть, а не личность посланника, с которым она отправлена.

Сальери — выдающийся композитор своего времени. Так оно и было, но я говорю о персонаже пушкинской трагедии. Он — признанный гений, окружен благоговейным почтением. Моцарт придерживается того же мнения. Сальери впитал опыт предшественников, опираясь на него, пришел к славе долгим трудом постижения тайн гармонии. А тут появился этот молодой, бесшабашный, которому все дается легко, не по летам и не по заслугам. Самое-то страшное: рядом с музыкой Моцарта созданное Сальери меркнет. И ему, и всем остальным это понятно. Боль такой несправедливости приводит к убийству.

Филипп Ленард, как справедливо отмечено в книге, «принадлежал к когорте блестящих физиков-экспериментаторов». За ним — школа. Он воспитан в культе блестяще выполненного опыта с наглядным результатом, этого добивался сам и требовал от учеников.

Он провел серии работ с усовершенствованной им «разрядной трубкой», изучая секрет «катодных лучей». Но случилось так, что важнейшие открытия, связанные с этим прибором и «лучами», сделали другие. Англичанин Томсон открыл электроны, а Вильгельм Конрад Рентген — X-излучение, которое с тех пор зовется рентгеновским. И Ленард уязвлен на всю жизнь тем, что ему не выразили благодарности. Он был уверен, что у порога этих открытий стоял сам, остальные лишь наблюдали его опыты, он — истинный открыватель, а тот же Томсон — лишь «повитуха». Ах, если бы не помешали... Ах, не ценят в должной мере! Автор прослеживает особенности Ленарда в свидетельствах, оставленных современниками. И говорится, что уже «с детства в Ленарде боролись два чувства: тяга к людям, желание сделать им добро и страх ошибиться, нарваться на обман, предательство. Он жаловался, что ему мало встречалось людей, достойных его любви».

Вот отсюда непрерывное и неосуществимое желание найти единомышленников, товарищей. Когда человек не стоит твердо, есть невольное желание для опоры воткнуть посох в землю. Отсюда и рождается публичное почвенничество.

Поначалу Ленард не высказывал неприятия новых открытий Эйнштейна и самого молодого ученого. Однако позже постепенно личные обиды персонально на кого-то вырастают в обиды более масштабные. Пришла война, и уже виноват не Томсон, а Англия. А по мере неприятия и отторжения теории Эйнштейна он сперва сетует на отсутствие возможности ее «простого, здорового человеческого понимания». Привет от борцов с формализмом, привет от товарища Жданова, требовавшего простых мелодий, «которые легко напеть». И до чего же кстати этот Эйнштейн оказывается евреем!

Во время солнечного затмения наблюдавшие его ученые получили очевидное подтверждение выводов Эйнштейна. После этого теория относительности обретает широкое признание, а сам профессор — огромную международную популярность. Ленард уже ведет с ним открытую борьбу. Эйнштейн еще пытался найти пути примирения,

оказалось — бесполезно. С 1922 года Ленард встал окончательно на позиции «арийской физики», что в переводе на простой язык означало прощание с наукой. Мало ли подобных примеров нам приходилось встречать? Бывает же, что человек талантлив, начинает ярко. Каждое новое произведение — событие. А в какой-то момент то ли муза покидает, то ли талант. Он силится что-нибудь создать, и ничего не получается. В такой момент, как правило, и возникает стремление вцепиться в почву всем чем можно, а попутно назвать виноватых. И уже во всех бедах Филиппа Ленарда, будь то потеря денег, смерть сына, проблемы страны виноваты евреи. И борьба с ними в науке превратилась в доминанту. При чтении этих страниц мне вспомнилось кое-что из другой области. Когда-то давно, в годы учебы в институте, перед тем, как мы пришли на кафедру психиатрии, мнилось, что предстоит увидеть редкие и загадочные изменения человеческой психики, что болезни усложняют личность. А оказалось, что сложен человек здоровый, а больные, кем бы ни были в своей жизни до болезни, упрощаются до схемы и становятся удивительно друг на друга похожими.

Всякая самая чудовищная идеология всегда начинается приманкой светлой, аксиоматически справедливой идеи, да не просто идеи, а давней мечты человеческой, простой и понятной. Два самых привычных и знакомых образца: «любовь к родине, забота о ней» или «создание самого справедливого общества, где все равны, а богатства и блага — общие». Чем это заканчивается — мы хорошо знаем. А вот как возникает, как развивается, на кого опирается — тут еще изучать и изучать.

Можно ли считать Ленарда в начале века неудачником? Нет. Это признанный ученый, у него есть немалые заслуги, оцененные высшей наградой. Он оставался «рыцарем классической физики». Это «рыцарство» приводит его туда же, куда в итоге привел немецкий романтизм. Точно так же и Сальери в пушкинской трагедии неудачником не назовешь. Однако и тому, и другому в какой-то момент приходит понимание, что дальше хода нет, их обходят, оставляют позади, все напрасно. А главное, кто обходит? Неблагодарные, неизвестно откуда появившиеся, не проявляющие уважения, с легкостью оставляющие за ненадобностью прежние основы. О каких бы высоких и малодоступных большинству понятиях ни велись споры, ведут их люди, и «ничто человеческое им не чуждо».

В книге рассказано о ситуации в Германии и немецкой науке начала XX столетия. Здесь автор представляет интереснейший экскурс в прошлое. Существовала давняя традиция, почитавшая высокой наукой философию, филологию, другие гуманитарные дисциплины. А естественно-научные в глазах ученой публики находились на более низкой ступени. Поэтому приток новых людей сюда становился легче для разночинной молодежи. После объединения Германии началось ускоренное экономическое развитие страны, стали исчезать ограничения для евреев, и их стало много в университетах. Понятно, что в первую очередь они приходили изучать естественные науки. И совпало, что именно в этих науках делались тогда самые значительные открытия, к ним было приковано внимание, они стали занимать лидирующие позиции. Германия в начале века считалась лидером в науке, в частности в физике. Немецкий язык стал основным на международных конференциях.

Прогресс в какие-то периоды истории может свершаться в немислимо высоком темпе, особенно в странах, задержавшихся в своих прежних стадиях. Стоит лишь преодолеть устаревшие мешающие барьеры на пути развития. В головокращении от такого необычайного прогресса забывают о прежних давних предрассудках, не до них, но те, в свою очередь, никуда не исчезают, продолжают жить под спудом, лишь ожидая своего часа. Антисемитизм — один из них. Существует столько же, сколько и человеческая история. Никогда нельзя думать, будто бы он исчез или исчезнет. Он подобен

спорам сибирской язвы, которые могут веками ждать своего часа в скотомогильнике. Цивилизация покрыла всего лишь тонким слоем общество людей, которое сотни тысяч лет жило стаями, первобытными племенами. Прогресс науки, литературы, искусств, технологии, общественного развития наносит на этот слой новое, однако нельзя себя тешить иллюзиями, будто он быстро становится намного прочнее. Стоит лишь ковырнуть, потревожить, особенно «умелой рукой», — сразу вылезут прежние болезни, «старые песни о главном», зачастую в новом облике.

Евреи оказались в научной элите быстро развивавшейся Германии. Процесс ассимиляции считался естественным, современным, легким. А крещение, которому не придавалось особого значения, вообще снимало, казалось бы, совсем формальные препятствия. Те, кто упорно отказывался от него, не находили зачастую понимания в своей среде. Хотелось закрепить столь долгожданный успех, хотелось дать окружающим почувствовать преданность стране, желание снять барьеры, отделяющие от большинства. А опыт не одного тысячелетия подсказывал, что за временами благоприятными наступят когда-нибудь совсем иные. И всегда нужно думать на несколько ходов вперед не просто так, а чтобы выжить. Желание обезопасить себя зачастую диктует решения сиюминутные и недальновидные. Но уж точно не это казалось в ту пору главным. Тогда было много работы, она увлекала, отнимала все силы, и никто не замечал, что зерна будущей беды лежат в земле, а поэтому когда-нибудь прорастут. А беда никогда не случается на ровном месте и даже не в силу внезапно возникающих обстоятельств. Эти обстоятельства могут лишь удобрить слой земли над теми зёрнами и вызвать их рост. Особенно это проявилось в годы Первой мировой войны, когда евреи и воевали на фронтах, и работали в тылу, они так старательно выказывали преданность родине! Будто может оградить от чего-то в будущем. Очень красноречивый пример в книге — Ф. Габер, создатель боевых отравляющих газов, тоже своеобразный антипод Эйнштейна. О нем в книге рассказано подробно. Когда война закончилась, на евреев с ожидаемой легкостью возложили ответственность за ее исход.

В 1914 году ведущие ученые Германии составили «Манифест 93-х» в поддержку войны. Подписали и Планк (впоследствии отказался), и Эрлих, и Рентген. Альберт Эйнштейн, чей нравственный императив вновь продемонстрировал невиданную стойкость, в противовес этому поддержал «Призыв к европейцам» против войны. На примере ситуации в немецкой науке начала века автор книги показал истоки трагедии, постигшей Германию и Европу. И не случайно именно это очень хорошо иллюстрирует ситуацию. Е. Беркович обратил внимание читателя на один факт, который в корне должен поменять общее, давно сложившееся представление: главной опорой Гитлера на пути к власти становились не мелкие лавочки, не люмпены, а студенты, образованная молодежь. Самые старые университеты, такие, как Гёттингенский, Гейдельбергский, вместе с прилегающими регионами превращались в оплот нацистов. Некоторые особо рьяные активисты раннего нацизма, такие, как Ахим Герке, происходили из почтенных профессорских семей. В самих же университетах самые традиционные философские, гуманитарные кафедры играли в этом процессе «первую скрипку» (если вспомнить, о чем речь идет, — «первый барабан»). Что способствовало такому повороту, утраченное первенство в иерархии традиционных научных ценностей? Мы привыкли считать нацизм феноменом неудачников. Книга заставляет уйти от соблазна упрощений. А можно данный феномен понимать и иначе: силен инстинкт примкнуть к стае, велик соблазн срезать путь, упростить решения, разрубить узел, переступить во имя цели ненужный, пылью покрытый нравственный закон. Образование, опыт поколений и даже знание истории не дают иммунитета от такого поворота в выборе жизненного пути, точнее, их недостаточно. Уже позже, когда за нацистами стояли

сила и тем более власть, а примкнуть к ним означало встать на легкий путь, — туда пошли мелкие лавочники и малообразованный элемент.

Книга позволяет проследить, как Альберт Эйнштейн на протяжении трех десятилетий века ни разу не поддавался иллюзиям, искушениям. Он оставался верен науке и своему нравственному императиву. Он не примыкал к кричащим патриотам, он немедленно выступил против войны. Он никогда не шел на компромисс. Эйнштейн не готов был смягчить свою позицию ради того, чтобы задобрить власть и общественное мнение, не накликать беду, не вызвать лишний гнев против евреев. Он слишком хорошо понимал всю бесполезность и беспомощность такого поведения. В книге приводится много примеров того, как и до прихода нацистов, и уже после делалось множество попыток поведать соотечественникам об огромном вкладе евреев в науку, культуру, экономику страны в мирное и военное время. Хотели задобрить, приятно удивить? Эйнштейн оставался непримирим, в подобных проектах не участвовал. А ведь многие считали борьбу с Гитлером перспективной, упорно твердили, что приведет к «закручиванию гаек», а без этого все образуется и ничего не случится. О движении «Руки прочь от Гитлера!» я с изумлением узнал из этой книги. «Культурный союз немецких евреев» тоже появился по «инициативе снизу». А власть поощрила. Они стали работать под контролем, превратившись в модель будущих гетто. Читатель найдет массу интереснейших фактов. Меня поразило то, как скрупулезно составлялся театральный репертуар. Существовал список запрещенных и разрешенных к постановке авторов для еврейского театра. Понятно, что написанное немцами не позволялось, а вот Шекспира — можно. Правда, в «Гамлете» под запрет попадал знаменитый монолог, а без него — пожалуйста. И такое было. Эйнштейна обвиняли в недалекновидности, эгоизме, нежелании реально облегчить участь соотечественников. Гневных писем от немецких евреев он получал гораздо больше, чем от кого-либо еще. Насчет недалекновидности обсуждать нечего. А как понимать подобное поведение? Это просто «стокгольмский синдром», лишаящий рассудка страх или неготовность принимать ужасные реалии, лихорадочный поиск успокоительных объяснений?

XX век принес слишком много искушений и испытаний. Даже самым сильным, дальновидным и нравственно стойким, как Альберт Эйнштейн, не удавалось устоять перед всеми. Если относительно происходящего в родной Германии у него не возникало ни малейших иллюзий, то насчет СССР, увы, великий ученый, независимый от чужого мнения, уверенный в себе в вопросах физики, мог поддаваться доводам адептов советского режима. Конечно, на расстоянии все видится иначе. Та самая аксиоматически справедливая идея об обществе равных так ярко сияла и настолько контрастировала на первый взгляд с тем, что выросло в Германии, что очень долго поддерживала огонь надежды в самых добрых умах. В нее хотелось верить, а плохие новости из Москвы слышать не хотели. И тогда, и сейчас если есть где-то далеко альтернатива известному и опостылевшему, ее хочется защищать. Традиция интеллектуальной западной левизны не нова, она лишь по сей день весьма актуальна. Простить такое можно разве что с высоты нашего опыта. Увы, не избежал этого и Эйнштейн. Даже он иногда был «обманываться рад». В книге немного рассказано и об этом. Ученый подписал было письмо в защиту обвиненных по «делу вредителей-пищевиков», но подпись свою отозвал. Даже он в какой-то момент находил оправдания «большому террору». Мне узнавать об этом было горько. Но правда есть правда. А гений и злодейство, как известно... Опять же, лучше знать правду. И за это автору огромное спасибо.

Повествование в книге выстроено так, что события жизни Эйнштейна проводятся сквозь события века с экскурсами в историю Германии, еврейской общины. Есть целые главы о многих судьбах современников, имеющих к главному персонажу прямое

либо косвенное отношение. Книга писалась на основании огромного материала, свидетельств. Иначе невозможно воплотить замысел, прямо указанный в названии. В какие-то моменты при чтении возникало ощущение, будто автор уходит далеко от основного повествования, просто не может не поделиться рассказом о каких-то событиях, прежде не освещавшихся в достаточной мере. Но всякий раз умело он возвращает читателя и к главному персонажу, и к общему замыслу. Может быть, главы, посвященные созданию Еврейского университета в Иерусалиме, слишком подробно повествуют об этом, а материала у автора хватит на целую отдельную книгу.

Есть одна глава, которая касается очень опасной темы, ставшей впоследствии предметом бесчисленных спекуляций: контактов между сионистами и нацистскими властями. Что это было? Ради чего? Давно миновали времена, когда нам, еще тогда студентам, один разоткровенничавшийся лектор с кафедры вещал, будто Гитлер преследовал евреев исключительно по наущению ужасных сионистов. Время прошло, однако при чтении данной главы внутри у меня невольно все сжалось. В книге проводится очень аккуратный анализ того, что же имело место, как неожиданно встретились интересы одних очистить страну от евреев и других — привести их в Палестину, в Ишув. Приводятся факты, интересные подробности. На эту тему еще, я думаю, придется много думать, изучать документы и находить ответы на вопросы. Их много, и не самых легких.

Что за человек Альберт Эйнштейн? Книгу по своей композиции можно сравнить с музыкальной формой Rondo. Повествование постоянно по кругу возвращается к личности главного персонажа, его жизни, его позиции в науке, его реакции на происходящее, его облику, его влиянию. Мне запомнились слова о том, что будто «воздушная прослойка отделяла Эйнштейна от остального мира и даже от самых близких». Немудрено, что это так. А могло ли быть иначе для человека, кому удалось зайти куда глубже других в истории науки к постижению пространства и времени. Оставил ли он нам какой-то свой особый совет? Да, и совет простой: «Поведение, рожденное здоровым чувством, всегда лучше любой хитрости... другой тоже может оказаться хитрым. Что я инстинктивно этически отвергаю, того я не делаю».

Вот такая мудрость.

Приводятся слова Джейкоба Эпштейна, который создал его скульптурный портрет:

«В его облике чувствовалась смесь человечности, юмора и глубины. Это была комбинация, которая меня восхитила. Он напоминал стареющего Рембрандта».

Художнику нужно доверять, что мы и делаем. Когда в будущем наши потомки захотят сыграть в ассоциации, то наверняка на понятие «XX век» первым ответом станет «Альберт Эйнштейн». И останется он в памяти далеко не только как величайший ученый, а как мудрый, добрый, справедливый и скромный человек. В книге приводится его последняя запись:

«Все, к чему я стремился, — это своими слабыми силами служить правде и справедливости, даже рискуя при этом никому не понравиться».

И это предельно честно и в Брно, причем во всех смыслах и оттенках слова, происходящего от праиндоевропейского «WER» (истина).

Сергей ЛЕВИН

 КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Борис Голлер. Возвращение в Михайловское: Роман. СПб.: Алетейя, 2017. — 888 с.

Дерзновенный замысел: реконструировать внутренний мир самого Александра Пушкина, процесс рождения его поэтических творений и влияние на этот процесс внешней, событийной стороны жизни был воплощен в двух первых книгах цикла романов «Возвращение в Михайловское». И воплощен удачно! Масштаб личности героя романа соответствовал пушкинскому наследию. Октябрем 1825 года повествование прерывалось. Продолжение последовало, книги третья и четвертая. Тот же язык, «воздушный», чистый, классический, лишенный насильственных архаизмов. Общеизвестная канва внешней жизни поэта в Михайловском, знакомые лица: обитатели Тригорского, Михайловского, редкие гости. И те, с кем поэт состоял в переписке, к кому обращался в мыслях. Борис Голлер, автор цикла драм, героями которых были братья Бестужевы, Лермонтов, Грибоедов, с 70-х годов прошлого века «погружен» в быт и нравы начала XIX века. Отсюда — достоверность деталей уклада жизни, тонкостей общения и — потока сознания поэта. Мелочи обыденной жизни органично перетекают в образы, строки, строфы. «Какое чудо! Мороз и солнце, день чудесный!» — это когда Анна Вульф и Пушкин бежали вместе, взявшись за руки, на панихиду по Байрону. «Хозяйская сударушка», пассия Пушкина, красавица крестьянка Алена, замечает, глядя из окна: «Петька-то Онуфриев усадил в салазки жучку, а сам впрягся и бегаёт конём!» Знакомо же: «Вот бегаёт дворовый мальчик, / В салазки жучку посадив, / Себя в коня преобразив...» «В кибитках, бричках и в санях» направляются в тверское имение Вульф, которых из Тригорского до Пскова провожал Пушкин. И вновь, как и в двух первых книгах, Б. Голлер прослеживает по наброскам, черновикам, как рождались ставшие хрестоматийными строки. И как среди всплеск страстей, запутанных отношений, в окружении женщин, которым нравился он и которые нравились ему, он пытался расшифровать тайну женской любви: ведь иначе не написать судьбы — ни Татьяны, ни Ольги. А честолюбивая Анна Керн разве не та же Марина Мнишек? «Лишь бы власть». Главными темами третьей и четвертой книг являются восстание декабристов и расправа с его участниками, возвращение поэта в столицу, трудные контакты с новой властью. И когда 14 декабря Пушкин «лихо дописывал веселую поэму про легкомысленного графа Нулина и его шашни с замужней дамой и про пощечину, которую ему отпустила не самая невинная из женщин, — и когда он сам, Александр, потешался от души над незадачливым графом и попутными перипетиями своей собственной жизни, — всего в трехстах верстах от него, в Петербурге (куда ехал его Нулин, заметим!), происходило нечто могущее изменить мир и вдобавок его собственную жизнь». Короткие, перемежающиеся сценки: Пушкин в Михайловском, посмеивающийся над рукописью «Графа Нулина», своей пародией на шекспировскую поэму «Лукреция» («Что было бы, если бы Лукреция закатали пощечину Тарквинию?»); императорский дворец в Петербурге; квартира Рылеева; казармы; Сенатская площадь 14 декабря 1825 года. Выразительными штрихами рисует Б. Голлер портреты тех, кого назовут декабристами. У каждого — особый характер, темперамент, свои сомнения, свои надежды, чуть приоткрытая автором личная жизнь. И отсюда — их «странные» поступки, «странный» выбор действий. И снова, как в предыдущих книгах, автор делает дозволенные для романа вольные допущения, включает вставные

главы. Варианты национальной судьбы: естественная смерть Александра I или его побег и превращение в старца Федора Кузьмича? Казнь заговорщиков на берегу Кронверкской протоки глазами Дельвига, наблюдавшего и за палачами, и казнимыми. А в Михайловском и Тригорском живут слухами, их больше, чем официальных сообщений. Тревога за друзей, знакомых, близких. Внутренние диалоги поэта с ними, воспоминания о беседах в Кишиневе, Каменке, Петербурге. Тягостные предчувствия: ведь Пушкин был в связи и состоял в переписке с большей частью нынешних заговорщиков! И понятнее становится путь Ленского к смерти. На Ленского походили и Кюхля, и Дельвиг... «Ну и набралось же их, Ленских, на площади». И расшифровки в авторском тексте. Канун 14 декабря: «А в прихожей квартиры Рыльева все тоже пытались говорить какие-то возвышенные слова. Чуть ли не для потомства». И Каховский, которого на подвиг звала несчастная любовь, застрелил полковника Стюрлера «не потому, что был так кровожаден, нет! Просто стремился жить на уровне героических текстов». Важными темами для Пушкина стали «государство», «власть». Тему власти он разрабатывал в пьесе «Борис Годунов», законченной 7 ноября 1825 года: уклонялся от дороги, проложенной Карамзиным, обращался к «Генриху IV» Шекспира, задавал себе вопросы. Нашел ответ: «сильна власть мнением народным». Позже, в поэме «Полтава», он впервые «вытащит» и тему государства, свой ответ либералам и консерваторам: «Он, Александр, защищает не царя. Государство! И трагедия людей 14 декабря в том, что, надеясь исправить законы России, они (будучи государственниками), посягнули на государство». В двух последних книгах будет и конец ссылки, и вожделенные Москва и Петербург, обаяние светской жизни и светских интриг, которых так не хватало там, в деревне, и увлечения. Круговерть друзей и знакомых, возлюбленных, новых и старых. И сложные отношения с властью, царем и Бенкендорфом. И возвращения в Михайловское, место, где среди лесов, и озер, и снегов, и временами крошечного одиночества шло созревание поэта. Провидческими стали слова Прасковьи Александровны Вульф, отказавшейся купить Михайловское: «Это „дом Пушкина“. Для России. И он останется таким!»

Наум Синдаловский. Время и место: Сборник стихов. СПб.: Арт-Экспресс, 2017. — 246 с.

Время и Место как символы Веры. Часть 1 — «Место». Естественно, у Наума Синдаловского, самого известного современного исследователя петербургского фольклора, автора десятков книг о мифах и легендах города на Неве, это Петербург. Его площади, где «над крыльями Главного штаба / Божественный скрип колесниц. / И Слава — капризная баба / Глядит из-под медных ресниц»; где на площади Восстания «бабы крестятся на крест. / Что еще остался в памяти»; проспекты, улицы, мосты, клон Венеции — Васильевский остров, античного мира подарок — триумфальные арки. Что ж, «нам античный наряд к лицу». Уже здесь поэт в полной мере осязает время. Он погружается во времена, когда «неизвестные человеки / Прочертили дорогу в греки / и замкнули античный круг» и на пути из варяг в греки вырос классический Петербург. Его завораживает магия топонимики, будь то молчание финской топонимики на Карельском перешейке или «от Охты до Коломяг, / В каждом почти что имени / Дыхание финских саг». Он ищет родовые гены современных петербуржцев у насельников страны Гипербореи на краю Ойкумены, у витебского да псковского питерского народа. «И кто из нас аборигены, / А кто пришельцы не понять». На Марсовом поле для поэта звучат «парадная поступь гвардейского строя, / И цокот размеренный конских копыт»; «Многорукий и столицей, / Нереальный и земной / Облик рыночной

столицы / Проступает на Сенной». Город Синдаловского населяют тени и призраки былого: писатели, поэты, зодчие, императоры. «В полутьме Михайловского замка / Бродит тень помешанного Павла»; на Аничковом мосту — тень барона Клодта, у Елагина моста — призрак Калиостро. На Литейном проступают следы Бродского, на Офицерской — Блока. Тени — везде: статуи Венеры в Летнем саду, в Шереметевском саду — божественной Прасковьи, у кронверкских берегов — пяти повешенных. Для поэта связь прошлого и настоящего неразрывна. В том числе и такая: «и грохот победного грома / Не мог заглушить пока / Кошмары Большого дома / И ужасы ВэЧеКа. / ...Пока не исчезнет память, / Пока у нее в плену, / Мы будем падать и падать / В собственную вину»; «Останки порушенных храмов / Преследуют страхом ночным. / Не ведают мертвые сраму / И срам достается живым. / Наследники собственных предков / Мы делим судьбу пополам. / Себе выставляем отметки / По их стародавним делам». Время, время, что «фатально / И необратимо. / Вечная тайна, / Скользящая мимо», — главный «герой» второй части сборника «Время: Вчера. Сегодня. Завтра». И снова: герои старинных мифов, ветхозаветных сюжетов, тени великих как «соавторы наших дней». Временное пространство едино: «И прошлое и будущее в нас / Ни днем, ни ночью не дают покоя, / А то, что здесь, сегодня и сейчас / Проносится стремительной рекою. / Мы помним прошлое и будущее зрим. / Затем, чтоб удержаться в настоящем». Но время у Синдаловского — это и ритм, заданный сменой времен года, постоянство круговорота, когда уже «в осеннем ритуале смерти / Проступает торжество весны». Для каждого времени года, каждого месяца у поэта есть особые краски, каждый месяц имеет свой выразительный, полный аллюзий портрет. Например: «Пришел простуженный февраль / В своей заснеженной одежде, / В снега закутанный, как в шаль, / И неуживчивый, как прежде. / Февраль, метельный скандалист... И веришь в то, что в феврале / Поэтам надобны чернила». Синдаловский — поэт с обостренным чувством природы, центральное место в этом ряду занимают деревья, конкретные: клены, березы, сосны, дубы-исполины, что «грозами биты и солнцем палимы, / Одеты в зелень библейской поры». И ели. «Вечнозеленые старые ели. / Ваши наряды вам не надоели? / Вон, посмотрите на дерево рядом, / Что не сезон, то другие наряды. / То на плечах изумрудная зелень, / То обнажится, как сказочный эллин, / То окунется в багровое пламя, / Будто на нем не одежда, а знамя, / То, не смущаясь возможным позором, / Дразнит и манит, играя подолом». И в этой «привязанности» к деревьям есть определенная авторская философия: зависимость настоящего и будущего от исторических корней своего жизненного пространства. «Наши корни держатся за землю, / Чтоб стволы держали небеса». В сборник вошли стихи последнего десятилетия. Юношеские опыты, «самиздат», остались в единственном экземпляре. А потом автор погрузился в захватывающий бездонный мир петербургского фольклора. Для стихов времени не хватало, но уйти от них оказалось не так-то просто. «Стихи приходят ниоткуда, / И невесть как, когда и где... / Стихи врываются как ветер, / Как заклинанье, как мольба». Синдаловский стал включать вписывавшиеся в контекст повествования стихи в очерки, регулярно публикующиеся в журнале «Нева». Подборка стихов была опубликована в этом журнале в 2016 году. Вскоре опыт включения стихов в прозаические тексты он распространил на книги. Стихи последнего десятилетия — это стихи зрелого человека со сложившейся философской системой. Место ли, время, но центральной остается тема предназначения человека, смысла человеческой жизни, роли в ней веры и памяти. На вопрос: «Чем же оправдано наше призванье, / Бег поколений и лет череда?» — ответ у Синдаловского есть. «Генетический код / При рожденье орущих / Еще не дает / Никаких преимуществ. / ...И только потом / Он поймет наудачу, / Зачем он рожден / И к чему предназначен. / Не смерд

и не гранд / Не хозяин природы — / Всего лишь гарант / Продолжения рода». «И не развеюсь ветром, / И не сойду на нет, / А стану далеким предком / Для тех, кто идет вослед».

Игорь Саврасов. Мальтийское эхо: Роман. СПб.: Союз писателей Петербурга, 2018. — 420 с.

Поиски старинных артефактов, приключения, легенды, тайны, мистика, погружение в историю, богатое культурное пространство. Отправная точка: библейская легенда о кораблекрушении святого Павла у берегов Мальты и о змее, которая хотела его укусить. Впрочем, все достаточно реалистично, XXI век на дворе. Историк Андрей Петрович, доцент Екатеринбургского университета, приезжает по просьбе недавно умершего учителя в его родовое «гнездо», в усадьбу в Ленинградской области, где ныне краеведческий музей. Ему предстоит познакомиться с последними научными записками профессора Богдановича, в которых тот увязывает библейскую легенду об апостоле Павле и змее с тайной падения Византии: по мнению ученого, именно змея, сброшенная с руки святого Павла, сыграла роковую роль в завоевании Византии турками в 1453 году. Кроме того, в семье Богдановичей, ныне служащих в музее, хранится часть древнего Пергамента с сакральным, мистическим смыслом, также связанная с апостолом Павлом. А почему и нет? Предок профессора, моряк во времена императора Павла I, был с флотилией Ушакова в Средиземноморье. В свое время будет и объяснение, как ценный документ из архивов Мальтийского ордена попал к нему и почему не был передан по назначению. Андрею Петровичу и двум племянницам профессора предстоит найти другую часть Пергамента, а еще укладку-шкатулку, Укладку Сатаны, в которой когда-то хранились камешки, превращающиеся в змею, и разобраться в сложных перипетиях многовековой истории артефактов. Герои романа идут по следам апостола, отправляются на Мальту и в Сиракузы, работают в архивах Мальтийского ордена, проникают в катакомбы святого Павла в Рабате, в катакомбы в Сиракузах, преодолевают опасности, совершают авантюрные поступки. У них есть враги и покровители, они быстро заводят новых друзей-помощников. Помогают им и личные способности: Андрей умеет видеть сокрытое, одна из племянниц, Вера, умеет расшифровывать знаки, строить невероятные по объему и глубине информационные и логические матрицы. Приключения приключениями, но большое достоинство этой книги — внушительный культурный пласт. Любовно, детально, без свойственной путеводителям сухости передает Игорь Саврасов очарование архитектуры городов и городков Мальты и Сицилии, свежо выглядят улицы и площади Петербурга, заповедные уголки Павловска, забытым умиротворением окутана классическая русская усадьба в стиле Палладио, которую заботливо восстанавливают потомки старинного рода. В широком культурном пространстве пребывают герои, органично используя в своей речи цитаты из русских и зарубежных классиков. Не единожды автор делает поклон Булгакову. Собственно, с него и начинается книга: «Тьма, накрывшая Средиземное море, ветер и волны, взбесившиеся вдруг, опрокинули корабль, на котором Савл должен был следовать в Рим. Кто-то крикнул (Савлу показалось, что это был Лука): „Мальта близко и, если лечь грудью на осколок мачты, можно продержаться до берега“». Это отрывок из повести об апостоле Павле, которую когда-то писал Андрей. Есть и другой поклон: «В красном плаще с нашитым на груди белым крестом рыцарей-госпитальеров, в белых шелковых получулках с черными подвязками под коленями, в коричневых туфлях, держа в руках меч, ранним утром 14 февраля 1560 года вдоль Большой гавани прогуливался сорок девятый великий магистр

Ордена рыцарей Св. Иоанна Жан Паризо де ля Валет». Параллельно с основной, современной линией сюжета развиваются и другие. История ордена рыцарей-иоаннитов; мальтийский период в его истории — строительство будущей Валетты, Великая осада Мальты флотом Сулеймана; упадок ордена на рубеже XVIII—XIX веков, когда он без боя сдал Мальту Наполеону, а Великим магистром стал российский император Павел I. Естественно, что события именно XVI века и конца XVIII — начала XIX века тесно увязаны с «приключениями» Пергамента и Укладки. Есть и еще одна значимая тема: история гибели Византии, тема, которую разрабатывал профессор Богданович, искавший причины образования теологической пропасти между католической и православной церквями, причины великих разломов. Исход благополучный: обе части Пергамента и Укладка, найденная в весьма неожиданном месте, переданы Святому Престолу в Риме и ордену, вырученные деньги позволяют сохранить родовое имение и создать на ее базе фамильное командорство Мальтийского ордена. Решение, согласно нашему времени, весьма прагматично. Такой шаг продиктован и невинной профессиональной принадлежностью героев: кто-то позиционирует себя как католик, кто-то как протестант, кто-то как эзотерик, что не мешает им посещать православные церкви и молиться в них. А в целом роман И. Саврасова — достойное сочетание увлекательного и полезного.

Эльдар Рязанов. Встречи и беседы. Интервью, статьи, университетские тексты. СПб.: СПбГУП, 2017. — 584 с.: ил.

Он ворвался в отечественный кинематограф в 1956 году удивительно светлым фильмом — «Карнавальная ночь», в период «оттепели» воспринятым как прорыв к свободе. Создал несколько десятков фильмов, многие из которых стали культовыми. Его фильмы и сегодня с нами. Почему так востребованы фильмы Эльдара Рязанова? Потому, что «в его фильмах — такая важная сегодня полнота и многообразие человеческих чувств: от великого до смешного, от энергии заблуждения до радости узнавания близких душ в неожиданных встречах, необычайных обстоятельствах, где есть место и печали, и искрометному юмору», как пишет во вступительном слове ректор СПбГУП А. Запесоцкий? Или потому, что важнейшую миссию искусства режиссер видел в том, чтобы служить добру и справедливости? Доказывал своими фильмами и жизнью, что человек способен сохранить честность, личную честь и достоинство в недрах любой системы? Для него не существовало «маленьких людей». По его признанию, его любимые герои — «тихие, совестливые, интеллигентные, зачастую в материальном плане бедные люди, не потерявшие при этом чувство собственного достоинства». В сборник вошли многочисленные интервью 2000-х годов, в том числе из малотиражных изданий, статьи, представленные его женой, Э. Абайдуллиной, выступления Э. Рязанова в СПбГУП, с которым режиссера связывало многолетнее творческое сотрудничество. Э. Рязанов отвечает на вопросы, делится своими воспоминаниями. Рассказывает, как создавались его фильмы, какие препоны приходилось преодолевать. Историй, когда все висело на волоске, в его жизни было предостаточно. Не всегда благополучной была и прокатная судьба фильмов. Так, всеми любимую «Иронию судьбы» в период антиалкогольного закона Горбачева—Лигачева не хотели выпускать «из-за пропаганды пьянства», и три года лента находилась под запретом. «Фильмы, как дети, родители их любят, даже когда знает: этот хромает, тот шепелявит, тот горбат. Я их снимал с полной отдачей», — говорил Э. Рязанов. И часто возвращался к фильму, не понятому зрителем, к фантазии на тему жизни и творчества великого датского сказочника. Режиссер рассказывает об отечественных, любимым

нами актерах, с которыми он работал, и о тех мастерах французской культуры, с которыми встречался, когда вел телепрограмму «Парижские тайны». Лишенный, как он утверждал, слуха, Рязанов создавал замечательные музыкальные фильмы, его друзьями и соратниками были М. Таривердиев и А. Петров. Одной из граней его творческой личности являлась поэзия. И когда он писал стихи для своих фильмов, он, дабы не ставить товарищей в неловкое положение, выдавал свое творчество за произведения других поэтов. Песню «У природы нет плохой погоды» приписал У. Блейку, песню в «Вокзале для двоих» — Д. Самойлову, романс в «Жестоком романе» — Ю. Морич. Биография кинорежиссера — в первую очередь его фильмы. Но в сборник включены и отрывки из книги «Неподведенные итоги»: детство; поступление — случайное — во ВГИК; воспоминания об однокашниках и учителях: Л. Кулешове, Г. Козинцеве, С. Эйзенштейне; работа в кинохронике в 50-е годы. Талантливый рассказчик, наделенный даром слова и юмором, он ярко, точно и афористично выражал свои мысли. Его удручало то, что наше кино стало малочисленным и вследствие этого ничтожным; что вместе с распадом СССР многие кинематографисты лишились чувства такта, вкуса, чувства того, что пошло и неэстетично. И тем, что на смену идеологическим препонам и коммунистическим догмам, с которыми вынужденно приходилось считаться, пришли финансовые «рогатки», которые иногда преодолеть труднее, чем идеологические. Он мало снимал в последнее время: ему унизительно и противно было кланяться деньгами на свои фильмы. Его тревожила судьба «Ленфильма» в период уродливого капитализма, «в то время как во время войны „Ленфильм“, как и Эрмитаж, и Русский музей сохранили как одно из национальных достоинств. Даже тот социализм, что был у нас, превосходит наш хромой, но безудержно хищный капитализм. Есть вещи, которые не должны приносить денежную прибыль. Потому что они приносят другую прибыль — не материальную, а духовную. Ее никакими деньгами измерить нельзя». Тревожило и «цунами невежества», захлестнувшее в первую очередь молодежь, которая, не зная истории и ничего не читая, имеет один идеал — накопление денег. Свою роль в трагическом движении вниз образования и культуры в современной России сыграло, по его мнению, и второстепенное западное кино, фильмы, купленные по дешевке, оптом. «В чем вообще смысл и ужас нашего поколения — что в кино ходят люди от тринадцати до двадцати трех лет. Так сказать, „несут кассу“. Поэтому им надо угодить. А эта возрастная группа воспитывалась... на других фильмах, в которых какой-нибудь американец дает другому затрещину, от которой тот должен отходить в реанимации месяцев восемь. Тот в ответ отвешивает ему еще более хлесткую затрещину — бьет в промежность так, что у него никогда детей не будет. Они привыкли — они хотят это видеть. А лично мне неинтересны потоки клюквенного сока на экране, имитирующие кровь, взрывы...» Возможна ли реанимация кинематографа? Да, считал мастер, но только с появлением экономической стабильности, с реанимацией всей страны.

Ольга Елисеева. Граница России — Черное море. Геополитические проекты Григория Потемкина. М.: Эксмо, Яуза, 2018. — 384 с.

Ольга Елисеева, историк, знаток XVIII века, обращается к материалам, до сих пор практически не исследованным: к запискам Г. Потемкина «О Крыме», «О Польше», «О Швеции». В них сосредоточены идеи, ставшие ведущими во внешней политике второй половины екатерининского царствования и в конечном счете заложившие основы для всей дальнейшей геополитики Российской империи в данных регионах. Записки Потемкина касались трех важнейших направлений русской внешней политики

того времени: турецкого, польского, шведского. Тайная записка Потемкина «О Крыме» дополняла, а возможно являлась и альтернативой другого, «Греческого проекта». «Греческий проект», официально так никогда и не оформленный в виде отдельного документа, нацеливал страну на решение грандиозной задачи полного изгнания турок из Европы силами двух союзных государств, России и Австрии, с возможным привлечением Франции и Англии и раздела владений Османской Порты между этими государствами. Он предусматривал и восстановление Византийской империи, корона которой предназначалась внуку Екатерины II великому князю Константину Павловичу. Проект «Крымский» предлагал присоединение полуострова к империи и уничтожение ханства силами одной России. По мнению Потемкина, «Греческий проект» мог осуществиться только при объединении усилий нескольких европейских стран, по его же твердому убеждению, свои собственные действия России следовало соразмерять «по силам нашим» и решать свои насущные задачи. Успешно реализован был именно «Крымский проект»: уничтожено Крымское ханство, вековой враг России; покончено с набегами крымских татар, удививших громадные полоны пленных на средиземноморские рынки Османской Порты. Южной границей России, как и хотел Потемкин, стало Черное море, что исключало заходы Турции в южное подбрюшье русских земель. Потемкин предложил и новое оригинальное решение: не изгнание татар из Крыма, а присоединение полуострова вместе с населением к России; так развивать хозяйство края, чтобы оно могло прокормить его жителей и не требовало бы ежегодных походов за пленниками в соседние страны ради «хлеба насущного». Впервые в проекте Потемкина были разработаны и основы переселенческой политики на присоединенных территориях, не ущемляющие коренное население и приносящие выгоду России. Проекты Потемкина «О Польше» — важный, до сих пор не востребованный историками комплекс документов, без которого невозможно понять побудительные причины разделов Польши. Эти проекты показывают, что альтернатива разделам Польши существовала («Хорошо, если бы ее не делили»). Прежде всего, в виде унии между двумя государствами, среди сторонников этого были и определенные круги русского и польского дворянства, и сам Потемкин. Проект не реализовали из-за жесткого сопротивления Пруссии. «Врагом пострашнее Фридриха Прусского» становилась Швеция. Шведские проекты Потемкина возникли в ходе русско-шведской войны 1788—1790 годов, фиксировали мгновенные реакции князя на быстро меняющуюся политическую обстановку и не являлись детально продуманными планами, рассчитанными на долгосрочную перспективу. В 1791 году был заключен мирный договор. Сработала дипломатия: совершенно серьезно Потемкин изложил шведскому дипломату фантастический проект о переселении жителей Финляндии за Петербург и превращении края в пустыню. О. Елисеева детально анализирует содержание основных проектов светлейшего князя, притом из всех проектов Г. А. Потемкина в настоящее время издан только один. Она показывает преемственность воззрений Потемкина и его сторонников: еще в 30-х — начале 40-х годов XVIII века канцлер А. Остерман считал, что империи следует держаться своих собственных, «особенных» интересов, не подпадая под влияние какого-либо иностранного двора. Для Потемкина превыше всего оставались конкретные интересы России, ее безопасности, только ради них имели смысл союзы и дипломатические игры. Как всегда, повествование О. Елисеевой очень живое: событийный ряд, реальная политика, борьба идей, борьба людей — в дипломатии, в кулуарах. Схватки двух партий: так называемых «русской», к которой принадлежал Потемкин, и «прусской» во главе с вице-канцлером Н. Паниным. Межличностные взаимоотношения русских вельмож, правителей европейских стран. О. Елисеева рассказывает, как и почему вопреки всем ожиданиям даже после

окончания фавора 1774–1776 годов Потемкин не покинул, подобно другим случайным, большой политики и фактически в последующие пятнадцать лет управлял Россией. Впервые дан обобщающий обзор посвященной Г. Потемкину-геополитику историографии. Палитра взглядов на внешнеполитическую деятельность светлейшего — его современников, историков российских и зарубежных — от конца XVIII века до наших дней. Оценки от негативных до положительных. Уникальным автор считает то, что многие идеи князя восприняли государственные деятели, враждебно относившиеся к Потемкину, к его партии, друг к другу. А то, что без реализации идей Потемкина не могли обойтись политики столь разной ориентации, доказывает объективную потребность империи в выдвинутых светлейшим князем проектах.

Елена Травина, Светлана Левашко. Архитекторы Карельского перешейка.

Книга первая: от Солнечного до Молодежного (от Оллила до Метсякюля) 1880–1939. Биографический справочник. СПб.: ООО «Издательский центр „Остров“», 2016. — 206 с.: ил.

Причудливые, фантазийные постройки Карельского перешейка поражают воображение: сложные объемы, обильная резьба, башни и башенки, застекленные фонари. И это при том, что утрачено огромное количество первоклассных в архитектурном отношении дач. Многие в ходе Второй мировой войны, но не только. Конечно, недолговечен сам материал, использовавшийся при постройке «теремков», «замков», «хижин». Но свою роль сыграло и небрежение. В 1960-х годах в Солнечном (Оллиле) сгорела бывшая дача архитектора К. Денисова (в советское время дом отдыха «Солнечная горка»). Осталась только лестница, ведущая вверх от Приморского шоссе. В 1993 году в Молодежном (Метсякюля) сгорел корпус дома отдыха «Чародейка» — объект культурного наследия регионального значения народов РФ, дача купца второй гильдии М. Воронина. В Зеленогорске (Терийоках) после закрытия детского санатория «Ласточка» в пожаре погибла бывшая дача академика архитектуры В. Шауба, один из корпусов санатория. С начала 90-х годов хозяева-ведомства, не имея средств для содержания своих владений, бросают дачные постройки на произвол судьбы. Не способствует сохранности того, что уцелело, и зыбкость имущественно-правового статуса. Обидно, что даже сохранившееся находится сегодня на грани исчезновения, и это невзирая на то, что является объектом культурного наследия народов РФ или входит в Реестр объектов культурного наследия регионального значения народов РФ. В аварийном состоянии бывшая дача архитектора В. Гарбечетеля в Комарово (Келломяки). Разрушается дача Мюзеров, единственная из пяти принадлежавших семье дач, уцелевшая в Терийоках. Освоение северного берега Финского залива шло в начале XX века. Дачная зона вытянулась вдоль Выборгского и Приморского шоссе, Финляндской железной дороги Петербург–Рихимяки и Приморской железной дороги на Сестрорецк. Сформировалась группа так называемых морских деревень: Оллила (Солнечное), Куоккала (Репино), Терийоки (Зеленогорск). В тот же период образовались поселки Келломяки (Комарово), Тарховка, Александровская. Сестрорецкий курорт. Русская Финляндия превратилась в популярнейшее место отдыха. На рубеже XIX–XX веков дачное строительство приобрело массовый характер, выпускались каталоги проектов дачных построек. Но дачная архитектура оставалась почти всегда уникальной, созданной по творческой воле архитектора с тонким учетом специфики места и заказа. Собственные дачи имели и сами архитекторы. Дачному пейзажу Русской Финляндии посвящена обзорная статья Светланы Левашко. Своеобразие этого пейзажа заключалось в том, что в нем тесно переплелись взаимные влияния разных

художественных школ Северной Европы, народные национальные традиции Финляндии и России, Русского Севера. Архитектурно-стилистический диапазон — от западноевропейского историзма и интернационального модерна, от неоромантизма северобалтийских стран до традиционных средне- и северорусских форм и декора по мотивам древнерусского зодчества. Стилиевые черты нередко комбинировались, но самыми впечатляющими становились постройки в стиле северного модерна, которому отдавали предпочтение петербуржцы: архитекторы, интеллигенция, представители делового мира столицы. Книга содержит биографические сведения о семидесяти шести петербургских, финских и эстонских архитекторах, чьими трудами и талантом были в основном застроены знаменитые дачные поселки Финского побережья Карельского перешейка в конце XIX — начале XX века. В биографический справочник архитекторов, подготовленный Еленой Травиной, вошли имена тех, о ком достоверно известно, что по их проектам были построены общественные здания или частные дачи на северном побережье Финского залива. За сухими строками справочника прочитывается многое: неизвестные страницы жизни архитекторов знаменитых и не очень; их вклад в создание образа Петербурга начала XX века — а строили они в столице доходные дома, особняки, культовые здания, промышленные корпуса, школы; родственные связи архитекторов, их судьбы. Подобное издание выходит впервые. И впервые привлечены материалы из государственных и частных архивов и библиотек Санкт-Петербурга и Финляндии, из приходских книг. Данные о сохранности дач приведены на 2015 год. Много иллюстраций: фотографий архивных и современных, благодаря чему «заговорили» безымянные, порой ущербные дома-жемчужинки. Наше наследие, которое нуждается в нашей защите, и то, что утеряно безвозвратно.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

ПАЛЕСТИНСКИЕ ОБИТЕЛИ И РОССИЯ

Часть 8

СОРОКАДНЕВНАЯ ГОРА – ГОРА ИСКУШЕНИЯ

В пещерной обители

Преодолев трудный подъем на гору, русские богомольцы с благоговением входили под своды пещерного храма. Краткое описание «Сарандаря» содержится в «Проскинитарии» Арсения Суханова (1652 г.): «Егда же дойдет до самой пещеры, иже бяше монастырь великий, и та пещера велика гораздо, а из той пещеры воину, и то есть церковь была, писана вся и престол к стене, и место, идеже Христос Бог наш сидел; и с того места камень емлют поклонники; тут же и миро шло благоуханное сверху из горы. Мы же, взявше камень от того места, и целовахом место, идеже Христос Бог наш сидел, и возвратихомся вспять ко своим станам <...> в том месте Спаситель и Господь наш четьредесят дней и ночей постился [Матф., гл. 4] Святая Елена стену едину сделала, при которой есть престол невеликий. Зело много тут камения, о которых диавол рече: „рци, да обратятся камение в хлебы“»¹.

Сходные сведения содержатся в «Проскинитарии» иеромонаха Арсения Каллуда (1670-е гг.): «В долготу расстояние пути дойдеша на место, идеже Христос сидяще постяся, и тамо есть церковь созданная от святой Елены, в здании церкви видится камень кругл, на нем же яма в средине, глаголют, яко есть вображение колен Христовых, за еже на том колена преклонь моляшеся Богу и Отцу. Тамо есть на живописании Богочеловек Христос. Лукавый демон с письмом, еже глаголет: «рци, камени сии да будут хлебы». И Христос: «не о хлебе едином поживет человек», и прочая»². В записках святогорца схимонаха Селевкия есть краткое, но любопытное сравнение: «Там был храм, но уже разорен; и есть *камень подобный хлебу*. Отсюда видно Мертвое море, из которого выходит смрадный дым»³.

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ Проскинитарий. Хождение старца Арсения Суханова во Иерусалим и в прочия святые места для описания святых мест и греческих церковных чинов // Православный Палестинский сборник. Т. VII. Вып. 3. СПб., 1889. С. 77–78.

² Арсений Каллуда, иером. Проскинитарий святых мест святого града Иерусалима (1679 г.). СПб., 1883. С. 52–53.

³ Рассказ святогорца, схимонаха Селевкия о странствовании по святым местам. СПб., 1860. С. 126–127.

К 1843 году относится описание пещерных храмов Сорокадневной горы, принадлежащее перу отечественного паломника А. А. Уманца.

Пещера Спасителя обширнее всех прочих и довольно высока. Потолок ее весь почернел от разводимых здесь огней. Я взял отсюда один камень на память. В смежной с ней на север, также довольно просторной пещере заметно небольшое четырехугольное углубление, впереди отделенное стенкой, сложенной на извести; в нем, как сказывал наш проводник, некогда лежало несколько тел усопших отшельников и еще недавно находили здесь остатки их костей, до того еще не выброшенных бедуинами. Внизу же, при возвращении, я заметил валявшийся между камней кусок черепа. К югу от пещеры Спасителя, на той же высоте, узкий проход в виде коридора ведет в развалины существовавшей здесь некогда небольшой церкви. От обрыва скалы она заделана стеной из тесаных камней и с правильным окном. Прочие стороны, неправильной формы, углубляются в скалу. В середине подведен был свод, который обрушился в недавнее время.

Наверху были хоры и заметны еще остатки каменной лестницы, которая вела туда. Из этого грота дверь, в прямом направлении на юг, ведет в другую комнату, висящую на самом краю карниза скалы; одна стена этой комнаты, противоположная входу, вся обрушилась, а левая — до половины. На уцелевшей половине сохранился, со всей яркостью красот, нарисованный на стене большой грудной образ Спасителя с греческой над ним надписью. Направо в скале сделана небольшая полукруглая ниша и в ней изображена Св. Дева Мария, принимающая, как мне помнится, от Архангела Гавриила лавровую ветвь, знамение принесенною Ей благовестия; между ними, покрытый до земли стол, а над головами греческие надписи их имен. Краски здесь также еще сохранились, хотя местами и заметны умышленные царапины, равно как и на образе Спасителя. Мы не могли решить, что это было: алтарь или особый придел с жертвенником; кроме маленькой боковой двери, через которую мы вошли, сюда не было царских врат. Проводник же наш утверждал, что алтарь находился у наружной стены и у помянутого выше окна, которое от входа было на левой руке и обращено прямо на восток, — и это очень правдоподобно. На окне я заметил несколько вырезанных надписей с именами путешественников, из которых древнейшая относилась к 1648 году⁴.

Самое подробное описание пещерных храмов Сорокадневной горы принадлежит перу архимандрита Порфирия (Успенского). Туда он отправился вместе с местным «гидом», который поведал русскому богомольцу сказание о том, как «пророк Иша» постился на горе Искушения.

Провожавший меня шейх-магометанин болтал мне, как на Сорокадневной горе постился Иисус. Вот болтовня его: «Великий пророк Иша с учениками своими уединился в той большой пещере, в которой есть малеваная по-вашему церковь, дабы там поститься во весь месяц рамадан. Так как оттуда не видать захождения солнца, которым оканчивается этот пост, то Иша из глины сделал птицу, дунул на нее, и она замахала своими крыльями и улетела в одну темную пещеру сей горы. Это птица кофаш, скрывающаяся днем и вылетающая только в минуту захождения солнца. В каждый вечер, когда иерусалимский муэдзин оповещал правоверным окончание дневного поста, птица Иши вылетала из пещеры и кружилась над ним. Тогда он начинал молиться вместе со своими учениками. Во время молитвы его растворялось небо и оттуда спускался к нему серебряный стол, на котором лежала большая жареная рыба, пять хлебов, соль, маслины, финики, гранаты и свежий салат из небесного огорода. Иша садился за стол, и ангелы прислуживали ему»⁵.

⁴ Уманец А. А. Поездка на Синай с приобщением отрывков о Египте и Святой Земле. Ч. 2. СПб., 1850. С. 356–361.

⁵ Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. 5. СПб., 1899. С. 52.

Далее архимандрит Порфирий приступает к описанию пещерных храмов. В настоящее время многое изменилось и многое утрачено в интерьере древних церквей, и поэтому сведения, приведенные о. Порфирием, представляют особый интерес.

Шейх повел меня в пещерную церковь, в которой, по словам его, постился Иисус. Мимоходом заглянув в два широкие и глубокие *ема*, иссеченные в горе, один возле другого, казалось не для дождевой воды, которой неоткуда стекать в них, а для мумий или для хранения каких-либо запасов, мы взошли в большую четырехстороннюю пещеру, обделанную внутри руками людскими. При рассмотрении ровных стен ее думалось, что отсюда выпилены были камни для постройки Иерихона. Над ней, в такой же искусственной горнице, некогда устроена была церковь. Войти в нее можно только через круглое, малое отверстие в потолке нижней пещеры. А так как с нами не было лестницы, то все мы один после другого взлезли туда с помощью проводников наших, составивших из себя живые ступени. Что же оказалось там? Оказалась длина церкви от востока к западу в 11 аршин, а ширина в 8. Оказалось, что восточная стена ее разломана больше половины. Оказалась стенная живопись. Я рассмотрел ее внимательно, и что и что видел, то записал на своей путнической тетрадке. На восточной стене у потолка, налево, ясно виден архангел Гавриил, благовествующий Пресвятой Деве Марии; а ее изображение уничтожилось вместе с проломом тут утеса. Южная стена церкви повреждена и живопись на ней изглажена; а северная стена уцелела, и на ней сохранились многие священные изображения. В углублении, близ восточной стены, виден Иисус Христос, сидящий на троне; под ногами его — подушка; справа предстоит Богоматерь, слева Иоанн Предтеча. Это — Деисус. Все эти лики большого размера. Под ногами Спасителя изображены одной темной краской три диавола, летящие стремглав. Итак, эта стенопись представляет торжество добра над злом. В этом самом углублении, над Спасителем, на потолке нарисованы разводные лозы с большими цветами, а на окраинах углубления изображены в рост архангелы Михаил и Гавриил. Рядом с сей картиной написан в четырехстороннике преподобный Герасим Иорданский, извлекающий ножичком занозу из лапы льва. Это животное красного цвета. Под Герасимом и архангелом Гавриилом нарисованы одной светло-желтой краской святые Адриан, Ф.....са, Енкентия, и южный ветер *нот* в человеческом образе: Адриан в шлеме с колчаном и мечом; а *нот* на коленях, дующий в трубу. Эта картина гораздо древнее первой. Рядом с Герасимом начертан крест без Распятого, окруженный ветвями и цветами. Что и что было под этим крестом, то стерлось.

Потолок в церкви был расписан. Но все изображения с него осыпались. Кроме уцелевшей живописи и кроме малой толики человеческих костей ничего в ней нет. В конце южной стены ее есть проход. Он непосредственно ведет в узкое отделение пещеры, в котором помещалась утварь и ризница. Тут восточная стена складена из тесаных камней в виде сквозного креста так, что через него можно выходить на площадку перед ним. Из сего отделения через дверь проходишь в третье отделение, пещерное. Здесь восточная стена складена из тесаных камней со стрельчатой большой аркой в середине ее. В этой горнице ничего нет, а во время оно тут, по всей вероятности, помещались церковнослужители.

Описанная мною церковь, по заверению иеромонаха Парфения (1740—1748 г.), освящена была во имя Спаса, а устроена блаженной царицей Еленой (матерью Константина Великого). Эту церковь в 1508 году видел, как опустевшую и полуразрушенную Георгий, приор монастыря в Хемнице, а в 1552—1559 гг. гвардиан Гроба Господня Вонифатий застал в ней стальные изображения, смею думать, те самые, кои видел я. Реченный иеромонах Парфений, описывая Сорокадневную гору, поведал, что близ оной церкви Елены находится пещерка, в которой жил Христос, и что древние отцы облицевали внутренность ее мозаикой, с большим изображением одного шестокрылатого серафима из золотистой мусии, а седалище Христово облицевали плитой из зеленого мрамора⁶.

⁶ Там же. С. 52—56.

Вот какая картина предстала здесь взору Виктора Каминского в 1857 году: «В прaxe я пал на месте подвигов Сына Божия и благодарил Провидение, что сподобило меня узреть это святое место. Но, Боже, в каком оно запустении! — В бывшем храме все изуродовано то временем, то варварами, не знающими Сына Божия, которые приходят сюда издеваться над Его Церковью. Два только абиссинца постоянно в этом месте славят Господа, и стараются следовать по Его святейшим стопам. Один из них, когда мы приближались к пещере, сидел у ее входа и читал (руко)писанный Псалтырь на своем языке. Увидя нас, он встал, поклонился и провел во внутрь вертепа. Там лежал другой абиссинец, мучимый лихорадкой; оба они чрезвычайно худы, скудно одеты, ничего не имеют и ничего, кроме хлеба, не принимают. В большие праздники они ходят в Иерусалим на поклонение, и потом опять возвращаются в свое уединение. Из второго выхода пещеры, за которым находится небольшая природная терраса, видно, в крутизнах горы, множество опустелых вертепов. Некоторые из них так отвесны над пропастями, что не постигаешь — каким образом люди могли туда взбираться?»⁷

К середине 1880-х годов обитель была возрождена благодаря трудам русского монаха Аркадия (Конюхова). К этому времени относится описание монастыря, принадлежащее перу А. В. Елисеева (1884 г.)

Бедная скромная обитель приютилась в пещерах, которые идут почти на отвесном обрыве скалы; из пещер этих вид, расстилающийся вниз и вокруг поразительный; Иорданская долина с таящимся в ней Иорданом, Мертвое море, панорама гор Иудейских и страна Заиорданская — все это представляет такую чудную панораму, каких немного в Палестине. Смотрит вниз и не надвигается паломник действительно поразительному и вместе с тем прекрасному виду, «сердце так и прыгает от радости», а тут монахи покажут еще полуручных дроздов, обитающих около монастыря в таких же щелях обрыва, в каких уютится и самая обитель, покажут и свою обогую церковь — вырубленную в скале пещеру, все свое незатейливое хозяйство, мало того, обласкают, как могут, паломника, угостят его хлебом, ракичкой, приготовят кипяток... И этот чай в пещерах, откуда расстилается вид — единственный на Святой Земле, после трудного подъема втрое слаще кажется усталому паломнику... Кто пободрее, да посильнее, тот поднимается и выше обители на место, где, по преданию, диавол искушал Христа... Все это вместе, особенно полное уединение обители от остального мира, ее исключительное положение, беднота и вместе с тем гостеприимство — все это чрезвычайно привлекает паломников, и они любят эту тихую, бедную обитель, и о ней одной из немногих отзываются всегда наилучшим образом. Сколько может, на запись жертвует поклонник на обитель и часто даже жалеет, что не может пожертвовать больше; я знавал нескольких простых паломников, которые дали себе обет, — придя в Россию, устроить сбор на поддержание этой скудной, но вместе с тем чудной обители»⁸.

Вот какой предстала эта обитель перед взором писателя-паломника Евгения Маркова (1885 г.): «Теперь там устроился опять маленький православный скит в пещерах, вырубленных древними отшельниками в толщах горы. Переходы и спуски, скрытые от взора человека, соединяют эти недоступные стрижиные гнезда иноков, висят над страшной бездной. Кое-где к черному входу пещер, разбросанных на различных высотах, прилеплены утлые балкончики, галерейки и лесенки, на которые даже снизу нельзя глядеть без содрогания»⁹.

Православный писатель-паломник скрупулезно обследовал те пещеры, которые были доступны для посещения. «В маленьком монастырьке живет всего 3—4 мона-

⁷ Каминский Виктор. Воспоминания поклонника Святого Гроба. СПб., 1859. С. 505.

⁸ Елисеев А. В. С русскими паломниками на Святой Земле весной 1884 года. СПб., 1885. С. 243—244.

⁹ Марков Евгений. Путешествие по Святой Земле. СПб., 1891. С. 261.

ха. По остаткам стенных фресок и другим археологическим признакам нужно думать, что древнейшие следы монастыря относятся еще к веку царицы Елены и первых византийских императоров, — пишет Евгений Марков. — Только небольшая часть старых пещер занята теперешним монастырем. Большая же часть рассеяна по разным недоступным обрывам и складкам горы, так что до многих добраться нельзя без веревок и лестниц»¹⁰

В 1887 году здесь побывал отечественный паломник А. Коптев; вот что он сообщал об увиденном: «Монастырь чрезвычайно бедный; церковь устроена в одной из пещер. Выше этой пещеры, где церковь, находится другая пещера, будто бы та самая, в которой Спаситель проводил 40 дней в посте и молитве. В этой пещере на северной стороне указывают место молитвы Спасителя и на стене заметно изображение св. Его лика, из чего заключалось, что место это было храмом молитвы кого-либо из отшельников. На эту-то ужасную гору Иисус Христос от вод Иордана и был возведен, или — по более сильному выражению св. Марка — „увлечен“ Духом в пустыню»¹¹.

В 1889 году скальный монастырь посетила группа русских паломников, в числе которых был Е. Э. Картавцов, автор книги «По Египту и Палестине» (СПб., 1892). «Перед нами род большого грота или пещеры, выбитой в скале; здесь складываются все запасы для дежурной братии; здесь же ночуют странники, — вспоминал отечественный пешеходец. — Несколько выше, внутри скалы пространство, заменяющее церковный притвор; здесь записываем поминовения; поднимаемся еще выше по лестнице и входим в маленькую, бедную, но чистую и светлую часовню; тут, по преданию, была небольшая пещера, где молился Господь. Просим отслужить молебен; служат чинно и не спеша — впечатление вообще хорошее. Часовня в скале и, следовательно, не на самой верхушке, куда взобраться со стороны долины можно только привезя с собой лестницы, канаты и поддюжины арабов проводников. Во входной пещере над самой пропастью устроен балкончик, сделанный очень надежно; под ним бесконечная глубина; с него же очень недурной вид: Иерихон, Иордан, монастыри Иоанна Предтечи и св. Герасима, долина Иордана»¹².

Храм обители двухпрестольный — и двухъярусный. Нижний четырехстолпный придел построен так, что ровно половину его (западную) составляет углубленная в гору пещера, а восточная часть, с алтарем, находится на пристроенной к площадке. На своде церкви отчетливо можно проследить границу естественной скалы. Лестница справа от алтаря ведет на второй этаж — в придел, устроенный непосредственно в пещере Первого Искушения. (Кстати, и всю обитель часто называют по этой пещере «монастырем Первого Искушения».) Здесь, в нише, под небольшим престолом (ориентированным, таким образом, на запад), находится камень, на котором сидел Господь во время Своего поста, когда приходили к нему дикие звери¹³.

Протоиерей Павел Бобров побывал в Сорокадневной обители в начале 1890-х годов. В своих записках он уделил внимание хозяйственному быту монастыря. «Здесь подвизаются не более 10 греческих иноков. Это поистине избранники Божии, — пишет о. Павел. — Церковь у них и кельи иссечены в горе и довольно удобны. Воду и дрова достают из-под горы. От келий выходит наружу терраса. Вид отсюда на долину и далее восхитительный, если в то же время не смотреть на страшную пропасть, которая у подошвы гор. Много природных пещер видно в скалах; в них иноки находили

¹⁰ Там же. С. 262.

¹¹ Коптев А. Воспоминание о поездке в Константинополь, Каир и Иерусалим в 1887 году. СПб., 1888. С. 192.

¹² Картавцов Е. Э. По Египту и Палестине. СПб., 1892. С. 207.

¹³ Лисовой Николай. Святая Земля: история и наследие. М.; СПб., 2015. С. 262.

убежище, когда на время Великого поста удалялись из монастырей в пустыню для духовных подвигов»¹⁴.

Архимандрит Мефодий, настоятель Никандровой пустыни Порховского уезда Псковской губернии, сподобился посетить древнюю обитель в 1892 году. «В одной из пещер этой горы, по преданию, Спаситель, в сорокадневном посте и молитве, приготавливал Себя к великому делу учения и искупления рода человеческого, — пишет о. Мефодий. — Теперь же в пещерах этих приютилась бедная иноческая обитель: в ней у самого престола, под коим хранится тот самый камень, на коем Спаситель благоизволил стоять при искушении, мы отслужили молебен»¹⁵.

В те же годы под сводами древнего монастыря побывала другая группа паломников из России. Один из них так описывает встречу с тамошними иноками: «Из монастыря доносился до нас колокольный звон, возвещавший о начале богослужения и придававший нам бодрость. Итак, мы достигли площадки монастыря. Настоятель встретил нас радушно, ввел в храм, а потом показал камень, на котором, выражаясь словами предания, Спаситель отдыхал во время поста и молитвы. Отслужив молебен и приложившись к святым иконам, мы вошли под темные своды монастырской трапезной, где нас угощали по восточному обычаю вареньем, ракичкой, водой и вкусным черным русским хлебом»¹⁶.

Гостеприимством насельников обители пользовались многие богомольцы из России, щедро жертвовавшей на нужды монастыря. Это отметил в своих записках иеромонах Серафим, прибывший сюда в 1908 году вместе с группой русских паломников. «Здесь нас радушно приняли, показав нам все достопримечательности и святыни, предложили в келье любвеобильного настоятеля архимандрита Авраамия подкрепить свои силы, каковым предложением мы с глубокой благодарностью воспользовались, так как ужасно утомились трудностью пути, — отмечал о. Серафим. — Здесь я вспомнил слова св. Андрея Критского: „Христос искушася, диавол искушаше, показуя камение, да хлебы будут: на гору возведя видети вся царствия мира во мгновении. Убойся, о душе, ловления, трезвися, молися на всяк час Богу“. С древних времен христианства, находящаяся в западном углу этой горы пещера, в которой Спаситель пробыл в молитве и посте, преобразована была в церковь, украшенную, красивыми стенными изображениями, между которыми главным образом, отличался уцелевший донныне образ искушения Христа диаволом»¹⁷.

В сравнении с предыдущим автором прот. Александр Глаголев (1911 г.) весьма краток: «Здесь мы встретили добрый прием у греческих монахов, которые показали нам церковь, в которой указывается место подвигов Спасителя. Здесь нами было совершено молебенствие с чтением евангельского повествования об искушении Господа диаволом (Мф. 4, 1—11)»¹⁸.

Незадолго до Первой мировой войны гостеприимством игумена монастыря воспользовалась группа русских старообрядцев, в числе которых был С. И. Быстров, автор книги «По Востоку. (Путешествие старообрядческих епископов)» (М., 1916). «Бодрый еще старец, о. Авраамий, приветливо встретил нас и предложил, по восточному обычаю, по стакану холодной воды, которая была для нас более чем кстати, — пишет С. И. Быстров. — К нам редко заглядывают сюда паломники, — заметил, между про-

¹⁴ Бобров Павел, прот. Письма паломника о святой горе Афонской, о граде Иерусалиме и других местах Востока. М., 1894. С. 77—78.

¹⁵ Мефодий, архим. Дневник палестинского паломника. СПб., 1893. С. 23.

¹⁶ А-истов Петр. Путешествие в Палестину. СПб., 1894. С. 123—124.

¹⁷ Серафим, иеромонах. Путевые впечатления. СПб., 1910. С. 71.

¹⁸ Глаголев Александр, прот. По святым местам: от Киева до Иерусалима. Киев, 2005. С. 72.

чим, о. игумен, — слишком труден сюда путь; суровую и пустынную гору избрал Искупитель наш для своих подвигов»¹⁹.

После Первой мировой войны приток паломников из России прекратился. Лишь редкие представители русского зарубежья навещали Сорокадневную гору. В их числе была Александра Гаврилова, побывавшая в Палестине в 1945—1946 годах. Вот что она сообщала о пещерном монастыре в августе 1945 года: «30/VIII. Были на Сорокадневной горе. На половине горы — греческий монастырь над пропастью, прилеплен к горе, как ласточкино гнездо. Здесь церковь в пещере, в которой Иисус Христос провел 40 дней поста и был искушаем сатаной. Церковь над обрывом, достаточно глубоким и теперь, по борту церкви балкончик — висит над самым обрывом. Мы постояли на нем, глядя на ближайшие горы, изрезанные множеством пещер, в которых когда-то обитали пустынники. Конечно, и церковь, и монастырь построены на русские жертвования, о чем свидетельствуют иконы, и надписи на них, и сами монахи.

Из церкви несколько ступеней ведут к камню, на котором молился Спаситель и стоял, искушаемый сатаной. Я, с разрешения монахов, подобрала кусочки этого камня, отколотого сбоку. Кусочки, вроде беловатого кремня. Камень уже почти отполирован, и стоянием на нем (после Иисуса Христа здесь спасались и другие отшельники), и лобзаниями. Монахи подарили нам по жестяной иконке — Искушение Иисуса Христа и по книжечке, об этом месте, на русском языке»²⁰.

В записках Александры Гавриловой содержатся интересные сведения, касающиеся повседневной жизни древней обители. «Разбойники часто проникали в монастырь со стороны вершины и обирали его; а в прошлом году (1944 г.) избили монахов и отняли деньги, — пишет раба Божия Александра. — Из семи прежних монахов осталось трое; все говорят по-русски. Делают виноградное вино, виноград-то, вероятно, снизу из Иерихона. Давали нам пробовать. Показывали нам глиняный „самовар“ (так и называют), вмазанный в скалу, с краном, с топкой снизу — „так как в прежние времена было много паломников из России, а они не могут без чая“ — осведомили нас монахи»²¹.

Еще одним паломником из русского зарубежья, побывавшим в 1952 году в Сорокадневной обители, был епископ Чикагский Серафим (США). Записки владыки об этом монастыре дополняют сказанное его предшественниками. «Нам взяло добрых полчаса, пока мы добрались до монастыря „Искушения“. Нас сверху заметили и встретили колокольным звоном. Настоятель монастыря архимандрит Павел довольно прилично говорит по-английски и очень гостеприимен, — пишет епископ Серафим. — Этот небольшой греческий монастырек восстановлен в 19-м веке на русские средства архимандритом Авраамием. Этот монастырек, несмотря на бедность, и до сего дня славится своим гостеприимством. Производит он впечатление весьма благоустроенного. Имеется до сорока келий, но братии всего 5—6 человек. Устав строгий, общежительный. Пища тоже уставная, без мяса, как заповедал монахам еще св. Василий Великий. Церковь пещерная, но очень благоустроенная. Мы отслужили в ней молебен, на котором прочитали Евангелие от Луки об искушении Господа, осмотрели монастырь, приняли скромное угощение в трапезной, побеседовали с гостеприимными иноками»²².

В том же 1952 году здесь побывала группа русских паломников-эмигрантов из Франции. Вот их краткое сообщение об увиденном: «С большим трудом взбирались мы на раскаленную высокую гору, мрачную и скалистую, где Христос сорок дней молился и был искушаем диаволом. На склонах ее — старинный греческий монастырь,

¹⁹ Быстров С. И. По Востоку. (Путешествие старообрядческих епископов). М., 1916. С. 169.

²⁰ Гаврилова Александра. Записки паломницы (1945—1947 гг.). Джорданвилль, 1968. С. 84.

²¹ Там же. С. 85—86.

²² Серафим, епископ. Паломничество из Нью-Йорка в Святую Землю. Нью-Йорк. б/г. С. 138.

в храме которого находится замечательная икона апостола Петра. Радостно и радушно встретили нас иноки»²³.

И снова колокольный звон, и снова угощение. Об этом вспоминала русская паломница из Западной Германии, побывавшая в этой обители в 1953 году. «Как паломниц нас монастырь встретил колокольным звоном, — пишет Людмила Ступенкова. — Помолившись в малой церкви, мы вышли на площадку монастыря, откуда открывался чудный вид на долину, Мертвое море, Иордан. Перед уходом мы подкрепились угощением, принесенным услужливым греческим монахом»²⁴.

«Немецких русских» сменяли «французские русские». В 1950-е годы побывавшие здесь русские из Парижа застали в обители такую картину: «Этот монастырь, неоднократно восстановленный после различных разрушений, существует и сейчас, принадлежит грекам и, несмотря на трудный подъем по горе, непрерывно посещается паломниками всех национальностей. Там подвизаются игумен и 5—6 монахов»²⁵.

В 1955 году в Горненский монастырь близ Иерусалима прибыли первые монахини из тогдашнего Советского Союза. Их число постепенно росло, и некоторые насельницы получили возможность посетить древние палестинские обители. Вот что записала в своем дневнике инокиня Наталия в 1983 году: «Когда мы подъехали к Сорокадневной горе, то нашим взорам открылась величественная картина — гора высокая, огромная, почти отвесно уходит ввысь. Где-то на середине горы по отвесной стене прилепился греческий монастырь. В нем воздвигнут храм над камнем, где молился и на котором сидел Спаситель. Над камнем сделан престол и как ко всякой святыне, к нему можно приложиться. Здесь мы со своим батюшкой о. Варфоломеем и читали Евангелие и служили молебен, что вспомнили пели из постного. Встретили нас очень приветливо, провели на трапезу. Там всего живут 3 греческих монаха»²⁶.

После 1991 года паломники из России все чаще стали посещать Сорокадневную гору. Так, в 1994 году здесь побывала группа богомольцев, в числе которых был игумен Никон (Смирнов). «Мы входим в монастырь, нас встречает схимонахиня Анна, она из России и хорошо объясняет по-русски, — пишет о. Никон. — Идем в храм Благовещения, а из него по лестнице в часовню, где под престолом виден камень, на котором молился Господь во время 40-дневного поста. Мы стали петь канон св. Андрея Критского „Помощник и Покровитель“, „Душе моя, душе моя, востани, что спиши?“, „Помилуй мя, Боже“. Дошли до момента чтения Евангелия, как это уже стало правилом у нас, — на святых евангельских и библейских местах читать соответствующий текст. Наступила пауза, на этот раз Евангелия с нами не оказалось. Мы чуть не разом со вздохом произнесли: „Вот искушение!“ А через секунду вспомнили, что находимся на горе Искушения. Да, искушениям быть неизбежно. Однако Евангелие скоро нашлось у матушки протоиерея Алексия Злобина, и наш чтец внушительно прочитал повествование об искушениях Христа на этой горе»²⁷.

Путь на вершину

Третье искушение Иисуса Христа происходило на макушке горы. «И, возведши Его на высокую гору, диавол показал Ему все царства вселенной во мгновение време-

²³ Родзянко Л.Э. О Святой Земле и паломничествах. Париж, 1958. С. 26.

²⁴ Ступенкова Л. Пасха в Святой Земле. Мюнхен, 1955. С. 30.

²⁵ Святая Земля. Париж, 1961. С. 114—115.

²⁶ Наталия, инокиня. Русский Иерусалим. Письма русской инокини со Святой Земли (1983—1989 гг.) СПб., 1996. С. 16.

²⁷ Никон (Смирнов), игумен. От Галилеи до Фиваиды. Изд-во «Паломник», 1995. С. 49.

ни. И сказал Ему диавол: Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их: ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее. Итак, если Ты поклонись мне, то все будет Твое. Иисус сказал ему в ответ: отойди от Меня, сатана; написано: Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему одному служи» (Лук., гл. 4, ст. 5–8). На самой вершине горы в древности стояла церковь. Поэтому, посетив монастырь, часть паломников решалась взойти на вершину Сорокадневной горы. Записки, сделанные отечественными богомольцами в разные годы, частично повторяются, но по большей части дополняют друг друга.

Князь Радзивилл Сиротка (1583 г.): «На самом верху сей горы (но с той стороны, где путь во Иерусалим) есть часовня, на том месте, где диавол, взяв Господа показал ему все царства мира сего, о чем глаголется во Евангелии. Вся сия гора полна вертепов, в которых некии пустынники обиташа; ныне жестоких ради сих поганых (мусульман. — *Авт.*), несть никого»²⁸.

Иеромонах Арсений Каллуда (1670-е гг.): «В вышнем крае горы есть иная малая церковь, и тамо диавол глаголаша, показуя Иисусу вся царства мира: «сия вся Тебе дам», и прочая. С той горы видети: Иерусалим, Галгалы, Иордан и вся обстрания. Доле, в разных вертепах тамо сущих, обретаются останки нетленны святых скитников, и иные стоят правы, иные имут простертые руки и возвышенные на небо, и иные коленопреклонно»²⁹.

Архимандрит Порфирий (Успенский) (1853 г.): «В настоящий день я много потрудился, осматривая источник Елисея, восходя на самый верх Сорокадневной горы Искушения Христова, лазя в пещеры иссеченные в этой горе, и исследуя местность Иерихона. Любознательность моя не любит усталости, а письмоводитель мой, — карандаш умеет делать очерки виденных мной предметов и записывать сведения о них памяти ради <...> Я со всеми спутниками раненько начал восходить на самый верх горы Искушения. Площадь его мала. На ней стоят толстые стены запустевшей церквички без кровли. Я измерил ее всесторонне и начертил план ее. Восточная стенка от угла до угла ее, снаружи, длиной в 10 аршин с четвертью. Она очень толста, так что в ней сделан полукруглый выем для алтаря в 3 аршина с вершком в поперечнике. В этом выеме пять рядов снизу целы, а шестой снят до половины. В юго-восточном углу в основание стены положены камни большие и толстые. Северо-восточный угол сохранился лучше. Он складен из параллелепипедов толстых и тонких. Тут найдены череп и кости какого-то постника. Длина храма равна ширине его, высота ныне в 2¹/₂ аршина. Западная дверь шириной в 1 аршин и три четверти. Он освящен был во имя Богоматери, по заверению греческого иеромонаха Парфения, составившего описание Святой Земли около 1748 года»³⁰.

Виктор Каминский (1857 г.): ««Из пещеры уединения Христова, с одним абиссинцем и своим драгоманом, я пошел далее — на вершину Карантании, где Спаситель был искушаем от диавола. Вершина эта выше всех высот горной Иудеи, и восход на нее очень труден; но я радовался этой трудности, шел безостановочно и не хотел нигде отдыхать, чтобы скольконибудь потрудиться там, где Господь так много трудился для нашего искупления; я даже молил Его внутренно, чтобы Он послал мне здесь более испытаний; однако же почти не чувствовал никакой тягости. Передо мной раскрывались более и более Иудея, Иорданская страна и самый Иордан. Последний казался мне тонкой, вьющейся лентой — между горами с одной стороны и равниной с другой.

²⁸ Похождение в Землю Святую князя Радивила Сиротки. 1582–1584. СПб., 1879. С. 79–80.

²⁹ Арсений Каллуда, иером. Проскинитарий святых мест святого града Иерусалима (1679 г.). СПб., 1883. С. 53.

³⁰ Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. 5. СПб., 1899. С. 48–50.

Море смерти преступных городов (Мертвое море. — *Авт.*) сверкало в последних лучах заходящего солнца; вся равнина Иорданская дышала приветливостью, а горы с другой стороны — величием. Если в дополнение к этому прибавить древле цветущий Иерихон, везде города и селения бывшей многолюдной Иудеи и всего Заиорданья, также сады и леса, тогда еще не истребленные, ручьи не иссякшие, то все это представило бы, с этой высоты, истинно царственную землю, — и духу лжи легко было, указывая на такую сложную страну, назвать ее отдельные части царствами мира.

На самой вершине Карантании, среди трех полуразрушенных стен, находится разрушенная небольшая церковь, с малым остатком горнего места. Перед этим остатком я стал на колени, облобызал священную землю, где, может быть, были стопы Богочеловека, и молил Его даровать мне силу противостоять искушениям злого духа, как Сам Он здесь выдержал многовидные нападения от этого духа злобы. Затем, руководимый абиссинцем, сошел с горы другой ближайшей стезей. У подошвы горы я нашел своих кавасов, и в сумерках достиг с ними лагеря»³¹.

Иеромонах Иерофей (1858 г.): «Путь к пещере трудный и опасный: оттого и ходило нас к ней не более 100 душ. Из пещеры большая часть пошли к палаткам, между тем как человек двадцать решились взойти на самый верх горы. Карабкаясь по утесу, я думал, что неостанет сил моих взлезть на самую вершину. На месте, где диавол при искушении требовал от Господа себе поклонения была когда-то церковь; ныне от нее одни развалины; уцелела отчасти только запрестольная стена. Среди развалин под камнями я увидел кости и головной череп. Мы помолились на горе, я прочитал ектению за царя и дом царский, а также и за всех христиан, а потом, взяв другой путь, стали спускаться»³².

Иеромонах Павел (Вертоградов) (1862 г.): «Гора сия несколько повыше других многих, но ниже Фаворской; вся из камней: перед (передний склон. — *Авт.*) крутой и опасный; ходу на верх ее полчаса времени, пространство вверху плоское, — сажень с пятью: стоит и поднесь на оной остаток каменной стены небольшой полукруглой бывшей церкви. Восходя на сию гору прошлого (1861) года одна русская поклонница преклонных уже лет, нечаянно упала вниз и умерла. В пещерке горы сей и погребена. Проходя мимо ее, видел не истлевшие одежды на ней и голову, и помянул за упокой. <...> Восходили мы в числе троих русских на гору *Искушения*, где отслужили молебен»³³.

Хитрово В. Н. (1870-е гг.): «Мы стали взбираться на самую вершину. С вершины горы, с которой, по Евангелию, диавол показывал Иисусу Христу все царства мира и славу их, открывается чудный вид на всю Иорданскую долину, Мертвое море, Аммонитские и Моавские горы и Иудейскую пустыню³⁴. Посредине вершины сохранились только стены древней церкви. Помолившись на том месте, где, говорят, Спаситель был искушаем, стали мы спускаться, а спуск еще труднее, чем подъем, того и гляди нога отступится и полетишь вниз с кручи»³⁵.

Евгений Марков (1885 г.): «На заоблачной вершине Джебель-Карантеля купаются в знойной синеве небес развалины какой-то древней церкви или сторожевой башни... Иностранцы уверяют, что тут стоял когда-то замок крестоносцев, защищавший подступы к Иерусалиму от заиорданских пустынь; а здешние греческие

³¹ Каминский Виктор. Воспоминания поклонника Святого Гроба. СПб., 1859. С. 505—507.

³² Дневные заметки во время путешествия по святым местам Востока, Киево-Печерской Лавры иеромонаха Иерофея, в 1857 и 1858 годах. Киев, 1863. С. 123—124.

³³ Павел (Вертоградов), иером. Путешествие по святым местам на Святой Земле, во Святую Афонскую гору и в Палестину в 1862 году. Ч. 1. М., 1866. С. 121—122.

³⁴ Хитрово В. Н. Русские паломники Святой Земли. СПб., 1905. С. 182.

³⁵ Хитрово В. Н. К животворящему Гробу Господню. М., 2003. С. 150.

и арабские предания говорят, напротив того, о монастыре времен царицы Елены; эта версия, кажется, более правдоподобна, более согласна с практическими условиями местности. Некоторые смельчаки с железной головой и железными ногами, говорят, поднимаются иногда — конечно, с надежными проводниками — до этого недоступного венца Сорокадневной горы. Там водружен большой крест на том месте, откуда, по преданиям, дьявол показывал Христу все царства мира. Я готов был верить, глядя даже издали на эту головокружительную высь, что оттуда действительно увидишь какое хочешь далекое царство, и что для дьявола, действительно, нельзя бы было найти никакого более подходящего места...»³⁶

Протоиерей Павел Бобров (начало 1890-х гг.): «Над нами еще высоко была вершина горы Испытания, но чтобы взойти на нее, надо было ночевать здесь, а мы спешили к ночи достигнуть обители св. Георгия Хозевита»³⁷.

Петр А-истов (1894 г.): «Из трапезной вместе с настоятелем мы пошли на вершину горы; монастырь расположен на первой трети высоты горы. Подъем на вершину был страшно крут, и мы для облегчения себе пути старались нагибаться вперед. На вершине горы мы увидели остаток древних стен, которые служат теперь основанием для вновь воздвигаемого храма. Здесь же видно и место для будущего престола. Как видно, стены эти сохранились со времен царицы Елены. Налюбовавшись сверху на окрестности и Елеонскую колокольню, мы снова возвратились в монастырь, откуда, после небольшого отдыха, тронулись в обратный путь»³⁸.

Арсений, епископ Сухумский (1894 г.): «Некоторые желают подняться на самую вершину Сорокадневной горы, где, по преданию, диавол, искушая Спасителя, показал Ему царства мира; надобно иметь ввиду то, что подниматься туда весьма трудно и без проводника опасно. На верху горы в первые века христианства была устроена церковь; часть арки ее доселе осталась цела. Но до построения церкви на этом самом высоком пункте существовала крепость, от которой видно доселе много камней и ров, вырубленный в скале»³⁹.

Дорошевич Влас (конец 1890-х гг.): «По ту сторону оврага, среди гор, высокая, обнаженная странной формы вершина. Это Сороковая гора, гора Испытания. Она похожа на огромную волну, которая поднялась к небу выше всех, да так и застыла, серая, дикая, страшная. Она вся порыв вверх, порыв мрачный, угрожающий. Она выделяется среди окружающих гор, господствует над местностью. С ее вершины открывается безнадежнейший вид на пустыню Иудейских гор и вид на широкую зеленеющую долину Иордана»⁴⁰.

Ювачев И. П. (начало XX в.): «Мы взбирались и на самую вершину горы, откуда была видна вся окрестность Иорданская. На западе отлично выделялась русская колокольня на горе Елеонской, а на севере царил белоснежный Ермон. Отсюда, говорит предание, были показаны Христу „все царства вселенной во мгновение времени“. Место на самой вершине теперь расчищено для сооружения церкви»⁴¹.

Путеводитель по святым местам града Иерусалима (1908 г.): «Почти на вершине этой страшной горы указывают место, где сатана искушал Спасителя и пещеру, в которой Христос проводил время Своего сорокадневного поста и подвига. Над пе-

³⁶ Марков Евгений. Путешествие по Святой Земле. СПб., 1891. С. 262.

³⁷ Бобров Павел, прот. Письма паломника о святой горе Афонской, о граде Иерусалиме и других местах Востока. М., 1894. С. 78.

³⁸ А-истов Петр. Путешествие в Палестину. СПб., 1894. С. 124.

³⁹ Арсений, епископ Сухумский. Святой град Иерусалим и другие святые места Палестины. СПб., 1896. С. 191.

⁴⁰ Дорошевич В. В Земле обетованной (Палестина) М., 1900. С. 208.

⁴¹ Ювачев И. П. Паломничество в Палестину к Гробу Господню. СПб., 1904. С. 236–237.

щерой этой в скале указывают огромную трещину, имеющую вид креста и чудесно образовавшуюся в память пребывания здесь Богочеловека. Пещера эта равноапостольной царицей Еленой обращена была в часовню и украшена художественными фресками и изображениями; остатки их видны на стенах пещеры до настоящего времени. Многочисленные пещеры в этой горе служили и служат местом пребывания и подвижнической жизни многих подвижников и пустынников. Здесь же покоятся останки многих подвижников, мирно здесь почивших среди необычайных подвигов, вдали от мира, втайне от людей»⁴².

Прот. Александр Глаголев (1911 г.): «Отсюда некоторые из нас взбирались и на самую вершину горы, откуда открывается вид на далекое пространство. Здесь сооружается вторая церковь»⁴³.

Быстров С. И. (1914 г.): «Узнав, что мы решили подняться на самую вершину горы, о. игумен дал нам монастырского проводника. На самой вершине горы, куда мы после нескольких остановок добрались, строится церковь; вся вершина обнесена довольно высокой каменной стеной, внутри которой роются ямы и выкладывается фундамент. Во временной часовне монах-сторож указал нам две старинные иконы: одну круглую в виде рипиды — Христа Спасителя, другую большую, продолговатую — апостола Петра; на той и другой благословляющие руки, к нашему удивлению и удовольствию, имеют двоеперстное сложение.

Широкий вид открывается с вершины горы на окрестности! Недаром повествуется в Евангелии, что «поим Его (Христа) диавол на гору высокую зело и показа Ему все царства мира». Вся почти Палестина была видна отсюда: с одной стороны зубчатые очертания Иудейских гор, левее — горы Моавитские, земля аммонитян, амореев, с которыми не раз приходилось бороться кочующему Израилю и его великому вождю Моисею, чтобы пробиться в страну, «точашую мед и млеко», дальше синее излучистый Иордан, окаймленный пушистой зеленью камышей, тростников, кустарников; правее темнеет Мертвое море, над которым, точно пелена, повисли желтоватые туманы; среди многочисленных вершущек гор синее в туманной дали Елеон, на котором, как остроконечная игла, блестит шпиль колокольни храма Вознесения; на самом горизонте синей полосой оживает Средиземное море — и все это как будто вот рядом, хотя верная сотня верст отделяла нас от видимой дали»⁴⁴.

Гаврилова Александра (1945 г.): «По коридорам, вырубленным в скалах, монахи проводили нас к выходу на гору, и мы пошли к вершине. Дорожка еще труднее, недаром отцы отговаривали нас. А тут еще первый час дня — самый солнцепек. На вершине четырехугольная стена, что издали видна со всех сторон, оказалась каменной оградой будущей церкви. Мы обошли ее кругом извне по узкой тропинке, прижимаясь все время поближе. Внутри фундамент новой церкви, говорят, на остатках какой-то древней. Церковь должна была быть небольшая в форме креста. Она начата до первой Великой войны и из-за русской революции не закончена, т. к. средства шли из России. Мы взяли камешек оттуда. Там есть и законченная постройка: предполагавшаяся часовенка и две кельи при ней. Осматривали окрестности с крыши.

В Евангелии говорится: „Опять берет Его диавол на весьма высокую гору и показывает Ему все царства мира и славу их“. Не говорится, — на какую гору. Монахи говорят: здесь. Для нашего человеческого глаза оттуда видна только вся долина Иорданская, окруженная холмами; Мертвое море и за ним Моавитские горы; и внизу, конечно, Иерихон, зеленым веселым оазисом. Но Сорокадневная гора безусловно эта, т. к. она лицом к Иерихону и новому, и старому, который там рядом и сейчас раска-

⁴² Путеводитель по святым местам града Иерусалима. Одесса, 1908. С. 192–193.

⁴³ Глаголев Александр, прот. По святым местам: от Киева до Иерусалима. Киев, 2005. С. 72.

⁴⁴ Быстров С. И. По Востоку. (Путешествие старообрядческих епископов). М., 1916. С. 170–171.

пывается. Это подтверждается давнишней традицией, и русский паломник XII века, игумен Даниил, тоже упоминает об этой горе: „К западу от Иерихона возвышается в объеме каменных гор, Гора Испытания, где в обширной пещере сорок дней постился Спаситель“.

Я избегаю писать о своих чувствах в святых местах, — где возьмешь подходящие слова? и достаточно ли их? Но на этой горе... мы преклонили колена на фундаменте церкви, и я представила себе Богочеловека, «в Котором было кроме Божеского и все человеческое, кроме греха; и подход к Нему врага рода человеческого, как к человеку, хотя бы и совершенному. Ответы Христа спокойные, уже готовые; но... борение было? — раз искушитель рядом... И Божеское восторжествовало, ради нашего спасения»⁴⁵.

Миша Гаврилов, сын Александры Гавриловой (14 лет): «4 сентября 1945 года. Вскарabкались мы с величайшими усилиями к греческому монастырю, который поставлен на месте, где стоял Господь Иисус Христос, искушаемый диаволом; а потом, к необычайному удивлению монахов, которые за последнее время отвыкли от русских паломников, а имели дело больше с английскими туристами, — взобрались, с Божией помощью, на самую вершину горы. Монахи говорили, что отсюда диавол показал Господу все царства мира сего. Вид с вершины горы истинно прекрасный. Весь Иерихон расстилается широким зеленым ковром, где рассыпаны белые пятнышки — домики. Вдали Иордан и Мертвое море. Вокруг — горы. Сама же вершина окружена громадной стеной, внутри которой находится недостроенная церковь в форме креста»⁴⁶.

Серафим, епископ Чикагский (США) (1952 г.): «Некоторые, наиболее выносливые, поднимались на самый верх горы. Там проводники показывали пещеру, где, по преданию, проводил свой 40-дневный пост Иисус Христос после крещения, готовясь к проповеди Евангелия. Над пещерой в скале находится огромная трещина, наподобие креста, чудесно образовавшаяся во время пребывания здесь Богочеловека. На самой вершине горы, перед самой почти (1-й) мировой войной, на собранные, главным образом в России средства, был сооружен массивный фундамент для большого храма. Революция помешала дальнейшей постройке храма, на месте, где диавол обещал отдать Иисусу все царства мира и славу их, если Он, падши, поклонится ему. Диаволу, конечно, не хотелось, чтобы был воздвигнут храм на месте его великого посрамления»⁴⁷.

Инокния Наталия (1983 г.): «Мы поднялись на самую вершину горы, там сохранилась закладка храма русского в форме креста и монастырская стена. Его достроить помешала война. Рядом и далеко-далеко уходят скаты гор. Вся противоположная гора изрыта пещерами — здесь жили аскеты, многие здесь и почивают»⁴⁸.

Игумен Никон (Смирнов) (1994 г.): «Желающим предложено было предпринять восхождение выше монастыря, на вершину. «Кто молодой, можете подниматься», — советует схимонахиня Анна. Но «записались» в молодые многие седовласые батюшки, и начался тяжелый восход под палящим солнцем. Опять с молитвой Иисусовой. Бог дал: все, кто отправились, достигли верха горы Испытаний. Там стоят стены недостроенного монастыря, воздвигнутые русскими. Революция 1917 года парализовала строительство. Стены стоят, а храмов и корпусов нет. В центре территории видны остатки древнейшего храма IV века, который строила св. царица Елена. Мы поднялись на своего рода террасу, площадку, — самую высокую точку и стали петь хором 103-й псалом (на мелодию) Аллеманова. <...> Кратко отдохнув на площадке, еще раз окинув

⁴⁵ Гаврилова Александра. Записки паломницы (1945—1947 гг.). Джорданвилль, 1968. С. 85.

⁴⁶ Там же. С. 8—9.

⁴⁷ Серафим, епископ. Паломничество из Нью-Йорка в Святую Землю. Нью-Йорк, б/г. С. 136.

⁴⁸ Наталия, инокиня. Русский Иерусалим. Письма русской инокини со Святой Земли (1983—1989 гг.) СПб., 1996. С. 16.

взглядом «вселенную», мы поспешили вернуться в монастырь. Матушка стала рассказывать о монастыре и раздала всем открытки с видом камня, на котором сидел Господь и на котором Он молился в 40-дневный пост. Мы попили холодной монастырской воды, вспоминая ценность одной чаши воды по Евангелию. Тепло прощаемся с матушкой Анной и — в обратный путь»⁴⁹.

У подножия Карантала

...О спуске с Сорокадневной горы паломники писали немного и по-разному. Вот что сообщал об этом иеромонах Парфений (грек) (1748 г.): «Сходишь с горы Сорокадневной вниз, к подошве ее: тут прямо в южных сторонах есть целый ряд пещер древних святых подвижников. Там поныне находится множество святых мощей, из которых три стоят на коленах. Над одними мощами надписано: Феоктист Пафлагонянин. Из этих пещер, проникая внутрь горы, находишь некий ход, весьма тесный и темный, и восходишь в самую сердцевину горы. Там находишь некий простор такой ширины и длины, какая соразмерна вержению малого камня. А в середине этого простора есть привысь. Наверху же самой горы висит некий светоч, в два роста вышиной, дающий большой свет от маяков, какие имеет сия гора; он освещает весь простор. Там древние иерихонцы имели железный столб в три мужских обхвата»⁵⁰.

Комментарий архимандрита Порфирия (Успенского): «Рядом с Сорокадневной горой, на одной восточной линии с ней, высится другая гора Мгер-abu-Бисса. В ней также как и в той, находится много пещер, в которых жили древние монахи. По прочтении (текста иеромонаха Парфения) невольно мнится, что в Сорокадневной горе и в соседней с ней Биссе пещеры, горницы, ходы, столп, просветы иссечены и устроены были не безденежными монахами, а богатыми иерихонцами для их житейских надобностей. Думается и то, что помянутый простор, освещаемый сверху через скважину в горе, был храм, посвященный иерихонцами главному божеству их, и что железный столп в три обхвата имел то же значение, какое имели столпы и *аммунимы* в капищах финикиян и столп в чтилище Посейдона на острове Атлантиде, т. е. на нем написаны были главные законы и возле него приносились были кровные жертвы. А иерихонцы были хананео-финикияне»⁵¹.

Архимандрит Порфирий (Успенский) (1853 г.): «Я по прежней тропе сошел вниз к тому месту, с которого началось восхождение на темя оной горы, и, окинув взором иссеченные в ней многочисленные пещеры, захотел побывать в тех из них, в которых были церкви. На южном отроге горы высоко видна была церковь с окнами и входами, складенная из тесаных камней и приставленная к отрогу. Она первая манила меня к себе, и я стал подниматься к ней без посоха, по узенькой и стропотной тропинке, но, миновав подобное зданье, почувствовал усталость в ногах своих и сел отдыхать немного выше этого зданья. А новокрещенный домочадец мой Фрументий вместе с погонщиком коней, негром, взошел туда, но ничего там не видел и, спустившись к нам, сказал, что весьма опасно идти туда, потому что есть прерыв в тропе, через который надо перепрыгивать. Такое известие охладило мою любознательность тем более, что мне известно было, как оттуда упали армянин и грек и расшиблись до смерти. Я сделал очерк реченных церквей и ведущей к ним извиистой тропы»⁵².

⁴⁹ Никон (Смирнов), игумен. От Галилеи до Фиваиды. Изд-во «Паломник», 1995. С. 49, 52.

⁵⁰ Цит. по: Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. 5. СПб., 1899. С. 56—57.

⁵¹ Порфирий (Успенский), епископ. Указ. соч. С. 56—57.

⁵² Там же. С. 51.

Иеромонах Иерофей (1858 г.): «На половине спуска нам встретились три разбойника из бедуинов, страшные и черные собой, один с ружьем и кинжалом, а двое с довольно большими булавами; но увидев, что нас много, потребовали только бакшиша. Услышав же, что с нами Абдул, они оставили нас, и пошли своей дорогой. Абдула арабы и бедуины знают, уважают и боятся, а сам Абдул есть никто другой, как магометанского исповедания араб, честный и услужливый: живет он в Яффе, имеет жену и детей, занимает место каваса при яффском консуле и уже тридцать лет служит постоянным провожатым поклонников из Яффы в Иерусалим и обратно, также в Назарет и на Иордан, везде и всегда защищая христиан; русские поклонники особенно любят его»⁵³.

Петр А-истов (начало 1890-х гг.): «Немало трудностей представлял и спуск с горы: по временам приходилось, буквально сидя, сползать, что не могло казаться особенно приятным в особенности в местах, усыпанных щебнем. Наконец мы благополучно достигли подножия Сорокадневной горы, где оставили лошадей с шейхом и фуражиром. Снизу виднелись пещеры, прорытые в горе, доступ к которым, по причине крутизны, казался совершенно невозможным. У подножия горы наша кавалькада построилась и двинулась тихим шагом обратно в Иерихон. Начало уже смеркаться, когда мы в 7 час. 45 мин. вечера, миновав гору Елисеевского источника, прибыли в русский приют в Иерихоне. Здесь в приюте о. Антонина мы поужинали, напились чаю и вскоре легли спать»⁵⁴.

Пьер Лоти (1896 г.): «В теплые сумерки, когда мы сидим пред дверьми своей маленькой иерихонской гостиницы, к нам подъезжает верхом на лошади, галопом, монах в черной рясе, с длинными развевающимися по воздуху волосами. Это — один из отшельников Сорокадневной горы, которому удалось прибыть сюда первым, чтобы предложить нам вырезанные из иерихонского дерева небольшие вещицы или из иорданских раковин четки. С наступлением ночи приехали к нам и другие монахи в таких же рясах, с такими же длинными волосами и с той же целью, как первый. Здешняя ночь, теплая и почти удушливая, очень отличается от еще холодных иерусалимских ночей. В то время, как загораются одна за другой звезды небесные, под темным покровом галаадских бальзамовых деревьев со всех сторон раздается лягушачий концерт, — такой непрерывный и однако такой скромный, что он кажется нам только особым видом тишины и безмолвия. Там, внизу, в арабском лагере слышен лай пастушеских собак, — там, далеко, — барабан и маленькая флейта бедуина, — вероятно, призывные звуки к празднованию какого-нибудь дикого праздника; иногда очень ясно донесется до слуха жалобная, зловещая фистула гиены или шакала, а сейчас, совершенно неожиданно, раздается песня берлинской кофейни. Среди слабых и неизменных вечерних звуков Иудеи эта песня звучит полнейшим диссонансом. Прибывшая сюда с закатом солнца и расположившаяся лагерем в палатках компания немецких туристов только осквернила своим посещением эту маленькую пустынную идиллию. После полуночи, когда все смолкает, тишина принадлежит соловьям: они наполняют оазис своей восхитительной, чистой, как кристалл, музыкой»⁵⁵.

Ювачев И. П. (начало XX в.): «Спустившись с горы, мы с большим трудом отыскали нашу коляску. Равнину охватил уже вечерний сумрак. Извозчик-араб попросил у нас денег для сторожа мальчика. Мы дали ему двугривенный. Переговорив с мальчиком, извозчик сел на козлы и сказал нам, что мальчик требует еще две парички (самые мелкие медные монетки). Мы позвали арабчонка и, лишь только дали ему па-

⁵³ Дневные заметки во время путешествия по святым местам Востока, Киево-Печерской Лавры иеромонаха Иерофея, в 1857 и 1858 годах. Киев, 1863. С. 124.

⁵⁴ А-истов Петр. Путешествие в Палестину. СПб. 1894. С. 123–124.

⁵⁵ Иерусалим. Из путевых очерков Пьера Лоти. СПб., 1898. С. 79.

рички, как извозчик стегнул по лошадям и быстро поехал к Иерихону. Тут только мы сообразили, как просто он всех нас обманул. Парички достались мальчику, а двугривенный он взял себе. Нам это плутовство не понравилось. Объясниться же с ним мы не могли: он так же мало понимал по-русски, как мы по-арабски»⁵⁶.

Епископ Рязанский и Егорьевский (старообрядческий) Александр: «Мы в бинокль смотрели на монастырь, дивясь устройству его. Некоторые здания, лепясь по горе террасами, буквально висели над пропастью. Виднелась церковь с колокольней, ряды зданий, выше и ниже по утесу горы. На самой вершине горы виднелась каменная ограда, за которой (как после сказали нам побывавшие там наши спутники) заложена церковь. В монастырском саду, где мы остались, протекал хороший источник, орошая сад с массой бананов, виноградников и фруктовых деревьев. Монах садовник угостил нас бананами и свежими огурцами. Через несколько времени из монастыря сошел игумен о. Авраамий, — строитель монастыря сего, и принес в корзинке угощения — пива и красного вина. Поздоровался с нами, поцеловав наши руки, ибо узнал, что мы епископы, и высказал сожаление, что мы не удостоили своим посещением его монастырь. Пожалели и мы, ибо оказалось, что восход туда более легкий, чем уже пройденный нами: дорожки, проложены зигзагами, имеются и лавочки для отдыха. Угостил нас о. Авраамий брынзой (овечьим сыром) и огурцами. Он грек, но говорит и по-русски. С арабами он живет хорошо, дарит их и угощает, и они за дешевую цену отвели ему большой участок — под сад и посев.

Когда сошли с горы наши спутники и немного отдохнули в саду, мы спустились к источнику Елисея пророка и поехали, по весьма неудобной каменистой дороге в гору; лошади с трудом тащили повозки, пришлось сойти и идти пешком»⁵⁷.

...За сто с лишним лет многое здесь изменилось. Экскурсионные автобусы подвозят паломников и туристов к самому подножию горы. Подъем пешком занимает всего 25—35 минут. Либо можно прокатиться по канатной дороге из Иерихона и пройти до монастыря порядка 15 минут пешком. Насыщенная паломническая программа часто не оставляет времени на молитву, на благочестивые размышления. А между тем и современные богомольцы могут руководствоваться словами отечественного палеонтолога Ф. Палеолога, который образно отметил святость этого места: «Четыре высочайших пункта Св. Земли — гора Фавор, гора Эрмон, **гора Сорокадневная**, гора Франков — послужат спасительными маяками для путников всех стран света, которые в поисках истины блуждают безнадежно по морю жизни. Эти маяки, из которых Фавор и **гора Сорокадневная** освящены великими событиями из жизни Спасителя, укажут блуждающим путникам прямую стезю к Святой Земле к источнику чистой веры и истины Богопознания»⁵⁸.

Николай ЩУКИН

ИСКУШЕНИЯ⁵⁹

Среди песков пустыни знойной
Христос молился и стонал,
И дух сомненья беспокойный
Словам молитв Его внимал.

⁵⁶ Ювачев И. П. Паломничество в Палестину к Гробу Господню. СПб., 1904. С. 238.

⁵⁷ Кир Александра, епископа Рязанского и Егорьевского (старообрядческого), Дневник путешествия в Палестину. М., 1916. С. 67.

⁵⁸ Палеолог Ф. Русские люди в Обетованной Земле. СПб., 1895. С. 324—325.

⁵⁹ Щукин Николай. Свет невечерний. Брюссель, 1963. С. 4—5.

В ночи таились чутко звери,
И где-то близко выл шакал,
И ветра плакали свирели,
Ложилась тень от лунных скал...
Он сорок дней уже молился.
Томила жажда, мучил глад,
И сатана Ему явился,
Вперяя в муку жуткий взгляд...
«Скажи, чтоб камни стали хлебом,
И все уверуют в Тебя,
Что Божий Сын Ты, послан Небом
Насытить мир, людей любя».
Подняв главу, Христос ответил:
«Не хлебом жив лишь человек,
Его взгляд словом Бога светел,
Завет был дан ему навек...»
Тогда с горы земные царства
В их славе дух раскрыл Христу,
Словами, полными коварства,
Он силу дать хотел персту.
«Все дам Тебе! — Их я властитель!
Склони колена предо мной!»
Но ждал напрасно искуситель
Прельщенья властью земной.
«Отыди, слышишь, дух нечистый!
Над всем царит Единый Бог,
Его лишь Лик почтим пречистый,
Лишь у Его склонимся ног...»
И возведен на кровлю храма
Христос бессильным сатаной.
Внизу сияла панорама
Садов, разубранных весной.
«Ты ринься вниз! — зовет лукавый. —
В Писанье слово есть и то,
Что Ты храним Небесной славой
И не преткнешься ни о что!» —
«Не искушай Владыку Бога! —
Услышал злобный дух запрет. —
Другая ждет Меня дорога, —
Ее начало — Назарет.
Ни хлебом, властью и ни чудом
Преобразить нельзя сердца...»
И сатана исчезнул тенью,
Стал внятен ангелов полет,
А мир к весеннему цветенью
Звал в храма мраморный пролет.

Contents

Prose and Poetry

- Yevgeny Kaminsky.** Poems • 3
Mikhail Pershin. Celestial. It Was Almost Midnight. Tales from the Vienna Woods. Virtual Life of Office Plankton. *Short stories* • 7
Ekaterina Blynskaya. Poems • 103
Oleg Ryabov. African Footprint. Like Everyone Else. I Could Fly. *Short stories* • 108
Natalia Elizarova. Poems • 121
Mikhail Strigin. Birth. Chuzhak. *Short stories* • 124
Igor Moshchitsky. Five Letters from Ilf • 145

Translations

- Edgar Allan Poe.** Raven. *Translated by Oleg Tikhodeev* • 175
The Problem of Preserving the Structure of the Original Text when Translating «Raven» by Edgar Allan Poe. *Oleg Tikhodeyev's Comments* • 177

Publicistic Writings

- Victor Kostetsky.** Philosophy of Religion: Path to Reality • 180

Criticism and Essays

- Alexander Balod.** Crusoe in Muscovy: Spy Story • 189

Petersburg Bookman

- Art of Reading.** *Elena Nevzglyadova.* Xenia Dyakonova and Her Florianopolis. **Reviews.** *Lyudmila Ageeva.* Music of the Time. *Irina Chaykovskaya.* Theodore Roosevelt as President and Traveler. *Sergey Levin.* Genius and Villainy in a Terrible Century. **Book Island.** *Elena Zinovieva's publication* • 211

Pilgrim

- Archimandrite Augustine (Nikitin).** Palestinian Monasteries and Russia. Part 8 • 238

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью «Журнал „Нева“»
Адрес редакции: Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 18
Почтовый адрес: 191186, Санкт-Петербург, а/я 9
Телефон: (812) 314-50-52
E-mail: nevaredaction@mail.ru; nevaredaction@yandex.ru

Сайт «Невы» в «Журнальном зале»: <http://magazines.russ.ru/neva>
Ресурс в сети Интернет: <http://nevajournal.ru>

Подписку на журнал «Нева» на территории РФ осуществляет агентство «Роспечать» по каталогу ОАО «Роспечать», подписной индекс 73276.

Свежие номера журнала, а также отдельные номера за последние годы можно приобрести:

в Санкт-Петербурге — в редакции журнала «Нева» (наб. р. Мойки, 18, тел. 312-49-23); **льготную подписку** можно осуществить непосредственно в редакции журнала (наб. р. Мойки, 18, тел. 312-49-23).

За рубежом подписку на журнал осуществляет АО «Международная книга» (117049, Москва, Большая Якиманка, 39, телефакс: (495) 230-21-17, 238-46-34).

Оптовая и мелкооптовая продажа: Санкт-Петербург, ООО «Журнал „Нева“», e-mail: officeneva@mail.ru

Почтовую рассылку отдельных номеров журнала и книг издательства журнала «Нева» на территории РФ осуществляет редакция. Заказ можно оформить на сайте издательства: <http://nevajournal.ru/book.html>

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-34950 от 15 января 2009 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.
Учредитель: ЗАО «Журнал „Нева“»

Подписано в печать 17.05.2018. Гарнитура «Октава».
Формат 70×108 ¹/₁₆. Объем 16 печ. л. Печать офсетная.
Тираж 1500 экз. Заказ № 420
Издательство «Журнал „Нева“»

Отпечатано по технологии СтР
в Первой Академической типографии «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия В. О., 12/28